

802-11
276

А 139
36

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

Журналъ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ,
НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

№ 6 и 7.

ЮНЬ и ЮЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1845.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

Журналъ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ,

НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

КНИЖКА ШЕСТАЯ и СЕДЬМАЯ.

ИЮНЬ и ИЮЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ К. ЖЕРНАКОВА.

1844.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

Описание представлений и великих торжествъ въ Венеціи для прибытія ихъ Императорскихъ Высочествъ Государя Великаго Князя и Государыни Великой Княгини Всероссийскихъ подъ наименованіемъ Графовъ Сьервнхъ въ мѣсяць Генварь 1782 года. 1

II. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Типунъ. **СТ. СТЕПАНОВА** 1
Такъ думаю я. **ЛЪВА ЗЕМАНДА** 3.

Бракъ по неволѣ. **НИКОЛАЯ ТИХОРСКАГО** 6.—60

III. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Основательный человекъ. Повесть **КАРЛА ДЕ-ВЕРНАРА** 1—87.
Сведенбость. Съ Франц. **С. НАВРОЦКОЙ**. 1—21.

IV. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Куваверъ 1.
Основаніе французскаго феодальнаго княжества въ Греціи послѣ четвертаго крестоваго похода. 16.
Различные роды тумановъ 27—48.
Праздники древнихъ Римлянъ. 1—28.
Письма о Египтѣ 29—40.

V. КРИТИКА.

Письмо провинціала о критикѣ Сына Отечества

VI. СМѢСЬ.

О гальванопластикѣ. — Философическое разрѣшеніе вопроса: что такое любовь? — Развалины Картегена. — Происхожденіе и исторія краснаго пожелтнія. — Волканъ Тааль. — О движеніи солнечной системы. — Рѣдкости

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный
Комитетъ законное число экземпляровъ. Августа 20-го 1843 года.
Цензоры **А. Крыловъ,**
А. Очкинъ.

Редакторъ **Константинъ Масльскій.**

Лондонскаго зѣвринца. — Наблюденія надъ сѣвернымъ сіяніемъ. — Разница температуры во внутренности земли. — Замѣчаніе о пловучихъ льдинахъ. — Сравнительная величина земныхъ и лунныхъ вулкановъ. — Изображеніе подводнаго вулкана близъ Гваделупы. — Разнородный составъ Англійскаго языка. — Замѣчательныя пучфы. — Общество поощренія гримасъ. Возвращеніе къ жизни въкоторыхъ инфузорій послѣ многолѣтняго оцѣпенія. — Землетрясенія, замѣченныя въ первой четверти 1843 года

Калифорнія. — Два камня, упавшіе съ неба. — Тифонъ въ Америкѣ. — Разница между уровнями Каспійскаго и Чернаго морей. — Замѣчанія Нурчисона о черноземѣ въ средней полосѣ Россіи. — Замѣчательнѣйшія явленія во время солнечнаго затмѣнія 28 Іюня 1842 года. — Вліяніе Солнечнаго затмѣнія на растномыхъ. — Рукописи Тассо, изданныя Албертини. — Общ. академикъ Ступницъ и его художественной школы, находящейся въ Араамасъ. — Маркианскіе острова 1—42.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Русская Исторія.

ОПИСАНІЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЙ И ВЕЛИКИХЪ ТОРЖЕСТВЪ ВЪ ВЕНЕЦІИ ДЛЯ ПРИВѢТІЯ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ ГОСУДАРИ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ И ГОСУДАРИНИ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ВСЕРОССІЙСКИХЪ ПОДЪ НАИМЕНОВАНИЕМЪ ГРАФОВЪ СѢВЕРНЫХЪ ВЪ МѢСЯЦѢ ГЕНВАРѢ 1782 ГОДА. *

Привѣтіе Августѣйшихъ Графовъ Сѣверныхъ есть происшествіе, которое составитъ эпоху въ лѣтописяхъ венеціанской Исторіи. Были они прежде встрѣчены даже въ Конельяни, и препровождены ковалерами, господиномъ Прокуроромъ ** Пезоромъ *** Савіо Гранде, и господиномъ Прокураторомъ Іоанномъ Гримани дель альбородоро ****

* Этого любопытный историческій матеріалъ доставленъ въ редакцію Сына Отечества господиномъ Побѣдоносцовымъ. Старинный слогъ этой статьи оставленъ безъ измѣненія. Читателямъ нашимъ, безъ сомнѣнія, известно, что Ихъ Величества Императоръ Павелъ I и Августѣйшая супруга Его Марія Феодоровна путешествовали въ 1782 году по Европѣ, когда Императоръ былъ еще Великимъ Княземъ, подъ именемъ Графа и Графини Сѣверныхъ. *Ред. С. О.*

** Чинъ Прокуратора; состоитъ первостепеннымъ и навсегда оной значить попечителя въ Республикѣ.

*** Великій правитель.

**** Правитель наматерой-земли; възваніе сіе опредѣляютъ на-

Савіо ди terra-ферма; на то депутаты опредѣленные.

Въ пятницу 18-го Генваря въ 20-мъ часу вышли Государя изъ суденъ въ урочище Малгеры на пристань узгороднаго дому Аввоката г-на Иосифа алкаини, гдѣ ихъ высочество ожидала рота солдатъ подъ командою полковника, Сѣвъ тамо съ своею свитою наразные суда; называемые пеоты примногочисленныхъ провожатыхъ навеликомъ количествѣ барокъ, (малые суда) различнаго сорта, вшествіе взяли въ венецію состороны прихода Святыхъ Іклары. проехавъ большой каналъ воевь тотъ длинной путь въ квартиру напостоялой дворъ подъ знакомъ бѣлаго льва съ присовокупленіемъ ближайшаго къ оному Г-на бондары нарочито къ принятію толикихъ свѣтлѣйшихъ гостей приуготовленному.

Первое удовольствіе имѣли Государя то: что видѣли множество народа толпящагося поту сторону пристани; аболишой каналъ былъ весь, усѣянъ барками, будучи жадны всѣ зрѣть предметы столь достойные ихъ любобитства.

Поприличномъ Симвъ Государямъ, попути покоя приняли поздравленія отъ министровъ чужестранныхъ дворовъ авъ исходѣ 2-го часа ночи изволили въ гондолахъ (подобны шмопкамъ нопоментѣ итолько одвухъ веслахъ) поѣхать.

Слѣдуя за ихъ Высочествами депутаты пезоръ иГри-мани, къ * казину деи филармонаци въпрокуроріяхъ. Былъ оной великолѣпно убранъ въ которой сѣхалися приглашенныя обоого пола особы; а къ исполненію долж-

рочное время числомъ 10-ть особъ, которыхъ и именуютъ идіечи Савіи: то есть совѣтъ изъдесяти власть оныхъ простирается до верховнаго правительства.

* Казыномъ опредѣлено быть число апартаментовъ прокураторскихъ, навсегда предоставленные для собранія дворянства; изъ которыхъ состоятъ укаждаго поодному въновыхъ истарыхъ прокураторскихъ по обвнмъ сторонамъ площади, Евангелиста Марка.

ныхъ почестей приѣмами опредѣлили Андрыану кавалѣршу фоскарини — деи Кармини иеще двѣ дамы.

Пробыли ихъ высочества въ немъ доисхода 3-го часа ночи въоказаніи ко всѣмъ найивящихъ ласкъ. а потомъ подавъ руку Государынѣ Великой Книгинѣ принцъ братъ Ее къ провоженію, прошли отгуду посухомъ пути къ театру называемому благородныхъ въприходѣ Святого Венедикта, которой сверхъ того — что былъ иллюминованъ весь ващаными бѣлыми свѣчами ноіложи украшены шелковыми подушками во всѣхъ цветомъ голубые.

А Государя изволили забавится спектаколомъ изъ двухъ соединенныхъ ложъ украшенныхъ во чрезвычайномъ вкусѣ, которые были противу сцены, игдѣ приняли отъ многихъ дамъ и кавалѣровъ визыты оказавъ имъ обовляательнѣйшия приѣмы.

Изволилъ и Графъ Сѣверный съ Его высочествомъ принцомъ виртембергскимъ шуриномъ своимъ посѣтитъ знатнѣйшихъ дамъ въ ихъ ложахъ, драма арбакіева того вечера представляемая непривлекала къ себѣ довольно вниманія; потому—что: неизчетное число зрителей притекло туда, единственно наслаждатся созерцаніемъ толико свѣтлѣйшихъ особъ; которые притязывали всѣхъ, исоставляли важнѣйшую часть представленія. Поокончаниі втораго дѣйствія Графи Сѣверные въ исходѣ 5-го часа (по счету итаіанскому щитая отъ захожденія солнда до захожденія съ «24» часа) изволили отѣхати въ ихъ квартиру; давъ сіи великіи Государя въ сей ивъслѣдующіе дни примѣръ, съкакою—то умѣренностію должны приниматся забавы.

Назавтрее то есть 19 Генваря въ 17 часу Великая Книгиня въодеждѣ венеціанской и въихъ цендадѣ * применяя въ томъ обыкновению венеціанъ ѣздили смотреть церковь Соборную Евангелиста Марка, притомъ общую библиотеку, дацерковже съ монастыремъ въкоторомъ

* Цендадомъ называется увенеціанъ та черная тафта которою покрывають голову и лицо.

монахи состоятъ единственно изъ дворянства венеціанскаго, Георгія именуемаго великаго. въ рассмотреніи вещей примѣтили случившіеся на то время въ великой Книгини большое знаніе, въ собесѣдованіи же ко всѣмъ оказывала человеколюбіе и милость. въвечеру былъ балъ въ казинѣ филармоници, гдѣ Государя были угощены самымъ великолѣпнѣйшимъ дессеромъ, авъ 3-мъ часу ночи; отъѣхали къ театру въ приходѣ Пророка Саммуила въкоторомъ позабавились представленіемъ комическаго оперою съ балетомъ подъ названіемъ ** (делъ конвиготди піетра) вымыселъ искуснаго вигано съмузыкаю довольно извѣснаго кавалѣра Глука воокончаніи жъ 5-го часа ночи изволили отъѣхать въ квартиру.

Въ Воскресенье 20-го Генваря въ 16-мъ часу были ихъ Высочества въ церквѣ Греческой Георгія именуемаго: въкоторой слушали обѣдню съ великимъ благовѣніемъ.

Показавъ собою въ томъ прочіямъ; какъ должно быть въ храмѣ Божіемъ: поокончаніи литургіи, и пороздаче щедрой милостыни нищимъ, слѣдовали отъ туда въ большой Совѣтъ, которой собрался для нѣкоторыхъ выборовъ въдолжности.

Угодно было знать ихъ Высочествамъ средства и обрядъ наблюдающійся въ избираніи въ томъ великоименитомъ обществѣ республики; въ которомъ великая Книгиня ковалѣру Ему слѣдала привѣтствіе очень обязателное сказавъ что не въто самое время она Его узнала, будучи повѣщена извѣстно отъ цессаря о качествахъ и орѣдкомъ достоинствъ Его, оказавъ же обще августѣйшіе супружные сему сенатору ихъ, благоволеніе, изволили пригласить Его участвовать къразсмотренію адмиралтейства предъ опредѣленное ими наслѣдующій день. изъ совѣту заѣхали въ казинъ къпрокуратору Пезару: въ капику въ ономъ подчиваны были небольшимъ заутрикомъ,

* Сочиненію комическимъ Авторомъ Миллеромъ.

аотъгудѣ ѣздили смотрѣть палаты пизанія далъ банію; дагаллерейю картинъ Дому, барбаригова отъкуда ивозвратилися въихъ квартиру: противу которой надвухъ связанныхъ неотахъ на серединѣ большаго канала пародъ составилъ мостъ накоторомъ нѣкоторые изъ онаго похотѣли забавить Государей зрѣлищемъ такъ называемомъ Спала геркулессова или Его колонна, а въ вечеру были служимы великолѣпнымъ дессеромъ и различными морожеными; между тѣмъ что изволили забавляться слушаая кантаду въ залѣ филармоници; въкоторой въдвухъ обширныхъ оркестрахъ были собраны дѣвицы отъ четырехъ монастырей города числомъ восемьдесятъ всѣ одѣтые въ одно цвѣтное платье изъ которыхъ нѣкоторые вѣнемъ а прочіе на разныхъ инструментахъ составили пріятнѣйшее препровожденіе въремени чрезъ полтора часа; анопробити 3-хъ ночи поѣхали въ театръ венедикта гдѣ и пробыви обыкновенное время.

Въ Понедѣльникъ 21-го числа поутру изволили ѣздить въадмиралтейство въ которомъ приихъ присутствіи слѣдали судно называемое гомена ииспигалу былъ брошенъ перваго калибра якорь потомъ препровождены * къ буццнтору.

Между тѣмъ какъ разсматривали составленіе онаго, и чрезвычайное великолѣпнѣе въ немъ; въ самое то время спустили его на воду. послѣ чего смотрѣли разнаго сорту оружія; касательные до сухопутнаго войска; и къ вооруженію морскаго: Государь Великій Князь изволилъ прилѣжно распрашивать объ нихъ; а въмигнѣихъ своихъ оказалъ великое знаніе. въ вечеру того же дня были въ театрѣ въ приходѣ Евангелиста Жуки и смотрели на коммедію доокончанія: представленную въ

* Судно на которомъ Дождь венеціанской съ совѣтниками изъ X-ти особъ и сенаторами въ день вознесенія ѣздить на островъ ливо въ церковь св. Георгія великаго слѣдуя въ оную на серединѣ пути проговора: *incertam gloriam*, то есть въ вѣчную славу; бросаетъ перстень въ море; и тѣмъ съоннымъ обручается.

искуствѣ забавляясь тонкостію разума торжествующаго Сакки также расторопностію бригаля и прочими въ званіи своемъ исправными комедіантами: которые примѣнялись къ пристойному способу угодить толь свѣтлѣйшимъ зрителямъ, окончили ее въ 5-мъ часу:

Коммедія столь удачлива была, что гдѣ бы ни случилось симъ комедіантамъ быть Ихъ Высочества чрезъ присутствіе свое издѣляли онимъ благополучіе; для того, что отътого времени во всѣхъ мѣстахъ театра невозможно болѣе всомѣщаются стекающимся зрителямъ.

Во Вторникъ 20-го числа поутру Государи изволили утакъ называемой пристани, трагетто дель бузо, взойти наместъ (Риалто) огромнѣйшей величныи ивысоты разсматривали пре удивительное онаго сооруженіе, пожелали видѣть Руга * дельи орефици. смотрѣли и инія предметы: которыя могли быть достойны ихъ любопытства.

А въ вечеру былъ балъ въ театрѣ венедикта убранной богато шелковыми голубыми обоями съ серебряною бахрамою, и иллюминованъ изъ блага воску свѣчами. Великая Княгиня пробыва нѣсколько въ циркулѣ (собраніи) оказавъ ко всѣмъ ласки самыя притязательнѣйшія и отмѣнныя.

Сія Государыня по приѣздѣ въ венецію вспомнила о госпожѣ урожденной контаринѣ супругѣ барбарига изъясвила (неизвѣстно почему) желаніе видѣть ее, о чемъ та дама чрезъ куріера немедленно была повѣщена. которая въ то время находилась по ту сторону верони, она какъ найскорее поспѣшила къ столь великому себя удостоенію: приѣхавъ немедля тогожъ вечера прибыла въ театръ на балъ и предъстала предъ Ея Высочество, въ соотвѣтствованіе такъ великой для Ея, оказанной отличности. Въ 4-мъ часу ночи подняли шелковую завѣсу съпозументомъ и бахрамою серебрянные отдѣляющей сцену отъ партерра въ то самое время оказалась зала вся украшенная великолѣпнѣйшими трумо съблещащими зеркала-

* Мѣсто реребрениковъ.

ми раставленные Поприличности въ которой былъ приготовленъ большой столъ формою семи-циркулярною съ вечернымъ кушаньемъ закоротой обѣли дамы числомъ восемьдесятъ четыре. А кавалѣры въокругъ обступили: понравился сей спектакуль великой Княгинѣ прикаторомъ столъ изволила оказати доволные ласки дамамъ сидящимъ. и кавалѣрамъ въ округъ онаго стоящимъ. потомъ пришла въ свою ложу а изъ оной еще болшее удовольствіе имѣла смотрѣть на столъ, блестящее; и въодно въремя великолѣпнѣйшее предъставленіе: которое подавало причину воображенія о зовороженныхъ палатахъ армидныхъ, похвалила оное плесканіемъ рукъ накоторое соотвѣтствовано отъ всѣхъ.

Потомъ возвратилась въ сцену, гдѣ изволила скушать двѣ устрицы и немного картофеля напоследокъ оказавъ ко всѣмъ наиболшія знаки своего благоволенія отъѣхала съ Великимъ Княземъ въ обыкновенное время въ ихъ квартиру; а принцъ братъ ее еще на нѣсколько времени остался.

Прочавшійся слухъ потеатру онамѣреніи отъсутствія ихъ Высочествъ изъ венеци въ слѣдующій четвертокъ достигъ до Государей, что венециане желая представить въ единственный оставившійся день. то есть въ среду два спектакола. * Регату, наболшомъ каналѣ, и травми быковъ наплощади Евангелиста Марка, ноотъхранящаго общій покой; было предъложено дабы травлю быковъ отмѣнить: изъясня онъ вообстоятельствѣ опасность могущую послѣдовать въ представленіи двухъ забавъ въ одинъ день.

Великая Княгиня возвратися изъ бала пузнавъ отомъ изволила приказати написать писмецо къ прокуратору Пезару въ преласковыхъ; и въ самыхъ благороднѣйшихъ словахъ, повѣщая Его въ немъ что: Государи желая изъяснить совершенное ихъ удовольствіе въсему обществу венецианскому, заблагоразсудили оставятъ еще на одинъ день.

* Ристаніе лодокъ.

Въ Среду 23-го числа поутру ѣздили на островъ муранъ, видѣть стекляную и зеркальную фабрики, и того жъ дня изволили всходить на высоту колоколни Евангелиста Марка, съ которой представляется довольно обширное селеніе; сдѣлавъ иныя разсмотренія возвратилися въ свою квартиру.

Между тѣмъ какъ хотѣли садится за обѣденной столъ, то два кавалера депутатами Пезаръ и Гримани, препровождающіе во всѣ мѣста прилучилися на то время: которыхъ Государыня Великая Княгиня удостоила приглашеніемъ къ оному.

Было принято отъ ихъ сочрезвычайною благодарностію за оказанную имъ толь великую честь по обѣдѣ августѣйшіе гости депутатами препровожжены къ спектакулу Регаты; благопріятствуя на тотъ случай небеса нарочито наградили тишайшимъ и свѣтлымъ днемъ, тѣмъ подало пріятнѣйшую потѣху Государямъ и всѣму безчисленному стекшемуся народу: было-шестнадцать бископовъ, взрядно украшенные, которые наиболѣе и привлекали къ зрѣнію; какъ то тогда настояла суровая погода, то и воспрепятствовала изготovitъ тѣ великолѣпные пестоты которые обыкновенно составляютъ знатнѣйшимъ сію потѣху.

Двѣ толко оныхъ приуготовили вочрезвычайномъ кусѣ; для услугъ ихъ Высочествъ и свиты: Сама Государыня Великая Княгиня изволила прибыть отъкуда слѣдуютъ гребцы и вынимала имъ жребіи на мѣста занимающіе каждымъ, и какъ приближлася первая Регата (которая машина была очень хорошо сооружена) на средину канала къ обыкновенному мѣсту состоящему противу дому Фоскаринія то Государь и Государыня соизволили удостоить гребцовъ великой милости, въ принятіи ихъ: будучи въ крышки пестной и стоячи; а тѣмъ которые превзошли прочихъ; кромѣ обыкновеннаго награжденія отъ Ихъ Высочествъ особенно жалованы прямо царскою щедростію.

Потомъ посмотря наотбытіе и второй Регаты гребцы предвара Государей остановилися видѣть ихъ Высочествъ возвращеніе въ домъ моценна въ приходѣ Пророка Саммуила, отъкуда подъ другимъ видомъ доволствовались Государи зрѣть такъ пріятной спектакуль. а въ вечеру изволили опять быть въ театрѣ венедикта, въ которомъ позабавилися подобно академическо музыкальною, отъ дѣйствующихъ на томже театрѣ, которой будучи украшенъ и иллюминованъ какъ и въ прошедшій вечеръ возобновили удовольствіе.

Послѣдней день, сопровождаемый въ венеціи сими свѣтлѣйшими путешественниками достоинъ нарочитаго потѣннаго вниманія, если бы толко можно описать въ точности оспектакуляхъ таковыхъ, которые превосходятъ воображеніе и которые служили послѣднимъ совершеніемъ.

Площадь Евангелиста Марка была превращена въ пространнѣйшій амфитеатръ формою овалическою съ распределеніемъ воокружности парапетами выкрашенными и украшенными на поверхности сосудами взрядно раставленными на верху жъ лѣсницы видны были маленькіе ложи, раздѣленные арками выкрашенные цвѣта зеленаго; которые подобили преувеселительнѣйшій садъ.

Состороны Святаго Геміама былъ сооруженъ домикъ знатной архитектуры о двухъ этажахъ составленной изъ дерева зъ большими окошками ибель-ведере внутри зъ блестящими зеркалами и приличной убранной къ случаю таковому заключаю жъ часть противу онаго нанеску аркомъ побѣдоноснымъ въ ображеніи * Тита, съ колоннами и статуами и во всѣхъ тѣхъ частяхъ, которое архитектуру Римскую толко могло пособить предъставить ее наимелічественнѣйшею. будучи въведены Августѣйшіе гости изъ казина филармоници въ искусно вымышлен-

* Титъ Императоръ Римскій; онъ былъ столь милостивъ, что плакивалъ етотъ день въ которой ему неприлучится кого облагодѣлствовать.

ный домикъ посредствомъ корридоровъ сопрягающій оныя въ 22-мъ часу начало представленіе тѣмъ-что отворились двери арка; и выехали изъ онаго пять побѣдоносныхъ колесницъ везомые каждая по четыре пары биковъ покрытые богатыми волтрапами и предшествуемые двумя отдѣленіями числа людей одѣтыхъ въ два различныхъ цвѣта лаврей; одна изъ оныхъ должна была надъ сматривать охоту, а вторая пособствовать котлушенію отъ ухъ биковъ назначенныхъ къ травлѣ. объѣхавъ вышеупомянутые триумфальные колесницы изображающіе разные эмблемы а именно: хлѣбопашество, изобиліе, купечество, художество, и мѣръ, повыездѣ оныхъ изъ песка; въ продолженіе были въведены семдесятъ два быка расчисленные на три части влекомые людьми подва у каждаго одѣтые въ чудную одежду. Травля продолжалася чрезъ полтора часа, по окончаніи которой что было предъ наступленіемъ ночи: попрежнему выѣхали побѣдоносные колесницы, и объѣхавъ въокругъ разставили ихъ въ пяти разныхъ мѣстахъ на обширномъ пешаномъ полѣ; потомъ отворили четыре разные входы безчисленной черни. ождающей съ нетерпеливостію быть соучаствующей толь величайшему зрѣлищу: будучи изъключена она во время продолженія травли, въпредъ осторожность непзбѣжныхъ опасныхъ приключеній отъ незначайности: овходѣ ее невозможно вообразить подобіея она четыремъ рѣкамъ, которые тишайшими теченіями слѣдовали обнять въ сю площадь; и которая въ самое кратчайшее время покрылася неисчетнымъ количествомъ народа — но съ такою тихостію, что достойно великаго удивленія потому: что была она безъ стражи, и солдатъ; а только въ должномъ повинненіи зависящіе отъ пяти персонъ, носящихъ одѣяніе въ знакъ званія ихъ съ широкими рукавами называемые *, усціеры, состоящіе при высокомъ совѣтѣ пменуемомъ изъ десяти подъ командою

* Должность усціеровъ состоитъ полицейскою.

ихъ капитана называемаго великій (у котораго церемониальная одежда цвѣту краснаго) эти пять персонъ были довольными коуваженію и воздержанію нетерпеливости народной, жаждущей къ зрѣлищу сей объектъ учинилъ истинное умоначертаніе въ царскихъ зрителяхъ; которые изъяснили свое мнѣніе сею рѣчью:

* «Voilà l'effet du sage gouvernement de la republique; ce peuple est une famille.»

Въ ходящей народъ по ихъ обыкновенію восклицали вивать Евангелистъ Маркъ даистопилися предъ домикомъ, въ которомъ присутствовали свѣтлѣйшіе гости; повторя здравствованія; будучи соотвѣствованы ихъ Высочествами съ знаками самыми милостивѣйшими, въ то время изъ внѣ дома появилась сооруженная голубица; которую Государыня Великая Княгиня сама изволила зажечь парящую иовоздуху попротянутой проволочной нитѣ чрезъ всю площадь, домчалася она къ арку предъ поставленному, отъкуда зажгла изрядную иллюминацію, которая обняла всю противную сторону, и которая своею живностію и симметріею представила какую можно только вообразить пріятнѣйшую встрѣчу глазамъ. Въ слѣдствіе чего начали выстрѣли огней артифическихкихъ выюхихся по всему лицу того жъ самаго арка и въ поверхность; какъ между тѣмъ во всей окрестности площади зажгли факалы раставленные по степенямъ лѣсницы и въ прокураторіяхъ; а въ аркахъ зеленыхъ видны были горѣть различные лампы чистѣйшаго хрустала равно и въ пяти триумфальныхъ колесницахъ, къ арку жъ всего проспекта и церковь Евангелиста Марка; что въ соединеніи всего составляло превеличайшее великолѣпіе; а ясность огней такъ велика была: что каждаго зрителя въ восхищеніе приводила.

* Вотъ дѣйствія разумнаго правленія Республики; сей народъ представляется одною семьею.

Блещала ночь самая тишаяшая, освѣщала на среднѣхъ небесахъ мѣсяцъ сближающійся къ своей полнолѣ: воздухъ преисполнялся отъ звука мелодіею мусикійскою; раставленною въ окружности въ разныхъ мѣстахъ: народъ отъ увеселенія восхищался. А Государя будучи совершенно довольными соизволили объявить свое чрезъ вычайное благоволеніе и удовольствіе. Все словомъ сказать — все: преуспѣло учинить тотъ день днемъ изъ памятливейшихъ венеціанскихъ тишаяшихъ оказаній ихъ славы. Изъ дому художно сооруженнаго Государя возвратились посредствомъ корридоровъ въ вышеупомянутой Казинѣ филармониче, въ которомъ приуготовленъ былъ ужинъ начетыреста кувертовъ дворянству венеціанскому и чужестранному.

Между тѣмъ Графи Сѣверные изволили на нѣсколько времени взять отсутствіе въ ихъ квартиру и призвали туда славнаго профессора Мусикіи Галуши-буранелли — Государыня Великая Княгиня пожаловала Его табакеркою цѣною въ сто червонныхъ въ почестъ и въ награжденіе за шесть сонатъ клавирныхъ сочиненныхъ имъ нарочито для Ея Высочества. Послѣ чего изволили возвратиться въ Казинѣ филармониче, а къ открытію бала угодно было Государынь Великой Княгинѣ перетанцовать минуеть съ прокураторомъ Пезаромъ: сказавъ ему прежде: что его будетъ въ третье танцовать въ путешествіи; какъ то въ первой съ Королемъ Польскимъ второе съ царемъ а нынѣ съ нимъ представляющимъ республику. Потомъ Государя вторично показались народу, отъ котораго усугублены были вивать, напосядкомъ изъявивъ ко всѣмъ ласки своего благоволенія и удовольствія попроществіи немного отъ пяти часовъ ночи отбыли въ ихъ квартиру, подаря двухъ депутатовъ Пезаря и Гриманія по табакерки оспной браніантами, явивъ еще и инныя дары царской ихъ щедрости.

Въ Пятокъ поутру воокончанія пятнадцатаго часа изволили предъпринять путь къ падуи будучи со провож-

даемы разными биссонами и предъ шествуемые господами Пизаніями которые: узнавъ намѣреніе Государей, видѣть ихъ палаты называемые ди стра предварили въ оныя къ принятію а въ падувѣ ученомъ и древнемъ городѣ потщилися тамо пократности ихъ Высочествъ пребыванія, сколько возможно лучше угостить, въ которой городѣ прибыли Государя предъ захожденіемъ солнца; и того жъ дня смотрѣли они храмъ Святаго Антонія, и Святыя Юстины съ монастыремъ. Уотцажъ Игумена въ келии слушать изволили пѣніе орефеа. музыка была именитаго кавалѣра Глукка подѣ расположеніемъ извѣстнаго Гваданья и прочихъ пѣвцовъ въ слѣдующій день о смотря и прочее что было достойнаго примѣчанія: будучи отъ всѣхъ довольными, равно и приѣмомъ взяли путешествіе водою къ ферарѣ: изъ ясныя Государыня Великая Княгиня прокуратору Пезару; когда онъ сталъ откланиваться такъ: что желаетъ чтобъ господа венеціанци помнили Ее; а она ихъ обовязанна не забыть!

ИЗЪЯСНЕНІЕ СМЫСЛА ВЪ СТИХАХЪ.

«1-е.»

Если нѣкогда Римъ о чуждомъ пораженіи, и слезахъ,
За предметъ принялъ побѣдителя увеселенія:
То: съ радостнѣйшей причины раждается въ насъ,
Пріятное восхищеніе торжественнаго зрѣлища.

«2-е.»

АВГУСТѢЙШІЕ ГОСТИ:

въ коихъ блещетъ свѣтлѣйшая добродѣтель высочайшихъ героевъ;
Радостная Адрія встрѣчаетъ, и для васъ иметъ —
Въ щасливыхъ своихъ увеселеніяхъ благородную славу.

«3-е.»

Жилище безсмертной волности и покоя;
И отъ чуждаго порабоженія дѣвою еще,
Нынѣ справедливо наслаждается счастьемъ своимъ.

«4-е.»

А между тѣмъ въ вась царскія дарованія почитал,
Съ вѣчнымъ союзомъ истинной дружбы,
Вамъ объявляетъ быть сопряженною навсегда.

NB Переведено съ Итальянскаго Петромъ Пеллопоновымъ;
съ прибавленіемъ отъ онаго жъ нѣкоторыхъ примѣчаній
въ столичномъ городѣ Республики Венеціанской.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Русская Словесность.

ТИПУНЪ.

Быль въ старину вѣкъ золотой,
Когда боговъ своихъ народы почитали,
Вели дѣла, открыто, съ правотой,
Любили ближняго и горестей не знали;
Тогда у птицъ, скотовъ, звѣрей,
Быль даръ ума и былъ даръ слова
(На чтó свидѣтельство есть въ басняхъ у Крылова),
И часто, близъ священныхъ алтарей,
Они хвалы свои сливали
Съ хвалебнымъ голосомъ людей;
А птицы даже залетали
Почти къ подножію престола, гдѣ Зевесъ
Творилъ свой судъ среди небесъ.
Такъ голъ за голомъ шли. Разъ, утренней порою,
Меркурій пролеталъ подоблачнымъ путѣмъ,
И видитъ оны — какъ тучи надъ горою,
№ 7. Отд. II. 1

Слетѣлись стаи птицъ. Не знаю я, о чемъ

У нихъ былъ споръ. Но всѣ оны хулили
Заочно и враговъ, и ближнихъ, и друзей,

А наковецъ, по дерзости своей,
И о дѣлахъ боговъ нескромно говорили.

Предъ громодержца богъ предсталъ,
Подробно вѣсть объ ихъ безмыслии доноситъ.

И вотъ Зевесъ совѣтъ боговъ собралъ;

Всѣ ждуть, что смерть виновнымъ шею скоситъ.

Но иначе верховный судъ рѣшилъ:

Чтобъ впредъ клеветующихъ страшило неба мщенье,

Онъ казнью страшною типунъ имъ положилъ, —

И утвердилъ Зевесъ совѣта представленья.

Хлопотъ не мало, трудъ великъ!

Но вихремъ изъ конца въ конецъ типунъ летаетъ;

Къ сорокъ, или совѣ оны сядетъ на языкъ —

И ужъ крылатая безъ языка порхаетъ,

Вертитъ хвостомъ — и на-вѣкъ умолкаетъ.

Сбирается весь птичій рой,

А съ нами, убоясь столь гибельной опалы,

И звѣри, и скоты, отправились въ похоть.

Отъ вопля ихъ дрожать лѣса и скалы,

Всѣ молятъ: «Властелинъ небесъ!

Лиши ты насъ ума, лиши насъ дара слова!»

Всѣхъ громче слышалась мольба ослы;

На вопль невиннаго Зевесъ свой слухъ склонилъ,

И дара слова оны просителей лишилъ.

Съ-тѣхъ-поръ до нашихъ дней типунъ скитался праздно.

Такая жизнь однообразна,

И потому скучна. Чтобъ дѣло отыскать,

Во всѣхъ странахъ земли перебывалъ оны снова;

Вникалъ въ жизнь людей, умѣлъ ихъ разгадать,

И вотъ его докладъ здѣсь отъ слова до слова:

«Великій Зевсъ! я долго празденъ былъ,

Съ поры, когда, по твоему указу,

Былъ посланъ птицъ карать — и клеветы заразу

Между пернатыхъ истребилъ.

Теперь... прости рѣшимости докладъ

И у людей

Въ сердцахъ таится зло, какъ ядъ сокрытъ у змѣй.

Какъ-будто ненависти чада,

Другъ на друга они невинно встаютъ,

Клеветуютъ, и любовь и совѣтъ продаютъ,

Братъ брату, сынъ отцу — становится врагами,

Изъ малой выгоды, изъ горсти серебра;

А ты имъ разумъ далъ къ познанію добра,

И называешь ихъ сынами! —»

• • •

Не знаю я, на сей докладъ

Какое съдѣаетъ Зевесъ опредѣленъ!...

О если бы его правдивое рѣшенъе

Смирило клеветы губительный набатъ,

И зависти позорное шипенье!

Ст. Степановъ.

ТАКЪ ДУМАЮ Я.

Смѣюсь всегда я надъ приветомъ

Толпы безмысленной, когда

Въичають юношу поэтомъ

За складныхъ два или три стишка.

Знакомцы и родные лѣстивы

Его ужъ гениемъ зовутъ,

И всё въ словахъ красноречивыхъ
Дань удивленья отдають.

И хвалятъ всё его искусство:
«Какъ будто стихъ его звучитъ!
Какая сила, сколько чувства
Какой блестящій колоритъ!»

Отсюда слышны восклицанья;
Стишки его гремятъ, гремятъ;
Ему толпы рукоплесканья
Вънокъ безсмертій сулятъ.

Но нѣтъ! ты разсуждаешь вздорю
Толпа пристрастная! ты лжешь!
Своей хвалою ты протворной
Насмѣшкамъ пишу лишь даешь.

Не такъ легко дается лира;
Не тогъ поэтъ, кто стихъ сложилъ,
И кто въ забаву только міра
Размѣръ и рѣимы полюбилъ.

Поэтъ съ душою вдохновенной
Не ищетъ славы у людей —
Въ напѣвахъ звучныхъ, сокровенныхъ
Живетъ таинственность рвчей.

Онъ неавидитъ блескъ мишурный
Мірскихъ похвалъ и суеты
Онъ любить неба цвѣтъ лазурный
И сердца въжизня цвѣты.

Онъ любить углублялся окомъ
Въ природы дивной тайники
И открывать во тмѣ глубокой
Люби и свѣта родники.

Альва Зеландъ.

Сентября 26
1843 года.

БРАКЪ ПО-НЕВОЛѢ.

Бывали ли вы въ городъ...? Я не скажу вамъ, какъ онъ называется. Ну, да это все равно, были ли вы тамъ, или нѣтъ, довольно съ васъ, если вы будете знать во-первыхъ, что въ этомъ городѣ происходило то, что я хочу вамъ рассказать и, во-вторыхъ, что это городъ губерскій, что въ немъ, какъ и обыкновенно во всѣхъ другихъ, жилъ гражданскій губернаторъ и, какъ водится, въ казенномъ домѣ.

Мы начинаемъ нашу исторію въ этомъ домѣ.

Однажды, въ началѣ Августа мѣсяца, вечеромъ, въ исходѣ осьмаго часа, въ залу губернатора вошелъ высокій, стройный мужчина, пріятной наружности, не модно, но прилично одѣтый, лѣтъ тридцати-пяти.

— Проснулся ли его превосходительство? спросилъ онъ лакея.

— Никакъ нѣтъ-съ, еще почиваютъ.»

— «Скоро встанетъ?»

Лакей гордо вынулъ изъ своего кармана большіе серебряные часы, небрежно взглянулъ на нихъ, послушалъ, ходятъ ли, и отвѣчалъ потомъ утвердительно: «черезъ четверть часа непремѣнно-съ.

— А ея превосходительство, у себя?

— У себя, Федоръ Ивановичъ. Собираются на балъ.

— А! Ну, хорошо, я здѣсь подожду. Онимого это слѣдъ

Семенъ ушелъ, а Федоръ Ивановичъ бросилъ на столъ свой портфель, началъ ходить по комнатѣ; потомъ прислѣкъ лампы, открылъ портфель и началъ пересматривать бумаги.

Пока онъ занялъ самымъ скучнымъ изъ скучныхъ дѣлъ, разсматриваніемъ докладныхъ записокъ и отношеній, ми скажемъ, мимоходомъ, что Федоръ Ивановичъ — секретарь его превосходительства, и даже какой-то — далекій, предалекий ему родственникъ — десятая вода на кисель; по этому случаю семейство губернатора обходилось съ Федоромъ Ивановичемъ довольно ласково и, порой, даже дружески; но самъ губернаторъ не забывался никогда и держалъ его всегда на приличной дистанціи. Ласковѣе всѣхъ съ Федоромъ была... она... ну, да объ этомъ послѣ.

Секретарь, поистинѣ, былъ прекраснѣйшій человекъ: умный, хорошо образованный, благородный, честный, не мотъ, не вѣтренникъ, словомъ, рѣдкій человекъ и рѣдкій секретарь.

Былъ за нимъ одинъ непростительный грѣхъ, боюсь даже и сказать... Ну, да нечего дѣлать, кто безъ слабостей? Федоръ Ивановичъ не любилъ женщинъ! въ особенности хорошенькихъ кокетокъ, хоть будь она самая безвинная кокетка, кокетка, которая только потому кокетничаетъ, что знаетъ, какъ хороша она лицомъ, и еще потому, что всѣ мужчины вьются около нея, какъ мухи около меда.

А она!... какъ была хороша! за то ужъ какал и кокетка! Какъ же имъ было подружиться? Естественно, что Федоръ Ивановичъ бѣгалъ отъ Лизы, какъ отъ чумы... Объ этомъ подробнѣе поговоримъ въ своемъ мѣстѣ.

Федоръ Ивановичъ Германовичъ (его фамилія) имѣлъ небольшой капиталецъ и небольшой уютный домикъ, и все это *наслѣдственное, а не благопріобрѣтенное*... Я вамъ не шутилъ говорю, что это былъ чудо секретарь совсѣмъ другаго покроя противу прочихъ секретарей.

Жилъ онъ скромно, не заводилъ никакихъ знакомствъ, извѣгалъ баловъ и вечерниковъ, и только въ семейные праздники въ домъ губернатора являлся на вечеръ, а порой и на обѣдъ—и то по-неволѣ: такъ угодно было ея превосходительству.

Но вотъ послышался колокольчикъ въ кабинетъ губернатора. Въ то же время дверь изъ гостиной отворилась — вошла губернаторша.

Секретаря раскланялся.

Федоръ Ивановичъ! что это вы, кажется, и не собираетесь на балъ?

— Вамъ известно, ваше превосходительство, что я не люблю шумныхъ, блестящихъ....

О! я знаю, перебила губернаторша съ улыбкою, что Федоръ Ивановичъ сдѣлался рѣшительно какимъ-то мизантропомъ, но... сегодня, какъ хотите, а вы должны непременно быть на балъ...

— Я такъ занятъ...

— Пустое, пустое!.. безъ отговорокъ—вы со мной должны прийти хоть половезъ...

— А со мной танцовать мазурку... прозвучалъ соловьиный голосокъ.

Этотъ голосокъ принадлежалъ Елисаветѣ Николаевнѣ, племянницѣ губернатора. Она только-что *вспорхнула* въ комнату.

Лизавета Николаевна была очень хороша собой; это было, говоря словами поэтовъ, существо неземное! все въ ней, начиная отъ чернаго, душистаго локона, до маленькой, стройной ножки было очаровательно. А глаза!.. что это за глаза! — черные, жгучіе, выразительные. Поверьте мнѣ, съловолосому, это были такіе глаза, что если бы нашлось у кого сердце каменное, такъ и оно не устояло бы противъ очаровательнаго взгляда Лизиныхъ глазъ; да чего ужъ болѣе, я зналъ одного скрягу, человека пожилыхъ лѣтъ: онъ, бывало, такъ выражался объ Елисаветѣ Николаевнѣ: «Взгляньте — ну точно сто рублей подарить!» Лиза имѣла доброе

сердце, но была немножко ввтрена и, что скрывать, любила покочетничать. Отъ этого-то Федоръ Ивановичъ и убѣгалъ такъ ее. А ей ужъ какъ хотѣлось приновать его къ своей торжественной колесницѣ; но все ея старанія были напрасны: секретаря не скоро проведешь.

Лиза была круглая сирота и, къ тому же, безъ состоянія. Послѣ смерти своихъ родителей, она переехала жить къ дядѣ-губернатору. Ее приняли какъ родную дочь; но, къ несчастію Лизы, у тетушки былъ сынъ Поль, лѣтъ двадцати. Какъ бы вамъ покороче дать отчетъ объ этомъ молодомъ человѣкѣ? Поль былъ длинная, блѣдная, сухая человеческая фигура, съ огромнымъ взбитымъ хохламъ, всегда одѣтъ по послѣдней модѣ, съ большою претензіею на вакансію въ Чальдѣ-гарольдъ; но въ самомъ-то дѣлѣ существо самое пустое. До рѣшенія важнаго вопроса: куда опредѣлиться на службу, онъ жилъ подъ крылышкомъ у маменьки. Поль былъ жестоко влюбленъ въ кузину-Лизетъ, она, просто, свела его съ ума. Маменька это видѣла очень хорошо. И вотъ причина, почему ея превосходительство рада была отъ души выдать племяннику, какъ можно скорѣе, за-мужъ. Она уже имѣла кое-что въ виду, но не знала съ чего начать и какъ вести дѣло.

Извините за небольшое, но необходимое, отступленіе.

На лестное, дружеское приглашеніе Лизы, на ея пламенный, выразительный взглядъ, сопровождавшій эти слова, нашъ Катюшъ отвѣчалъ лаконически, что онъ вовсе не танцуетъ.

— Полно, Федоръ Ивановичъ, притворяться, сказала тетушка; я помню, прежде вы были записной танпоръ.

Въ гостиной, послышался рвзкій хохотъ. Въ слѣдъ за тѣмъ явился на сцену Поль, ни дать, ни взять, картинка модъ.

— Три четверти девятаго, тетенька, сказалъ онъ по-французски, взглянувъ, прищуривъ глаза, на Германовича и отвѣчая едва заметнымъ движеніемъ головы на его поклонъ. три четверти девятаго: велѣть подавать карету? не выслу-

шавъ отвѣта, онъ оборотился въ другую сторону, и глядя на люстру, продолжалъ говорить Лиза: — Ты очень зла, та chère (такъ онъ звалъ ее всегда): приглашаешь танцовать человека, который не умѣетъ порядочно ходить. Вотъ если бы прошеніе...

Тетка перебила по-англійски:

— Какъ ты неостороженъ, Поль! онъ лучше тебя говорить по-французски.

Поль съ малолѣтства воспитывался въ Петербургѣ, и потому не зналъ прежде Германовича; они познакомились только недавно.

— Пожалуйте къ его превосходительству, доложилъ секретарю камердинеръ.

— Смотрите же, я надѣюсь видѣть васъ на балѣ, сказала губернаторша.

— Мазурку со мной, проговорила Лиза съ обворожительною улыбкой.

— Не смѣю васъ послушаться, сказалъ Германовичъ на чистомъ англійскомъ языкѣ, и ушелъ въ кабинетъ.

Комнаты въ дворянскомъ клубѣ были просторны, прекрасно освѣщены, меблированы со вкусомъ. Музыка, принадлежавшая губернатору, не ударила бы лицомъ въ грязь и въ Петербургѣ. Гостей полныя комнаты, и все лучшее, избранное общество города.

Въ бильярдной комнатѣ, въ то время, какъ два отличнѣйшіе игрока состязались на зеленомъ полѣ, человекъ, летъ осьмнадцати, стоялъ возлѣ бильярда; все вниманіе его было обращено на игру; порой, только добровольно замѣнивъ маркера, онъ однообразнымъ голосомъ возглашалъ число сыгранныхъ очковъ. Наружность его была очень пріятна: блондуры, кудрявые волосы, большіе, свѣтлые голубые глаза, полныя румяныя щеки — все показывало въ немъ вѣрджнаго юношу.

Партія оканчивалась; вдругъ въ комнату вошелъ пожилой мужчина и весело сказалъ блондуру юношѣ: —

Саша! что же ты стоишь здѣсь? вѣдь она пріѣхала.

— Не-уже-ли правда? — Алексѣй Гавриловичъ? воскликнулъ Саша.

— Увѣрю тебя.

— Ну, господа, пусть вамъ кто хочетъ считаетъ... сорокъ восемь и двадцать... некогда.

Съ послѣднимъ словомъ онъ побѣжалъ въ залъ.

Лиза вальсировала. Какъ она была хороша! Ея щечки, отъ движенія, стали еще румянее; томные глаза горѣли дивнымъ огнемъ; черныя кудри разбросаны были по лилейнымъ плечикамъ.

Бѣдный Саша! Слѣдзя за ней жаднымъ взоромъ, онъ, едва дыша, не могъ наглядѣться на нее.

Долго напрасно старался онъ найти случай провальсировать съ ней: едва только собирался съ духомъ, чтобы подойти къ Лизѣ, она уже летѣла съ другимъ счастливецемъ, подъ звуки прекраснаго вальса. Саша вздыхалъ, но не терялъ надежды, и все ближе и ближе подвигался къ тому мѣсту, гдѣ обыкновенно садилась царица бала... Вотъ онъ у завѣтнаго стула... она только-что съѣла...

— Позвольте!... молвилъ онъ робко.

— Lise, пойдемъ! прокартавилъ по-французски Поль и, обхвативъ, безъ церемоніи, станъ Лизы, пустился вальсировать. Его огромный хохоль осынилъ улыбающееся личико красавицы.

— Принесъ тебя нелегкій! подумалъ и чуть-чуть не сказалъ Саша... Да все-таки дождусь!...

— Позвольте съ вами вальсировать! сказалъ опять Саша, когда Лиза съѣла на мѣсто.

— Извините, я такъ устала...

У Саши чуть не навернулись на глазахъ слезы; онъ поклонился и хотѣлъ уйти.

— Вы не сердитесь, пожалуйста, что я отказала, прождала Лизавета Николаевна съ умоляющимъ видомъ,

взглянув на него так умильно, так страстно, что у беднаго Саши заняло сердечко, «а минуты не сидела на месте; но, чтобы вы не подумали, что я по капризам не хочу съ вами танцовать—извольте... она подала ему руку.

Что́ сталося съ счастливецем Сашей, когда онъ началъ съ ней вальсировать!..

Кончивъ счастливый вальсъ, Саша, въ избыткъ чувствъ, хотѣлъ удалиться въ самый отдаленный уголокъ и тамъ вполне предаться своему восторгу. Съ этой цѣлью пошелъ онъ изъ зала и въ дверяхъ наткнулся на кого-то; глядитъ и не вѣритъ своимъ глазамъ: то былъ его правитель канцеляріи—Федоръ Ивановичъ, одѣтый по послѣдней модѣ, стоявшій задумчиво у дверей! Они раскланялись.

— Что съ тобой, Саша? спросилъ съ улыбкой Германовичъ, ты что-то очень развѣялъ?

— Ни сколько, Федоръ Ивановичъ.

— Полно скрывать; я видѣлъ съ кѣмъ ты вальсировалъ... не мудрено: не ты первый, не ты послѣдній... Смотри, берегись не сожги крылышекъ.

— Вѣчно вы шутите, Федоръ Ивановичъ, отвѣчалъ, покраснѣвъ, Саша, и спѣшилъ уйти въ бильярдную, подѣлится своею радостью съ Алексѣемъ Герасимовичемъ.

— Знаете ли что́ я вамъ скажу?...

— Знаю, отвѣчалъ Алексѣй Герасимовичъ, обходя бильярдъ и разглядывая какой шаръ лучше дѣлать.

— Нѣтъ, не знаете.

— Знаю.

— Скажите!

— Ты танцовалъ съ ней...

— Совсѣмъ не то. Отгадайте, кто здѣсь, на балѣ? И...

— Кто!...

— Пари держу, не отгадаете.

— Ужъ не Степанъ ли Андреевичъ? шутя спросилъ Алексѣй Герасимовичъ.

— Степанъ Андреевичъ былъ старичокъ, столоначальникъ въ канцеляріи губернатора—чудака ужасный.

— Нѣтъ! Изъ нашихъ, только не Степанъ Андреевичъ. Отгадайте!

— Не ужъ-то Федоръ Ивановичъ? проговорилъ игрокъ съ разстановкой, цѣлясь въ желтый шаръ.

— Онъ и есть?

— Тьфу!... Провалился ты и съ нимъ! изъ-за васъ съдѣлалъ на себя... Партія ваша... Ты шутишь?

— Пойдемте, увидите.

— Пойдемъ.

Между-тѣмъ Германовичъ, прислонясь къ дверямъ, хладнокровно смотрѣлъ на танцы и на танцующихъ. Наконецъ, отъ нечего дѣлать, онъ началъ наблюдать за Лизой. Лиза торжествовала: всѣ мужчины были отъ нея безъ ума и увидались около ея стула. И какъ она умѣла каждого изъ нихъ увлечь, очаровать! Съ однимъ, казалось, говорила такъ откровенно, такъ дружески, — другаго дарила самымъ вѣжливымъ, выразительнымъ взглядомъ, и въ то же время улыбалась третьему. Это кокетство начинало бѣсить Федора Ивановича. «Боже мой!» думалъ онъ, «какъ хороша она, и какъ жаль, что у нея такъ испорчено сердце!»

— Здравствуйте, Федоръ Ивановичъ, сказалъ позади его знакомый голосъ.

— Это былъ Алексѣй Герасимовичъ.

Секретарь раскланялся съ своимъ столоначальникомъ.

— Что это вы, Федоръ Ивановичъ, ужъ не по ошибкѣ ли зашли сюда, вмѣсто канцеляріи?

— Если не по ошибкѣ, то—покрайней-мѣрѣ и не по доброй волѣ.

— Какъ это такъ?

— А такъ, какъ говорить нашъ повѣтчикъ Чебаченко: «скажи враже, якъ панъ каже.» Ея превосходительство угодно было видѣть меня здѣсь.

— А! О чемъ же вы мечтали?

— Я не мечталъ, а сердился; во-первыхъ, на мужчинъ, за то, что они такъ идолопоклонничаютъ предъ Елисаветой Николаевной; на нее—за безжалостное кокетство, и, наконецъ,

на всѣхъ женщинъ, за то, что онѣ завидуютъ торжеству кокетки. Это самое непрочное торжество, и въ глазахъ благо-разумнаго мужчины кокетка, право, жалкое созданіе.

— Саша, мотай на усъ!.. шепнуть Алексѣй Герасимовичъ, толкнувъ его тиховько локтемъ.

— Кокетка то она, кокетка, это правда, Александръ Михайловичъ влюбился въ нее добезумья. Ведь это что-нибудь да значить!

— Я давеча предостерегалъ, чтобы онъ не опалилъ крыльшечъ.

— Да ужъ нечего предостерегать на-счетъ крыльшечъ, когда и сердце горитъ. Ужъ не сердитесь пожалуйста, Федоръ Ивановичъ, если завтра онъ, переписывая рапортъ министру, надѣлаетъ бездну ошибокъ!..

— Да что вы, господа, напали на меня сегодня? Съ-чего взяли вы, что я влюбленъ въ Лизавету Николаевну?

— Полно, Саша, развѣ я не видѣлъ въ какомъ ты былъ восторгѣ, когда вальсировалъ съ ней. Послушай, я тебѣ дружески скажу, приволакивайся за ней для препровожденія времени, какъ говорятъ, люби даже ее, это не бѣда; но Боже сохрани тебя влюбиться—тогда ты погибъ. Не полагайся на ея ласки!.. Но вотъ играютъ мазурку... Господи благослови!.. сказалъ съ улыбкой секретарь, надѣвая перчатки.

— Что вы! не танцуете ли? воскликнули вмѣстѣ Саша и Алексѣй Герасимовичъ.

— Да, отвѣчалъ со вздохомъ Германовичъ, попуталъ грѣхъ.

— Съ кѣмъ вы танцуете? спросилъ Саша съ любопытствомъ записнаго танцора.

— Съ Елисаветой Николаевной!

«Съ ней!» воскликнули опять Саша и Алексѣй Герасимовичъ...

— Охъ, Федоръ Ивановичъ!.. смотрите, что-то не даромъ вы сюда попали. Хорошія наставленія давали вы Са-

шѣ, только нельзя ли будетъ примѣнить къ вамъ стиховъ Нахимова:

«Бываютъ и у насъ наставники такіе:
Всѣмъ проповѣдуютъ, да сами не святые.»

Пока Алексѣй Герасимовичъ декламировалъ, Федоръ Ивановичъ давно уже стоялъ съ Лизой на мѣстѣ. Саша, поглядѣвъ съ завистью на своего секретаря, отправился искать хоть какой-нибудь дамы.

Алексѣй Герасимовичъ забрался въ уголокъ и оттуда наблюдалъ за танцующими. Къ нему подошелъ одинъ изъ его товарищей, по канцеляріи, и просилъ сыграть партію на бильярдѣ.

— И самъ не стану играть и тебѣ не совѣтую, отвѣчалъ Алексѣй Герасимовичъ!

— Лучше найся скорѣе, братъ Ваня, въ грѣхахъ; у тебѣ ихъ много: завтра преставленіе Свѣта.

— Это что за рѣчи!

«Да, именно, не шучу. Посмотри — не видишь? Федоръ Ивановичъ танцуетъ.»

— Что за чудеса!

Вѣсть, что губернаторскій секретарь танцуетъ, скоро разнеслась по комнатамъ, и всѣ нетанцовавшіе чиновники, бросивъ кто карты, кто кнѣ, пришли въ залъ посмотреть, точно ли Федоръ Ивановичъ танцуетъ.

— Ого! да какой онъ молодецъ сегодня! моавилъ одинъ изъ подчиненныхъ Федора Ивановича.

— Шутѣ съ нимъ!.. и не узнаешь нашего секретаря! замѣтилъ другой!..

— «А вѣдь славная парочка!» сказалъ какой-то старичокъ, глядя въ очки на Германовича и Лизу, и въ то же время раскрывая табакерку. Вотъ теперь потанцуютъ, а тамъ, гляди, и обвѣнчаются. Давай Богъ! прибавилъ онъ съ любодушною улыбкой.

— Ну ужь этого-то, кажись, не будет! замечать Алексей Герасимовичъ. «Если вѣрить словамъ нашего секретаря, такъ онъ не очень жалуетъ ее.

— О! вашъ секретарь не промахъ, отозвался толстый ассессоръ губернскаго правленія; вѣрно, ему захотѣлось попасть или въ совѣтчики къ намъ, или въ непремѣнные члены приказа общественаго призрѣнія, и смотрите, и невѣсту получить, и мѣсто дадутъ. Позвольте табачку!... березинскій... славный табакъ!

Но мы не станемъ болѣе передавать толковъ и пересудъ зрителей. Подвинемтесь ближе, въ самый кругъ танцующихъ, къ Федору Ивановичу.

Германовичъ танцевалъ безъ вычуръ, скромно и ловко. Въ то время, когда танцовали другія пары, а онъ съ своей дамой отдыхалъ. Лиза напрасно употребляла все средства завѣсть его въ разговоръ: ни съ взглядъ, ни съ улыбка, казалось, не имѣли никакаго вліянія на этого хладнокровнаго человека; на все слова Лизы онъ отвѣчалъ только да, или нѣтъ.

Поль не танцовалъ, именно потому, что Лиза танцовала съ другимъ. Онъ помѣстился возлѣ ея стула.

— Что ты не танцуешь, Поль? спросила Лиза.

— Безъ тебя! онъ досказалъ остальное страстнымъ взоромъ.

— Ты такъ любишь мазурку?

— Не танцы... Подъ звуки очаровательной музыки сидѣть вдвоємъ, сидѣть съ обожаемой женщиной, и подъ звуки этой музыки — думать съ ней свои тайныя думы, свои заветныя мечты, свои заповѣдныя чувства!... о, какое это наслажденіе! Но искать наслажденія собственно въ танцахъ, сидѣть два часа съ куклой, быть, такъ сказать, *замкну-тымъ самому въ себя* — это чуждо мена! — невыносимо для мена!

— Бѣдный Поль! И гдѣ же сыщешь ты сердце, которое могло бы тебя понять?

— Lise!.. и ты это говоришь?

Lise взглянула на него страстно и опустила длинныя ресницы.

— Роза или репейникъ? спросила звучнымъ голосомъ блонкурая, малевкая дѣвушка, подводя къ Лизѣ двухъ кавалеровъ.

— Репейникъ, отвѣчала Лиза и съ улыбкой подада руку армейскому поручику.

— Другой разъ вы угадали меня, молвилъ поручикъ страстнымъ голосомъ.

— У меня есть какое-то предчувствіе, тайный голосъ. Далѣе нельзя было слышать что Лиза говорила, только поручикъ началъ выдѣлывать отъ восторга, такія па, что другой, вѣрно, почелъ бы его бѣснующимся.

Саша, который выбралъ себѣ девизомъ розу, печально остался на мѣстѣ, какъ прикованный.

Кончивъ танцевать съ поручикомъ, Лиза примѣтила Са-шу. Она подошла къ нему.

— Опять я не угадала вашего девиза, Александръ Михайловичъ!.. Какъ я сержусь на себя; и чтобы поправить свою вину, не угодно ли, не въ очередь, съѣздить туръ! Она подада ему руку.

Саша пустился танцевать.

Странно, все кавалеры, за исключеніемъ одного Германовича, только-что стануть танцевать съ Лизой, ну точно будто въ ноги ихъ поселятся какіе-нибудь злые духи!..

Возвратясь на мѣсто, Лиза начала говорить Полю:

— Нѣтъ, Поль, женщины не дано постигать геніальной, высокой души мужчины. Напрасно М-ме Сталь думала бороться умомъ съ великимъ Наполеономъ. Женщина можетъ только дивиться геніальному мужчине и своей любовью украшать трудный путь его жизни...

— *Мирта* или *Кипарисъ*! спросилъ кавалеръ Поля, подводя къ нему двухъ дамъ.

— «*Кипарисъ*», пробормоталъ Поль, подавая небрежно руку избранной дамѣ. Онъ сказалъ Лизѣ съ печальной улыбкой: Вотъ девизъ моей жизни!

Небрежно прошел онъ полкруга, оставилъ даму посреди зала и хотѣлъ возвратиться опять къ Лизѣ, но въ это время его позвала мать и сдѣлала ему какое-то порученіе.

Лиза спросила Федора Ивановича:

— Что вы такъ серьезны сегодня, cousin?

— Какъ обыкновенно, Елисавета Николаевна.

— Не-уже-ли васъ не интересуютъ ни музыка, ни танцы, ни столько прелестныхъ, милыхъ личекъ вашихъ красавицъ?

— Я человекъ странный, стариннаго покроя: люблю старину, люблю и старинныхъ авторовъ. На вашъ вопросъ я буду отвѣчать стихами одного прекраснаго, но, къ сожалѣнію, забытаго поэта:

Въ большой великолѣпной залѣ

Посмотришь, видишь — тма людей!

Всѣ пляшутъ до пота на балѣ,

А скука ждетъ всѣхъ у дверей.

Пріятель друга обнимаетъ,

Его ни мало не любя;

Тотъ той же лаской отвѣчаетъ

И шепчетъ: чортъ бы взялъ тебя!

Видалъ я часто обращенье

Обоихъ половъ межъ собой;

Ихъ вальсъ приводить въ восхищенье

Мазурка — рай для нихъ земной.

Повсюду слышится всечасно:

Ахъ, какъ мила! ахъ, *распростили!*

Все въ ней божественно, прекрасно! —

— О! если вы всегда будете такъ думать о людяхъ, то немудрено, что вамъ скучно на балѣ.

— Что дѣлать!

— Не-уже-ли вы не вѣрите ни въ искреннюю дружбу, ни въ истинную любовь?

— По-крайней-мѣрѣ я ихъ еще не встрѣчалъ...

— И никогда не были влюблены, cousin?

— Нѣтъ. Мгновенное увлеченіе, мечты молодости я не могу назвать истинною любовью.

— И никогда не влюбитесь? спросила она съ лукавой улыбкой, устремивъ на него испытующій взоръ

— Не ручаюсь.

— А, господинъ философъ!

— Почему же и не полюбить, если встрѣчу дѣвушку по-сердцу?...

— Будьте добры, cousin, опишите портретъ вашего идеала!

— Извольте, Лизавета Николаевна. Не буду описывать вамъ ея наружность, — наружность, какъ вещь непрочная, не слишкомъ интересуетъ меня...

— Какъ, вы въ состояніи влюбиться даже въ урода?

— Не въ урода; но если бы въ наружности мною избранной дѣвушки и были бы какіе-нибудь недостатки — это еще не бѣда, лишь бы ея лице, ея глаза выражали умъ и доброе сердце; словомъ, то невыразимо-милое, что невольно плываешь насъ въ людяхъ, которые никакъ не могутъ назваться красавцами.

— Вашъ идеалъ — брюнетка или блондинка?

— Все равно, Лизавета Николаевна; я не отдаю преимуществу ни которому изъ цвѣтовъ волосъ. Я сказалъ, что ищу не блестящей наружностью красавицы, но скромной, тихой, доброй, умной подруги.

— Странный вкусъ! Вы, кажется, cousin, вооружены противъ всѣхъ хорошевыихъ личекъ?

— Я... не совсѣмъ. Странно... Вы, пожалуйста, не принимайте на свой счетъ. Я говорю, что чувствую. Странно, что женщина, чья больше надѣлена красотой, тѣмъ больше занята ею... и отъ-того больше или меньше кокетка... А кокетка для меня... *страхъ и трепетъ.*

— «Верно, вы много потерпѣли отъ кокетокъ», промолвила тихимъ голосомъ Лиза, съ принужденною улыбкой.

— Я ничего не потерял отъ нихъ, потому-что всегда ихъ убѣгалъ. Да, Елисавета Николаевна, вы справедливо сказали, — извините, я васъ подслушалъ, — что женщина должна своей любовью украшать трудный путь жизни мужчины. Эту-то любовь она должна хранить какъ святыню для одного, котораго пошлетъ ей судьба...

— А если она не въ состояннн будетъ любить того, кто будетъ ей назначенъ судьбой въ спутники жизни?

— Мы должны покоряться волѣ Провидѣнія.

— Это я знаю сама очень хорошо. Но можете ли вы приказать сердцу не любить того, а любить этого?

— Сердце должно повиноваться разуму. И горе намъ, если разумъ покоряется сердцу.

— О, вы, господа философы, умѣете прекрасно читать наставленія; а какъ-то вы сами исполняете то, что проповѣдуете намъ... Вы сами намекали сейчасъ на какія-то минутныя увлеченія, мечты юности...

— Кто не заблуждался въ молодости! Ошибаться человеку свойственно; но ошибиться нѣсколько разъ въ жизни, или сбѣгать нашу жизнь непрерывною цѣпью увлеченій — играть любовью, играть сердцемъ какъ куклой!.. какая разница!.. Если бы, по несчастію, судьба назначила мнѣ въ подруги кокетку, повѣрьте, какъ бы она ни была хороша, умна, добра, какъ бы искренно ни любила меня, я никогда не могъ бы ни любить, ни уважать ее.

— Вы слишкомъ строги, прощентала Лиза.

— Что дѣлать! Ея ласки, ея нѣжности я считалъ бы прежнимъ кокетствомъ; ея любовь — давно выученною ролью...!

— Месточкой человекъ!

— Вамъ странно кажутся мои слова.... Повѣрьте, Елисавета Николаевна, больша часть мужчинъ думаютъ точно такъ же, какъ и я... но только не смѣютъ высказать въ слухъ своихъ мыслей.

Начавшаяся новая фигура въ мазуркѣ прервала этотъ разговоръ.

Лиза сдѣлала потупивъ глаза... дыханіе ея было тяжело. Она не отвѣчала ни слова.

Мазурка кончилась.

Напрасно Польша заговаривалъ съ Лизой, она была молчалива и задумчива.

Германовичу показалось, будто у Лизы навернулись на глазахъ слезы.

— Боже мой! подумалъ онъ, я, въ припадкѣ досады на ея мать и на этого повѣсу Поля, насаждалъ бѣдной дѣвушкѣ столько непріятныхъ истинъ!.. Но, пусть лекарство будетъ и горько, лишь бы привнесло пользу.

Поздно возвратился Германовичъ съ бала. Онъ былъ необыкновенно задумчивъ. Опустивъ голову, мѣрными шагами ходилъ онъ по комнатѣ. Образъ Лизы съ наверхушимися на глазахъ слезами весело носился предъ нимъ.

— Какъ хороша она!.. и какъ жаль, что у нея такъ испорчено сердце! повторилъ онъ невольно.

— Не-уже-ли и я начинаю влюбляться? спросилъ онъ самъ себя, остановившись посреди комнаты. Улыбнувшись, онъ сказалъ громко: «Пустяки!» и, засвѣтя другую свѣчу, началъ хладнокровно оканчивать какую-то записку. Это занятіе изгладило рѣшительно изъ его воображенія образъ Лизы.

У Лизы была книжечка въ зеленомъ сатѣянномъ переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ. Въ этой книжечкѣ она записывала свои тайныя чувства, свои завѣтныя мысли.

Возвратясь съ бала, она сбросила съ себя лишнія украшения, лишніе уборы—и, въ кофѣ, села къ столу записывать впечатлѣнія того дня.

Мы переведемъ эту страничку. Лиза, какъ модная дѣвушка, писала и чувствовала даже по-французски.

— Какой скучный балъ! Отъ-чего я сегодня такъ расстроена? Что меня такъ сильно огорчаетъ? не знаю! Но какая невыносимая тоска!.. какъ мнѣ хочется плакать!..

— Ужасный человекъ Германовичъ!.. я боюсь его и вмѣстѣ съ тѣмъ уважаю! Не-уже-ли все права, что онъ говорилъ... Должно быть, правда. Какой-то внутренней голосъ во мнѣ отозвался на его слова, и какъ совѣсть нашептываетъ укоры!... Но виновата ли я, если меня такъ воспитывали, если мнѣ съ малолѣтства внушали, что я хороша, что ни что не можеть устоять противъ моей красоты, что ея только могу составить себѣ счастье?... Странно!

— Да, я была очень втрена, но ни что злое никогда не приходило мнѣ ни на умъ, ни на сердце... Я играла чужою любовію—это не бѣда!... Я всегда была въ такомъ восторгѣ, когда у меня являлся новый поклонникъ! я старалась его завлечь... ласкала... мучила ревностію... онъ страдалъ... онъ былъ жалокъ... и тогда я готова была сама влюбиться въ него... но чрезъ недѣлю онъ становился мнѣ съ своею любовію приторенъ и скученъ... Я бросала его... искала новой побѣды... Къ-чему я это дѣлала?—Это мнѣ кажется нехорошо?...

— Не-уже-ли большая часть мужчинъ однихъ мыслей съ Германовичемъ?... Ужасно!.. Надо непременно исправить-ся!.. Я вачну завтра же съ Поля!.. Бѣдный!.. какъ онъ будетъ страдать!.. Я безжалостно поступила съ нимъ!.. Но дѣлать нечего!.. Къ-чему доведеть его эта любовь?..»

— Отнынѣ эта книжечка будетъ зеркаломъ моихъ поступковъ!.. Въ ней безъ пристрастія я буду записывать все мои мысли, все чувства, все поступки. О! какъ я желаю, чтобы она... чтобы строки, написанныя потомъ здѣсь, и могла бы, не красяся, прочесть каждому!..»

— Бѣдная Лиза! если ты и совершенно исправилась, она все-таки не будетъ ни любить, ни уважать тебя....

Крупная слеза выкатилась изъ прекрасныхъ глазъ и запечатлѣла эти строки.

— Боже мой! Авдотья Ивановна!.. Какими это судьбами?

Такъ говорила губернаторша утромъ, чрезъ нѣсколько дней послѣ бала, встрѣчая свою пріятельницу, недавно пріѣхавшую изъ деревни.

— Да вотъ, Варвара Степановна, отвѣчала гостя, цѣлуясь съ хозяйкой, опять тяжбныя дѣла привели меня побывать у васъ въ городѣ.

— На долго ли? Садитесь на диванъ, здѣсь покойнѣе.

— Право, и сама не знаю—какъ окончу.

— Давно пріѣхали?.. Снимите, пожалуйста, шляпку. Мы такъ давно съ вами не видѣлись...

— «Вчера уже поздно вечеромъ», отвѣчала гостя, сбрасывая шляпку; и хорошо, что у меня всегда одна постоянная квартира, а то пришлось бы поздить по городу.»

— Такъ вы опять остановились у Германовича?

— У него, какъ же.

— Прекрасный человекъ Германовичъ!

— Единственный человекъ, рѣдкой души, рѣдкихъ правилъ.

— Мой Борисъ Евграфовичъ удивительно какъ его любитъ; и не лзя не любить: онъ такъ хорошо знаетъ свою должность, такой старательной. Признаюсь, онъ намъ хотя и дальній родня, почти не родственникъ, но мы все привязаны къ нему, какъ къ родному.

— Я ему столько обязана!

Послѣ похвалъ Федору Ивановичу, начались рассказы новостей городскихъ и деревенскихъ, и продолжались часа два. Отъ этихъ рассказовъ, скучныхъ для читателей, мы увольняемъ ихъ. Наконецъ, Варвара Степановна успѣла увѣдомить свою пріятельницу, что отецъ и мать Лизы умерли и не оставили ей никакого наслѣдства, и что они, изъ жалости, приютили ее у себя.

— Я думаю, Лизавета Николаевна ужъ невѣста? спросила Авдотья Ивановна.

— Да, и очень!

— Я помню ее маленькою; это была такой милашка-ребенокъ.

— Да, и теперь как она хороша! — отвечала губернаторша, съ улыбкою и съ такимъ умильнымъ видомъ, будто сама хотѣла сдѣлаться такою же хорошенькою, какъ Лиза.

— Нельзя ли мнѣ ее видѣть?

— Она сію минуту уѣхала со двора.

— Жаль. Но впрочемъ, поживу здѣсь, такъ увижу. Нѣтъ ли жениховъ у нее?

— «Гдѣ же быть у бывной дѣвушки!» сказала губернаторша, съ видомъ искренняго сожалѣнія. Нынѣ, знаете, *порядочные* молодые люди ищутъ только приданого. Впрочемъ, хоть Лиза своего и ничего не имѣетъ, но, я увѣрена, Борисъ Евграфовичъ, вѣрно, дастъ за ней приличное приданое.

— Ну, можетъ быть, сыщутся и женихи.

— Трудно сыскать хорошаго человѣка.

— Да вотъ вамъ женихъ, чего же лучше! Германовичъ — Федоръ Ивановичъ, прекрасная была бы пара.

— Да, лучше жениха нельзя желать для Лизы. Но онъ такъ странный, застычивый, убѣгаетъ женщинъ, будто ихъ боится.

— Пустое! Хотите ли, я буду свахой? Безъ шутокъ.

— Вы сдѣлаете для сироты доброе дѣло. Мы все были бы вамъ очень обязаны.

— Право, я ему скажу объ этомъ, безъ церемоніи. Можетъ быть, онъ не смѣетъ сдѣлать самъ предложенія только потому, что Лизавета Николаевна племянница его вачальника.

— Очень естественно.

— Я такъ думаю.

— Ахъ, Авдотья Ивановна! вѣрно, васъ самъ Богъ послалъ къ намъ. Пожалуйста же, та снѣге, постарайтесь.

— О! впрямѣнно, впрямѣнно.

Пріятелиницы поговорили еще съ полчаса и наконецъ растались.

Авдотья Ивановна дала слово чрезъ день уведомить Варвару Степановну объ успѣхъ своего намѣренія.

Бѣдные, Федоръ Ивановичъ и Лизавета Николаевна! думали ли они, снислось ли имъ, что въ этотъ день двѣ пріятелиницы будутъ рѣшать ихъ судьбу?

Вечеромъ въ тотъ же день Варвара Степановна имѣла тайные переговоры съ своимъ супругомъ.

Вечеромъ объявили Полю, что завтра ему надо ѣхать въ Петербургъ, именно затѣмъ, чтобы получить званіе камерюнкера. Родители увѣрили Поля, что ему стоить только явиться въ Петербургъ — и ужъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что сейчасъ же его сдѣлаютъ камеръ-юнкеромъ. Потомъ онъ можетъ опять пріѣхать обратно домой и числиться въ должности при отцѣ.

Твердо увѣренный въ своихъ высокихъ достоинствахъ, Поля ни сколько не сомнѣвался получить это званіе, и съ радостію согласился ѣхать въ Петербургъ. Заране воображалъ онъ, какъ будетъ тогда первенствовать въ городѣ между молодежью, какое впечатлѣніе сдѣлаетъ на Лизу его пытый мундиръ. Отецъ далъ ему рекомендательныя письма къ своимъ знакомымъ; въ этихъ письмахъ онъ просилъ ихъ опредѣлить сына въ какую-нибудь должность. (Поля этого не зналъ.)

Отецъ и мать были увѣрены, если только сынъ ихъ узнаетъ, что за Лизу сватаются, то надѣлаетъ столько глупостей, что бѣда! и для этого нарочно отправили его искать камерюнкерскаго мундира. Надо же было выдумать для него какой-нибудь предлогъ; иначе онъ ни за что бы не послушалъ ни папеньки, ни мамевки.

За-всѣмъ-тѣмъ, Поля цѣлый вечеръ былъ ужасно встревоженъ; всегда по модѣ, тщательно завитый хохоль его превратился теперь въ какую-то ужасную, бурею взъерошенную колючку сына; огромный бантъ пестраго галстука торчалъ изъ-за праваго уха — все выражало въ немъ сильное волненіе души.

Напрасно искалъ онъ случая переговорить съ Лизой наединѣ, высказать ей все ужасно-адскія свои чувства: Лиза избѣгала всякаго объясненія съ нимъ.

Поль рѣшился написать письмо.

Онъ заперся въ своемъ кабинетѣ. Схвативъ перо, написалъ: «*Chère amie!*» и остановился; черкнулъ другой восклицательный знакъ и — ни слова болѣе.

Напрасно ломалъ онъ голову, грызъ перо. Вѣрно, черезчуръ много чувствовалъ! Наконецъ онъ прибѣгнулъ къ помощи книгъ. Долго читалъ онъ, перечитывалъ — и все-таки напрасно. Но вотъ попадаетъ ему какая-то вдохновительная толстая книга; онъ раскрываетъ ее, пробѣгаетъ молча строки — и лице его выражаетъ восторгъ, голова качается со стороны въ сторону, руки размахиваются вправо, влево вверхъ и внизъ.

Прекрасно! воскликнулъ онъ — и принялся писать.

Вотъ начало этого драгоцѣннаго письма:

Chère Amie!

«Любовь, какъ одна изъ абсолютныхъ сферъ сознанія, имѣетъ свои законы, въ ея собственной сущности заключенные, и вѣдь себя не признаетъ никакихъ законовъ!»

Кто уже, по натурѣ своей, или по духовной своей неразвитости, не въ состояннн постигать законовъ любви въ ея идель, тотъ не въ состояннн ни цѣнить любви въ фактъ, ни наслаждаться ею... и т. д. все въ этомъ родѣ. Сильно и красно!

Запечатавъ письмо, онъ отправилъ его съ горничною, по принадлежности.

Не привали. Онъ рѣшился отдать его самъ.

Входить въ залу, Лиза какъ-тутъ ему на-встрѣчу. Кроме ихъ въ залѣ никого не было.

Молча подавъ онъ ей письмо.

Лиза будто не замѣтила этого.

— Возьми, amie! сказалъ онъ печально, трагическимъ голосомъ.

— Къ-чему это, Поль? отвѣчала она и хотѣла уйти.

— Возьми, Lise! Мы расстаемся, быть можетъ, на-вѣкъ!

— Здѣсь, продолжалъ онъ, потрясая въ рукѣ пакетъ, здѣсь въ послѣдній разъ узнаешь ты мои страданія... адъ и рай моей души!

— Полно дурачиться, Поль! сказала Лиза, подходя къ дверямъ.

Поль бросилъ письмо на столъ.

— Письмо останется здѣсь... пусть другой прочтетъ его!.. пусть все узнаютъ мою и твою тайну! Для меня, все равно!... Кто рѣшился умереть тому ничто не страшно.

Онъ вышелъ изъ залы, и изъ другой комнаты, тиховько, въ шелочку началъ подсматривать: чтò будетъ дѣлать Лиза. Онъ былъ увѣренъ, что запутанная имъ Лиза непременно возьметъ письмо; но обманулся. Лиза хладнокровно ушла изъ залы. Это была не прежняя Лиза.

Увидѣвъ, что Лиза ушла, и боясь, чтобы письмо не попало къ маменькѣ, Поль воротился въ залу, спряталъ письмо въ карманъ и, въ ужаснѣйшей досадѣ, возвратился въ свой кабинетъ.

Тамъ поклялся онъ самыми страшными клятвами разлюбить на-вѣкъ Лизу и отмстить ей примѣрно; потомъ, собравъ все ея подарки: кошельки, пѣпочки, свурки и пр. и пр., все отослалъ ей обратно; а на другой день, чуть свѣтъ, ни съ кѣмъ не простясь, ускакалъ въ Петербургъ.

Но возвратимся опять къ тому дню, когда двѣ пріятельницы рѣшили женить Федора Ивановича на Елисаветѣ Николаевнѣ.

— Въ три часа пополудни Германовичъ возвратился изъ должности домой и, не объѣдая, отправился къ своей постоялицѣ — Авдотѣ Ивановнѣ.

— Извините, что до-сихъ-поръ не успѣлъ засвидѣтельствовать вамъ моего почтенія, Авдотья Ивановна, сказалъ Германовичъ, войдя въ комнату привѣжей: «вчера не смѣлъ беспокоить васъ послѣ дороги, сегодня рано ушелъ въ должность...

Начались привѣтствія, разспросы о здоровьи, потомъ толки о дѣлахъ и наконецъ-то уже заговорили дѣлью, по крайней-мѣрѣ для насъ.

— Ваша матушка скончалась... какъ жаль! сказала Авдотья Ивановна съ участіемъ.

— Да, вотъ уже три мѣсяца, какъ я схоронилъ мою добрую старушку (царство ей небесное!). Много добра она сдѣлала для меня: образовала мой умъ, вкоренила въ сердце моему истинную вѣру въ Бога и любовь къ добру... На глазахъ секретаря навернулись слезы. Онъ перекрестился благоговѣйно.

— Да, я помню ее. Всѣ любили, всѣ уважали ее. Вамъ скучно теперь однимъ?

— Что же дѣлать! Привыкаю поевмогу. Старушка няня моя присматриваетъ за хозяйствомъ, кормить, лелзветъ меня — спасибо ей! «а все-таки не мать!»

— Разумѣется! Какъ можно сравнить! А знаете ли, Федоръ Ивановичъ, что я вамъ посоветую?... Женитесь!...

— Помилуйте, куда ужъ намъ жениться! Нынѣ всѣ дѣвушки стали такія модныя, такія воспитанныя, что не только посвататься за которую-нибудь изъ нихъ, заговорить съ ними страшно.

— Ну, послушайте, Федоръ Ивановичъ, вѣдь не всѣ же такія страшныя, есть...

— Исключенія рѣдки. Трудно выбрать добрую жену!... Знаете, какъ можно ошибиться!

— Такъ. Но хотите, я вамъ посватаю невесту. Она дѣвушка добрая, умная, хорошенькая собой...

— Сдѣлайте оложеніе! Кто же это такая?

— Вы ее знаете.

— Можетъ быть. Скажите ее имя.

— Лизавета Николаевна — племянница вашего губератора.

— Да, она очень милованная, очень достойная дѣвушка, только мнѣ не пара.

— Почему?

— Она не имѣетъ ничего за собой; а я слишкомъ мало для того, чтобы ей доставить тѣ удобства жизни, тѣ удовольствія, которыми она теперь пользуется, следовательно...

— Она умная, разсудительная дѣвушка и, вѣрно, оставитъ лишнія прихоти, тѣмъ болѣе, что въ домѣ родителей своихъ она тоже не всегда жила роскошно.

— Можетъ быть, не спорю. Но все-таки, согласитесь, она племянница губератора, следовательно: вадю ей имѣть и свой экипажъ и одѣваться выше своего состоянія.

— Дядя за ней дастъ приличное приданое...

— Онъ много дать не можетъ, я это знаю; да къ тому же я и не расположенъ жениться: меня не интересуетъ ни хорошее личико, ни богатое приданое. Недавно мнѣ сватали купеческую дочь—дѣвушку, хорошенькую собой, умную, образованную, скромную; давали пятьдесятъ тысячъ наличными и каменный домъ въ приданое — я и тутъ не согласился.

— Какая же разница: женившись на Лизаветѣ Николаевнѣ, вы сдѣлаетесь родственникомъ губератора — какая протекція!.. чрезъ него легко можете имѣть такъ много выгодъ по службѣ.

— Я ни сколько не ищу протекціи; я доволенъ своимъ состояніемъ: выше мѣста не хочу; жалованья достаточно; за службу — царь и безъ протекціи награждать. Награда по протекціи не награда. — Да что тутъ много и говорить, его превосходительство и ея превосходительство, вѣроятно, и не отдадутъ еще за меня своей племянницы.

— Такъ я же вамъ скажу, что Варвара Степановна сама просила меня посватать за васъ Лизу.

— Очень благодаренъ ей за лестное обо мнѣ мнѣніе; только жаль, что я не намѣренъ ни на комъ жениться.

— Подумайте хорошенько.

— Я давно все это обдумалъ.

— Даю вамъ срока два дня...

— И теперь и послѣ я буду говорить одно и то же...

— Но *они* могутъ на васъ разсердиться.

— Пусть сердятся; если я чистъ и правъ кругомъ—мнѣ вѣчно болѣться.

— Странный человекъ!

— Что дѣлать! Я очень благодаренъ вамъ за участіе, и мнѣ, право, совѣстно, что долженъ не согласиться на ваше предложеніе.

— Что же мнѣ сказать губернаторшѣ?

— Просто и ясно, что я не намѣренъ никогда и ни на комъ жениться.

Охъ, какой притворщикъ этотъ секретарь! такъ, казалось, хладнокровно говорилъ съ Авдотьей Ивановной, а еслибъ знали вы, какъ поразило его это сватовство!... можете судить потому, что онъ говорилъ Лизѣ на балѣ.

На другой день Авдотья Ивановна передала губернаторшѣ отказъ Германовича.

— Я вамъ сказала, что онъ ужасный чудакъ, сказала губернаторша, стараясь улыбкою прикрыть внутреннюю досаду...

— Странный человекъ!... я не думала...

— Ахъ, душечка Авдотья Ивановна, постой, я покажу тебѣ новую шаль вчера только-что привезли ее мнѣ изъ Петербурга. Прелестъ какъ мила!...

Гроза для Германовича и Лизы еще не прошла... она только-что приближалась.

Черезъ день послѣ того, какъ ея превосходительство показывала Авдотьѣ Ивановнѣ шаль, Федоръ Ивановичъ раньше обыкновеннаго пришелъ въ должность.

Цѣлую ночь его тревожило какое-то неясное предчувствіе; но что оно обѣщало—радость или печаль, онъ не могъ отга-

дать. Это тревожное состояніе гнало отъ него сонъ, оно же такъ рано выгнало его и изъ дому.

Что день грядущій мнѣ готовить? прошептала овѣ, выходя за калитку.

Впрочемъ, Федоръ Ивановичъ былъ очень веселъ.

Въ канцеляріи секретарь спросилъ бумаги, которыя въ тотъ день надо было докладывать губернатору.

Пробѣгая ихъ, Федоръ Ивановичъ сказалъ:—Ай да Александръ Михайловичъ! вотъ спасибо! прелестъ, какъ переписалъ бумаги! Непременно надо представить за отличіе...

— Лизаветъ Николаевнѣ... прошептала серьезно Алексѣй Герасимовичъ, занимаясь прилежно своей работой.

— Разумѣется, ей, подхватилъ весело секретарь: она его, можетъ-быть, поцѣлуетъ за прилежаніе.

— Конфетку подарить съ билетикомъ, продолжалъ также серьезно Алексѣй Герасимовичъ.

— Федоръ Ивановичъ! перебилъ скороговоркою покраснѣвшій Саша, улыбаясь и указывая на Алексѣя Герасимовича: вы думаете, что онъ дѣломъ занимается, напротивъ, посмотрите, — рисуегъ портретъ со сторожа...

— Однако, господа, прошу безъ меня заниматься дѣломъ, сказалъ полушутя, полусерьезно Германовичъ, уходя къ губернатору. На половинѣ дороги, онъ вспомнилъ, что забылъ одну очень важную бумагу, и потому воротился въ канцелярію.

Подходить и слышать тамъ необыкновенный шумъ, крикъ, хохотъ. Желая узнать, что дѣлаютъ безъ него чиновники, онъ тихонько вошелъ въ прихожую, и что же видитъ: Саша, стоя посреди комнаты и держа за ухо Степана Андреевича, толстенькаго старичка-чудака, о которомъ мы развѣ вамекнули, говорилъ цыганскимъ разговоромъ: А ну, Гаврилко, покажи какъ старья бабы пляшутъ!

Степанъ Андреевичъ началъ приплясывать, стараясь подражать хваткамъ медвѣдя, а весельчакъ Алексѣй Герасимовичъ насвистывая *плясовую*, барабанилъ, вмѣсто бубенъ, кулаками по столу.

Остальные чиновники хохотали на-повал.

— Прекрасно, господа, прекрасно! усердно занимаетесь дѣломъ!

Можете представить себѣ кутерму: всѣ бросились по мѣстамъ, стукъ ужасный; тотъ не сыщетъ своихъ бумагъ, тотъ—пера, тотъ очутился на чужомъ стулѣ; одинъ Степанъ Андреевичъ остался на мѣстѣ, вынулъ табакерку и началъ хладнокровно нюхать табакъ.

— Не стыдно ли вамъ, Степанъ Андреевичъ, продолжать секретарь, ребячиться, плясать!...

— Да что жъ мнѣ было дѣлать? Саша пристала, да пристала, точно съ ножомъ къ горлу: «попляши, да попляши.»

— Саша Богъ знаетъ что заставилъ бы васъ дѣлать, вы и послушали бы его?...

— Не сердитесь, пожалуйста, Федоръ Ивановичъ! поюхайте лучше табачку!..

— А тебѣ, Саша, не стыдно смѣяться надъ старикомъ? А еще влюбленный молодой человекъ, и я его, какъ добраго, давеча похвалялъ, а онъ! хорошо! Все разскажу Лизаветѣ Николаевнѣ—увидишь!

— Говорилъ: не шали—пропала конфетка!..

— А ты, Алексѣй Герасимовичъ, еще человекъ образованный, вдовець, шестеро дѣтей—а туда же связался.

— Да что же, я только поигралъ, а не плясалъ, право не плясалъ.

— Прилично?..

— Развѣ веселиться не прилично?..

— Очень пристало... особенно самъ!

— А зачѣмъ же мой батюшка бывало, пѣвалъ:

Кто все плачетъ, да вздыхаетъ,
Вѣчно смотреть сентябремъ,
Тотъ науки «жизнь» не знаетъ
И не видитъ свѣта днемъ.

— Да вспомните, Федоръ Ивановичъ, какъ вы еще были понытчикомъ — вѣдь тоже частенько играли со мной въ сивѣжки.

— Съ тобой не сговоришь! Потомъ, обратясь къ Чебоченкѣ, онъ сказалъ:

— Антонъ Антоновичъ! вы здѣсь солиднѣе всѣхъ: пожалуйте смотрите за нами, чтобы не шалили безъ меня!

— Помилуйте, Хведоръ Ивановичъ, отвѣчалъ Чебаченко, я имъ сколько разъ говорилъ, чтобы они не шалли—не слушають!..

— Самъ ты ошалѣлъ, шепнулъ Алексѣй Герасимовичъ, сидѣвшій возлѣ Чебаченко.

— Не слушають, да и только. Особливо Алексѣй Герасимовичъ, все *глузуютъ* надо мною.

Алексѣй Герасимовичъ, оставивъ писать и глядя на Чебаченко съ гримасою, но такъ, что секретарь не видѣлъ, продолжалъ шепотомъ:

«*Глузуютъ!* самъ ты *глузуютъ!* хохоль! сало!..»

— Вы не говорите имъ ни слова, а только замѣчайте, кто не будетъ заниматься безъ меня дѣломъ, и скажите потомъ мнѣ.

Слушаю, Хведоръ Ивановичъ!

Федоръ Ивановичъ ушелъ опять къ губернатору; въ сѣняхъ онъ услышалъ, какъ въ канцеляріи нѣсколько голосовъ закричало:

«Сало! *глузуютъ!*.. галушки!... хохоль!.. *Хведоръ Ивановичъ!*»

Экіе шалуны! подумалъ Германовичъ и всю дорогу улыбался, вспоминая сцену, видѣнную имъ въ канцеляріи.

Только-что онъ вошелъ въ прихожую, всѣ лакеи вытянулись въ-струнку; двери отворились настежь.

Въ залъ его встрѣтила губернаторша (чего прежде не бывало); она, казалось, была чѣмъ-то озабочена.

— Здравствуйте, Федоръ Ивановичъ, сказала она ласково, идя на-встрѣчу Германовичу, пожалуйста къ Борису Евграфовичу, онъ васъ давно ожидаетъ.

«Что за чудеса? подумалъ секретарь.

Варвара Степановна вошла въ кабинетъ въ-слѣдъ за Германовичемъ.

— Не хочеть ли и она слушать сегодня докладъ? подумалъ опять секретарь.

Губернаторъ встрѣтилъ его чрезвычайно ласково, даже дружески: взявъ за руку, подвелъ къ кресламъ и попросилъ сѣсть.

Удивленный необыкновенною ласкою, Федоръ Ивановичъ едва собрался съ духомъ проговорить:

— Тутъ есть двѣ очень нужныя бумаги...

— Можно оставить до завтра, отвѣчалъ губернаторъ; мы теперь займемся другимъ дѣломъ. Помолчавъ немного, онъ продолжалъ торжественно: — Ну, Федоръ Ивановичъ! я и Варвара Степановна чувствительно благодарны вамъ за честь, которую вы намъ сдѣлали, изъявивъ желаніе вступить съ нами въ родство. Съ нашей стороны мы душевно рады такому жениху для Лизы, какъ вы...

— Лиза, перебила его жена, просила меня благодарить васъ за честь и передать вамъ, что она, душевно уважая васъ, съ радостію вручаетъ вамъ свою судьбу. Это нечаянное предложеніе разстроило немного ее... дѣвушка молоденькая... потому-то и не можетъ она сама изъяснить вамъ свое согласіе: она не такъ здорова... впрочемъ, не безпокойтесь, это пустяки, все пройдетъ.

Губернаторъ съ губернаторшею говорили наперерывъ, такъ-что бѣдный, ошеломленный Германовичъ, не имѣлъ времени сказать почти ни одного слова. Чтобы самому не спутаться и васъ не сбить, господа, я по-неволѣ долженъ въ моемъ разсказѣ употребить форму драмы.

Германовичъ (совершенно потерявшись).

Ваше превосходительство!

Губернаторъ (дружески трепая по плечу), пожалуйста переставьте церемониться со мною: мы скоро будемъ съ вами самые близкіе родственники.

Губернаторша. Вольно было вамъ удалиться отъ насъ, мы васъ считали всегда какъ роднаго.

Германовичъ. Третій мѣсяцъ, какъ я только схоронилъ мать...

— Г-ша. Въ городѣ всѣ знаютъ, какъ вы любили и уважали вашу матушку; вы сдѣлали для нея все, что должно доброму сыну, чего же болѣе?..

Г-ръ. Да, это правда. На-счетъ этого не безпокойтесь. Сегодня мы сдѣлаемъ обрученіе, а черезъ недѣлю и свадьба.

Г-чъ. (*поблѣднѣвъ*) Сегодня?..

Г-ръ. (*перебивая*) Вамъ известно: даже въ законахъ именно сказано, что смерть родителей не можетъ быть препятствіемъ для вступленія въ бракъ дѣтямъ.

Г-чъ. Сегодня... но мнѣ надо приготовиться...

Г-ръ. О, не хлопочите, обрученіе мы сдѣлаемъ безъ лишнихъ церемоній.

Г-ша. Вы такъ со вкусомъ были одѣты на послѣднемъ балѣ въ клубѣ — какія же болѣе приготовленія?

Г-чъ. (*умоляющимъ голосомъ*) Отсрочьте обрученіе на одинъ день!... на одинъ день! умоляю васъ.

Г-ръ. (*пожимая плечами*) Нельзя, Федоръ Ивановичъ! Я уже ко всѣмъ знакомымъ разослалъ письма съ извѣстіемъ о помолвкѣ, и съ тѣмъ вмѣстѣ просилъ всѣхъ на обрученіе...

Г-ша. Я навѣрное знаю, что вице-губернаторша пріѣдетъ сегодня первая; Федосья Петровна, Аграфена Григорьевна не преминутъ тоже быть... и если отстрочимъ помолвку, то мы себя такъ скомпрометируемъ...

Г-ръ. Пойдутъ толки, пересуды, сплетни... Пожалуй, эти сплетни дойдутъ, съ прибавленіемъ, въ Петербургъ, а это будетъ для меня очень неприятно. (*Тономъ начальника*) Какъ угодно, Федоръ Ивановичъ—обрученіе сегодня, непременно.

Г-ша (*взявъ за руку Германовича*). Да, любезный племянничекъ, сегодня въ восемь часовъ непременно — такъ названо собратся и гостямъ.

Г-ръ. Я васъ не задерживаю: знаю, что вамъ много хлопотъ; идите готовиться къ вечеру... до свиданія...

Г-ша. Прикажете поцѣловать за васъ невѣсту?

Г-чъ (*съ отчаяніемъ*). Выслушайте!..

Г-ръ. Бумаги отошлю старшему столоначальнику.

(*Г-ръ и Г-ша ушли*).

Какъ человекъ, потерявшій память, разсудокъ, все чувства, стоялъ Германовичъ нѣсколько времени посреди кабинета; дикіе взоры его безсмысленно блуждали по стѣнамъ, по мебели. Наконецъ, казалось, онъ опомнился, вздрогнулъ, съ отчаяніемъ ударилъ себя по лбу рукой и, какъ безумный, выбѣжалъ на улицу.

Если бы ему прочли сентенцію военного суда: «Надворнаго Совѣтника Федора Иванова сына Германовича — растрѣлять» она не такъ поразила бы его, какъ то, что онъ слышалъ сейчасъ въ кабинетъ губернатора.

Женихъ вошелъ въ свой кабинетъ и не могъ узнать его: на зеленыхъ, давно знакомыхъ стѣнахъ рисовались какіе-то дивные узоры, на потолокъ горѣли звѣздочки, мебель плясала вокругъ; голова горѣла; онъ былъ весь въ огнѣ; безъ души, безъ мыслей ходилъ онъ по комнатамъ; но временамъ повторялъ въ слухъ... «въ восемь часовъ!... въ восемь часовъ!..» Походивъ еще, молча, по комнатамъ, и немного успокоившись, онъ ушелъ къ Авдотьи Ивановнѣ.

— Что вы со мной сдѣлали? сказалъ онъ ей съ укоромъ?

— Что такое, Федоръ Ивановичъ? Что съ вами?

— Кто просилъ васъ, кто далъ вамъ право сказать губернаторшѣ, что я хочу жениться на ея племянницѣ?

— Я не говорила — свидѣтель Богъ.

— Почему же они благодарили меня за предложеніе... и назначили сегодня сговоръ, проговорилъ Германовичъ нѣсколько запальчиво.

— Успокойтесь, Федоръ Ивановичъ, разскажите хладнокровно, что съ вами случилось?

Германовичъ въ короткихъ словахъ разсказалъ все, что происходило съ нимъ утромъ въ кабинетъ губернатора.

— Я ничего ровно не понимаю тутъ, сказала Авдотья Ивановна. Это происшествіе для меня самой такъ загадочно, что я не только вамъ, и себѣ не могу его объяснить... Неужели...

— И это вѣрно, что вы вполне передали мой отказъ.

— Я васъ уверяю честію.

— Хорошо!.. Не на радость же они выдаютъ за-мужъ свою племянницу.... О! дорого заплатятъ [они за шутку, сыгранную со мною!

— Мнѣ, право, удивительно, Федоръ Ивановичъ, за что вы такъ сердитесь на людей, которые, быть можетъ, отъ души желаютъ вамъ добра?

— Добра! Да кто просилъ ихъ желать мнѣ добра? кто далъ мнѣ право распоряжаться моею судьбой? моею частною жизнью?

— Положимъ такъ. Но, скажите, чѣмъ же не партія вамъ Лизавета Николаевна? Красавица собой, образована...

— Все правда; но я не хочу жениться на ней.

— Да ради Бога откройте, какая же причина? Безъ причины не можетъ быть такой сильной антипатіи...

— Она... кокетка!.. сказалъ хладнокровно Германовичъ.

— Какія пустяки! Ахъ, Федоръ Ивановичъ, кто не былъ молодъ? кто не былъ вѣтренъ? Повѣрьте, вышедши за-мужъ, она совершенно переменится...

— О! скорѣе выправите горбатого, чѣмъ исправите записную кокетку.

— Странно же вы думаете...

— Что дѣлать! такой мой характеръ, что я ни для кого и никогда не измѣню своихъ мыслей.

— Повѣрьте, черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы вы будете думать иначе.

— Значитъ, вы еще худо знаете меня! Клянусь вамъ, что если Лизавета Николаевна и совершенно переменится—будетъ искренно привязана ко мнѣ, я все-таки не въ состояніи ее любить; — ея ласки и ея любовь будутъ мнѣ всегда ка-

заться кокетствомъ, заранѣ выученными нѣжностями, которыя она прежде такъ щедро расточала всѣмъ и каждому!

— Какія мысли!...

— Эти мысли, не болѣе, какъ недѣля тому назадъ, я откровенно высказала Лизаветѣ Николаевнѣ.

— Не-уже-ли?

— Спросите ее.

— Бѣдная Лиза!..

— Мнѣ самому жаль ее... а себя еще болѣе...

— Это ужасно! Теперь я поняла ея положеніе!

— Васъ приглашали на сговоръ?

— Да; Варвара Степановна звала меня сегодня на-вечеръ; но только не написала зачѣмъ.

— Ради Бога, позъжайте къ нимъ, объясните все, что я теперь высказала вамъ...

— Признаюсь, это порученіе очень шекотливое; но, такъ и быть, я поѣду!... Мнѣ сердечно жаль бѣдной Лизы!...

Еще послѣ перваго посѣщенія Авдотьи Ивановны, когда только предполагали слѣвать предложеніе Федору Ивановичу жениться на Лизѣ, губернаторша смѣло сказала своей племянницѣ, что Федоръ Ивановичъ ищетъ, чрезъ Авдотью Ивановну, ея руки. Лиза удивилась, не повѣрила. Губернаторша была такъ увѣрена въ исполненіи задуманнаго ею плана на-счетъ Германовича, что, не заикнувшись, побожилась въ справедливости ея сказаннаго. Лиза испугалась, начала было отговариваться; но ей дали замѣтить, что дяденькѣ угодно, чтобы она согласилась непременно. Лиза просила дать ей время подумать.

Ее оставили до времени въ покоѣ.

«Не-уже-ли Германовичъ въ самомъ дѣлѣ сватается за меня? писала въ своей зеленой книжечкѣ Лиза послѣ того, что оцъ высказалъ мнѣ на балѣ!.. не можетъ быть!.. Къ-чему же тетушкѣ обманывать меня?...

А если... почему же и не такъ?.. Если онъ любитъ меня?.. Если онъ говорилъ это изъ ревности?.. Помню... я тогда такъ неосторожно разговаривала съ Полемъ... какъ я была вѣтренна!... Да если... онъ... Лиза!... вѣтъ, бѣдная! не лсти себѣ напрасно!... Помню, съ перваго нашего знакомства, онъ всегда старался высказать мнѣ свою холодность... И тогда, въ мазуркѣ, въ его рѣчахъ незамѣтно было ни досады, ни ревности; скорее это было какое-то наставленіе... и онъ сватается теперь!.. не можетъ быть!..»

Не-уже-ли дяденька и тетенька принудили его жениться на мнѣ?.. Невѣроятно. Но и то быть можетъ, я имъ накучила, я въ тягость имъ. Странно! не знаю, что объ этомъ и подумать! Меня однако мучить какое-то сомнѣніе.

«Я неволью уважаю Германовича, за его благородный образъ мыслей, за его доброе сердце, просвѣщенный умъ...»

«Чувствую, что я могу, что я буду любить его... я совершенно измѣню свой характеръ... буду... жить, дышать для него!

«А если онъ не измѣнитъ своихъ мыслей?!.. О, какъ ужасна тогда будетъ моя жизнь!.. ужасно!.. Лучше живой лечь въ гробъ...»

«Маменька, маменька!.. молись, родная, за свою сиротку-дочь!..»

Приписано послѣ. Онъ долженъ же объясниться со мной: изъ его словъ, изъ его обращенія я узнаю свою участь.

Въ роковой день, когда назначено было обрученіе, Варвара Степановна торопливо вошла въ комнату своей племянницы и съ принужденною веселостію сказала:

— Ну, Лизанька, поздравляю тебя!..

Лиза поблѣднѣла. Тетка продолжала:

— «Поздравляю, ты помолвлена! Она поцѣловала ее.

— «Тетенька!..» прошептала бѣдная дѣвушка, задрожавъ всѣмъ тѣломъ; слезы навернулись у нея на глазахъ.

— Поздравляю, другъ мой, и отъ души желаю тебѣ возможнаго счастья... О чемъ же ты плачешь, душа моя?... Подно,

невѣсть надо быть веселой... тѣмъ болѣе, что сегодня обрученіе.

— Сегодня?... спросила невѣста и тихо опустилась въ кресла.

— Да, сегодня, непременно. И гости уже приглашены.

— А невѣста ничего и не знала! сказала Лиза съ грустною улыбкою, склонившись голову на грудь.

— Мы нарочно не говорили тебѣ, чтобы обрадовать тебя нечаянностью...

— Обрадовать!... обрадовать!.. Зачѣмъ же онъ не объяснился со мной...

— Мы дали за тебя согласіе, зная, что ты, какъ благоразумная дѣвушка, не станешь противорѣчить въ этомъ случаѣ: лучшей партіи тебѣ нельзя сыскать.

— Надо же было спросить — *меня*: согласна ли я выйти за него за-мужъ или нѣтъ.

— Ты знаешь, Лизанька, его застычивость... Мы сами говорили ему то же, — никакъ не рѣшался.

— Тетенька, вы шутите на до мной?

— «Вотъ прекрасно, шутить такими вещами!»

— Ради Бога! скажите откровенно: онъ самъ, по доброй волѣ сдѣлалъ предложеніе? говорила дѣвушка, устремивъ на тетку выразительный, трогательный взглядъ; казалось, она хотѣла еще что-то прибавить къ этому вопросу, но не смѣла!

— Да кто же могъ его принудить? Вотъ странно!

— Правда ли?

— Не имѣя болѣе силъ скрывать свои чувства, Лиза, упавъ передъ теткой на колѣни и целуя руки ея, говорила сквозь слезы:

— Тетенька, вы не знаете еще, какихъ онъ мыслей былъ обо мнѣ! Если онъ не перемѣнился—я погибла!.. Позвольте мнѣ объясниться съ нимъ.

— Да теперь некогда, мой другъ... Вечеромъ еще успѣшь поговорить.

— Вечеромъ, будетъ поздно!

— Я не думаю, чтобы онъ могъ быть худыхъ мыслей объ тебѣ.

— Не разувѣряйте меня въ томъ, въ чемъ я убѣждена!

— Что же такое? скажи.

— Это моя тайна, которую я унесу съ собою въ гробъ. Позвольте мнѣ поговорить съ нимъ одну минуту!

— Не-могу, Лизанька! право не могу!

Слезы высохли на глазахъ Лизы; она говорила тихо и трогательно:

— Тетенька, вы жестоко поступаете со мной! Не спросивъ меня, вы дали за меня слово... и объявляете мнѣ объ этомъ только за нѣсколько часовъ до обрученія! Тетенька, у меня есть и разумокъ, и сердце, и воля!... это безжалостно!.. Еслибъ кто поступилъ такъ съ вашими дочерьми — вы вступились бы за нихъ. У меня нѣтъ ни отца, ни матери, нѣтъ ни кого, кто бы вступился за меня!... я въ вашей волѣ!... но я ваша племянница... не губите меня!..

— Это что за сцена изъ Лафонтеновскаго романа? сказалъ губернаторъ, нечаянно войдя въ комнату.

— Ничего, мой другъ, отвѣчала губернаторша, отирая невольную слезу, разумется Лизанькѣ жаль оставить насъ... Ну, и такъ нечаянно..»

— Надо радоваться, что Господь послалъ такого прекраснаго жениха.... Встань же, Лизанька, продолжалъ онъ, подымите ее! Да перестань плакать, какъ ты вечеромъ покажешься съ такими глазами?

— Дяденька, прошу васъ, отсрочьте, хоть на день этотъ сговоръ.

— Нельзя, мой другъ: весь городъ ужъ знаетъ объ этомъ, я scompromетирую себя.

— Позвольте мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, объясниться до обрученія съ Германовичемъ!

— Къ-чему это? Что за объясненія? все, что было нужно, мы ужъ переговорили съ нимъ: тебѣ нечего заботиться.

— Какъ нечего? вѣдь отъ этого зависитъ вся будущая моя жизнь!

— Не-уже-ли ты думаешь, что мы не желаемъ тебѣ добра? Стыдно, Лиза! право стыдно!.. Вспомни, что мы дѣлали для покойницы твоей матери, для тебѣ!.. и ты такъ намъ благодарна за всё! такъ доверишь намъ!.. Вспомни, что твою мать, умирая, сдѣлала меня твоимъ опекуномъ, вручила мнѣ твою судьбу.

— Дяденька! я васъ, кажется, ни чѣмъ и никогда не огорчала... я всегда съ радостію исполняла вашу волю. Я выполняю чувствую все, что вы дѣлали для насъ; но, рѣшая мою судьбу, все-таки вы хоть въ шутку бы спросили прежде моего согласія.

— Развѣ я самъ не знаю, что для тебя полезно и что вредно?

— Но у меня тоже есть и сердце и разумъ...

— Ты еще ребенокъ...

— Нѣтъ, не ребенокъ... мнѣ осьмнадцать лѣтъ и, кажется, что я могу уже выйти изъ-подъ опеки.

— Чтожь ты хочешь этимъ сказать? крикнулъ запальчиво дядя; что мы не имѣемъ права распорядиться тобой? Послушайте, сударыня, я знаю причину вашего упрямства.

— Нѣтъ, не знаете, отвѣчала Лиза кротко, но утвердительно.

— Знаю и давно знаю, я не слѣпой.

— Скажите же, что такое?..

— То, что вы, сударыня, завели какую-то неприличную интригу съ Подемъ?.. вы поглядѣли ему въ вѣчную вѣрности... вы...

— Га! простонала Лиза и, почти безъ чувствъ, упала въ кресло.

— Поди, мой другъ!.. сказала губернаторша, уводя мужа изъ комнаты.

— Германовичъ!.. ты правъ!.. прошептала, слва слышно, невеста, держа руки.

Она склонилась головою на спинку волтеровскаго кресла и закрыла глаза. Незаплетенная еще коса, подерживаемая

только гребнемъ, распустилась въ это время и густыми волнами упала на ея шею и бѣлый пеньюаръ...

Блѣдная, неподвижная, съ закрытыми глазами, она казалась мертвою.

Нѣсколько минутъ находилась она въ этомъ положеніи; наконецъ, слезы облегчили ея стѣсненную грудь; она встала, шатаясь, прошла по комнатамъ и упала на колѣни предъ образомъ.

Долго и безмолвно съ пламенной вѣрой, любовью и надеждой, взоръ ея устремленъ былъ на божественный ликъ Спасителя; наконецъ, поднявъ, руки къ небу, она произнесла торжественно:

Господи! да будетъ Твоя святая воля на мнѣ грѣшной!..

Въ тотъ же день, какъ было назначено, совершили обрученіе, а чрезъ недѣлю соборный протоіерей, благословляя кольцо передъ валомъ, посреди храма, новобрачнымъ читалъ громко:

«Въначается рабъ Божій Феодоръ рабъ Божій Елисаветъ.»

Саша была шаферомъ Елисаветы Николаевны. Блѣдненькой, поплакавъ накануне и утѣшился тѣмъ, что она выбрала его хоть шаферомъ.

Любовь его была самая чистая, любовь— неспорченнаго опытомъ жизни, сердца, любовь— съ одною только цѣлю— любить, любить и любить безконечно; другихъ желаній у него не было.

Завидно было ему счастье его начальника, но бѣшеная ревность не терзала его сердца.

И долго, долго хранилъ онъ жасминовый цвѣтокъ, подаренный ему, по обыкновенію, новобрачной, въ день свадьбы, передъ разѣздомъ гостей. Онъ былъ для него грустное и сладостное воспоминаніе первой, чистой и прекрасной любви,

Потомъ, увлеченный вихремъ свята, онъ, съ чистотою сердца, утратилъ и завѣтный цвѣтокъ...

Но возвратимся къ повѣсти; теперь только дошли мы до завязки.

Много было въ городѣ толковъ и пересудъ объ этой нечаянной свадьбѣ; сплетницы говорили одно; люди завистливые — другое, люди благонамѣренные — третье; первые шептали по секрету, что Лизаветъ Николаевнѣ необходимо надо было такъ скоро выйти за-мужъ; другіе — да скажетъ ли завистливый что-нибудь доброе о своемъ братѣ? послѣдніе же только молились: пошли имъ, Господи, советъ да любовь; но всѣ вообще думали и говорили одно: губернаторъ, просто, приказалъ своему секретарю жениться на своей племянницѣ.

Тихо и мирно прошли двѣ недѣли послѣ свадьбы въ домѣ Германовича. Если онъ не оказывалъ молодой супругѣ особенныхъ ласкъ, особенной нѣжности, по крайней-мѣрѣ, онъ не дѣлалъ ей непріятностей и не чуждался ее. Лиза, надменная отъ природы пламенной душой, при другихъ обстоятельствахъ, можетъ-быть, жаловалась бы на холодность мужа, но теперь она довольна была и тѣмъ, что онъ хоть сколько-нибудь оказываетъ ей знаки дружбы. Ласкаться къ нему она не смѣла: она помнила его ужасныя слова: «ея ласки, ея нѣжности я буду считать прежнимъ кокетствомъ!»

Черезъ два мѣсяца это мирное спокойствіе совершенно разрушилось. Германовичъ неожиданно и совершенно перемѣнился: бросилъ домъ и жену. Бѣдная, другой разъ не видала его нѣсколько сутокъ къ-ряду. Носились слухи, что онъ завелъ связи, дружбу съ отъявленными повѣсами въ городѣ, и буд-

тобы пристрастился къ картамъ; но службой занимался съ прежнимъ усердіемъ; часто съ 9 и до 5 часовъ просиживалъ въ канцеляріи.

Лиза не роптала, не жаловалась никому, не упрекала мужа; молча страдала, терпѣла и молилась.

И въ короткое время она тоже перемѣнилась: изъ прежней веселой, живой, безпечной, модной дѣвушки, она стала задумчива, убѣгала общества, людей и слѣдалась велицемирно-набожною.

Чтобы развлечь себя, она вышивала по канвѣ, или рисовала узоры; и часто, часто ея горячія слезы падали на работу.

Черезъ два мѣсяца, послѣ свадьбы, чиновники собрались въ канцеляріи губернатора позже обыкновеннаго.

— Что, Федоръ Ивановичъ не приходилъ еще? спросилъ Алексѣй Герасимовичъ, входя въ комнату и поправляя прическу.

— Нѣтъ еще не приходилъ, отвѣчалъ Саша.

— Опять явится поздно и просидитъ до четырехъ часовъ, присвокупилъ другой чиновникъ.

— А что? спросилъ Алексѣй Герасимовичъ.

— Да его опять видѣли у Чупринскихъ.

— И вѣрно, опять игралъ въ карты. Теперь Федору Ивановичу можно сказать:

«Похвальный листъ тебѣ—ведешь себя исправно!...

— Каково-то жевѣ? прошепталъ Саша, прилежно занимаемая работой.

— Я думаю, не весело! отвѣчалъ Алексѣй Герасимовичъ.

— А какъ она хороша!... и какое сердце должно быть у человека, который могъ бросить такую жену! Если онъ не любилъ ее, зачѣмъ было жевѣться?!

— Да что жь дѣлать, когда приказали, сказалъ Алексѣй Герасимовичъ.

— Можетъ быть, и ее приневолели «прибавилъ чиновникъ, Матвей Гавриловичъ.—А право, Елисавета Николаевна всегда могла бы найти себѣ хорошую партію.

— Ахъ, какъ овъ-съ перемѣнились ужасно, сказалъ Степанъ Андреевичъ, подойдя къ разговаривавшимъ.

— Да кто онъ? спросилъ Алексѣй Герасимовичъ.

— Елисавета Николаевна, супруга-съ Федора Ивановича.

— А вы гдѣ ее видѣли? спросилъ Алексѣй Герасимовичъ, такимъ тономъ, будто изъ милости говорить съ Степаномъ Андреевичемъ.

— Да у Благовѣщенія, я тутъ-съ не подальше живу-съ; все хожу туда по праздникамъ къ обѣдни, и Елисавета Николаевна каждую вечерню, заутреню и обѣдню бываютъ тамъ. Заберутся куда-нибудь въ уголочекъ, стануть на колѣни— и такъ усердно молятся, да заливаются слезами.

— Ужасно перемѣнилась! проговорилъ опять Саша.

— А ты гдѣ ее видѣлъ? спросилъ съ улыбкою Алексѣй Герасимовичъ.

— Домой идешь мимо ихъ, другой разъ и увидишь ее у окна.

— Смотри по окнамъ! скажу Федору Ивановичу, такъ онъ тебѣ задастъ!

— Да что же губернаторъ не вступится за племянницу?

— Она такъ благородна, что, вѣрно, не станетъ никому жаловаться на мужа, сказалъ съ примѣтною запальчивостію Саша.

— Ретивое еще не простило! замѣтилъ шутя Алексѣй Герасимовичъ, показывая глазами на Сашу.

— Онъ и самъ въ это время похудѣлъ, сказалъ съ улыбкою Матвей Гавриловичъ, куда румянецъ дѣвался!

— Да, да! Скажу вамъ, господа, только по секрету, и слышалъ, продолжалъ Алексѣй Герасимовичъ, понизивъ голосъ, губернаторъ недавно ужасно гонялъ Федора Ивановича.

— Вотъ, господа, какъ можетъ я самый прекрасный чело-вѣкъ, *уласти!* сказалъ наконецъ Чебаченко, положивъ перо и принявъ на себя важный видъ профессора.

— Тише, господа! возгласилъ Алексѣй Герасимовичъ, панъ Чебаченко *почаеъ* говорить по-ученому.

— Ивана Александровича еще нѣтъ? спросилъ смиренно Чебаченко, покраснѣвъ до ушей и принимаясь опять рабо-тать.

Иванъ Александровичъ былъ записной игрокъ и, если вѣрять слухамъ, просто, шулеръ. Онъ-то, во время бала, предлагалъ Алексѣю Герасимовичу сыграть партію на бильярдѣ.

— Не приходилъ еще, отвѣтилъ кто-то, —вѣрно въ карты играетъ.

— Въ прошлое воскресенье, началъ говорить Алексѣй Герасимовичъ, я встрѣтилъ Германовича за городомъ, и, признаюсь, въ такомъ обществѣ, что еслибъ не самъ я видѣлъ его, то никому не повѣрилъ бы.

— Да, прервалъ его Матвей Гавриловичъ, разъ онъ за-тащилъ меня съ собою... славно мы покутили съ нимъ... совѣстно даже вспомнить, да что дѣлать, прошлаго не во-ротить!...

Въ канцелярію вошелъ высокой, стройный мужчина, лѣтъ двадцати-пяти; можно было бы назвать его красавцемъ, но распухшіе глаза, изнуреніе въ чертахъ лица, всклокоченные волосы производили непріятное впечатлѣніе на каждого съ перваго взгляда. Онъ раскланялся.

— Здравствуйте, Алексѣй Герасимовичъ!

— Здравствуй, Ваня, отвѣчала Алексѣй Герасимовичъ серьезно, подавая ему руку.

— Здравствуй, Ваня? Что загордился, не хочешь здоро-ваться? молвилъ Матвей Герасимовичъ: вѣрно, много вы-игралъ! Былъ у Чуприянскихъ?

— Былъ.

— Игнали въ карты?

— Всю ночь, на-пролетъ.

— А Федоръ Ивановичъ былъ тамъ? спросилъ торопливо Саша.

— Какой странный человекъ этотъ Германовичъ! видно что нехотя играетъ въ карты, а играетъ; ставитъ карту безъ соображенія, не подумавши, будто миллионеръ! По всему видно, что онъ и понятія не имѣетъ о картахъ.

— Проигралъ онъ или выигралъ? спросилъ съ участіемъ Саша...

— Какъ обыкновенно, проигралъ.

— Сколько?

— Шесть-сотъ рублей, слишкомъ.

Саша не могъ болѣе заниматься работой; онъ склонилъ голову на руку и задумался.

— А ты радъ случаю обыграть, сказалъ съ упрекомъ Алексѣй Герасимовичъ.

— Почему же, кто врагъ себѣ? Я выигралъ у него рублей четыреста.

Алексѣй Герасимовичъ продолжалъ говорить въ томъ же духѣ:

— И достало совѣсти взять деньги?

— А еслибъ я проигралъ, онъ, вѣрно бы, взялъ.

— Проиграешь ты! Но развѣ ты не могъ уговорить Федора Ивановича, чтобы онъ не игралъ, тѣмъ болѣе, что самъ ты говорить, что онъ понятія не имѣетъ о картахъ?

— Развѣ онъ ребенокъ?

— Павда. Ты радъ былъ бы и мать родную обыграть....

— Къ-чему такіа выраженія!... вѣчно насмѣшки.... Ахъ, какъ спать хочется. Я уйду, Алексѣй Герасимовичъ.

— Да кто васъ держитъ!

Что-бы расположить къ себѣ хоть сколько-нибудь чиновниковъ, онъ вздумалъ подтрунить надъ Чебаченко.

— Антонъ Антоновичъ, не записывайте, пожалуйста, что я рано ушелъ: старшій столоначальникъ отпустилъ меня.

— А мнѣ, что за дило!... Идите, пожалуйста, хоть не мисшайте *другимъ* дило дилать, а зъ васъ проку мало. Оно же и воздухъ буде чище.

Чиновники захохотали, только уже не на-счетъ малороссійскаго произношенія Чебаченко.

Ваня догадался и, не простясь ни съ кѣмъ, скрылся изъ канцеляріи.

— Ну ужъ человекъ! сказалъ Алексѣй Герасимовичъ.

— Да! примолвилъ Матвѣй Гавриловичъ. Помолчавъ, онъ сказалъ, какая участь ожидаетъ Лизавету Николаевну?

— Какая! отвѣчалъ Алексѣй Герасимовичъ, горько улыбувшись: умереть если не отъ чахотки, такъ съ отчаянія.

— Бѣдная, Лизавета Николаевна!

— Никто, какъ Богъ! сказалъ, снова вѣтшавшись въ разговоръ, Степанъ Андреевичъ; можетъ-быть, Милосердый и услышитъ ея молитву!

У Саши навернулись слезы.

Алексѣй Герасимовичъ замѣтилъ это и сказалъ съ принужденною веселостію:

— Полно хмуриться, Саша; заставъ-ко лучше поплакать своего медвѣдя!

— Опять вы за *ведмвдл*, господа! проворчалъ Чебаченко. Саша взялъ шляпу и ушелъ.

— Все еще любить ее! сказалъ Алексѣй Герасимовичъ.

— Да кто ее и не любилъ! замѣтилъ Матвѣй Гавриловичъ. А толковъ-то, толковъ теперь по городу!

Въ это время въ канцелярію вошелъ Германовичъ и спросилъ бумаги для доклада губернатору.

— Ну, господа, прощенталъ Алексѣй Герасимовичъ: теперь просидимъ до шести часовъ.

—

Черезъ четыре мѣсяца послѣ свадьбы, Лиза писала, уже по-русски, въ своей зеленой книжечкѣ:

«Ты мнѣ не нужна болѣе, моя памятная книжечка!.. я спрячу тебя далеко, далеко, чтобы люди не читали послѣднихъ страницъ твоихъ, не звали моей тоски, моихъ мученій. Записывая въ тебѣ безпристрастно мои поступки, я хотѣла по-

вѣрять тѣмъ сама себя каждый день и стараться день-о-то-дня быть добрее, быть лучше. Теперь горе смирило меня!... я не та.... ты мнѣ не нужна болѣе! Ты мнѣ была другомъ лосихъ-поръ... тебѣ повѣрала я мои тайны. Теперь у меня есть другъ—лучше тебя; онъ здѣсь, подъ моимъ сердцемъ!.. вѣрный другъ!... Милосердый Творецъ! благослови его увидѣть свѣтъ *Твой!*—*Она* утѣши!... мать!.. Оно мое, мое родное дитя—оно будетъ любить свою бѣдную маму—*Лизу!*.... я сама буду кормить его грудью, сама ухаживать за нимъ день и ночь! Дождусь ли я этой радости!... А тамъ оно подростетъ.... замѣнитъ мои слезы и спроситъ: «Мама! о чемъ ты все плачешь? Я не скажу ему *всего*: я не вооружу его противъ людей... А тамъ! закроетъ мои глаза и схоронитъ меня! Будетъ и у меня на свѣтъ вѣрный другъ....

— И, почему знать, быть можетъ, онъ будетъ примирителемъ!... О, дай, Господи!...

— *Его* вѣтъ третій день!... Я начинаю привыкать къ этому. Но теперь какъ бы мнѣ хотѣлось скорѣе увидѣть *его*... скорѣй сказать ему радостную вѣсть!.. Какъ онъ приметъ ее?.... какое впечатлѣніе сдѣлаетъ она на душу *его*?

Германовичъ пришелъ, наконецъ, домой.

Съ сильно-бьющимся сердцемъ, но съ свѣтлымъ взоромъ, въ веселую, очаровательную улыбку Лиза сказала мужу радостную вѣсть—быть скоро матерью.

Холодно, нахмури брови, выслушалъ онъ ее, просвисталъ, какую-то новую пѣсенку и ушелъ изъ дому. Бѣдная Лиза!

Но она не отчаявалась.

И день и ночь со слезами молила она Бога даровать жизнь ребенку.

Наступил Великій Постъ. Пришла весна; снѣгъ почти растаялъ; только кое-гдѣ, въ захлостуѣ, прятался еще отъ дневнаго свѣта. Воздухъ вѣялъ жизнью; кое-гдѣ показывалась

травка, а въ затишья, отъ вѣтра, на солнышкѣ уже разцвѣлъ и желтый цвѣточекъ.

Хороша весна! Хорошо и все у Бога!

Лиза вечеромъ вышла въ садъ, походить, подышать весеннимъ воздухомъ; послѣ прогулки она почувствовала себя дурно. Легла въ постель, позвала няню.

Старушка, няня Германовича (которая, мимоходомъ скажу, отъ души полюбила молодую свою барыню) прибѣжала къ ней.

— Что съ тобой, родненькая? спросила она ее съ участіемъ.

— Ахъ, няня, я нездорова! Старушка подала ей образъ. Молись, моя милая барынька, молись: Богъ пошлетъ тебѣ облегченіе.

Лиза молилась; готовилась къ смерти и къ священной, радостной минутѣ — быть матерью.

Всю ночь ужасно страдала Лиза. Къ утру Богъ даровалъ ей дочь.

Германовича не было другой день дома.

Безъ него пришелъ священникъ, далъ молитву и имя новорожденной.

Ея назвали Маріей.

Радость матери при рожденіи ребенка не возможно описать! Если отецъ, въ ту минуту, когда въ первый разъ возьметъ на руки новорожденное дитя свое, плачетъ отъ радости,—что же должна чувствовать мать! О! это высокая, святая радость, выше понятія мужины! Мнѣ кажется, никакая мать не можетъ передать вполне чувствъ, ощущаемыхъ ею въ ту минуту, когда услышитъ первый крикъ своего младенца. А радость Лизы была вдвое сильнѣе: теперь она не круглая сирота!

На третій день, послѣ рожденія дитяти, Федоръ Ивановичъ воротился домой. Бессонныя ночи, беспорядочная жизнь примѣтно разстроили его здоровье. Онъ былъ не въ-духъ.

Съ трепетомъ, колеблясь между страхомъ и надеждою, Лиза благословила дочь и съ старушкою-няней послала ее къ отцу.

Кабинетъ Германовича находился подлѣ спальни; двери были отворены, следовательно, Лиза могла слышать все, что дѣлалось тамъ.

— Къ вамъ гости пришли, баринъ, сказала няня, низко кланяясь.

Германовичъ вздрогнулъ и всталъ съ мѣста. Что-то похожее на радость мелькнуло на его блѣдномъ, изуренномъ лицѣ.

— Поздравляю васъ, баринъ, съ дочкой, Марьей Федоровной.

Германовичъ опустилсѣ опять въ кресло и, продолжая курить трубку, проворчалъ:

— Дочь! будетъ такая же кокетка!..

Эти слова больно отозвались въ сердцѣ Лизы.

Ребенокъ, будто понявъ обиду, слѣзанную матери, началъ горько плакать.

— Да увеси ты отсюда это губернаторское племя! закричалъ съ досадою Германовичъ.

Лиза, до-того столько перенесшая горя, теперь такъ обрадованная рожденіемъ дочери, хотя и огорчилась выходкою мужа, но все не такъ сильно, какъ надо было предполагать. Прижавъ къ своей груди милую крошку и кропя ее слезами, она говорила тихо, съ улыбкою, тѣмъ голосомъ, какимъ нѣжная мать такъ мило разговариваетъ съ своимъ дитятей:

— Машу прогвалъ папа!... Бѣдная Маша! Папа не полюбилъ ее!... да, не полюбилъ, не приласкалъ, прогвалъ Машу!... Папенька, за что вы сердитесь на меня? я вамъ ничего еще не сдѣлала, я глупенькая дѣвочка—я не понимаю ничего. Подождите, папаша, я вырасту большая—буду любить васъ, буду васъ цокотить, очень, очень буду любить! Не сер-

дись на меня, папаша!... Бѣдная Маша! полно плакать! о чемъ такія горькія слезы?... Мама любить и будетъ любить Машу!

Съ этихъ поръ Лиза каждый день молилась такъ: и «Милосердый, Господи! отними отъ меня пагубную красоту! Излей на меня одну праведный Твой гнѣвъ; но, ради неизрѣченного Твоего милосердія, Отецъ Небесный, возврати невинному Твоему созданію любовь отца его земнаго!...

—

Настала Страстная Недѣля. Истинные христіане въ постѣ и покаяніи ожидали великаго, торжественнаго, священнаго дня!..

Всѣ церкви были полны народомъ.

Каждый ожидалъ великаго дня свѣтлаго Воскресенія, верховнаго торжества Христіанъ.

Скажите, кого изъ васъ не умиляли трогательныя, исполненные высокой поэзіи, молитвы Страстной Недѣли? Кто изъ васъ могъ равнодушно, безъ слезъ, слушать послѣднюю, поучительную, прощальную бесѣду нашего Спасителя съ Своими учениками?! Его страданія и вольную смерть?!

Но, наша дольная жизнь—жизнь суеты.

Заботливыя хозяйки въ-тихомолку, чинно, суетились дома и на рынкахъ, закупаѣли провізію, пекли куличи, красили яички, убирали комнаты; у всѣхъ было одно желаніе: какъ бы лучше, приличнѣе встрѣтить великій день.

Но вотъ настала Великая Суббота. Всѣхъ хлопоты почти кончены: куличи вынуты изъ печь, окорока запечены; пестрыя, красивыя яички красуются на блюдахъ.

Солинышко, казалось, закатилось раньше, будто ушло приготовиться, принарядиться къ заветрашнему дню!

Заря погасаетъ. Всюду тишина.

Но возвратимся къ нашимъ горемычнымъ супругамъ.

Германовичъ говѣлъ на Страстной Недѣлѣ. Всѣ эти дни онъ былъ только въ церкви, въ должности и дома; но съ Лизой почти не видѣлся.

Въ среду, передъ вечерней, онъ вошелъ въ ея комнату, и потупивъ глаза, промолвилъ тихо:

— Прости меня, Лиза! я иду къ исповѣди.

— Богъ тебя проститъ! отвѣчала кротко Лиза; прости и меня!

Онъ отвѣчалъ ей тоже.

— Прощаешь? спросила выразительно Лиза.

— Богъ тебя проститъ! отвѣтилъ онъ едва слышно, пожавъ ей руку и ушелъ.

Въ четвергъ онъ цѣлый день былъ съ Лизой, говорилъ съ ней дружески; даже взялъ на руки Машу, поцѣдовалъ ее, приласкалъ.

Какой счастливый день для матери!

Лиза, оправившись послѣ болѣзни, говѣла, и въ четвергъ также приобщилась Святыхъ Таинъ. Можете судить, какъ радостенъ былъ для нея этотъ день.

Въ пятницу Федоръ Ивановичъ былъ въ канцеляріи и приводилъ въ порядокъ дѣла.

Въ субботу онъ возвратился изъ должности въ первомъ часу и, чего не бывало-давнымъ-давно, вошелъ прямо въ комнату жены.

Здравствуй Лиза, сказалъ онъ ей голосомъ, въ которомъ замѣтно было какое-то принужденное, дружеское привѣтствіе.

— Здравствуй, Федоръ, отвѣчала она ласково, пожавъ съ чувствомъ поданную ей руку.

— А Маша!.....

— Спать.

— Здорова?

— Славу Богу!

— Всѣ эти вопросы замѣтно были не отъ сердца; но Лиза была рада и тому.

— Велѣтъ подавать обѣдать? спросила хозяйка, сдѣлавшись вдругъ, отъ нѣсколькихъ незначительныхъ словъ мужа, какъ-то свободнѣе, веселѣе.

— Я не буду обѣдать.

— И я тоже.

— Да, я забылъ, къ тебѣ есть письмо, кажется, отъ твоего двоюроднаго брата, изъ Петербурга. Онъ подаль ей запечатанный пакетъ, адресованный на его имя, для передачи Елисаветѣ Николаевнѣ Германовичевой. Онъ узналъ почеркъ руки по адресу.

— Ко мнѣ! спросила съ удивленіемъ Лиза.

— Да.

— Лиза распечатала... пробѣжала нѣсколько строчекъ, уронила письмо изъ рукъ и залилась слезами.

— Что съ тобой?

— Я не заслужила подобной обиды! сказала она, заплакавъ. Подавая мужу письмо, она проговорила умоляющимъ голосомъ:

— Ради Бога, прочти!...

— Письмо было дѣйствительно отъ Поля.

Желая отметить Лизѣ, онъ написалъ къ ней письмо: въ немъ, съ ужасными прибавленіями напоминалъ Лизѣ прошлое время, ея любовь (почти небывалую) къ нему, ея клятвы въ вѣрности (а бѣдная, никогда и ни въ чемъ не клялась ему). Упрекалъ ее въ измѣнѣ и, съ тѣмъ въ мѣстѣ, намекалъ ей рѣзко на прежнее ея кокетство. Клялъ, на чемъ стоить свѣтъ, тирана-мужа, общался отметить ему и, въ добавокъ заклиналъ Лизу, всѣмъ священнымъ для нея, забыть міръ, забыть людей, упасть къ нему на грудь и бѣжать съ нимъ далеко, далеко — туда, гдѣ нѣтъ *предразсудковъ*, туда, въ *Индію*, *гдѣ впервые въ людяхъ пробудилось стремленіе къ сознанию абсолютной истины, и въ которой сознание это остановилось замкнуто въ самомъ себѣ, на первомъ моментѣ*, — и почти все письмо написано было такъ.

— Полно, Лиза, плакать, сказалъ дружески Федоръ! Стоить ли эта глупость слезъ?

— Но эта дерзость обидна! Я ея не заслужила. Что подумаешь ты? О, какъ оправдываются твои слова!

— Полно же, Лиза, плакать для такого дѣла!... перестань!...

тебѣ и Машѣ это вредно. Это письмо не стоитъ того, чтобы его рвать, оно ниже презрѣнія. Успокойся, мой другъ!

Онъ поцѣловалъ ея руку.

Лиза вздрогнула, устремила на него пламенный, выразительный взглядъ... и молчала.

Давно не слыхала этихъ словъ, давно не видала малѣйшихъ ласкъ бѣдная Лиза. Тронутая до глубины души, она, въ избыткѣ чувствъ, цѣловала руки Федора.

Гермамовичъ прижалъ ея голову къ груди своей, поцѣловалъ ее, потомъ тяжело вздохнулъ и ушелъ въ свою комнату.

Лиза не понимала отъ радости, что съ ней дѣлается.

До самаго вечера Федоръ не выходилъ изъ кабинета. Нѣсколько разъ Лиза тайкомъ заглядывала туда. Онъ сидѣлъ все въ одномъ положеніи: опершись головой на руку, въ грустномъ раздумьѣ.

Мы знаемъ, какъ поступили съ Федоромъ Ивановичемъ. Его самолюбіе было сильно затронуто; оно-то мстило бѣдной Лизѣ. Изъ мщенія, онъ убѣгалъ своего дома, жилъ въ клубѣ; для развлеченія, познакомился съ нѣкоторыми молодыми людьми и съ ними, въ разгульной жизни, хотѣлъ заглушить и тоску и тайный голосъ совѣсти. Онъ не былъ пристрастенъ къ картамъ, но проигрывалъ часто цѣлыя ночи для того, чтобы до Лизы и ея дяди дошли слухи, что онъ сдѣлался игрокомъ; это входило въ планъ его мщенія. Съ нѣкотораго времени онъ замѣтилъ ужасную перемѣну въ Лизѣ. Ея безропотное терпѣніе, ея кроткая, но глубокая грусть тронули его. Онъ чувствовалъ, сколько обидъ, сколько огорченій нанесъ ей; но сознаться предъ ней въ своихъ поступкахъ, вымаливать у нея прощеніе — это было слишкомъ трудно для него. Что же случилось съ его сердцемъ, съ его благородною душой?... Сердце и душа его были въ летаргическомъ снѣ; нужно было одно сильное потрясеніе, чтобы пробудить ихъ.

Теперь, въ грустномъ раздумьѣ, сидя въ своемъ кабинетѣ, онъ припоминалъ всѣ свои заблужденія и каился отъ-ду-

ши въ своихъ прежнихъ поступкахъ... Но на долго ли? — Увидимъ!

Настала прекрасная ночь. Вся природа ожидала какъ-будто чего-то торжественнаго. Толпы народа заходили по улицамъ изъ церкви въ церковь.

Лиза ждѣть не дожидается двѣнадцати часовъ. Часы едва дуть... Что-то сильно бьется ея сердце, какое-то тяжкое предчувствіе налегло ей на душу...

Прошло одиннадцать; еще остался часъ. Медленно передвигались стрѣлки, наконецъ стали близко подходить къ XII-ти; оставалось не болѣе двѣнадцати минутъ, Лиза начала одѣваться.

Толпы народа затопили улицы. Начали зажигать иллюминацію...

Вотъ загудѣлъ соборный колоколъ!...

Лиза съ радостными слезами упала на колѣни предъ образомъ и начала молиться.

Окончивъ молитву, она вошла въ кабинетъ мужа. Онъ плакалъ?

— Федоръ! спросила она, ты пойдешь къ заутрени?

— Пойдемъ! пойдемъ! отвѣчалъ онъ ей.

Въ церкви была тѣснота ужасная.

Федоръ Ивановичъ и Лиза медленно пробирались сквозь толпу.

— Здравствуйте, Федоръ Ивановичъ, сказалъ Ваня.

— А! Федоръ Ивановичъ, повторилъ еще какой-то пріятель.

— Здравствуйте! сказалъ третій; какая здѣсь тѣснота!

— Ужасно!

— Пойдемте къ Троицѣ.

— Нѣтъ, я останусь здѣсь, отвѣчала рвительно Германиновичъ.

— А тамъ, знаете кто будетъ...? Авдотья Семеновна.

Гермамовичъ показалъ глазами на жену.

№ 7. Отд. II.

1/5

Пріятели догадались и начали перешептываться.

Лиза оглянулась — мужа не было уже въ церкви. Таинственное предчувствіе заговорило яснѣе. Она вздохнула.

Но когда заглянута Христось воскрес — Лиза забыла землю и людей, душа ея парила высоко, высоко, выше темнаго неба, туда гдѣ свѣтитъ немерцаемый свѣтъ.

Народъ, ходившій за хоругвями, снова хлынулъ въ церковь; бѣдную Лизу сжали, сдавили; нѣкому было защищать ее. Вдругъ кто-то поджегъ ей вуаль: вуаль, чепчикъ, манишка, платокъ вспыхнули мгновенно — лице, шея и плечи были ужасно обожжены.

Саша едва пробился сквозъ толпу и вмѣстѣ съ Алексѣемъ Герасимовичемъ вынесли бѣдную Лизу изъ церкви. Губернаторшѣ съдѣлось дурно — она уѣхала домой. Губернаторъ, разславъ своихъ людей, Сашу и Алексѣя Герасимовича за докторами и за мужемъ, увезъ несчастную домой. Страданія ея были ужасны. Нельзя было слышать безъ трепета страшный стонъ ея.

Прошелъ часъ — нѣтъ доктора. Явились, одинъ за другимъ, губернаторскіе лакеи и донесли, что не отыскали ни одного лекаря. Наконецъ, Саша привезъ врача, а вслѣдъ затѣмъ пріѣхалъ и Алексѣй Герасимовичъ съ Германовичемъ. Докторъ осмотрѣлъ больную, успокоилъ ее, объявилъ, что она будетъ жива, но останется навсегда уродомъ.

Любуйтесь вашей жертвой! сказалъ губернаторъ мужу; вы не умѣли, вы не хотѣли понять этого ангела. Сколько она претерпѣла отъ васъ!... я все знаю... И теперь, еслибъ вы не оставили ее одну въ церкви, съ нею ничего бы не случилось. Радуйтесь! теперь есть вамъ предлогъ ненавидѣть ее — она останется уродомъ.

Всѣ посторонніе, кромѣ доктора, уѣхали.

Лиза! ангель мой! прости меня для этого дня!... рыдая произнесъ Федоръ Ивановичъ, упавъ на колѣна.

Едва слышнымъ голосомъ больная проговорила:

Милый другъ, ты не виноватъ!...

Говорятъ, въ ту же ночь въ комнату больной явился мужчина въ дорожномъ платьѣ; грозно посмотрѣвъ онъ на Германовича и сказавъ могильнымъ голосомъ: «Несчастная жертва!... Тиранъ!...» удалился изъ комнаты. Пріѣзжій этотъ былъ — Поль.

Авдотья Ивановна сама рассказывала, въ одномъ обществѣ, гдѣ и мнѣ случилось быть, происшествіе, которое я передаю вамъ, какъ умѣлъ.

— И Лиза осталась уродомъ? спросила, чуть не со слезами молоденькая хозяйская дочь.

— Да, отвѣчала Авдотья Ивановна, шрамы остались и досихъ-поръ на лицѣ и на шеѣ у Лизаветы Николаевны; одно чудо спасло ей глаза.

— Ахъ несчастная!...

— Отчего же несчастная! спросилъ старичекъ, съ англійской звездой на груди.

— Это ужасно: остаться уродомъ! Мужъ я думаю...

— Она сама просила Бога, отнять у нея пагубную красоту, которая была причиною ея несчастія. И я увѣренъ, что эта кара Господня обратилась бѣдной въ пользу.

— Точно такъ, ваше превосходительство, сказали Авдотья Ивановна. Я недавно была въ городѣ и останавливалась, по обыкновенію, у Германовичевыхъ. Я не могла налюбоваться на ихъ жизнь. Онъ обожаетъ ее до безумія, не знаетъ какъ и чѣмъ выказать ей свою любовь, свою преданность. Она не слышитъ души въ немъ. Маша выросла, уже большая дѣвушка... и двѣ капли воды прежняя Лиза.

— А Лизавета Николаевна очень безобразна? спросила какая-то дама.

— Напротивъ, ея глаза все также прекрасны, въ чертахъ лица что-то милое, улыбка ея прелестна, обращеніе очаровательно; а какъ она кротка, добра!...

— Ужасно—лишиться красоты! продолжала та же дама..
Счастливы тотъ, продолжалъ генераль, помолчать, кто умѣетъ пользоваться дарами Всевышняго, и горе тому, кто употребляетъ ихъ во зло!.. Бывшая Елисавета Николаевна испытала теперь это.

— Но, дяденька, сказала опять хозяйская дочь, испытаніе, которое вынесла Лиза, слишкомъ тяжело! За что ее Богъ такъ наказывалъ.

— Несповѣдимы судьбы Господни! Блаженъ, кто въ тяжкія минуты испытанія не предается отчаянію; но безъ ропота, съ вѣрою и любовію покоряетъ себя волѣ Всевышняго!..

— Это прекрасный урокъ кок... хотѣлъ я сказать, но меня перебилъ какой-то Франтъ вопросомъ:

— А что сдѣлалось съ Полеми?

— Говорятъ, отвѣчала Авдотья Ивановна, его убили на Кавказѣ.

— Все къ лучшему, возгласилъ усатый артеллерійскій полковникъ: вотъ хоть бы и смерть Поля: его пустая башка, быть можетъ, встрѣтила пулю, которая могла раздробить голову, болѣе полезную для отечества.

○ Николай Михорсій.

20 Июня 1831.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

ОСНОВАТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

(Повѣсть Карла де-Бернара.)

Въ концѣ 1834 года, не задолго до открытія палаты, молодой человекъ, пріятной наружности и ловкій въ приѣмахъ, показался, на самомъ разсвѣтѣ, въ улицѣ Жанъ-Жакъ-Руссо и скорыми шагами пошелъ къ почтовой гостинницѣ. На немъ былъ накинутъ широкій плащъ, вѣроятно, надѣтый изъ предосторожности, необходимой въ суровую погоду. Красивая, темнорусая бѣрода, окаймлявшая нижнюю часть лица, по модѣ, принятой тогда нѣкоторыми львами моднаго свѣта, и надвинутая на глаза шляпа придавали какую-то таинственность его физиономіи, которая, по извѣстной поговоркѣ, что крайности сходятся между собою, равно могла бы годиться заговорщику или шпиону, преслѣдуемому должнику или счастливому любовнику.

Этотъ ранній посѣтитель вышелъ на обширный дворъ, — гдѣ свѣтъ газа, сливаясь съ блѣднымъ сіяніемъ зари, разсвѣивалъ нѣсколько темноту утра, — и приблизился къ группѣ прикащиковъ, которые шумно разговаривали передъ почтовою конторою.

№ 7. Отд. IV.

— Лилльская почтовая карета прѣехала? спросилъ онъ такимъ голосомъ, въ которомъ выражалось тайное безпокойство.

— Нѣтъ, сударь, отвѣчали разомъ многіе голоса.

Успокоенный этимъ отвѣтомъ, молодой человѣкъ воротился къ главному подъѣзду гостиницы, гдѣ ни одна карета не могла укрыться отъ его наблюденія. Выбравъ мѣсто, надобно было исполнить скучную обязанность караульщика, которая была не слишкомъ привлекательна въ холодное зимнее утро. Незнакомецъ, сколько было возможно, уменьшилъ эту неприятность тѣмъ, что закурилъ сигару и плотнѣе завернулся въ свой плащъ; потомъ прислонился къ дверямъ и стоялъ неподвижно, безъ всякаго признака жизни, кромѣ клубовъ дыма, которые вылетали изъ-подъ его усовъ въ равные промежутки времени. Мимо его проскакали нѣсколько каретъ. Каждый разъ, какъ эти четырехколесные вихри неслись на дворъ, незнакомецъ нагибался, чтобы прочесть имя города, написанное на дверцахъ, и каждый разъ, обманувшись въ своемъ ожиданіи, принималъ прежнее положеніе.

Такъ прошло полчаса; но терпѣливый наблюдатель, повидимому, не терялъ духа. Наконецъ, стукъ экипажа въ десятый разъ привлекъ его вниманіе. Въмѣсто ожидаемой почтовой кареты, показались двѣ наемныя коляски, которыя неслись съ необыкновенной быстротою, и за одинъ разъ остановились у подъѣзда гостиницы. Отворились дверцы и изъ коляски торопливо выпрыгнулъ какой-то прѣзжій, не дождавшись, чтобы опустили подножку; на его озабоченномъ лицѣ выражалось опасеніе опоздать. Онъ тотчасъ побѣжалъ на дворъ и, обратившись къ первому встрѣчному, спросилъ его:

— Скажите, милостивый государь, не прѣехала ли почтовая карета изъ Лилля?

Не отвѣчая ни слова, незнакомецъ въ плащъ, потому-что вопросъ относился къ нему, бросилъ проникательный взглядъ на новопрѣзжаго. Лицо послѣдняго было закрыто склад-

ками огромнаго шарфа, изъ-за которыхъ видѣлись только маленькіе каріе глаза, обведенные широкими бровями того же цвѣта. Но этого было довольно, чтобы произвести на незнакомца неперіятное впечатлѣніе.

S do not under stand, проговорилъ онъ, плохо выдерживая англійское произношеніе. Потомъ, приподнявъ полу своего плаща до самыхъ глазъ, такъ-что самое проникательное любопытство стало бы въ-тупикъ, онъ обернулся спиною къ новопрѣзжему.

— Проклятый Англичанинъ! проворчалъ послѣдній. Эй, любезный, продолжалъ онъ, подойдя къ одному изъ прикащиковъ, о которыхъ мы упоминали прежде: не прѣехала ли почтовая карета изъ Лилля?

— Не могу сказать вамъ, отвѣчалъ прикащикъ; потрудитесь спросить объ этомъ вотъ у того господина, что стоитъ у подъѣзда и курить сигару; навѣрное, онъ знаетъ, прѣехала ли эта карета: онъ ждетъ ее ужъ цѣлый часъ.

— Да онъ не знаетъ по-французски.

— Статся-можетъ, отвѣчалъ прикащикъ, но, кажись, онъ говорить по-французски не хуже меня.

— Гмъ! Что же это такое? проворчалъ сквозь зубы прѣзжій и запряталъ свое лицо въ широкія складки шарфа. Кажется, мы оба ждемъ семейство Шевассю. Но кто же это? Не будь теперь Мореаль въ Дуе, я подумалъ бы на него.

Подстрекаемый любопытствомъ, онъ пошелъ-было къ сомнительному Англичанину, но только-что хотѣлъ завести съ нимъ разговоръ, какъ показалась почтовая карета и пронеслась ураганомъ между этихъ двухъ человѣкъ, которые въ одно время прочитали имя Лилль, написанное золотыми буквами на каждой дверцѣ. Въ эту рѣшительную минуту ихъ поведеніе представляло совершенный контрастъ; вѣроятно, незнакомецъ, прибывшій еще на разсвѣтѣ, имѣлъ очень важныя причины, чтобы сохранять свое инкогнито; онъ углубился въ самый темный уголъ двора, откуда могъ видѣть все, не подвергаясь опасности быть замѣченнымъ. Другой, напротивъ, велъ себя какъ человѣкъ, который не боится свѣта

и может смотреть всемъ прямо въ глаза. Онъ снявъ громадный шарфъ и открылъ свое лицо. Рвзкія черты и блѣдный цвѣтъ лица, черные и гладкіе волосы, густыя, почти сросшіяся брови, пронизательные глаза, — все это могло скорѣе привлечь къ нему вниманіе, чѣмъ внушить довѣренность.

Карета остановилась; къ ней поспѣшно приблизился описанный нами человекъ, отворилъ дверцы и откинулъ подножку. Первое существо, которое поторопилось воспользоваться этой услугою, была огромная испанская собака; однимъ разомъ она прыгнула на разстояніе шести футовъ и пачала дѣлать отчаянные прыжки, какъ-будто желала вознаградить себя за долгое время заключеніе. Въ ту же почти минуту выскочилъ изъ кареты молодой человекъ, въ красной бархатной ермолкѣ и въ сюртукѣ, нѣсколько похожемъ на плащи, употребляемые офицерами африканской арміи. Онъ размахивалъ хлыстомъ и кричалъ во все горло:

— Сюда, Юстиньянъ! Сюда, проклятое животное! Тебя украдутъ! Сюда!

Между-тѣмъ—какъ молодой путешественникъ гонялся за своею собакою, которая, при видѣ исправительнаго орудія, какъ-будто превратилась въ зайца, въ каретныя дверцы высунулось продолговатое, угрюмое лицо, на которомъ выразилось сознаніе достоинства, не смотря на простой, надвинутый до ушей, шелковый колпакъ чернаго цвѣта. Эта почтенная физиономія принадлежала одной особѣ лѣтъ пятидесяти, рослой, сухоощавой и довольно театральнаго жеста, которымъ эта особа отвѣчала на възливости человека, опустившаго подножку, равно-какъ и безстрастная важность въ лицѣ, — все это показывало полную увѣренность въ своемъ достоинствѣ, а равно расположеніе внушить и другимъ высокое о себѣ мнѣніе.

— Здравствуйте, любезный Дорнье, сказалъ важный человекъ, опираясь на плечо, подставленное подъ его руку: сейчасъ только говорилъ я Генриеттѣ и этому повѣсь, Просперу,

что, несмотря на раннее и холодное утро, я надѣюсь встрѣтить васъ при самомъ выходѣ изъ кареты.

— Хотя бы въ два часа утра, хотя бы при десяти градусахъ мороза, во всякомъ случаѣ вы встрѣтили бы меня здѣсь непременно. Ни за что въ свѣтъ я не уступилъ бы кому-нибудь другому удовольствіе прежде всѣхъ приветствовать ваше счастливое прибытіе въ Парижъ и поздравить васъ съ славнымъ событіемъ, которое привело васъ сюда. И такъ любезный мой господинъ — всегда я буду считать за честь называть васъ этимъ именемъ, — и такъ мой Шевассию, Сѣверный департаментъ наконецъ имѣетъ своего достойнаго представителя!

— Дорнье, вы льстите мнѣ! сказалъ господинъ Шевассию, на суровомъ лицѣ котораго заблестала одобрительная улыбка.

— Напротивъ, я не болѣе, какъ эхо общественаго мнѣнія. Да, вѣсть о вашемъ избраніи произвела общую радость; но осмѣлюсь, впрочемъ, замѣтить, что въ вашемъ торжествѣ никто не принимаетъ такого участія какъ я.

— Вѣрю, любезный мой Дорнье, вѣрю.

Распространяясь въ своихъ восторженныхъ увѣреніяхъ и, съ видомъ сердечнаго участія, пожимая руку новаго депутата, Дорнье посылалъ во внутренность почтовой кареты улыбки, взгляды и поклоны, которые относились къ одной молодой женщинѣ. Впрочемъ, эта женщина отвѣчала только легкимъ наклоненіемъ головы, и выходя изъ кареты, не приняла даже руки, которую подаль-было услужливый Дорнье.

Несмотря на то, Дорнье продолжалъ кланяться и улыбаться, какъ человекъ, привыкшій къ подобной холодности.

— Кажется, вѣтъ надобности спрашивать мадамъзель Генриетту объ ея здоровьѣ? сказалъ онъ вкрадчивымъ голосомъ: свѣжесть ея личика и блескъ глазъ всего лучше говорятъ, что она наслаждается вождельнымъ здоровьемъ.

Дочь депутата была дѣвушка осьмнадцати лѣтъ; но черты ея лица, отъвѣяныя какою-то важностью, внушали невольное почтеніе. Она бросила на Дорнье презрительный взглядъ и тотчасъ отвернулась. Такъ проворно впархиваетъ

иногда птичка, если, по неосторожности, случится ей стать въ грязь.

Дорнье, какъ ни привыкъ подавлять всякое движеніе, но теперь нахмурилъ свои широкія брови, и посинѣвшія губы его дрожали отъ внутренняго волненія. Впрочемъ, онъ скоро оправился, — и эта маленькая сцена ускользнула отъ вниманія депутата древней Фландри, который, по обменовенію, занимался только самимъ-собой и потому не могъ замѣчать что-нибудь въ постороннихъ лицахъ.

— Теперь обратимся къ существенному пункту, сказалъ послѣдній, захвативъ огромную щепотъ табаку изъ прекрасной золотой табакерки: занялись ли вы порученіемъ, которое я возложилъ на васъ?

— Надѣюсь, что вы не сомнѣваетесь въ этомъ, отвѣчала Дорнье, лицо котораго прояснело и засіяло улыбкою. Ваша квартира готова, и такъ-какъ вы изволили положиться на мой выборъ, я нанялъ для васъ нумеръ въ гостинницѣ Мирабо, въ улицѣ Мира. Это недалеко отъ палаты.

— Гостинница Мирабо! повторилъ господинъ Шевассю, съ важностію втягивая ужасный пріемъ табаку, который онъ держалъ между большимъ и указательнымъ пальцами. Противъ подобнаго выбора нечего возражать. Великій ораторъ, Мирабо! славный ораторъ и знаменитый министръ, и наконецъ чудесный человѣкъ, если бы онъ имѣлъ одно, одно только....

— Что такое? спросилъ Дорнье смиреннымъ голосомъ школьника, обращающагося къ своему учителю.

— Добродѣтель! отвѣчалъ новый депутатъ, отряхавъ порошинки табаку, насыпавшагося на галстухъ и жилетъ, съ счастливою увѣренностію человѣка, который не знаетъ за собою другихъ недостатковъ.

— Добродѣтель.... политическая? сказалъ Дорнье.

— Божь сомнѣнія; я говорю не о добродѣтели какого-нибудь картезіанца или анахорета. Мирабо....

— Батюшка, сказала Генриетта, которая, казалось, мало

принимала участія въ этихъ разсужденіяхъ: чемоданы уже въ конторѣ и мы можемъ ѣхать.

— Гдѣ твой братъ? Почему онъ не позаботится послать за какою-нибудь коляскою?

— Вѣрно, онъ не далеко отсюда, отвѣчала лѣвушка: вотъ, визжитъ его Жюстиньянъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, послышалось жалобное завыванье собаки, которая терпѣла исправительное наказаніе. Минуту спустя, явился Просперъ Шевассю. Онъ тащилъ за ошейникъ бѣдное животное, которое разсердило его своимъ упрямствомъ. Пожавъ руку Дорнье, Просперъ обратился къ сестрѣ.

— Вынесли ли мое ружье? спросилъ онъ, и мои рапиры? и мой кларнетъ? и ящикъ съ пистолетами?

— А объ вашемъ кодексѣ законовъ вы и не думаете спросить? замѣтилъ отецъ довольно строго.

— Я знаю, что онъ уложенъ въ чемоданъ, отвѣчалъ студентъ, бросивъ слова на-вѣтеръ.

Господинъ Шевассю принялъ еще болѣе строгій видъ и вынулъ изъ кармана небольшую книжку, съ разноцвѣтнымъ обрѣзомъ.

— Вотъ книга, уложенная въ вашемъ чемоданъ, сказалъ онъ: вы оставили ее въ Дюе на вашемъ бюро; я долженъ былъ поправить вашу оплошность. Кажется, въ вашемъ положеніи кодексъ долженъ интересоватъ васъ, по-крайней-мѣрѣ, столько же, какъ кларнетъ, собака и всѣ эти военные сваряды, которыми вы загромождали карету.

— Батюшка! возразилъ Просперъ, нисколько не смутившись отъ такого упрека: вы знаете, что я занимаюсь правовѣдѣніемъ не по своей охотѣ, а только изъ повиновенія вамъ: послѣ этого не требуйте, чтобы я притворялся влюбленнымъ въ такую тарабарщину, чему едва ли бы кто и повѣрилъ.

Высказавъ рѣшительнымъ тономъ свой протестъ противъ науки, которую назначила ему отцовская воля, молодой повеса взялъ книгу, предметъ своей антипатіи, и открывъ пасть Жюстиньяна, всунулъ ее въ его челюсти.

— Вот тебѣ томъ законовъ, сказалъ онъ собакамъ, которая приняла эту ношу съ боязливымъ видомъ: если у тебя достанетъ храбрости проглотить его вмѣсто завтрака, ты окажешь важную услугу твоему господину.

— Вотъ какъ! сказалъ депутатъ, взглянувъ съ горькою улыбкою на Дорнье, который отвѣчалъ взоромъ почтительнаго состраданія.

— Всѣ твои вещи въ конторѣ вмѣстѣ съ нашими чемоданами, сказала дѣвушка своему брату, желая дать новый оборотъ разговору: тебѣ слѣдуетъ послать за колясками.

— У воротъ ожидаютъ васъ двѣ наемныя коляски: одна приготовлена для васъ, другая для чемодановъ, торопиво замѣтилъ Дорнье.

— Право, вы неподобный человекъ, сказалъ господинъ Шевассю: вы заранѣе уже обдумали все. Генриетта! теперь еще слишкомъ рано, чтобы ѣхать съ тобою къ твоей теткѣ; нѣсколько времени ты пробудешь съ нами въ гостиницѣ Мирабо.

— Маркиза де-Понтальи знаетъ, что почтовая карета приходитъ очень рано, прервала Дорнье; впрочемъ, она говорила мнѣ вчера, что надѣется увидеть свою племянницу тотчасъ послѣ вашего пріѣзда въ Парижъ.

— Маркиза де-Понтальи! повторилъ господинъ Шевассю, произнося каждый слогъ съ ироническимъ выраженіемъ голоса. Вы чудесно произносите имя моей сестры. Но странная мысль пришла вамъ въ голову, будто моя сестра рѣшится встать въ пять часовъ утра для того только, чтобы нѣсколькими минутами раньше обнять свою племянницу. Это было бы ужъ слишкомъ по-мыщански для дамы высшаго круга. Такъ, Генриетта, ты успеешь отдохнуть и позавтракать, прежде чѣмъ настанетъ день у твоей благородной тетки, и потомъ, безъ сомнѣнія, не худо будетъ нѣсколько побезпокоиться тебѣ на-счетъ туалета. Да... что съ тобою? ты не слушаешь меня.

Генриетта и прежде принимала немного участія въ разговорѣ, а теперь, казалось, вовсе не обращала вниманія на

слова своего отца. Мы сейчасъ объяснимъ причину такой невнимательности. Озираясь кругомъ, какъ всегда случается съ невольными участниками скучной бесѣды, дѣвушка замѣтила, въ одномъ темномъ углу, человека въ плащѣ. При этомъ открытіи, которое, быть-можетъ, не было совершенно неожиданнымъ, ея физиономія, до-тѣхъ-поръ холодная, вдругъ одушевилась, какъ цвѣтокъ, оживленный солнцемъ послѣ холодной ночи. Яркій румянецъ разлился по ея свѣженькому личику, между-тѣмъ-какъ голова опустилась отъ какого-то замѣшательства. Дѣвушка стояла неподвижно, не смѣя поднять глазъ и упиваясь сладостными чувствами, которыя свойственны юности и которыя придаютъ красоту еще болѣе очарованія.

— Генриетта! я говорю тебѣ, съ живостию сказалъ господинъ Шевассю.

— Я очень хорошо слышу, батюшка, проговорила наконецъ дѣвушка, выведенная изъ своего упоенія такимъ голосомъ, который, надо признаться, показался ей не слишкомъ гармоническимъ, хотя принадлежалъ виновнику ея жизни.

— Почему же ты не отвѣчаешь мнѣ?

— Мадмуазель Генриетта еще въ первый разъ въ Парижѣ, сказалъ Дорнье сладенькимъ голоскомъ: и неудивительно, что шумъ, движеніе...

— Это правда, прервала дѣвушка, довольная извиненіемъ, несмотря, что его придумалъ Дорнье: я никогда не бывала въ Парижѣ, и моя разсѣянность очень извинительна.

Въ это время Просперъ распорядился переноскою вещей въ фіакръ. Мимоходомъ, онъ замѣтилъ человека въ плащѣ, посматрѣлъ на него пристально, но не сказалъ ни слова.

— Мы можемъ ѣхать, сказалъ онъ, приблизившись къ отцу, и потомъ, съ важностию, какая рѣдко случается между братьями и сестрами, подавъ руку Генриеттѣ.

— Линдоръ здѣсь, сказалъ онъ тихонько сестрѣ; но мы объяснимся съ нимъ.

— Просперъ, прошу тебя... произнесла дѣвушка съ чувствомъ.

— Я предупреждал тебя. Но ты не хочешь покончить свой сантиментальный романъ, поэтому я самъ постараюсь сдѣлать развязку.

— Какое ты имѣешь право давать мнѣ приказанія? спросила Генриетта, обидѣвшись тономъ Проспера и пыталась вырвать у него свою руку.

— Во-первыхъ, право сильного, отвѣчалъ братъ, удерживая ее руку; а во-вторыхъ, право болѣе благоразумнаго.

— Ты благоразумный? ты — воплощенная глупость!

— Это можетъ быть въ моихъ собственныхъ занятіяхъ; но что касается до тебя, это другое дѣло. Впрочемъ, даю тебѣ слово, что все кончится благополучно. Ты сдѣлаешь мнѣ удовольствіе, побережешь моего Жюстиньяна, за котораго отвѣчаешь мнѣ головою.

Они подошли къ коляскѣ. Просперъ посадилъ сестру, потомъ взялъ за шею свою собаку и втащилъ ее въ фіакръ, не заботясь о законахъ приличія, которые были нарушены, потому-что, благодаря этому распоряженію, господинъ Шевассю и его другъ вошли послѣ собаки. Когда всѣ усѣлись, студентъ, вмѣсто того, чтобы войти, въ свою очередь, въ коляску, проворно сложилъ полножки, затворилъ дверцы и закричалъ кучеру повелительнымъ голосомъ:

— Въ улицу Мира, въ гостиницу Мирабб.

— Что значить эта новая выходка? закричалъ депутатъ, высунувъ голову изъ фіакра.

— Черезъ часъ я буду съ вами, отвѣчалъ студентъ, на котораго не произвела никакого впечатлѣнія гнѣвная физиономія отца.

Коляска двинулась, — и разговоръ покончился.

Въ ту минуту, какъ семейство Шевассю оставило почтовый дворъ, молодой человѣкъ въ плащѣ скорыми шагами пошелъ къ наемному кабриолету, за которымъ заранѣе послалъ одного прикащика.

— Видишь ли этотъ фіакръ, сказалъ онъ кучеру: поѣзжай вслѣдъ за нимъ; главное, не теряй его изъ виду; у тебя славная лошадь.

— Ладно, отвѣчалъ кучеръ съ самодовольною улыбкою: эти двѣ влячи не уйдутъ отъ насъ; мой конь не выдастъ.

Молодой человѣкъ занесъ — было ногу въ кабриолетъ, какъ чья-то рука схватила за полу его плаща.

— Господинъ де-Мореаль, не угодно ли вамъ удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ? произнесъ кто-то насмѣшливымъ голосомъ.

Мореаль обернулся, и увидѣвъ Проспера Шевассю, едва могъ подавить чувства досады и смущенія, которые овладѣли имъ при этой неожиданной встрѣчѣ.

II.

Просперъ и Мореаль неподвижно стояли другъ противъ друга.

— Вы не узнаете меня? сказалъ наконецъ сынъ депутата: я Шевассю.

— Я очень хорошо знаю это, любезный Просперъ, отвѣчалъ Мореаль, стараясь прикрыть дружескою улыбкою свое негодование; но я такъ мало надѣялся встрѣтить васъ здѣсь, что съ перваго раза... изумленіе... притомъ, вы отпустили усы, что перемѣнило вашу физиономію.

— Вы льстите мнѣ, перебилъ студентъ, машинально погладивъ верхнюю губу; что касается до вашего изумленія, позвольте мнѣ усомниться, чтобы оно было такъ сильно, какъ вы говорите.

— Между-тѣмъ, оно очень натурально; сознайтесь, что для подобной встрѣчи, въ шесть часовъ утра, необходимо, чтобы какой-нибудь случай...

— Вы вѣрите въ случай!... А я такъ очень мало вѣрю въ него.

— Вы человѣкъ религіозный, такъ поставьте Провидѣніе вмѣсто случая.

— Если позволите, мы поставимъ божка Купидона; это будетъ гораздо яснѣе.

— Шевассю, вы, верно, никогда не перемѣнитесь, сказалъ Мореаль, который не могъ не улыбнуться.

— Надюсь, что такъ. Иначе, я слишкомъ много потеряю. Но вамъ надобно поговорить серьезно, а разговаривать среди улицы, ва-подобіе Мольеровыхъ любовниковъ, согласитесь, не очень пріятно.

— Не угодно ли вамъ отправиться ко мнѣ на квартиру?

— О, нѣтъ! Наша бѣда должна окончиться миромъ, либо войною; а до-тѣхъ-поръ всего лучше остаться намъ на неутраченной землѣ. Вотъ отворили харчевню. Что скажете?

— Эту гнусную берлогу?

— Вы разсуждаете чудесно! Вы встали съ постели, быть можетъ, славно позавтракали, курили, какъ я вижу, отличил сigarы: вамъ можно презирать это гостепріимное жилище; но я голодаю ужъ цѣлыя сутки, иззябъ до полусмерти, провелъ бессонную ночь безъ затѣжки табаку, потому-что моя любезная сестрица терпѣть не можетъ табачнаго дыма. Чтобы не умереть отъ холода, мнѣ необходимо сейчасъ же остановиться здѣсь и нѣсколько согрѣться, выкуривъ одну или двѣ сigarы.

— И такъ идемъ! сказалъ Мореаль съ самоотверженіемъ, и приказалъ кучеру дожидаться себя.

Молодые люди пошли къ харчевнѣ; и только-что хотѣли войдти въ дверь, какъ настигла ихъ какая-то собака и бросилась къ Просперу съ такою силою, что, въ буквальномъ смыслѣ, вспрыгнула ему на шею: это былъ вѣрный Жюстиньянъ, который не могъ перенести разлуку съ своимъ господиномъ и вырвался изъ коляски, выскочивъ въ дверцы. Въ-сердцахъ, Просперъ вытащилъ изъ кармана хлыстъ, но при видѣ бѣднаго животнаго, которое прилегло на помостъ и испустило жалобный вой, онъ почувствовалъ себя обезоруженнымъ.

— Такъ и быть, на этотъ разъ! сказалъ онъ и легонько потрепалъ за уши свою собаку, которая была такъ тронута этимъ снисходительнымъ наказаніемъ, что пыталась снова обхватить лапами своего господина. Что скажете объ ей

чуть? спросилъ Просперъ своего товарища, бросивъ на него торжествующій взглядъ: коляска, быть можетъ, находилась въ двухъ-тысячахъ шагахъ отсюда, когда она оставила ее, и чтобы возвратиться сюда, надо было пробѣжать множество улицъ.

— Удивительная собака! отвѣчалъ Мореаль, лаская умное животное, тогда-какъ Просперъ отворилъ дверь харчевни.

Студентъ потребовалъ полбутылки вина, сѣлъ за столъ и закурилъ сгару съ такимъ аппетитомъ, какъ-будто желалъ вознаградить потерянное время.

— Въ выбранную нами залу собранія, вѣрно, никогда не заглядывали люди знатнѣе кучеровъ почтовыхъ каретъ, періодическихъ посѣтителей этого мѣста, сказалъ Просперъ, осматривая скромное заведеніе; но и въ самомъ убогомъ жилищѣ можно разсуждать о важныхъ предметахъ. Тильзитскій трактатъ подписанъ на простомъ суднѣ. Теперь, безъ дипломатическихъ тонкостей, приступимъ къ дѣлу. Вы любите мою сестру?

— Да, отвѣчалъ Мореаль важнымъ тономъ.

— И очень любите?

— Отъ всей души.

— Хорошо. Ваша страсть, потому-что любовь — страсть, достойна отчаяннаго любовника. Вы хотите жениться на моей сестрѣ?

— Это самое пламенное мое желаніе!

— Чудесно! Уже годъ, какъ Генриетта явилась въ свѣтъ, и васъ всегда видѣли возлѣ нея, на балѣ, въ прогулкѣ, въ церкви, вездѣ. За то, что вы сблизились съ нею, на васъ сыпались проклятія всѣхъ дуенскихъ вдовушекъ, которыхъ такая коллекція ела ли отыщется еще въ другомъ городѣ. Вы, по своей родословной, принадлежите къ партіи легитимистовъ, а между-тѣмъ являетесь къ префекту, къ генералу, къ меру, словомъ, ко всѣмъ важнымъ лицамъ нашей партіи. Что могло побудить васъ къ подобному отступничеству, о которомъ сеп-жерменское предмѣстіе въ Дюе говоритъ съ благочестивымъ негодованіемъ, если это не прелестное оу-

щество, котораго я имѣю удовольствіе быть братомъ? Такъ ли?

— Совершенная правда!

— Цѣлый годъ ваше поведеніе до того напоминало палатинъ и трубадуровъ, что одинъ повѣса, изъ моихъ знакомыхъ, осмѣлился окрестить васъ именемъ Лидора.

Мореаль спокойно улыбнулся.

— Я готовъ, сказалъ онъ, простить этому повѣсу оскорбленія и по-важнѣе.

— И онъ, съ своей стороны, желаетъ только одного: чтобы жить съ вами въ добромъ согласіи; но для этого слѣдуетъ вамъ вести себя благоразумнѣе.

— Чтѣ вы разумете подъ этимъ?

Привесли вина. Студентъ наполнилъ два стакана и залпомъ осушилъ одинъ изъ нихъ, тогда-какъ его товарищъ взялъ другой и, изъ угожденія, чуть омочилъ въ винѣ свои губы.

— Я говорилъ вамъ только о романической сторонѣ вашего поведенія, продолжалъ Просперъ; но это не такъ важно. Молодой человѣкъ любить молодую дѣвушку: что можетъ быть натуральнѣе? Вы почувствовали интимную привязанность къ моей сестрѣ, и я не имѣлъ бы права возражать противъ этого, если бы обстоятельства, съ нѣкотораго времени, не приняли серьезнаго оборота. Два мѣсяца, какъ вы сдѣлали предложеніе моему отцу, который, хотя считалъ себя за честь слышать его отъ васъ, но никогда не былъ намеренъ дать вамъ на то согласіе. Послѣ подобнаго отказа разыгрывать роль романическаго любовника, по моему мнѣнію, значитъ потерять уваженіе, какое вы должны имѣть къ нашему семейству, значитъ поставить мою сестру въ недовольное положеніе, — а этого я не потерплю.

Студентъ осушилъ еще стаканъ вина и взялъ въ ротъ сигару, показывая своему собесѣднику, что уступаетъ ему очередь говорить.

— Любезный Просперъ, сказалъ Мореаль, слушавшій досихъ-поръ съ большимъ вниманіемъ, если я хорошо погляжу

васъ: все мое преступленіе состоитъ въ томъ, что я люблю такъ же и нынѣ, какъ любилъ вчера. Мое постоянство — вотъ моя вина въ вашихъ глазахъ.

— Вы совершенно не поняли меня, возразилъ братъ Генриетты: любите вы пуще неистоваго Роланда, будьте постояннѣе Амадиса, — для меня это рѣшительно все равно. Мнѣ непріятно не то, что вы любите, но что не хотите скрывать своей любви. Вамъ отказали отъ предмета вашей страсти, значитъ, вы должны остаться несчастнымъ любовникомъ, или я не понимаю...

— Вы понимаете, прервалъ Мореаль съ улыбкою, я въ самомъ дѣлѣ несчастный любовникъ.

— Ну такъ, если это ваша участь, то ведите себя подобно съ вашимъ положеніемъ. Дѣло извѣстное, какъ поступаютъ въ подобныхъ случаяхъ. Умрите съ тоски, вступите въ орденъ Трапистовъ, бросьтесь въ воду или прострѣлите себѣ черепъ, я не скажу противъ этого ни слова.

Мореаль улыбнулся снова.

— Я не оспариваю достоинства всѣхъ этихъ средствъ, сказалъ онъ; но, чтобы прибѣгать къ нимъ, для этого, мнѣ кажется, надобно быть не только несчастнымъ, но вмѣстѣ и безнадежнымъ любовникомъ.

— А вы развѣ не въ такомъ положеніи?

— Всего менѣе.

Просперъ выпилъ еще стаканъ вина.

— Надежда — прекрасная вещь, сказалъ онъ потомъ, пожимая плечами; но она не должна доходить до самообольщенія. Я съ сожалѣніемъ замѣчаю, что вы дѣлаете мечты, которыя никогда не осуществятся. Мой отецъ — человѣкъ серьезный; онъ рѣшаетъ дѣло послѣ зрѣлаго размысленія и никогда не переменяетъ своего рѣшенія; онъ объявилъ, что вы не будете его зятемъ, а это все равно, какъ-будто такъ опредѣлили три державы.

— Самые законы подлежатъ пересмотру, сказалъ Мореаль: вашъ батюшка имѣетъ предубѣжденіе противъ меня; но предположимъ, что мнѣ удастся побѣдить его.

— Это вамъ никогда не удастся.

— Удастся, если вы общаете мнѣ держать хоть нейтралитетъ.

— Этого я не общаю, горячо возразилъ студентъ. Я имѣю очень слабое вліяніе на отца; но будь оно еще слабѣе, я употреблю всѣ силы, чтобы только поддержать его рѣшеніе.

— Вотъ теперь мы дошли до настоящаго пункта нашего разсужденія, по-крайней-мѣрѣ, въ отношеніи къ вамъ. Вы не хотите, чтобы я сдѣлался вашимъ зятемъ?

— Для меня было бы много чести, но...

— А вы не думаете позаботиться объ этой чести?

— Вы сказали правду, и я не противорѣчу вамъ.

— Не знаю, чѣмъ я могъ заслужить вашу антипатію; не угодно ли вамъ объяснить мнѣ это?

— Почему не такъ? отвѣчалъ студентъ, положивъ на столъ сигару, какъ-будто приготовился къ важному разсужденію, которое не позволяетъ болѣе курить. Моя антипатія—употребляю ваше выраженіе — происходитъ не отъ одной причины; ихъ много. Во-первыхъ, когда бываешь съ вами на охотѣ, какъ случилось мнѣ нѣсколько разъ, вы перебьете всю дичь.

— Клянусь вамъ, если мы породнимся, я никогда не сдѣлаю выстрѣла прежде, чѣмъ вы дадите промахъ.

— Слышишь ли, Юстиньявъ, какъ смѣются надъ твоимъ господиномъ? продолжалъ Просперъ, потрепавъ лямбную морду собаки. Во-вторыхъ, всякой разъ, какъ мы поемъ вмѣстѣ, вы своимъ груднымъ *ла*, заглушаете мой скромный баритонъ.

— Если угодно, мы перемѣняемся партіями, я стану пѣть басомъ.

— То есть, вы считаете меня неспособнымъ пѣть теноромъ. Но теперь укажемъ причины по-важнѣе. Вы приверженецъ прежняго правительства, а мы новаго. Вы графъ или маркизъ?

— Викоитъ только, сказалъ Морваль, засмѣявшись; впрочемъ, вы могли замѣтить, что я не щеголяю этимъ титуломъ,

потому-что я не такъ богатъ, чтобы поддерживать честь своего достоинства.

— Но думаете ли, что ваша будущая супруга не захочетъ разыгрывать роль виконтессы? Генриетта, наравнѣ съ другими женщинами, не изыята отъ этой слабости.

— Что же вамъ до того?

— Мнѣ, ничего; я выше подобныхъ предразсудковъ. Но когда я женюсь, мадамъ Просперъ Шевассю, я увѣренъ, лучше согласится имѣть золовкой какую-нибудь мѣщанку, какъ сама, чѣмъ женщину съ титуломъ виконтессы. Мои идеи на-счетъ этого предмета довольно опредѣленны: Галлы съ Галлами, Франки съ Франками.

— Любезный мой Просперъ, теперь нѣтъ ни Галловъ, ни Франковъ, а есть только Французы.

— Ваша фраза очень годилась бы въ какой-нибудь воде-вильный куплетъ; но я остаюсь при своемъ мнѣніи. Въ супружествѣ надо избѣгать разницы въ классахъ.

— Ваша тетюшка развѣ не вышла за маркиза де-Поиталли?

— И съ-тѣхъ-поръ, какъ сдѣлалась маркизой, она обходится съ нами какъ съ вассалами. Я боюсь, чтобы этотъ глупый примѣръ не заразилъ и Генриетту.

— Ваша сестрица имѣетъ такое благородное сердце, и думать такъ объ ней значить оскорблять ее.

— О, я знаю, что, говоря объ ней, какъ о простой смертной, я подвергаюсь опасности навлечь на себя ваше негодованіе; но что же дѣлать? глаза брата не то, что глаза влюбленнаго.

— Почему же не досказать всей правды? спросилъ викоитъ, послѣ минутнаго молчанія. Почему не признаться, что вы хотите выдать вашу сестрицу за господина Дорнье.

— Почему же и не такъ? сухо отвѣчалъ студентъ. Да, я желаю, чтобы моя сестра вышла за Дорнье. То же угодно и батюшкѣ. Словомъ, это дѣло почти рѣшеное, и поэтому я считаю своимъ долгомъ отстранить препятствія, которые происходятъ изъ вашего упрямства.

— Кажется, этотъ долгъ вы могли бы предоставить госпо-

дину Дорье, отвѣчалъ Мореаль, произнося презрительно имя своего соперника.

— Я увѣренъ, что онъ принялъ бы его со всего охотою, возразилъ Просперъ: но куда Генриетта не вышла еще замужъ, обязанность быть ея защитникомъ лежитъ на мнѣ.

— Защитникомъ противъ меня, любезный мой Просперъ! вскричалъ Мореаль, протянувъ руку молодому юрисконсульту, который, послѣ минутнаго недоумѣнія, наконецъ принялъ ее.

— Подлю нежничать, сказалъ послѣдній. Окончимъ нашъ разговоръ. Спустя двѣ недели послѣ избранія моего отца, когда онъ рѣшился взять Генриетту вмѣстѣ съ собою въ Парижъ, вы тайкомъ оставили Дуе, чтобы выстроить здѣсь свои батареи. Очевидно, вы постараетесь сблизиться съ моею сестрой, и для этого войдете *per fas et nefas* во всѣ знакомые намъ дома. Такъ, или нѣтъ?

— Конечно, сколько это будетъ зависеть отъ меня.

Просперъ Шевассю кусалъ губы съ недовольнымъ видомъ.

— Еще спрошу васъ, сказалъ черезъ нѣсколько времени студентъ: думаете ли вы представиться моею тетускѣ?

— Если маркиза де-Понтальи согласится принять меня, безъ всякаго сомнѣнія, я поспѣшу воспользоваться этимъ счастьемъ.

— Счастье, котораго, быть-можетъ, вы уже домогались?

— Прямо? нѣтъ.

— А сторовою?

— Да.

— И можно ли отказать виконту де-Мореаль, предки котораго славились еще въ крестовые походы? Моя благородная тетуска, маркиза де-Понтальи, урожденная Шевассю, очень хорошо знаетъ науку жить, чтобы не створить для васъ настѣжь дверей своей гостинной! Я предвидѣлъ это, и этого-то, клянусь, я не потеряю.

Просперъ Шевассю сильно размахивалъ руками и, для облегченія своей досады, наконецъ толкнулъ ногою невиннаго Жюстиньяна; но тотчасъ помялъ смѣшную сторону своей

горячности и, нахмуривъ брови, опять обратился къ своему собесѣднику.

— Я долженъ признаться вамъ, сказалъ онъ умѣреннымъ тономъ: что почту себя очень несчастливымъ, если обстоятельства заставятъ меня сдѣлаться врагомъ такого человека, какъ вы; однако, скажу вамъ откровенно, что, по нѣкоторымъ причинамъ, которые нѣтъ надобности высказывать, ваше появленіе у маркизы де-Понтальи я приму иначе, какъ за прямой вызовъ.

— То есть, какъ-скоро мы встрѣтимся съ вами въ домъ вашей тетуски, то тотчасъ отправимся на рзыню?

— Это будетъ непріятно; но я привыкъ держать свое слово.

Студентъ, до-сихъ-поръ говорившій съ дѣтскою запальчивостію, произнесъ послѣднія слова съ такимъ серьезнымъ видомъ, что Мореаль былъ пораженъ этою перемѣною и самъ сдѣлался задумчивъ.

— Были ли вы влюблены? спросилъ виконтъ послѣ минутнаго молчанія.

При этомъ вопросѣ, студентъ сдѣлалъ кислую гримасу.

— Развѣ вы принимаете меня за ребенка? вскричалъ онъ. Былъ ли я влюбленъ? Десять разъ, по-крайней-мѣрѣ.

— Этого слишкомъ много, чтобы вамъ понять меня.

— Говорите.

— Если бы вы, хоть разъ, испытали истинную любовь, тогда съумѣли бы оцѣнить мое постоянство.

— Въ любовныхъ интригахъ, возразилъ Просперъ съ видомъ повѣсы, я предпочитаю ходячую монету банковымъ билетамъ, это не такъ романически, зато болѣе пріятно. Теперь вы видите, что между такимъ селадомомъ, какъ вы, и такимъ *sacripant*, какъ я, не возможна симпатія. И такъ возвратимся къ вопросу: станете ли вы добиваться свиданія съ моею сестрою?

— Всѣми возможными способами, отвѣчалъ Мореаль рѣшительно.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ студентъ, нахмуривъ бро-

ви, за вашим первым успехом, последует небольшая прогулка, вместе с вашим покорнейшим слугою, в венский лес, либо к каменоловням монтулжским.

— Куда вам будет угодно, ухладнокровно отвечал упрямый любовник; но предупреждаю вас, что прежде всего я постараюсь дать пощечину лично господину Дорнье, что доставит мне удовольствие, драться с ним и, следовательно, избавиться от неприятной обязанности рваться с вами.

— Как это?

— Мы будем драться напропалую. Если Дорнье уберет меня, тогда мы с вами будем квиты; а если, напротив, я убью его.....

— Я замению его собою, прервал Шевассю.

— Вы не делаете этого.

— Сделаю, клянусь вам!

— Не делаете, и вот почему...

— Этот спор был прерван одним пустым случаем.

Несмотря на привязанность к своему господину, Жюстинь лиз не слишком был расположен принимать толчки и удары, которые сыпались на него всякой раз. В настоящее время, получив пинонь, вопреки всем законам справедливости, он бросился искать убежища, и заметив полуотворенную дверь, воспользовался благоприятным случаем и убежал. Студент, не видя возгв себя своей собаки, напрасно искал ее под столами и под бильярдом.

— Позвольте, сказал он Морреалу, надо отыскать Жюстинья, иначе его украдут. Дайте маж срок проучить его немного, и я опять с вами.

Он вышел на улицу, смотря на все стороны, кричал, свистал, проклинал, разспрашивал прохожих и наконец отправился в погоню за собакою.

Прождавши с полчаса, Морреал потерял терпение, заплатил за полубутылку вина и вышел из харчевни.

— Чорт бы побрал этого глупца! подумал он, садясь в кабриолет, дожидавшийся его у ворот. Как

узнать теперь, где живет Герсиетта? Правда, я могу узнать в палате адрес Шевассю; но надо ждать, пока он будет записан. Хотя бы маркиз де-Понтали устроил меня своего ответа; но вот уже девять дней, как я писал ему, и до сих пор ни слова. Это ни на что не похоже. Отец, брат, дядя. Хотя бы всем троим сатана свернул шею!

— Куда прикажете, сударь? спросил кучер.

Морреал провел всю ночь, не смыкая глаз, как прилично человеку, ожидавшему предмета своей страсти. Но это романтическое препровождение времени окончилось прозаическим, впрочем, очень извинительным, результатом: известно, что бессонница возбуждает аппетит. Было еще девять часов, но влюбленный чувствовал, что страсть, наполнившая его сердце, не производила подобающего влияния на желудок. Амадись, с которым Просперь шути сравнивал Морреала, без сомнения, восторжествовал бы над такою пошлою потребностью; но надо сознаться, что наш герой без сопротивления покорился ей; очевидная истина, что все изменится, и женщины, в известном возрасте, имеют полное право утверждать, что в наше время не умеют так любить, как любили прежде.

— Ступай в Английский кофейный дом, сказал Морреал своему кучеру.

После хорошего завтрака, Морреал читал журналы, прогуливался по бульвару и по улицам; выкурив одну или две сигары, разсматривал новые гравюры у продавцов эстампов, словом, испытывал все средства, как бы убить время.

— Этот день, впрочем, безбеспокойный, сказал он, посматривая на часы, на которых было два часа; если я вернусь домой, быть-может, найду там письмо, которого ожидаю.

Он направил свой путь к улице Ришлэ, где он жил в гостинице Кастилии. — Нет ли писем на мое имя? спросил он у долусоннаго толстяка, который подал ему ключ от комнаты.

— Идти, милостивый государь, отвечал привратникъ съ стоическимъ безстрастіемъ, которымъ отличаются все его собратія.

— Конечно, сказалъ про себя Мореаль, повертывая ключемъ: этотъ волтижеръ Лудовика XIV не хочетъ отвѣчать мнѣ! А еще былъ другъ моего отца! Не знаю, что препятствуетъ мнѣ подрывать ему голубинныя крылушки. Счастливы, что дожилъ до старости, иначе, я потребовалъ бы объясненія.

Онъ ворчалъ такимъ образомъ, проходилъ черезъ дворъ гостиницы; но достигнувъ двестицы, которая вела въ его квартиру, услышалъ неблагозвучный голосъ привратника, который говорилъ:

— Вотъ, тамъ, сударь, кто-то спрашиваетъ васъ.

Мореаль вернулся назадъ и въ воротахъ замѣтилъ незнакомаго лица. То былъ низенькій, толстый старикъ, лѣтъ шестидесяти-пяти, квадратный въ плечахъ, съ огромнымъ брюхомъ и съ коротенькими ножками. Среди пухлыхъ, красноватыхъ щекъ, высовывался носъ бутылочнаго цвѣта. Маленькіе, живые глаза, завѣшенные густыми посѣдлыми бровями, придавали его тучному лицу насмѣшливое выраженіе, характеризующее портреты Рабле. Словомъ, эта физиономія казалась столько эпикурейскою, столько гастрономическою, что съдые волосы, отъбѣившіе чело, какъ-будто были не у мѣста; можно было сказать, что какой-нибудь почтенный старецъ надѣлъ маску сатира.

Этотъ свѣжій старикъ, предназначенный въ жертву апоплексіи, носилъ синее, съ блестящими пуговицами, платье, изъ-подъ котораго выказывался шелковый жилетъ зеленого цвѣта, выгнувшійся, сообразно съ круглымъ объемомъ массы, на подобіе щита черепахи. Бѣлый галстухъ, слегка обвитый кругомъ шеи, свѣрныя панталоны, сапоги, запрятанные въ галоши, шляпа съ широкими полями, накрененная на ухо и, наконецъ, зонтикъ, хотя и не было дождя, дополняли костюмъ старика.

— Чего хотите отъ меня этотъ уродъ? спрашивалъ себя

Мореаль, подходя къ старику, который, не смотря на свою тучность, шелъ по двору довольно скоро.

Когда они приблизились другъ къ другу на нѣсколько шаговъ, незнакомецъ остановился:

— Corbleu! сказалъ онъ теноромъ, кромѣ бороды, которой не носили въ наше время, это живой портретъ бѣднаго Мореаля.

Мореаль чувствовалъ бѣдіе сердца; человекъ, котораго онъ встрѣтилъ съ такимъ презрѣніемъ, вдругъ показался ему въ аристократическомъ величіи.

— Съ кѣмъ я имѣю честь говорить? спросилъ онъ такимъ голосомъ, въ которомъ выразилось внутреннее волненіе. Уже ли я такъ счастливъ, что....

— Понталы, рабле! перебилъ старикъ. Я узналъ бы васъ среди тысячи человекъ, по вашему сходству съ батюшкою. Вѣрно, васъ удивило, что я не прислалъ вамъ отвѣта на ваше письмо? Вотъ въ чемъ дѣло: только-что вчера я возвратился изъ Каена, гдѣ задержалъ меня двѣ недѣли одинъ проклятый процессъ. Но пойдемте въ комнату; я прошелъ пѣшкомъ два льѣ послѣ завтрака, и хотелъ бы теперь отдохнуть.

Высказавъ маркизу де-Понталы удовольствіе, какое доставило ему его посѣщеніе, Мореаль ввелъ его въ свою квартиру, довольно тѣсную, но меблированную со вкусомъ; приказалъ развести огонь въ каминѣ, усадилъ маркиза въ лучшее кресло, принявъ отъ него шляпу и зонтикъ, словомъ, исполнилъ все обязанности, какія возлагаетъ на насъ уваженіе къ старости. Маркизь принималъ съ лукавою улыбкою все эти знаки чрезвычайнаго усердія, и послѣ обыкновенныхъ учтивостей, вперилъ проищательный взоръ въ сына своего покойнаго друга.

— Въ вашемъ письмѣ, сказалъ онъ, вы упоминаете о какой-то вещи, оставшейся въ вашихъ рукахъ, которую вы желаете предоставить мнѣ, какъ законному владѣтелю. Если вы хотѣли затронуть мое любопытство, признаюсь, вы успѣли въ этомъ. Посмотримъ, въ чемъ дѣло.

Мореаль открыл ящик своего письменного стола, вынул какую-то квадратную вещь и положил ее на стол с видом глубокого уважения. Сдернув шелковую покрывку, он представил маркизу довольно плохой деревянный ящикек, с рубчиками, изъ черного дерева. Несмотря на низкое достоинство материала и работы, этот ящик произвел действие талисмана.

— *Ba! maugbleu!* вскричалъ съ энергіей де-Понтальи, вы волшебникъ, мой другъ: вы сдѣлали меня моложе сорока годами.

Старикъ взялъ маленькій ключикъ, поппный Мореалемъ, и проворно отперъ шкатулку, внутри которой было сдѣлано нѣсколько отдѣленій разной величины, для кисточекъ, карандашей, красокъ и другихъ принадлежностей, необходимыхъ акварельному живописцу. На бумагахъ, приклеенной къ крышкѣ, видѣлась слѣдующая надпись:

«Маркизъ де-Понтальи, по милости Французской республики одной и нераздѣльной, дѣлающей табакерки и бинокеты своему другу, виконту де-Мореаль, по милости той же республики, живописцу окороковъ, салата, пастетовъ и другихъ състныхъ припасовъ.»

Маркизъ прочиталъ надпись громкимъ голосомъ, потомъ испустилъ глубокий вздохъ, который не слишкомъ гармонировалъ съ его веселымъ лицомъ.

— Бравже правъ, сказалъ онъ:

Dans un grenier qu'on est bien a vingtans!

— Тому много, очень много лѣтъ, какъ я сдѣлалъ этотъ подарокъ вашему батюшкѣ; мы были друзьями нѣсколько побольше двадцати лѣтъ, и жили въ одномъ чердакѣ. Прибавьте къ этому изгнаніе, да, мы сдѣлались эмигрантами, кормились чужимъ хлѣбомъ, наше имѣніе конфисковали и, при возвращеніи во Францію, насъ ожидала гильотина: посудите, могли ли мы веселиться?

— Было отъ-чего придти въ отчаяніе, отвѣчалъ Мореаль.

— Но никогда я не былъ такъ счастливъ, и еслибы былъ живъ вашъ батюшка, и увѣренъ, онъ сказалъ бы то же самое.

Что за важность, что мы были бѣдняки, изгнанники? Развѣ мы не владѣли драгоценнымъ сокровищемъ? то была молодость, счастливая молодость! Повѣрьте моей опытности, ничто не замѣняетъ намъ двадцати-пяти-лѣтняго возраста! Желаю, чтобы вы состарились какъ можно позже.

— Для этого надо слѣдовать вашему примѣру, отвѣчалъ молодой человекъ, рывившись приобрести благосклонность своего собесѣдника. Вы, конечно, достигли тѣхъ лѣтъ, какія имѣть бы теперь мой отецъ; но кто повѣритъ этому?

— Наружность обманчива, сказалъ старикъ, покачавъ головою; я еще доволенъ своимъ желудкомъ, ноги куда ходятъ, зубы все цѣлы, память мнѣ не измѣняется, читаю безъ очковъ, но остальное, мой любезный виконтъ, остальное!

При последнемъ словѣ, у старика вырвался глубокий вздохъ. Мореаль не могъ удержаться при этомъ отъ улыбки.

— Смѣйтесь, продолжалъ старикъ, разсмѣявшись; придетъ пора, и вы по-неволи скажете: *quod fuit non est.*

— Но вы наслаждаетесь совершеннымъ здоровьемъ, господинъ маркизъ, а это главное; все остальное лишняя вещь.

— Лишняя вещь! Такъ можете говорить только вы; что касается до моего здоровья, при первомъ ударѣ, на немъ исполнятся страшныя предсказанія моего доктора.

— Откуда такая мысль?

— Не думаете ли, что я боюсь смерти? Днемъ раньше, днемъ позже, — все въ волю Божіей! Но посадить меня на діету, какъ придумалъ докторъ Санградо, прибавить еще къ другимъ лишеніямъ вѣчный постъ, никогда, *morbleu!* Я соглашусь лучше умереть сейчасъ.

Желая разогнать скучныя мысли о постѣ, который напрасно предписывалъ ему докторъ, и полюбоваться своимъ издѣліемъ, маркизъ положилъ на колѣни шкатулку и вынулъ изъ него ящики, внимательно разсматривалъ ихъ одинъ послѣ другаго.

— Это было въ 1797 году, сказалъ онъ, придомяя прошлое; мы были въ Мюнхенѣ. Обстоятельства не слишкомъ благоприятствовали намъ. Армія Конде была распущена; наши

замки въ Испаніи, съ самаго начала войны, были разрушены до основанія. Въ 93 году, мы еще не сомнѣвались въ успѣхѣ; особенно вашъ батюшка. Я помню, какъ онъ, по праву завоевателя, ловилъ всѣхъ собакъ, попадавшихъ ему подъ руку; мы спросили его о причинѣ такой охоты. «Когда я эмигрировалъ, отвѣчалъ онъ хладнокровно; эти мерзавцы, крестьяне мореальскіе, перебили всѣхъ собакъ; стало-быть, надо набирать новую свору». Бѣдный Мореаль! ему не удалось отвѣдать дичи, наловленной этой сворою. Такъ мы были ослѣплены! Но въ 97 году, всѣ наши мечты разлетѣлись; надежда возвратиться во Францію исчезла. Кто былъ побогаче, тѣ поселились въ Германію, либо удалились въ Англію; а у кого не было за душою ни одного су, тѣ поступили на службу въ Россію; либо своими трудами доставали кусокъ хлѣба. Мы съ вашимъ отцемъ избрали послѣднее. При всѣхъ парадоксахъ, Руссо говорилъ иногда совершенную правду. Его слова, что полезно приучать дѣтей богатыхъ родителей къ какому-нибудь ремеслу, въ ту эпоху, о которой мы говоримъ, показались мнѣ поразительною истинною, и я, съ своей стороны, не усомнился сдѣлать ея приложеніе. Въ дѣтствѣ я выучился токарному искусству; это занятіе доставило мнѣ пропитаніе; изъ маркиза я сдѣлался токаремъ, и для честныхъ Баварцевъ, у которыхъ я поселился, началъ готовить табакерки, трубки, мотылы, словомъ, все, что относилось къ моему мастерству. И вотъ это образчикъ моего руководящаго! Я былъ, между тѣмъ не менѣе способенъ сдѣлаться дворяниномъ и военнымъ.

Маркизь вертѣлъ свой ящикъ и осматривалъ его съ родительскою нѣжностію.

— Лучшій мастеръ предметія Сен-Антуанъ едва ли сработаетъ удачнѣе, замѣтилъ Мореаль, вѣрнѣй своей системою завоевать благосклонность старика.

— Вашъ отецъ занимался другимъ ремесломъ: онъ выучился живописному искусству и такъ искусно умѣлъ изображать нѣкоторые предметы, что со всей строгостію можно было считать ихъ за извѣстные съѣстные припасы, какъ:

яица, дыни, раки, сыръ, особенно окорокъ: окорокъ былъ торжествомъ его искусства. Онъ написалъ множество картинъ, на которыхъ были представлены, въ различномъ порядкѣ, всѣ эти кушанья, вмѣстѣ съ бутылками и стаканами. Картины раскупались, и мы, благодаря этому малеванью и моимъ табакеркамъ, имѣли квартиру, пищу и платье, до самаго возвращенія во Францію и, какъ я сказалъ вамъ, никогда не жили счастливѣе, какъ въ то время.

— Батюшка часто говаривалъ объ этомъ времени, и самымъ драгоценнымъ украшеніемъ его комнаты была эта шкатулка, которая напоминала ему, говоря его словами, прекрасные дни, проведенные въ Мюнхенѣ.

— Точно такъ же какъ и я! сказалъ старикъ съ одушевленіемъ: двѣ картины, подаренныя мнѣ вашимъ батюшкой въ-замѣнъ моей шкатулки, стоятъ на самомъ видномъ мѣстѣ въ моемъ кабинетѣ; правда, онѣ раздражаютъ нервы артистовъ, которые бываютъ у меня, но я не промѣняю ихъ на двухъ Рафаэлей. Но если вашъ отецъ дорожилъ моимъ подаркомъ, продолжалъ маркизь, перемѣнивъ тонъ, то вы, кажется, не слишкомъ цѣните его, потому-что хотите возвратитъ мнѣ.

— Не имѣя чести быть извѣстнымъ вамъ, отвѣчалъ Мореаль, запинаясь, я не смѣлъ позволить себѣ.... но я былъ бы очень счастливъ.... если бы дружба, которую вы имѣли съ моимъ батюшкою....

— Заставила меня устроить препятствія, которыя мешаютъ вамъ жениться на моей племянницѣ, — не объ этомъ ли вы хотите говорить? прервалъ маркизь, остановивъ на выконтъ свои маленькіе глазки, искривіеся какой-то злостью. При этой неожиданной выходкѣ, Мореаль растерялся и нѣсколько времени стоялъ молча.

— Маркизь, проговорилъ онъ наконецъ, повѣрьте....

— Успокойтесь, молодой человекъ, сказалъ старикъ съ добродушною улыбкою, не краснѣйте, какъ дѣвушка. Вы любите мою племянницу и хотите жениться на ней; это еще

не беда, и такъ-какъ вы сынъ одного изъ искреннихъ моихъ друзей, то я постараюсь пособить вамъ въ этомъ дѣлѣ.

— Вы будете такъ добры?... я могу надѣяться?...

Надѣйтесь, любезный виконтъ; но умѣрьте свой восторгъ: размахивая руками, вы чуть-было не столкнули этой шкатулки; если бы она разломалась, не знаю, съумѣли ли бы я поправить ее.

— Но какъ вы узнали это?...

— Ничего ивѣтъ проще. Два мѣсяца тому, какъ вы просили руки моей племянницы. Мой шурина, хотя отвѣчалъ вамъ отказомъ, сообщилъ однако эту лестную для него новость своей сестрѣ, отъ которой узналъ наконецъ и я. А ваше письмо и въ то же время прїездъ моей племянницы въ Парижъ позволили мнѣ предполагать, что вы не отказываетесь отъ партіи и желаете только быть принятымъ въ домѣ, гдѣ должна прожить нѣсколько времени любимая вами дѣвушка. Моя шкатулка послужила вамъ предлогомъ познакомиться со мною. Угадалъ ли я?

— Я принужденъ согласиться съ этимъ, сказалъ Морреаль, улыбувшись.

— Если такъ, то повторю, что я готовъ помогать вамъ по тремъ причинамъ: во-первыхъ, я жилъ по-братски съ вашимъ батюшкою; во-вторыхъ, вы кажетесь мнѣ такимъ любезнымъ молодымъ человѣкомъ, который очень стоитъ быть моимъ племянникомъ; въ-третьихъ, мнѣ хочется разрушить педантскіе планы, которыми набили себѣ голову мой шурина; кромѣ того, прискали такого жениха Генриеттѣ...

— Господина Дорнье?

Да; но объ немъ послѣ. Позвольте мнѣ сдѣлать нѣсколько необходимыхъ вопросовъ. Я знаю ваше семейство, ваши дѣла и ваши вѣщія достоинства, сказалъ старикъ, улыбувшись, знаю, что вы получили прекрасное воспитаніе. Это имѣетъ свое значеніе, но въ нашъ денежный вѣкъ этого мало. До революціи, вашъ отецъ былъ богатъ, но нажилъ много долговъ и потому лишился своихъ владѣній. Не знаю, какое состояніе имѣла ваша матушка. Коротко, въ какомъ положе-

ніи ваши финансы? Вопросъ не слишкомъ рыцарскій, но теперь 1834 годъ.

— Мое состояніе довольно ограниченное: шестнадцать-тысячъ ливровъ годового дохода.

— Этого не много для Морреаля; но для зятя Шевассю, очень довольно. Нечего и говорить, что моя племянница не совсемъ нечувствительна къ вамъ и, если предоставить выборъ на ея волю, Дорнье, безъ сомнѣнія, получитъ отставку?

— Не смѣю ласкать себя надеждою быть любимымъ... Впрочемъ...

— Вы увѣрены въ этомъ чудесно. Значитъ, я могу взять вашу сторону, не опасаясь, что Генриетта будетъ смотреть на меня, какъ на варвара. Теперь обними силами составимъ планъ сраженія. Я не имѣю никакого вліянія на моего шурина, и если стану говорить ему въ вашу пользу, это всего скорѣе повредитъ вашему успѣху навсегда. Его трехсотъ-лѣтняя мѣщанская родословная, которою онъ гордится, едва ли не болѣе, чѣмъ я своими титулами, тотчасъ возстанетъ противъ моего барства, какъ выражается Шевассю. Съ этой стороны бесполезно дѣлать атаку. Вотъ единственное средство! Не смотря на всю важность, Шевассю питаетъ безграничное уваженіе къ своей сестрѣ; сказать между нами, госпожа Понтальи проведетъ за носъ своего брата всякой разъ, какъ захочетъ принять на себя этотъ трудъ. Объ этомъ, конечно, и не нужно вамъ говорить до времени. Вся ваша роль теперь ограничится тѣмъ, чтобы поправиться моей женѣ.

— Я употреблю всѣ силы, скромно произнесъ виконтъ.

— А я помогу вамъ; со стороны мужа, эта черта заслуживаетъ одобренія, не правда ли? Но я долженъ предупредить васъ, что вашъ урокъ не такъ легокъ, какъ вы воображаете себѣ. Чтобы приобрести покровительство госпожи де-Понтальи, требуется болѣе чѣмъ любезность, болѣе чѣмъ ловкость, болѣе чѣмъ лестъ, — требуется талантъ. А имѣете ли вы талантъ?

— Талантъ? повторилъ Мораль съ видомъ изумленія, который разсмѣшилъ старика.

— Когда я говорю талантъ, продолжалъ старикъ, я даю громкое названіе ничтожной вещи. Слѣдовало бы сказать: имѣете ли вы какое-нибудь особенное достоинство политическое, ученое, литературное, даже промышленное? Арена, какъ видите, обширная; на нее съ равнымъ правомъ можетъ выступить Мазепа и Ришліе, Шапленъ и Корнель; необходимо одно только условіе — имя, извѣстное публикѣ. Мужъ имѣеть право немного похлословить свою жену. Сознаюсь вамъ, что госпожа де-Понтальи съ удовольствіемъ принимаетъ людей, которые прославились чѣмъ-нибудь въ свѣтъ или готовятся, повидимому, приобрести извѣстность. Вотъ и этотъ негодяй Дорнье вскружилъ ей голову тѣмъ, что выдаетъ себя за отчаяннаго публициста; у него на языкъ всегда вертится какой-нибудь влочекъ изъ Монтескье или Геремин-Бентама. Это вліяніе надо уничтожить какимъ-нибудь ловкимъ оборотомъ. Знакомы ли вы съ германскою философіею?

— Нисколько.

— Тѣмъ хуже. Какая-нибудь путаница изъ Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля доставила бы вамъ полный успѣхъ въ гостиницѣ госпожи де-Понтальи, и, быть-можетъ, вашъ соперникъ тотчасъ былъ бы удаленъ на почтительную дистанцію. По-крайней-мѣрѣ, вы знаете своего Вико? Это будетъ чудесная праша, чтобы размоzzить сударя Дорнье.

— Я никогда не бралъ и въ руки Вико.

— Чортъ возьми! Но хоть не щеголяете ли вы восточными языками? Не знаете ли по-арабски, по-китайски, по-санскритски, по-индуставски?

— Рѣшительно нисколько. Я знаю только по-латински, да еще....

— Съ вами, просто, пропадешь. Что вы станете дѣлать съ своей школьною латинью возлѣ женщины, которая бѣгло читаетъ Тацита? Какой же вы имѣете талантъ? Непременно надо имѣть что-нибудь особенное. Ну, если выдать васъ

за знаменитаго путешественника? Не бывали ли вы у истоковъ Нила или въ Томбукту?

— Къ сожалѣнію, нѣтъ! сказалъ виконтъ. Всѣ мои путешествія ограничиваются Италіей и Бельгіей.

— Ахъ, молодой человекъ! трудно слѣзть изъ васъ что-нибудь интересное. Поищемъ еще. Не наследовали ли вы таланта вашего родителя: не живописецъ ли вы? Госпожа Понтальи имѣеть альбомъ.

— Я никогда и не дотрогивался до кисти.

— Я готовъ вырвать у себя языкъ! Не умѣете ли вы магнетизировать? Это шарлатанство очень пригодилось бы вамъ, потому-что оно еще не проникло въ салонъ моей жены и имѣло бы необыкновенный успѣхъ, какъ новость. Вы намагнетизировали бы Дорнье и заставили бы его признаться, что онъ бездѣльникъ, въ чемъ онъ никогда не сознается въ бодромъ состояніи. Вотъ была бы мастерская штука.

— Жаль, что я не владѣю могуществомъ магнетизера!

— Но какого же чорта вы знаете? спросилъ старикъ съ видимою досадою. Вы воображаете, подобно другимъ повесамъ, что ѣздить верхомъ, танцовать, драться на дуэли и курить сигары — вотъ все, что нужно молодому человекъ, послѣ школьнаго воспитанія?

— Я знаю немножко музыку, иногда пою, возразилъ Мораль.

— Поете! очень радъ, сказалъ старикъ насмѣшливо: вы поете! Прекрасная рекомендація перелѣ женщиной, которая имѣла очаровательный голосъ; уже десять лѣтъ, какъ госпожа де-Понтальи перестала пѣть, и музыка у ней вещь запрещенная. Если на вашемъ лукѣ только эта тетява....

Виконтъ задумался.

— Мнѣ случалось иногда писать стихи, сказалъ онъ наконецъ съ какой-то робостію.

— *Marquebleu!* что же вы молчали объ этомъ? Цѣлый часъ я бился, чтобы отыскать какое-нибудь средство вывести васъ на сцену, а оно между-тѣмъ у васъ въ кар-

манъ. Итакъ, вы поэтъ; я то же былъ поэтъ въ молодые годы. Да, любезный виконтъ, я поклонялся музамъ, пилъ изъ источника Иппокрены, вздиръ на Пегасъ. Видите, я не профанъ, и вы можете прочитать мнѣ ваши стихи.

— Я боюсь, что они не будутъ достойны вашего вниманія, сказала виконтъ съ смиреніемъ, которое, въ подобномъ случаѣ, никогда не погрѣдитъ поэтъ.

— Оставьте скромность, замѣтилъ старикъ, я не вѣрю ей. Прочитайте мнѣ образчикъ вашихъ стихотвореній, и я откровенно выскажу вамъ свои мысли. Они должны быть ужъ черезъ чуръ плохи, чтобы не выдержать противъ тѣхъ, каковы восхищаются каждый день въ салонѣ моей жены.

Мореаль подошелъ къ конторкѣ и вынулъ изъ одного ящика довольно толстую тетрадь. То былъ настоящій манускриптъ аматёра, выправленный, выровненный, безъ помарокъ, одно изъ тѣхъ собраній стихотвореній, которыя представляютъ такое каллиграфическое совершенство, что въ печати потеряли бы все свое достоинство, и потому остаются неизданными.

— Покажите, сказалъ маркизь, протянувъ руку къ поэтъ.

— Прекрасное письмо! продолжалъ старикъ, развернувъ тетрадь; съ удовольствіемъ я замѣчаю что вы не впадаете въ странность нѣкоторыхъ писателей, которые считаютъ каракули признакомъ таланта, и это потому, что Наполеонъ писалъ какъ кошка! *Уныніе*, продолжалъ онъ, перечитывая названія различныхъ пьесъ; *Часы грусти*, *Разочарованіе*, сей, сей! *Дни печали*, что за чертовскія названія! это должно быть такъ же весело, какъ плачь Іереміи. *Слезы души*, *morbleu!* скажите мнѣ лучше о слезахъ винограда. *Меланхолия*, *Ламартина*, такъ и слѣдуетъ, по заслугамъ и честь. Въдъ Ламартина и изобрѣлъ моду на меланхолію. *Къ Ней*, въ добрый часъ. Я думаю, это относится къ моей племянницѣ, но Она не проститъ меня, если я прочитаю безъ ея позволенія. *Обманутыя надежды*, *Гимнъ отчаянія*. Что это такое, мой любезный виконтъ? сказалъ маркизь, бросивъ плутовской взглядъ на своего собесѣдника.

— Я предупредилъ васъ, что мои стихи не заслуживаютъ чести, какую вамъ угодно было сдѣлать имъ, отвѣчалъ поэтъ съ замѣшательствомъ.

— Дѣло не объ стихахъ — я не прочиталъ еще ни одного, — но объ этомъ плачевномъ настроѣ вашихъ размысленій. Что за дьявольщина! Юнгъ лишился своей дочери, или, точнѣе, падчерицы; Данте видѣлъ смерть своей Беатриче; а вы, вы чего лишились? Вы молоды, здоровы, довольно богаты, прекрасный молодой человекъ, любимый, и вы хотите заинтересовать меня вашимъ разочарованіемъ, вашимъ отчаяніемъ!

— Вдохновеніе—прихотливая богиня; оно часто увлекаетъ насъ за предѣлы дѣйствительности.

— Что это такое, что за вдохновеніе?

— Это поэтическое дыханіе....

— Ва! и вы пускаетесь въ общее мѣсто? Вдохновеніе — это бессонная ночь, которая начинается чашкою кофе и оканчивается мигренью.

— Но священный огонь, который воспламеняетъ поэта....

— Общія мѣста, говорю я вамъ. Поэтъ сочиняетъ стихи, какъ ткачъ приготовляетъ полотно, какъ чулочникъ вяжетъ чулки. Онъ не позволяетъ Пегасу носить себя по прихоти, но самъ управляетъ имъ по своей волѣ; если онъ поведетъ его къ темнымъ струямъ Ахерона, виноватъ самъ, и я не захочу послѣдовать за нимъ. Вы, молодые люди, въ самомъ дѣлѣ помѣшались на разочарованіи и меланхоліи; что же выйдеть изъ васъ въ мои годы, если въ двадцать-пять лѣтъ вы больше ничего не знаете, какъ только мечтать, плакать и проклинать? Но возвратимся къ вашимъ стихамъ. *Римскій праздникъ*, наконецъ-то, вотъ названіе, въ которомъ нѣтъ ничего погрѣбальнаго. Я могу сулить объ этомъ стихотвореніи тѣмъ болѣе, что въ 1777 году, мнѣ самому случилось отпраздновать карнавалъ въ Римѣ и, боюсь, было чрезвычайно весело. Послушаемъ вашъ римскій праздникъ.

Маркизь подавъ Мореалу рукопись, запрокинулъ голову на спинку кресель, одною рукою подперъ подбородокъ, а

другую засунулъ въ жилетъ, закрылъ вполонину глаза, словомъ, принялъ ужасное положеніе самаго внимательнаго слушателя, такъ-что молодой поэтъ почувствовалъ тревогу въ сердцѣ, какъ-будто предсталъ передъ цѣлымъ ареопагомъ критиковъ. Чтеніе началось; голосъ поэта дрожалъ отъ внутренняго волненія. *Римскій праздникъ* представлялъ картину мученичества христіанъ во время Нерона; зубы тигровъ и факелы палачей играли главную роль въ этой сценѣ, которая, въ своихъ подробностяхъ, напоминала нѣкоторые произведенія современной поэтической школы.

Окончивъ чтеніе, виконтъ бросилъ на своего слушателя одинъ изъ скромныхъ, улыбающихся взглядовъ, которыми авторъ обыкновенно поручаетъ себя благосклонности своего судьи. Понтальи слегка измѣнилъ свое положеніе: руки были опущены, уста полуоткрыты, глаза зажмурены; казалось, онъ наслаждался тихимъ, беззаботнымъ сномъ. Сердце Морселя сжалось подъ когтями раздражительнаго демона; съ невольнымъ, судорожнымъ движеніемъ, онъ скомкалъ свою тетрадь и, въ сердцахъ, бросилъ ее на столъ. Старикъ тотчасъ открылъ глаза, выпрямился, и взглянувъ на виконта съ намѣшлывымъ видомъ, сказалъ:

— Успокойтесь, я не сплю, я размышляю. Да, повторяю вамъ, молодые люди нынче слишкомъ странны. Въ пѣсняхъ ихъ только и слышишь что жалобы, да какое-то мычанье. Вы, напримеръ, въ какую западную втащили меня, благодаря вашему обманчивому заглавію? И вы называете это праздникомъ! да еще римскимъ! Назовите лучше: аутодафе, торжество кавнибаловъ, бойня! И это вашъ вкусъ? Вашъ праздникъ отзывается мясничествомъ, горящей смолою; а я люблю запахъ розъ или ароматъ стараго Фалерискаго. Я предпочитаю Альбана Рибера. Легко мѣшать красную и черную краски, но нѣжные цвѣта, напротивъ, не всякій умѣетъ составить. Въ молодости, и я писалъ стихи. Я забылъ ихъ; помню только, что все въ нихъ было свежо, нарядно, кокетливо, быть-можетъ, развѣ нѣсколько легко. Но другія времена, другіе нравы.

— Такъ мои стихи, по вашему мнѣнію, слишкомъ плохи? спросилъ поэтъ, съ принужденною улыбкою.

— Я не говорю этого, отвѣчалъ маркизъ на-скоро.

Надо признаться, что Морселя, между другими недостатками, имѣлъ слабость думать, что онъ пишетъ стихи превосходно, и потому былъ не очень доволенъ бѣглымъ отвѣтомъ своего критика.

— Этотъ толстякъ, подумалъ онъ, занялъ девизъ у Боллиброка: *Nil mirari*.

— Вы, безъ сомнѣнія, не думаете печатать вашихъ стихотвореній? спросилъ старикъ послѣ минутнаго молчанія.

— Ни за что въ свѣтъ.

— Прекрасно. Какое бы ни было достоинство вашего *Римскаго праздника*, все-таки это стихи; а этого довольно, чтобы надѣяться на пріемъ госпожи де-Понтальи, какого едва ли добились вы, безъ этого, по одному вашему происхожденію и значенію въ свѣтъ. Хотите ли, я представлю васъ теперь же?

— Распожайтесь мною, какъ вамъ угодно, отвѣчалъ виконтъ.

— Въ такомъ случаѣ, перемѣните ваши сапоги, потому что они въ грязи, а госпожа де-Понтальи, въ этомъ отношеніи, такъ же взыскательна, какъ королева Елисавета; пошли-те за коляской — и отправимся. Четыре часа; значить, моя жена дома.

Прежде-чѣмъ послѣдуемъ за Морселемъ къ маркизу де-Понтальи, заглянемъ въ гостиницу Мирабо, гдѣ находятся нѣкоторые лица нашего разсказа.

Оставивъ коляску, Генриетта, чтобы избѣжать томныхъ взглядовъ и несносныхъ учтивостей Андре-Дорнье, притворилась, будто ужасно хочетъ спать, и удалась въ комнату, гдѣ была приготовлена для нея постель. Депутатъ и его другъ остались одни въ нѣкотораго рода гостиной, смежной съ комнатою Генриетты. Не думая отдыхать или завтракать, господинъ Шевассю тотчасъ занялся своимъ туалетомъ; ему хотѣлось въ тотъ же день повидаться съ нѣ-

которыми из своих товарищей; зная всю важность первого впечатления, он рывился правиться. Не удивляйтесь этой, повидимому, мелочной претензии такого важного человека, как Шевассю. За политическими людьми водится кокетство своего рода: лобь куполомъ, обворожительный взглядъ, повелительное положеніе, блѣдный цвѣтъ лица, признаки безсонныхъ ночей, — вотъ черты, какія они любятъ выказывать. Благодаря немножко искусству, Шевассю владѣлъ всеми этими прелестями: его лобъ, обнаженный на вискахъ, получалъ монументальное развитіе, которое составляло върный признакъ гениальности; его живописно обрамляли волосы, искусно зачесанные съ затылка; блѣдность лица могла означать неутомимую дѣятельность; наконецъ, глубоко впалые глаза, выправленные брови и выдавшійся носъ придавали что-то особенное его физиономіи; прибавьте къ этому всегда важный видъ, всегда перпендикулярное положеніе — и вотъ передъ вами весь господинъ Шевассю.

— Моя голова какъ-будто создана для каюдры, говорилъ самъ-себѣ новый депутатъ и думалъ уже заказать свой портретъ въ благородной позѣ оратора.

Въ ожиданіи этого времени, господинъ Шевассю принялся брить свою бороду. И въ этомъ, довольно смѣшномъ, упражненіи, онъ умѣлъ сохранить свое достоинство; разведенная по лицу мыльная пѣна получила какую-то важность, бритва въ его рукѣ казалась величественною.

Дорнѣ, сидя въ креслахъ, присутствовалъ при туалетѣ человека, котораго вазывалъ своимъ любезнымъ господиномъ; не смотря на отвращеніе отъ прежняго правительства, господинъ Шевассю своей домашней жизни охотно давалъ гласность, что дѣлалъ изъ подражанія знати того времени, между которой особенно отличался этимъ князь Талейранъ.

Прежде-чѣмъ передадимъ разговоръ, происходившій между этими двумя лицами, необходимо объяснить отношенія, какія существовали между ними нѣсколько лѣтъ.

До 1830 года, господинъ Шевассю былъ адвокатомъ въ Дюе, на своей родинѣ. Такъ-какъ онъ былъ посредственный

юрисконсультъ, то его мнѣнія имѣли не много авторитета, и онъ обыкновенно проигрывалъ изъ четырехъ процессовъ три; но его декламаторское краснорѣчіе доставило ему успѣхъ перелъ присяжными; потому онъ говорилъ рѣчи гораздо чаще въ уголовномъ, чѣмъ въ гражданскомъ судѣ. Впрочемъ, онъ былъ довольно богатъ; и если вступилъ на судейское поприще, то совсѣмъ не для приращенія своихъ доходовъ, а для того, чтобы сохранить свою позицію. Быть-можетъ, ему трудно было отказаться отъ удовольствія видѣть свое имя, а иногда и свои ораторскія произведенія въ департаментскихъ журналахъ, являющихся четыре раза въ годъ; впрочемъ, онъ болѣе занимался политикою, чѣмъ юриспруденціею. Во время выборовъ, онъ выказывалъ удивительную ревность: присутствовалъ въ собраніяхъ, лавалъ объѣды, писалъ пираулары, затѣвалъ интриги, говорилъ рѣчи, пугалъ генераль-прокурора и заставлялъ префекта проводить безсонныя ночи. Въ такихъ обстоятельствахъ, его сынъ, Просперъ, мальчикъ четырнадцати лѣтъ, вступилъ тоже на политическое поприще. Въ ребенкѣ струилась кровь родительская; вооруженный хлыстомъ, которымъ хлопалъ въ честь лѣвой стороны, утѣвшись на какой-то телѣгѣ, онъ сѣдлалъ торжественный въѣздъ въ Дюе въ самый день выборовъ и, у дверей коллегіи разстановилъ съ дожиною избирательныхъ членовъ, собравшихъ со всехъ угловъ округа. При этомъ явленіи, говорятъ, префектъ поблѣднѣлъ, а господинъ Шевассю, не смотря на свою привычную скромность, встрѣтилъ сына съ распростертыми объятіями, при шумныхъ рукоплесканіяхъ растроганныхъ избирателей. Умилительное было зрѣлище!

Одно обстоятельство объяснить намъ, почему адвокатъ сталъ жаркимъ защитникомъ либеральныхъ мнѣній. Десять лѣтъ онъ домогался мѣста совѣтника въ Дюе, — и все безъ успѣха. Июльская революція поправила это дѣло. Шевассю сдѣлался совѣтникомъ; но самолюбіе его не удовлетворилось; онъ съ презрѣніемъ смотрѣлъ на свое достоинство. И въ самомъ дѣлѣ, онъ, Шевассю, только совѣтникъ, а между-

тѣмъ нѣкоторые изъ его сослуживцевъ прямо шагнули въ президенты палаты, въ генералъ-прокуроры и даже въ первые президенты, или по-крайней-мѣрѣ вступили въ кассационный судъ. Надъ нимъ стали смѣяться. Будучи адвокатомъ, онъ обвинялъ реставрацію въ несправедливости, сдѣлавшись совѣтникомъ, обвинялъ новое правительство въ неблагодарности; но какъ онъ не получалъ повышенія, то и бросился въ оппозицію.

— Не съумѣли оценить моихъ заслугъ, говорилъ онъ самъ себѣ, такъ я заставлю бояться себя.

Съ того времени господинъ Шевассю сталъ мѣтить въ депутаты. Благодаря предшественникамъ, ему не трудно было прослыть въ Дюе главою оппозиціи, которая скоро организовалась подъ его вліяніемъ. Въ одномъ собраніи комитета, въ которомъ новый совѣтникъ занялъ мѣсто президента, рѣшили издавать политическій журналъ. Объявили подписку, и необходимыя суммы скоро были собраны. Въ этомъ случаѣ, основатели журнала выказывали свое усердіе другъ передъ другомъ, какъ бываетъ въ началѣ каждаго предпріятія. Оставалось учредить редакцію. Но для этого не нашлось способнаго человѣка во всемъ Дюе, не смотря на его претензію на прозвище *Сверныхъ Аовинъ*. Нѣсколько молодыхъ элегическихъ поэтовъ, большею частію клерки нотаріусовъ, конечно, согласились бы вѣлечь въ свой вѣнокъ изъ плачущей ивы дубовыя вѣтки критики, а двое, или трое изъ нихъ обнаруживали способность вести фельетонъ; но всѣ ихъ таланты, взятые въ совокупности, не замѣнили бы редактора. Съ другой стороны, мѣсто господина Шевассю предписывало ему нѣкоторую осторожность и не позволяло открыто выступить на журнальную арену. Кромѣ того, подобно всемъ страпчимъ, эскъ-адвокатъ лучше владелъ языкомъ, чѣмъ перомъ; онъ могъ проговорить, не переводя духа, шесть часовъ, но не написалъ бы и шести строкъ безъ помарки.

— Я стану завѣдывать редакціею *Дуенскаго Патриота*, говорилъ онъ своимъ товарищамъ по комитету; я буду ду-

шою журвала, но мнѣ надобно помощника, работника. Въ государственные люди имѣли помощниковъ. Самъ Мирабо не отказывался отъ нихъ, и умѣлъ подобрать: Ковдорсе, Серрутти, Шаффордъ, Кабани. Но въ Дюе нечего искать, надо писать въ Парижъ.

Въ-слѣдствіе такихъ соображеній президента, Комитетъ обратился къ одной изъ парижскихъ политико-литературныхъ фабрикъ, которыя высылаютъ въ провинціи талантливыхъ людей, за умеренную цѣну, почти такъ же, какъ домъ Жиру-де-Ганъ высылаетъ шали и мебель. Проходитъ почта за почтой, и вотъ наконецъ означенна фабрика, сообразно съ требованіемъ, доставляетъ главнаго редактора за тысячу эку. Этотъ редакторъ былъ Андре-Дорнье, о которомъ надо сказать нѣсколько словъ.

Въ средніе вѣка, въ Италиі были *condottieri*, которые, управляя шайками безстрашныхъ, отчаянныхъ служакъ, за известную плату, принимали участіе въ войнахъ государей и обществъ, переходили отъ одной партіи къ другой, какъ скоро находили въ томъ свою выгоду, рѣзались другъ съ другомъ, какъ волки, и наконецъ вмѣшивались въ гражданскія войны, мѣняя капли крови на кучи золота. Съ этими искателями приключеній можно сравнить нѣкоторыхъ промышленниковъ нашего времени, которые обыкновенно сражаются съ перомъ въ рукъ, за честь мѣтнія, которое даетъ имъ хорошую плату, и позволяютъ себѣ перебѣгать въ непріятельскій лагерь, какъ-скоро посулятъ имъ больше жалованья. Андре-Дорнье представлялъ образчикъ новѣйшихъ *condottieri*. Ничто не могло сравниться съ проворствомъ и ловкостію, съ какими онъ перемѣнялъ политическое знамя, соображаясь съ своими выгодами. Нынче республиканецъ, завтра приверженецъ министерской партіи, черезъ два дня онъ переходитъ на сторону легитимистовъ, — только бы достать какъ-нибудь лишнихъ пять-сотъ франковъ. И въ случаѣ самаго безстыднаго вѣгства, онъ такъ ловко умѣлъ извернуться, что тамъ, гдѣ всякой другой навлекъ бы на себя позорное названіе переметчика, онъ слылъ за писателя добросовѣстнаго, но за-

блуждающагося иногда по пылкости своего воображенія. Онъ казался человѣкомъ восторженнымъ, увлеченнымъ, между тѣмъ совершенно владѣлъ собою, съ ненавистною холодностію могъ разсуждать о тѣхъ мнѣніяхъ, какія поддерживалъ со всемъ жаромъ; безъ убжденій, безъ началъ; онъ походилъ, по своей подвижности, на стрѣлку компаса. Намагниченный бѣдностію, изъ которой не могъ выбиться, въ своей безалаберной, бродячей жизни, онъ видѣлъ свой сѣверный полюсъ только въ деньгахъ.

Въ Дие онъ пріѣхалъ изъ Бордо, гдѣ издавалъ какой-то республиканскій журналъ, который и скончался въ его рукахъ. Эта катастрофа случилась съ нимъ не въ первый разъ. Съ нѣкотораго времени, онъ неоднократно испытывалъ подобное несчастіе, получая жалованье то отъ министерства, то отъ оппозиціи; въ первомъ случаѣ, его журналъ падалъ отъ недостатка подписчиковъ, а въ последнемъ адвокаты и генералъ-прокуроръ наносили ему смертельный ударъ. Въ такихъ обстоятельствахъ, Дорнье отправился въ Парижъ, единственное пристанище, гдѣ могъ снова пустить въ оборотъ свои таланты.

Переходъ отъ редакціи республиканскаго журнала къ изданію *Дуенскаго Патриота*, который положено было сдѣлать органомъ лѣвой стороны, Дорнье считалъ пустяками. И такъ, главный редакторъ прибылъ въ Дие со всей важностію, приличной его особѣ. Для комитета, которому препроводила его парижская фабрика, паденіе бордосскаго журнала казалось такою могущественною рекомендаціею, что Дорнье былъ принятъ съ отверстыми объятіями. О прежнихъ переворотахъ его судьбы не заходила и рѣчь; быть-можетъ, объ нихъ не было и слуха, потому-что они происходили въ безвѣстныхъ городахъ, тогда-какъ последнее происшествіе изъ политической жизни Дорнье, происшествіе, ручавшееся за его патриотизмъ, случилось въ большомъ городѣ. Въ честь главнаго редактора задали славный пиръ, на которомъ гости пѣли *la Marseillaise*.

Дорнье былъ изворотливъ, вкрадчивъ; говорилъ мало, вы-

слушивалъ каждого, не противорѣчилъ никому. Черезъ нѣсколько дней, онъ разгадалъ всѣхъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло. Онъ понялъ, что въ этомъ стадѣ овецъ, прикидывающихся волками, господинъ Шевассю занималъ мѣсто барана, только-что не носилъ на шеѣ президентскаго позвонка. Главный редакторъ тотчасъ рѣшился завоевать благосклонное вниманіе этого важнаго лица и, руководясь искусною системою лести, успѣлъ свыше своихъ ожиданій. Дорнье повторилъ роль, какую разыгрывалъ одинъ герцога при дворѣ Лудовика XVIII; онъ притворился ученикомъ, чтобы водить за носъ своего учителя. Если совѣтникъ поручалъ ему пересмотрѣть какую-нибудь нескладницу собственнаго сочиненія, Дорнье приходилъ отъ нея въ восторгъ; тутъ онъ находилъ и глубокомыслія Паскаля, и точность Монтеस्कьё, и силу Курье. Потомъ, подъ предлогомъ исправить нѣкоторыя небрежности въ слогахъ, обыкновенныя у гениальныхъ людей, онъ составлялъ превосходную статью и давалъ ей почетное мѣсто въ журналѣ. Такимъ образомъ, смотрясь въ увеличительное зеркало, которое подставлялъ каждый день Дорнье, господинъ Шевассю наконецъ самъ увѣровалъ въ свою колоссальность.

— Когда я буду въ палатѣ, думалъ онъ, Тьеръ и Одилонъ Барро должны будутъ нѣсколько посторониться.

Андре-Дорнье сначала льстилъ своему патрону съ тою цѣлію, чтобы, по цвѣтистому косонору, довести его до согласія увеличить жалованье главнаго редактора, что преимущественно зависѣло отъ совѣтника, который имѣлъ сильный голосъ въ комитетѣ. Но планъ скоро перемѣнился; самолюбіе Дорнье устремилось къ высшей цѣли. Почти каждый день онъ видѣлъ Гевриетту, которой тогда было шестнадцать лѣтъ. Онъ добился чести давать ей уроки въ италіанскомъ языкѣ. Учитель молодой, прелестной дѣвушки, человекъ тридцати-двухъ лѣтъ, не могъ не покориться увлеченію сердца. Но Дорнье, какъ человекъ дальновидный и хладнокровный, вмѣсто того, чтобы завести романтическую интригу, рѣшился достигнуть полной награды за свои уроки.

— Я усталъ отъ бродячей жизни, разсуждалъ онъ самъ съ собою, уходя въ одинъ вечеръ отъ совѣтника: надо же когда-нибудь покончить это и устроить свое состояніе. А гдѣ мнѣ будетъ лучше, чѣмъ здѣсь? Добрякъ Шевассю видѣть только моими глазами. Почему не жениться мнѣ на его дочери? Кромѣ того, что она прекрасна собою, она будетъ богата. Да, я буду глупецъ, если опущу этотъ случай!

Съ этого дня, Дорье удвоилъ свои усилія нравиться отцу и дочери, но, черезъ годъ, успѣлъ только вполонину. По мѣрѣ того, какъ увечивалось расположеніе господина Шевассю, Генриетта дѣлалась холоднѣе; за холодностію послѣдовало удаленіе, а наконецъ непреодолимое отвращеніе. Вероятно, страстные взоры виконта Мореала, который въ это время могъ видѣть Генриетту только въ церкви и на гульбищахъ, усилили въ ней отвращеніе отъ журналиста, если даже не были первою его причиною.

V.

Между-тѣмъ, *Дуенскій Патриотъ* два года тянулъ съ перемѣннымъ счастіемъ. Вообще положеніе его было не завидное. Число подписчиковъ уменьшилось, и комитетъ принужденъ былъ сдѣлать воззваніе къ первымъ основателямъ, усердіе которыхъ замѣтно охладѣло. Кромѣ того, что въ собственномъ вѣдрѣ носилъ зародышъ паденія, журналъ имѣлъ смертельнаго врага, который, три раза въ недѣлю, въ дни выхода Патриота, вставалъ рано поутру и сторожилъ, не свернется ли въ колонны его какая-нибудь маленькая ошибочка, подлежащая отвѣтственности. Этотъ врагъ былъ королевскій судъ, приступавшій къ этому дѣлу съ необыкновенною ревностію, потому-что находилъ очень пріятнымъ отправить братскій выговоръ неподвижному совѣтнику, который позволялъ себѣ столь неблагоприличное поведеніе. Особенно генераль-прокуроръ точилъ зубы на фельетонъ своего анта-

гониста. И наконецъ, вовсе неожиданно, представилась ему ошибка, которую напрасно подкарауливалъ онъ два года.

Это случилось въ 1834 году, въ началѣ Іюля. Въ одно утро, къ господину Шевассю явился его сынъ, Просперъ, о которомъ мы ничего не говорили, потому-что, въ эпоху основанія журнала онъ находился въ Парижѣ и занимался правовѣдѣніемъ. Учебный годъ еще не кончился, но въ Іюнѣ очень легко получить отпускъ отъ профессоровъ юриспруденціи, и студенты, прокутившіе весь пансіонъ, выданный имъ на содержаніе до Сентября мѣсяца, не могутъ придумать ничего лучше, какъ возвратиться подъ отеческій кровъ, гдѣ ожидаетъ ихъ хорошей столъ. Въ прошедшемъ году Просперъ такъ счастливо воспользовался этимъ средствомъ, что рѣшился прибѣгнуть къ нему въ другой разъ. Онъ явился къ своему отцу въ самомъ бѣдственномъ положеніи: его костюмъ состоялъ изъ цвѣтной рубашки, рваныхъ панталонъ, пары продырившихся сапоговъ и зимняго платья, приходившаго къ своему разрушенію; чеподанъ его остановили, въ родъ залога, въ гостиницѣ. Взглянувъ на оборваннаго сына, походившаго на испанскаго нишаго, господинъ Шевассю, вмѣсто того, чтобы принять его въ свои объятія, скрестилъ на груди руки и произнесъ строгое увѣщаніе. Просперъ, не поморщившись, безъ всякихъ возраженій, выслушалъ грозную рѣчь родителя: онъ зналъ, что гнѣвъ отца продолжится не долго, и послѣ ссоры настанетъ мировая.

— Прикажете позвать какого-нибудь портнаго. Такъ господинъ Шевассю заключилъ свою сильную рѣчь.

— Ваша воля будетъ исполнена, батюшка, отвѣчалъ студентъ, поклонившись съ важностію.

— Ваше безпорядочное поведеніе неизвинительно, снова началъ совѣтникъ: но еще страннѣе мнѣ кажется поступокъ госпожи де-Понтальи. Эта гордая женщина отпустила васъ сюда въ такомъ разбойническомъ костюмѣ, этого я не принимаю.

— Тетушка вместе съ мужемъ, ужь съ мѣсяць, отправились въ свои нормандскія помѣстья; но если бы они и были въ Парижъ, я не считаю себя обязаннымъ открываться имъ въ своихъ нуждахъ.

— Это почему? сухо спросилъ Шевассю: кто не стыдится дурно вести себя, тотъ долженъ уметь и смириться.

— Передъ вами, батюшка, такъ; мой долгъ принимать отъ васъ укоризны равно какъ и благодаренія. Но мнѣ кажется недостойнымъ васъ и меня просить помощи у людей, пераздвляющихъ моихъ мыслей, какія бы родственныя связи ни соединяли насъ.

— Дѣльно, промолвилъ совѣтникъ, смягчивъ свой тонъ. Я съ удовольствіемъ замѣчаю, что хотя ваше поведеніе и не слишкомъ похвально, зато вы остаетесь вѣрны моимъ началамъ.

— Вѣрнѣ до самой смерти, отвѣчалъ Просперъ, положивъ руку на сердце, какъ драматическій актеръ.

— Прекрасно! вскричалъ совѣтникъ, узнавъ свое отраженіе въ этой эмфатической пантомимѣ.

Говоря о своей привязанности къ родительскимъ началамъ, студентъ не высказалъ еще всей истины. Съ той минуты, какъ онъ торжественно вступилъ на политическое поприще въ эпоху избранія, его патріотизмъ возросталъ со дня на день и наконецъ превратился въ какую-то горячку. Развивая мнѣніи своего отца до последней возможности, тамъ, гдѣ здравомыслящій человѣкъ принялъ бы только оппозиціонную сторону, молодой юристъ готовъ былъ затѣять возмущеніе. Тогда-какъ господинъ Шевассю довольствовался скромнымъ названіемъ патріота, Просперъ смѣло провозглашалъ себя республиканцемъ. Приставши къ одному обществу, которыхъ много развелось тогда въ Парижѣ, онъ придумалъ отличиться самымъ возмутительнымъ костюмомъ. Наравнѣ съ другими буйными головами, онъ считалъ себя однимъ изъ Гракховъ, потому-что носилъ длинныя волосы, красную шапочку, жилетъ à la Robespierre и маленькій книжалъ въ кармапъ своего редингота. Рѣдко заглядывалъ онъ въ кодексъ

законовъ, зато съ услажденіемъ перечитывалъ *Moniteur* 1833 года. Ненавидѣлъ Тулье, презиралъ Дельвинкура, но почиталъ Бабёфа и уважалъ Сен-Жюста. Не думайте, впрочемъ, чтобы Просперъ Шевассю принадлежалъ къ числу мрачныхъ демократовъ, которые, подражалъ правамъ Спартакцевъ, считали за измѣну своей партии всякое удовольствіе. Нашъ юный радикалъ, напротивъ, пользовался всеми приятными развлеченіями, безъ угрызенія совѣсти. Республиканскія идеи не подавляли любви къ баламъ. Вотъ черная и свѣтлая стороны школьной жизни Проспера! Прибавьте къ тому, что, по прошествіи двухъ лѣтъ, онъ не держалъ еще и перваго экзамена,—и совѣсть его была спокойна.

Какъ сынъ директора *Дуенскаго Патріота*, Просперъ получалъ журналъ бездежежно, но читалъ его съ пренебреженіемъ, какое обыкновенно оказываютъ жители Парижа всѣмъ провинціальнымъ изданіямъ: находилъ его вялымъ, робкимъ, отсталымъ и наконецъ парикомъ. Последнее существенное, принятое въ значеніи эпитета, выражало высшую степень презрѣнія. Просперъ нисколько не щадилъ этого изданія, основаннаго его отцомъ.

— Эти люди спятъ, часто разсуждалъ онъ про-себя: мой отецъ ужь пережилъ вѣкъ энергии, но я ожидаю большаго отъ Дорнье. Когда возвращусь въ Дуе, я постараюсь пробудить ихъ; надо воспламенить въ нихъ священный огонь. Я покажу имъ, какъ надо издавать журналъ.

Прибывъ въ свой родной городъ, Просперъ, послѣ поправленія своего гардероба, главнымъ образомъ обратилъ вниманіе на возрожденіе *Патріота*; впрочемъ, онъ считалъ бесполезнымъ сообщать свои планы кому бы ни было. Однажды, какъ совѣтникъ отправился въ деревню, а Дорнье, приготовивъ и расположивъ статьи для слѣдующаго нумера, сдалъ ихъ фактору, студентъ принесъ въ типографію свое сочиненіе, изготовленное имъ секретно. Все, что присылалось отъ господина Шевассю, въ типографіи принимали безъ рецензій: статья Проспера была отпечатана лучшимъ шрифтомъ и помѣщена въ началѣ журнала.

На другой день, королевский судъ торжествовалъ. Каждый членъ, при самомъ появленіи, слышалъ пріятную новость. Номеръ *Патріота* переходилъ изъ рукъ въ руки, и лица всѣхъ разцвѣтали радостію при чтеніи Просперовой статьи; помощники, съ горячею кровью, не могли усидѣть на своихъ мѣстахъ и порхали взадъ и впередъ, какъ чайки передъ наступленіемъ бури; болѣе холодные, но не менѣе торжествующіе, генераль-адвокаты, стоя въ амбразурѣ окна, придумывали наказаніе, соответственное возмутительной статьѣ, которая была передъ нихъ глазами; наконецъ генераль-прокуроръ, торжествуя болѣе всѣхъ вмѣстѣ, прохаживался большими шагами и непрестанно нюхалъ табакъ, что означало удовольствіе, достигшее степени восторга.

— Теперь-то мы поймемъ его, произносило все собраніе королевскаго суда.

Въ тотъ же день, возвратившись изъ деревни, господинъ Шевассю нашелъ у себя всѣхъ членовъ комитета. Смущеніе изображалось на лицахъ; досада кипѣла въ сердцахъ.

— Что это вздумалось вамъ бросить искру въ порошокъ? говорили президенту самые умѣренные члены: журналъ падеть — и мы останемся въ дуракахъ.

Господинъ Шевассю взялъ роковой номеръ и прочиталъ статью. Когда онъ окончилъ чтеніе, его лицо, всегда овальное, вытянулось на два дюйма.

— Какъ могли вы пропустить эту ядовитую статью? спросилъ онъ, въ свою очередь, обратившись къ главному редактору.

— Развѣ не отъ вашего имени принесли эту статью? отвѣчалъ Дорнье: я думалъ, она принадлежитъ вамъ и принялъ ее, не просмотрѣвши.

— Отъ моего имени? возразилъ совѣтникъ, разгорячившись: кто смѣетъ навязывать мнѣ подобныя распадія?

— Распадіи! вскричалъ Просперъ, который, при этомъ словѣ, бросился съ своего стула; но тотчасъ успокоился, сказавъ въ полголоса, съ видомъ презрительнаго состраданія: — распадіями называются стихотворенія Гомера.

— Кто смѣетъ признать мой слогъ въ этомъ надумомъ пустословіи? продолжалъ господинъ Шевассю, воспаляясь болѣе и болѣе; кто смѣетъ утверждать, что эта дьявольская статья принадлежитъ мнѣ?

— И такъ, кому же? спросили вдругъ многіе голоса.

— Мнѣ, милостивые государи, сказалъ Просперъ торжественно.

— Тебѣ! закричалъ господинъ Шевассю, котораго такъ поразило это открытіе, что онъ забылъ свою привычную важность и употребилъ мѣстоименіе *ты*.

— Мнѣ, батюшка, повторилъ студентъ, вытянувшись. Давно ужъ *Дуенскій Патріотъ* стоялъ на мели модерантизма; я вывелъ его въ открытое море. Теперь пусть не сетется наша галера!

— Но, злосчастный! воскликнулъ старый адвокатъ, принявъ драматическую позу: ты вывелъ не въ открытое море, а въ ассизный судъ! Тамъ только и ждали этого. Бьюсь объ закладъ, что префектъ заранѣе подобралъ присяжныхъ. Насъ осудятъ непременно.

— Тѣмъ лучше! отвѣчалъ Просперъ рѣзкимъ тономъ: наше ученіе должно претерпѣть гоненіе; всѣ исполнять свой долгъ. Вы, господа основатели журнала, вы съ радостію встрѣтите новый случай засвидѣтельствовать вашъ патриотизмъ. Вы сложитесь, чтобы заплатить штрафъ.

Члены комитета молча переглянулись другъ съ другомъ. Нѣкоторые машинально положили руку на карманъ, какъ будто желая защитить свою казну.

— Ответственный редакторъ отправится въ тюрьму; онъ для того и нанятъ, продолжалъ Просперъ.

При этихъ словахъ, маленькій человѣчекъ въ изношенномъ платьѣ, скромно сидѣвшій въ углу салона, приподнялся съ своего мѣста и поклонился юному республиканцу, съдѣлавъ кислую рожу.

— Да, почтенный Морло, вы отправитесь въ тюрьму, и будете словно въ маслѣ сырѣ кататься. Утѣштесь; у васъ не будетъ недостатка ни въ чемъ: пастеты, чудесная дичи-

на, славный табакъ, вишневка — все къ вашимъ услугамъ. Вы, вѣдь, любите вишневку, почтенный Морло. Насъ осудятъ, говорите вы? тѣмъ лучше. Я провозглашу себя авторомъ статьи, стану защищать журналъ передъ присяжными, и даю вамъ честное слово, что, по-крайней-мѣрѣ, въ этотъ разъ, люди, облеченные властію, услышатъ истину.

— Замолчите, Просперъ, сказалъ господинъ Шевассю важнымъ тономъ: вы сдѣлали намъ большое зло и еще увеличиваете его новыми глупостями. Въ этой проклятой статьѣ трудно выбрать, что важнѣе, продолжалъ онъ, съ горестію разсматривая журналъ: воззваніе къ возмущенію и гражданской войнѣ, оскорбленіе особы короля, выходы противъ правъ, дарованныхъ ему согласіемъ народа и противъ престолонаследія: все здѣсь есть. Съ какимъ же удовольствіемъ потираетъ теперь руки генераль-прокуроръ! А? Проспер! это ли плоды моихъ уроковъ? Я настаивалъ васъ въ первыхъ основаніяхъ конституціоннаго языка, я училъ васъ, какими фразами, какими уточненными оборотами и околичностями надо выражать свои мысли! Почему бы, напримѣръ, не употребить общепринятыхъ выраженій: порядокъ вещей, июльское распоряженіе, мысль правительства, вмѣсто того, чтобы говорить напрямикъ, грубо, безразсудно....

— Я называю кошку кошкою, возразилъ отрывисто студентъ.

— Любезный Просперъ, замѣтилъ вѣжно Дорнье, вы забываете, что слово дано человѣку для того, чтобы скрывать свою мысль.

— Кто это сказалъ? этотъ старый змѣй Таллейранъ: славный авторитетъ! Нѣтъ, милостивые государи, нѣтъ, слово дано человѣку не для того, чтобы скрывать мысль, но чтобы смѣло обличать неправду. Плоды моего произведенія еще впереди. Вы увидите, что моя статья пробудитъ болѣе симпатіи; насъ осудятъ, по всей вѣроятности, но мы пріобрѣтемъ пять-сотъ подписчиковъ лишнихъ, — вотъ увидите!

Пророчество Проспера сбылось только вполонину. *Дуенскій Патриотъ* былъ обвиненъ; основатели его заплатили

штрафъ; но подписчиковъ не прибавилось. Такъ-какъ адвокаты и генераль-прокуроръ старались нанести болѣе сильный ударъ самому господину Шевассю, то ответственный редакторъ подвергся только трехмѣсячному тюремному заключенію, а огромный штрафъ былъ самымъ жестокимъ испытаніемъ для усердія основателей. Это испытаніе было послѣднее. Касса комитета истощилась и *Дуенскій Патриотъ* умеръ отъ недостатка суммы, какъ гаснетъ лампа отъ недостатка масла.

Паденіе журнала повергло господина Шевассю въ униженіе, изъ котораго, впрочемъ, скоро извлекъ его отставной главный редакторъ, болѣе привыкшій къ подобнымъ переворотамъ.

— Зачѣмъ бросать топориче вслѣдъ за топоромъ? хладнокровно разсуждалъ Андре-Дорнье. Что за важная потеря? Журналъ, неимѣвшій никогда четырехъ-сотъ подписчиковъ — это труба, звуки которой раздаются не далѣе десяти лѣй. Пустое несчастіе, увѣряю васъ! Впрочемъ, сказать между нами, развѣ *Патриотъ* не достигъ желанной цѣли? Развѣ вы не сдѣлались знаменитымъ членомъ дуенской оппозиціи, чело-вѣкомъ, таланты и начала котораго извѣстны во всемъ департаментѣ, чело-вѣкомъ, котораго непременно выберутъ въ депутаты, если теперешній депутатъ заблагоразсудитъ наконецъ подражать нашему покойному журналу? Этотъ достойный мужъ теперь, въ самомъ дѣлѣ, страдаетъ жестокой болѣзнію; умри онъ, и васъ непременно назначатъ на его мѣсто, — и тогда разомъ въ палатѣ....

— Разомъ въ палатѣ, повторилъ Шевассю, принявъ положеніе, въ какомъ Давидъ предсталъ Мирабю на своей картинѣ: игра въ мячъ; разомъ палатѣ....

— Франція увидитъ еще одного великаго оратора, сказалъ Дорнье сладенькимъ голосомъ, докончивъ мысль, которую совѣтникъ не смѣлъ высказать въ-слухъ.

Вмѣсто того, чтобы разлучить этихъ двухъ чело-вѣкъ, какъ бы слѣдовало ожидать, катастрофа *Патриота* связала ихъ болѣе тѣсными узами. Дорнье продолжалъ жить въ Дюе, хотя

никакое занятіе не удерживало его болѣе. Каждый день онъ по долгу просиживалъ у совѣтника; но эти часы пролетали слишкомъ быстро для господина Шевассю, который болѣе и болѣе запутывался въ сѣти, разставленныя льстецомъ. Въ одинъ вечеръ, послѣ обыкновенныхъ сравненій своего любезнаго господина съ Фуа, Мартиньякомъ, Берье и особенно съ Мирабо, Андре-Дорнье, находитъ его въ самомъ приятномъ расположеніи духа, бросилъ нѣсколько словъ о счастіи человека, который получитъ руку Генриетты. Этотъ приступъ имѣлъ неожиданный успѣхъ. Люди честолюбивые рѣдко бываютъ корыстолюбцами. Домогаясь болѣе славы, чѣмъ денегъ, совѣтникъ умѣлъ оцѣнить пользу сотрудника, столько же дѣятельнаго, какъ и опытнаго, который, скромно держась въ тѣни, предоставлялъ бы ему, господину Шевассю, рисоваться на первомъ планѣ. Было время, когда онъ надялся посвятить своего сына въ роль политическаго оруженосца, но шадости Пропера и особенно послѣдняя его выходка въ журналъ разрушили до основанія родительскія надежды.

— Этотъ глупый мальчишъ испортитъ все, сказалъ судья, примѣняя къ молодому республиканцу отзывъ Лудовика XII о Францискѣ I.

Такимъ образомъ господинъ Шевассю, натурально, желалъ встрѣтить въ своемъ зятѣ тѣ качества, какихъ не надялся болѣе найти въ сынѣ. Ободренный разсужденіями совѣтника, Дорнье рѣшился съдѣлать предложеніе, и получилъ отвѣтъ, который хотя не былъ формальнымъ обѣщаніемъ, однако позволялъ ему предаваться сладкимъ надеждамъ.

— Увидимъ, сказалъ совѣтникъ: я не изъ тѣхъ людей, которые говорятъ такъ, а дѣлаютъ иначе. Я держусь либеральныхъ идей и не посрамлю себя, выдавъ свою дочь за какого-нибудь господина въ родѣ этого Мореаля. Генриетта будетъ имѣть свое состояніе, и потому, богатъ или нѣтъ, будетъ мой зять, для меня не очень важно. Я требую отъ него только постоянства въ началахъ, благоразумія и способности.

— Что касается до началъ, за свои я отвѣчаю, возразилъ Дорнье, не беспокоясь о прежнихъ своихъ грѣхахъ; а что до благоразумія и способности, не смѣю думать, чтобы, въ этомъ отношеніи, я могъ удовлетворить вашимъ требованіямъ; впрочемъ, находясь въ такой превосходной школѣ, невозможно не развить своихъ способностей....

— Это уже фактъ, прервалъ господинъ Шевассю, принявъ тонъ снисходительнаго покровительства: со времени вашего прибытія въ Дуе, вы слѣдали замѣтные успѣхи; ваше образованіе возрастало съ каждымъ днемъ. Быть-можетъ, наши бесѣды не были бесполезны для васъ.

— Можете ли сомнѣваться въ этомъ? Вашимъ наставленіямъ я обязанъ всѣмъ, что даетъ мнѣ теперь въ сѣ. Прежде знакомства съ вами, я былъ не болѣе, какъ школьникъ.

— А теперь хоть проповѣдывать съ кафедры.

— И что я стану проповѣдывать, это будетъ искренняя признательность къ вашимъ урокамъ и вашему расположенію. Конечно, я не имѣю нужды въ новыхъ связяхъ, чтобы питать къ вамъ живую привязанность; но, если бы вы удостоили мою желанія....

— Повторяю вамъ, мой другъ, увидимъ еще. Но прежде чѣмъ думать о Генриеттѣ, потолкуемъ о нашемъ серьезномъ дѣлѣ. Этотъ бѣдняжка Мужевъ не проживетъ и недѣли, какъ говорилъ мнѣ его докторъ. Начнутся выборы, надо взять свои предосторожности. Здѣсь вы не нужны мнѣ, во въ Парижѣ были бы очень полезны. Пожалуй, эти члены комитета повредятъ мнѣ. Предупредите ихъ, и вы окажете мнѣ услугу, которой я никогда не забуду.

— Я отправлюсь завтра, и вы можете положиться на мое усердіе къ вамъ: вы имѣете во мнѣ Сейда....

— Который можетъ сдѣлаться Али, примолвилъ Шевассю съ ласковою улыбкою.

— Ахъ, любезный мой господинъ! вскричалъ Дорнье съ восторженнымъ видомъ: если вы назовете меня своимъ сыномъ, въ чемъ мнѣ будетъ завидовать зятю Магомета?

На третій день, послѣ этого разговора, всѣхъ редакторъ

Патриота ухалъ въ Парижъ; черезъ недѣлю, смерть бросила черный шаръ въ урну Мужена; черезъ мѣсяцъ советникъ былъ избранъ депутатомъ. Наконецъ, въ половинѣ Ноября, Али Дорье и Магометъ-Шевассю находились въ гостиницѣ Мирабо.

Алире-Дорье сидѣлъ у камина, между-тѣмъ-какъ господинъ Шевассю, замѣвившій дорожный ридинготъ халатомъ, столъ, съ намывленною кисточкою въ одной рукѣ и съ бритвою въ другой, передъ мамелькимъ туалетнымъ зеркаломъ, повѣшеннымъ на окнѣ.

— Ну, сказалъ послѣдній, размазавъ по лицу слой мыльной пѣны: Генриетта глупа, при которомъ вельза ничего говорить; а Просперъ дураецъ, который приводитъ меня въ отчаяніе. Теперь мы одни, и можемъ потолковать о своихъ дѣлахъ. Что это за планъ, о которомъ вы говорили въ вашемъ письмѣ и который хотѣли открыть мнѣ, при первомъ свиданіи?

— Дѣло вотъ въ чемъ: отвѣчалъ съ важностію Дорье. Въ палатѣ, между лѣвымъ центромъ и лѣвой стороною, есть двадцать-пять или тридцать депутатовъ, недовольныхъ нынѣшними главными членами; она съ удовольствіемъ согласилась бы требовать, чтобы составилъ новый центръ.

— Я думалъ уже объ этомъ, прервалъ Шевассю, который любилъ присвоивать себѣ чужія мысли.

— Дать направленіе этой волнующейся массѣ, сдѣлаться главною пружиною въ этомъ собраніи, это было бы лучшимъ средствомъ, современемъ, стать въ головѣ цѣлой партіи; это было бы, мнѣ кажется, чудесное начало.

— Безподобное! Эта мысль давно уже созрѣла у меня.

— Изъ числа тѣхъ лицъ, о которыхъ я говорю вамъ, ни одинъ не въ состояніи оспоривать у васъ первенство. Мѣсто вакантное: надо занять его.

— Надо заявить, повторилъ депутатъ, величественно поводя бритвою по своему лицу: я говорилъ объ этомъ еще въ до-рогѣ.

— Вотъ мой планъ: вы должны основать журналъ.

— Гмъ! произнесъ Шевассю, вспомнивъ опустошеніе, какое произвелъ въ его карманѣ *Дуенский Патриотъ*.

— Я предвидѣлъ ваши возраженія, но думаю, что можно опровергнуть ихъ. Вы можете быть увѣрены, что я не трагилъ времени на пустяки, послѣ своего возвращенія въ Парижъ. Я, либо мои вѣрные друзья видѣли и разгадали всѣхъ депутатовъ, о которыхъ говорю вамъ. Они примутъ журналъ подъ свое покровительство; отъ депутатовъ вельза и ожидать ничего больше; но и это очень важно. Что касается до владчиковъ капитала, у насъ есть на примѣтѣ два банкира; эти люди, которые, повидимому, жертвуютъ своими деньгами, всегда умѣютъ получить свой барышъ. Въ случаѣ нужды, мы обойдемся и безъ нихъ: подписка обезпечитъ насъ на цѣлый годъ. Итакъ, видите, что дѣло идетъ само-по-себѣ. Между-тѣмъ, вы должны быть первымъ въ журналѣ; и чтобы въ финансовомъ отношеніи не уронить себя передъ другими, необходимо сдѣлать какой-нибудь взносъ, я думаю, пятьдесятъ-тысячъ франковъ.

— Пятьдесятъ тысячъ франковъ! закричалъ депутатъ, повернувшись такъ быстро, какъ-будто обрѣзалъ подбородокъ. — Это много, согласенъ, если братъ въ расчетъ одну сумму; но это не значитъ ничего, если сообразить результаты. Скажу въ двухъ словахъ: наши тридцать депутатовъ теперь — разбросанные колосья; нашъ журналъ будетъ связью, которая соединитъ ихъ въ одинъ снопокъ; а у кого въ рукахъ перевязка, у того и снопокъ.

— Однако, вѣдь, я научилъ васъ такой, ясной, точной логикѣ. Для полноты образа, вы могли бы прибавить: у кого рукахъ снопокъ, тотъ соберетъ и зерна. Безспорно, этимъ можно соблазниться; но пятьдесятъ-тысячъ франковъ....

— Только и всего, прервалъ Дорье съ иезуитскою улыбкою. Но если я скажу вамъ, что госпожа де-Понтальи обѣщала внести такую же сумму....

— Ба! вскричалъ господинъ Шевассю, моя сестра, эта карлистка, жертвуетъ пятьдесятъ тысячъ франковъ на основаніе патріотическаго журнала!

— Госпожа де-Понталли не обращает и вниманія на характеръ журнала; она хочетъ поддержать новый литературный органъ.

— Я знаю свою сестру, пробормоталъ сквозь зубы депутатъ: вѣчно педантка! если я рискую деньгами, по-крайней-мѣрѣ, съ какой-нибудь цѣлью. Этотъ планъ, я сомасенъ, заслуживаетъ, чтобы объ немъ разсудить должнымъ образомъ; я подумаю объ этомъ хорошенько. Но я замѣчаю одну трудность, которой вы, молодой человекъ, кажется, не предвидѣли. Я былъ кандидатомъ лѣвой стороны; наши избиратели ожидаютъ отъ меня самой свободной и сильной оппозиціи. Съ другой стороны, чтобы господствовать надъ волнующею массою, о которой идетъ дѣло, безъ сомнѣнія, надо сдѣлать известныя уступки: надо составить нѣкотораго рода мировую, словомъ, надо слегка опереться на лѣвый центръ; а возможно ли это мнѣ?

— Что же мѣшаетъ вамъ?

— Депутатъ забудетъ ли обещанія кандидата?

— Лудовикъ XII забылъ же оскорбленіе герцога орлеанскаго.

— Шутить не значитъ отвѣчать. Если я хоть на одинъ шагъ отступлю отъ линіи, начертанной мнѣ въ избирательномъ циркулярѣ, что тогда скажутъ мои поручители?

— Если это только ваши поручители, отвѣчалъ Дорнье съ такимъ видомъ, съ какимъ Тартюфъ восклицаетъ: *Если это только небо!* то я берусь наставить ихъ на умъ. Вы боитесь власти въ противорѣчіе съ первымъ вашимъ письмомъ; что же? можно сочинить другое. Не найдется ни одного избирателя, который бы вздумалъ возражать противъ циркуляра, приправленнаго, приличнымъ образомъ, патріотическими приносами.

— Не спорю; но что ни говорите, а мое положеніе довольно затруднительно.

— Изъ него сдумѣлъ бы выпутаться хоть ребенокъ. Впрочемъ, я предполагаю, что вы не вѣруете въ безпрекословныя приказанія?

— О! это невольничество, которому я никогда не покорюсь, гордо отвѣчалъ господинъ Шевассю.

— Кроме того, съ вашими необыкновенными талантами, безъ сомнѣнія, вы не захотите разыгрывать въ палатѣ второстепенную или вовсе ничтожную роль. При всей вашей скромности, вы не можете не сознавать своего преимущества. Вамъ неприлично быть простой копіей: вы понимаете, что вы человекъ государственный.

— Дорнье! Дорнье! прервалъ депутатъ, погрозя бритвою такъ величественно, какъ-було въ его рукахъ былъ скипетръ.

— Да, повторяю вамъ, вы понимаете, что вы человекъ государственный; потому очень натурально, что вы должны образовать свой центръ. Не считайте этого уклоненіемъ отъ вашихъ началъ; это только нравственное приложеніе законовъ тяготѣнія. Человекъ, подобный вамъ, переходитъ черезъ лѣвую сторону, но не остается на ней. Позвольте мнѣ одно сравненіе. Политическое поприще походитъ на желѣзную дорогу: отправляются изъ оппозиціи и достигаютъ власти. Сначала катятся со всею быстротою, это, просто, лѣвая сторона; потомъ уменьшаютъ нѣсколько первый порывъ, — это династическая лѣвая сторона; далѣе, принимаютъ умеренное движеніе, — это лѣвый центръ; наконецъ, приближаясь къ цѣли, ослабляютъ движущую силу, замедляютъ ходъ, уже не летятъ, а скользятъ тихо, меленію *smorzando*, и наконецъ останавливаются, безъ тряски, безъ толчковъ, на скамьѣ министровъ.

— О! да вы самый безалаберный человекъ! замѣтилъ господинъ Шевассю, который, вопреки своимъ началамъ, съ улыбкою выслушивалъ эту парламентскую теорію.

— Я вмѣю честь быть вашимъ воспитанникомъ, отвѣчалъ Дорнье съ почтительнымъ поклономъ.

Въ эту минуту, вбѣжалъ въ комнату Просперъ, выпачканный, усталый и очень въ дурномъ расположеніи духа.

— Не видали ли вы моей собаки? спросилъ онъ съ обыкновенною грубостію.

— Вашей собаки! вскричалъ господинъ Шевассю, недовольный приходомъ своего сына. Развѣ смѣете вы спрашивать объ вашей собаке? И вы не стыдитесь ходить такъ грязно, словно какой-нибудь ветошникъ, и такъ неприлично нарушать важный разговоръ?

— Проклятый Жюстиньянъ! сказалъ студентъ, бросившись въ кресла и слявъ свою ермолку, чтобы отереть потный лобъ: я раздѣляю съ тобою, попадись только мнѣ!

— Ваша собака пропала? спросилъ Дорнье съ видомъ участія.

— Дорнье, полноте разговаривать съ нимъ, сказалъ депутатъ строгимъ тономъ: мы заняты интересами поважнѣе собаки или какого-нибудь неисправимаго повѣсы. Вы сказали, что моя сестра беретъ акціи, на нашъ журналъ, въ пятьдесятъ-тысячъ франковъ. Если дѣло идетъ такъ, какъ вы представляете его, то... понимаете, что хочу я сказать? я не отказываюсь присоединить такой же капиталъ.

— Тогда побѣда на нашей сторонѣ! воскликнулъ Дорнье, потирая руки: я отвѣчаю за десять-тысячъ подписчиковъ.

— Журналъ! вскричалъ Просперъ, встрепенувшись на своемъ креслѣ, какъ боевой конь при звукѣ трубы: журналъ! и я тутъ же.

Шевассю пожалъ плечами и бросилъ на сына улыбку сожалѣнія. Не обращая вниманія на эту выразительную пантомиму, студентъ началъ говорить съ жаромъ.

— Такъ мы издаемъ журналъ! Прекрасная мысль, и надѣюсь, что онъ будетъ не такой соня, не такой простакъ, какъ *Дуенскій Патриотъ*,—вѣчная ему память! И моя те-тушка Понтальи беретъ акціи, говорите вы? Это значитъ, что она хочетъ выгнать на пастбище въ вашъ фельетонъ всѣхъ двуногихъ животныхъ изъ своего литературнаго зверинца, неизданныхъ поэтовъ, цеховыхъ нувелистовъ, фабрикантовъ историческихъ и философскихъ издѣлій. Parbleu! Если вы позволите ей это, вашъ фельетонъ будетъ на удивленіе цѣлому свѣту! А я возьму на свою долю театры, разумется, не всѣ, это было бы слишкомъ скудно, но Оперу, Фейдо,

Французскій, Портъ-Сентъ-Мартенъ, Гимназію и Водевиль; я отдаю ихъ чудесно. Это, впрочемъ, не помѣшаетъ мнѣ заглядывать и въ другіе театры. Давно уже я собираюсь посѣщать ихъ; славная штука! входилъ себѣ за кулисы!

Во время этой тирады, господинъ Шевассю окончилъ свой туалетъ. Потомъ онъ навязалъ на шею бѣлый галстухъ, поднимавшійся до ушей, что, по его мнѣнію, помо-гаю ему держать голову съ надлежащимъ достоинствомъ, и надѣвъ черное платье, застегнулъ его съ верху до низу. Взглянувшись въ туалетное зеркало, онъ величественною походкою приблизился къ кресламъ и слявъ насупотивъ сво-его сына.

— Просперъ! сказалъ онъ торжественнымъ тономъ, на-стало время поговорить съ вами рѣшительно. — Дорнье мой другъ, онъ не лишній здѣсь. Выслушайте меня и возьмете свой отвѣтъ. Я очень далекъ отъ того, чтобы раздѣлять предрасудки дворянской касты. Люди всѣ равны, и послѣдній бѣднякъ, на мои глаза, то же, что какой-нибудь перъ Франціи. Если я выражаюсь такъ, это еще не значитъ, чтобы я признавалъ пера на лѣстницѣ гражданской выше какого-нибудь, напримѣръ, судьи или депутата. Нѣтъ, я употребляю терминъ обыкновеннаго сравненія, такъ же какъ до революціи я употребилъ бы: принцъ или герцогъ.

— Что за чертовщину городитъ мой отецъ? спрашивалъ себя Просперъ, удерживаясь отъ зѣвоты.

— Я признаю равенство правъ, но не допускаю, въ одинакой степени, равенства обязанностей. Я объясню это. Въ почтенномъ мѣщанствѣ есть древнія фамиліи, столько же достойныя уваженія, сколько дворянскія фамиліи у насъ, во Франціи, вообще лишены уваженія; члены этихъ фамилій, съ незапамятныхъ временъ, отличаются всеми гражданскими добродѣтелями. Я смѣю могу сказать это о нашей фамиліи, фамиліи Шевассю. Четырехсотлѣтняя мѣщанская родословная — такое титуло, которымъ можно гордиться.

— Четырехсотлѣтняя! повторилъ Дорнье съ видомъ глу-бокаго почтенія.

— Батюшка всегда говорил прежде о трехсотлѣтней, шепнул на ухо Просперъ: но съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ сталъ депутатомъ, прибавилось еще одно столѣтје.

— Мои слова не должны внушать вамъ смѣшного тщеславія, а должны воспламенить въ васъ желаніе сдѣлаться достойнымъ вашихъ предковъ. Въ продолженіе этихъ четырехъ-сотъ лѣтъ мѣшанства, не вступая въ родственныя связи съ дворянами, кромѣ вашей тетушки, — но женщины не входятъ въ счетъ, потому-что не имѣютъ никакого значенія въ прямой линіи, — въ продолженіе четырехъ-сотъ лѣтъ, говорю, Шевассю всегда были людьми степенными, строгими, словомъ, людьми важными: Францискъ-Бенини-Шевассю былъ профессоромъ въ дуенскомъ университетѣ въ 1562 году; Вилліамъ-Дезире-Шевассю, каноникъ въ Сентъ-Эме, умеръ въ 1629 году; Антидъ-Лудовикъ-Николай-Шевассю былъ адвокатомъ въ парламентѣ въ 1750 году; столько другихъ я прохожу молчаіемъ, и наконецъ, послѣ нихъ, я осмѣлюсь назвать самого себя: вотъ какова наша фамилія! Посмотримъ теперь, что такое вы.

— Я гражданинъ, которому дьявольски скучно, подумалъ студентъ, растянувшись въ креслахъ, какъ будто готовился спать.

— Милостивый государь! закричалъ депутатъ, раздосадованный нарушеніемъ приличія, я приказываю вамъ слушать меня въ почтительномъ положеніи.

Просперъ выпрямился, надувъ губы.

— Что такое вы? началъ опять Шевассю, возвысивъ голосъ: лѣнтяй, повѣса, негодяй, человекъ недостойный моихъ милостей, недостойный имени, которое носить. Не возражайте. Я все узналъ въ школѣ правовѣднія. Я знаю, что вы не держали ни одного экзамена, знаю, что вы нажили еще долги не смотря на то, сколько я переплатилъ въ прошломъ году. И вы думаете, что я потеряю это? Нѣтъ, милостивый государь.

— Батюшка! сказалъ Просперъ лѣстивымъ тономъ: я никогда не заширался въ своихъ проступкахъ; знаю, что ихъ

такъ много, но обещаю вамъ вести себя лучше въ будущее время.

— Сколько разъ я слышалъ это обѣщаніе!

— На этотъ разъ, я исполню его, клянусь вамъ; что касается до денегъ, которыя вы заплатили за меня, вы можете удержать ихъ въ слѣдующемъ году, когда будете составлять вашъ опекунскій отчетъ.

— Мой опекунскій отчетъ! вскричалъ Шевассю съ негодованіемъ: вы смѣете требовать отъ меня отчета! Я отдамъ вамъ его, милостивый государь, отдамъ вѣрно; но, покуда, вы сдѣласте одолженіе, будете повиноваться моимъ приказаніямъ. Вместо того, чтобы жить въ какой-нибудь гостинницѣ, какъ въ прошлые два года, вы поступите въ пансіонъ, гдѣ строго будутъ смотреть за вашими поведеніемъ....

— Мнѣ вступить въ пансіонъ! закричалъ Просперъ, вскочивъ со стула: я лучше запишусь на службу въ Алжиръ! лучше брошусь въ Сену!

— Вотъ адресъ вашего пансіона, холодно сказалъ депутатъ, подавъ сыну карточку, вынутую изъ кармана жилета.

— Студентъ взялъ карточку и, не прочитавъ, бросилъ ее въ огонь.

— При этомъ возмутительномъ поступкѣ, господинъ Шевассю всталъ съ своего мѣста и вытянулся во всю длину.

Вонъ! закричалъ онъ тономъ Юпитера-громовержца.

— Благодарю, отвѣчалъ непокорный сынъ.

Онъ вышелъ изъ комнаты, не взглянувъ на своего отца, хлопнулъ дверью и въ передней запылъ громкимъ голосомъ:

Plutôt la mort que l'esclavage;

C'est la devise des Français.

Господинъ Шевассю, растревоженный этой сценою, устлся въ кресла и на нѣсколько времени погрузился въ печальныя размышленія. Сохраняя молчаніе, какъ требовало благоразуміе, Дорнье наблюдалъ депутата, и въ его физионо-

ми можно было прочесть: «Если бы они поссорились добрымъ порядкомъ, тогда, быть-можетъ, приданое Генриетты немножко увеличилось.»

— Дорнье, сдѣлайте одолженіе, догоните этого повѣсу, сказалъ черезъ нѣсколько секундъ отецъ Проспера, смгчившись въ своемъ гнѣвѣ: я фоюсь, чтобы этотъ негодяй не сдѣлалъ какой-нибудь глупости.

Хотя это примирительное посольство вовсе не согласовалось съ мыслями Дорнье, который надѣялся извлечь изъ ссоры свои выгоды, однако онъ не смѣлъ отказать отъ услуги, которой требовали отъ него. Спусти нѣсколько минутъ, онъ достигъ студента шагахъ въ пятидесяти отъ гостиницы Мирабо.

VII.

Андре-Дорнье, исполнивъ возложенное на него порученіе, предложилъ Просперу возвратиться домой.

— Возвратиться къ этому деспоту! закричалъ студентъ: нѣтъ, *par dieu!* я лучше стану прогуливаться по бульварамъ: не угодно ли вамъ вмѣстѣ со мной?

Дорнье взялъ руку студента, и оба пошли по улицѣ Мира.

— Не чудакъ ли мой батюшка? продолжалъ Просперъ. Съ тѣхъ-поръ, какъ попалъ въ депутаты, онъ забралъ въ голову престранныя идеи. Въ пансіонѣ! Почему уже не роги! Онъ разсердился на то, что я захотѣлъ принять участіе въ фельетонѣ; я знаю, у него всегда лежитъ на душѣ моя статья изъ *Patriote*. Ну, да все-таки я пристану къ фельетону, стану писать о театрахъ. Вѣдь, вы будете главнымъ редакторомъ?

— По всей вѣроятности.

— Ну, такъ и кончено дѣло.

— Но если вашъ батюшка воспротивится этому, мнѣ будетъ очень трудно...

— Батюшка! онъ смотритъ вашими глазами. Теперь это ваше дѣло, и я не стану беспокоиться объ немъ. Поговоримъ о другомъ. Сладились ли вы съ моими кредиторами?

— Я сдѣлалъ, что могъ; но у этихъ коршуновъ трудно выпросить снисхожденія.

— У коршуновъ! скажите у акулъ! Что же мой портной?!

— Согласенъ прибавить полтораста франковъ къ счету, и требуетъ, чтобы заплатили ему черезъ мѣсяцъ.

— А содержатель гостиницы, гдѣ я жилъ?

— Говоритъ, что вещи, какія онъ нашелъ въ чемоданѣ, оставшемся въ залогѣ, не стоятъ и тридцати франковъ.

— Я оставилъ ихъ ему въ пятнадцать. Но гдѣ же я, уплаты?

— Черезъ двѣ недѣли; это послѣдній срокъ. Онъ сталъ неговорчивъ съ-тѣхъ-поръ, какъ узналъ, что вашъ батюшка сдѣлался депутатомъ.

— Привратникъ тоже требуетъ тридцати франковъ.

— Ну, къ чорту! вижу, что мои долги возросли до двухъ тысячъ франковъ.

— Немножко побольше. Вѣрьте, любезный мой Просперъ, что если бы я имѣлъ деньги, давно выпуталъ бы васъ изъ этой бѣды: но вы знаете мое положеніе.

— Безъ сомнѣнія, я знаю, что у васъ не станетъ дѣло за такимъ одолженіемъ. Чортъ возьми! двѣ тысячи франковъ!

— По-крайней-мѣрѣ, благодаря моимъ хлопотамъ, кредиторы не обращаются къ вашему батюшкѣ, какъ угрожали въ своихъ письмахъ. Между-тѣмъ, такая короткая отсрочка! Есть ли у васъ деньги?

— Шесть-сотъ франковъ только; батюшка не хотѣлъ отдать мнѣ пансіонъ впередъ за три мѣсяца.

— Что же вы сдѣлаете?

— То же, что въ прошломъ году: уйду въ Кобленцъ.

— Я не понимаю васъ.

— Кобленцъ! радіеи! это мой добрый лядошка Понтальи. Будь онъ здѣсь въ Июль мѣсяцъ, я не пришелъ бы въ Дуе въ костюмъ блуднаго сына.

— Но вы сами говорили вашему батюшкѣ, что вы за что въ свѣтъ не рѣшитесь занимать деньги у людей, не раздающихъ вашихъ мѣтвѣй?

— Вы повѣрили этой шуткѣ? Я думалъ объ васъ гораздо лучше. Деньги, любезный мой Дорнье, не имѣютъ никакихъ мѣтвѣй. Впрочемъ, кромѣ маленькихъ одолженій, которыми я пользуюсь иногда, я очень люблю моего дядо-эмигранта. Этотъ весельчакъ пьетъ до дна, терпѣть не можетъ иезуитовъ и столько же заботится о своихъ пергаменахъ, какъ я о моемъ кодексѣ. Люблю такихъ людей; онъ называетъ меня яkobинцемъ, я зову его сычемъ; и мы лучше друзья въ свѣтъ. Часто ли вы видѣли его послѣ вашего прѣзда?

— Кое-когда. Но я часто видѣлся съ вашей тетюшкой, къ которой имѣлъ рекомендательное письмо.

— Вотъ женщина, которую я ненавижу! Я смѣюсь надъ этими цеголами, которые населяютъ ея гостиную и пачкаютъ ея ковраы. Чудесно будетъ, если я такой грязный представлюсь къ ней сейчасъ. Это ее взбѣситъ. Кстати, знаете вы, что ващъ соперникъ здѣсь?

— Морсаль?

— Развѣ вы не замѣтили его, нынче утромъ, на почтовомъ дворѣ?

— Такъ это былъ онъ... въ огромномъ плащѣ...

— Да, онъ. Какъ влюбленнаго, можно поздравить васъ близорукимъ. Я взглянулъ и тотчасъ узналъ его.

— Не для того ли вы и оставили насъ, чтобы переговорить съ нимъ?

— Да. Услуга за услугу: вы были мнѣ полезны двадцать разъ; зато обещаю вамъ избавить васъ отъ соперника, и хотя онъ упрямъ какъ мулъ, однако я сдержу свое обещаніе. Положитесь на меня; будемъ братьями и по родственнымъ связямъ, какъ теперь мы братья по республиканскимъ началамъ.

Послѣднія слова обнаруживаютъ двуличную роль, которую разыгрываетъ Дорнье, чтобы вкратцѣ въ расположеніе важныхъ ему лицъ: патриотъ въ присутствіи господина Шевассю, онъ превращался въ отчаяннаго демократа возлѣ Проспера.

Разговаривая такимъ образомъ, наши друзья прошли бульваръ и повернули въ улицу. Въ эту минуту какое-то существо бросилось къ Просперу и чуть-было не сшибло его съ ногъ. Онъ обернулся: передъ нимъ былъ бѣглецъ Жюстиньянъ. Бѣдое животное не имѣло ошейника; но зато, его голова была украшена клочкомъ соломы, — это знакъ, что оно поступило въ продажу; не смотря на усилія собаки вырваться, ее держалъ на-привязи молодой парень съ жидовскою физиономіею, въ бобровой шапкѣ и въ грязномъ редигогѣ.

— Жюстиньянцъ! вскричалъ студентъ, вырвавъ веревку у жида.

Отдайте мою собаку, сказалъ, въ свою очередь, жида, который съ минуту безмолвно смотрѣлъ на неожиданную сцену.

— Твою собаку! закричалъ сердито Просперъ; скажи лучше, собаку, которую ты укралъ.

— Самъ ты воръ! заревѣлъ торгашъ, съ яростнымъ видомъ подвинувшись впередъ.

При демократическомъ направленіи французскихъ нравовъ, человекъ высшаго общества можетъ подвергнуться толчкамъ какого-нибудь мужика и, въ случаѣ необходимости, долженъ прибѣгать къ оружію, запрещенному законами приличія. Не имѣя геркулесовой силы, Просперъ былъ вспыльчивъ, отваженъ, рѣшительнъ и слишкомъ презиралъ этикетъ, чтобы, изъ опасенія уронить свое достоинство, уклониться отъ предстоящей борьбы, по методу простодушниковъ. Онъ передалъ Дорнье веревку, на которой былъ привязанъ Жюстиньянъ.

— Поберегите мою собаку, сказалъ онъ: а я между-тѣмъ раздѣлаюсь съ этимъ неголаемъ.

Тотчасъ, безъ всякихъ предварительныхъ переговоровъ, однимъ прыжкомъ онъ бросился на жида, хватилъ его, изъ всей силы, кулакомъ по левому уху и въ то же время далъ не менѣе энергической ударъ ногою подъ правую коленную. Пораженный, или, лучше сказать, подкошенный промышленникъ потерялъ равновѣсiе и повалился на тротуаръ.

Кругомъ обступила толпа звать и приветствовала громкимъ браво удалство студента. Но вдругъ толпа разступилась и выдвинулся на сцену человекъ, въ синемъ фракѣ, въ треугольной шляпѣ и съ длиною рапиромъ.

— Ахъ, молодой человекъ! сказалъ онъ, обращаясь къ Пресперу: не могли вы затѣять драку гдѣ-нибудь подальше? И что сдѣлалъ вамъ этотъ несчастный?

— Онъ украдъ у меня собаку, грубо отвѣчалъ студентъ.

— Не слушайте его, вскричалъ Израильтянинъ, едва подъявшись на ноги: этотъ проклятый республиканецъ хочетъ отнять у меня собаку, потому-что я приверженецъ правительства. Видите на немъ красный колпакъ: онъ дебоширитъ каждый вечеръ, и сейчасъ собирался колотить городскихъ сержантовъ.

Последнія слова очевидно затронули за живое хранителя общественнаго порядка; бросивъ строгій взглядъ на обоихъ антагонистовъ, онъ произнесъ громкимъ голосомъ:

— Все это хорошо, прекрасно; но вы пойдете за мною, объяснитесь въ другомъ мѣстѣ. Оглохли что ли вы, молодой человекъ? прибавилъ онъ, обращаясь къ студенту, который не трогался съ мѣста.

Между студентами и полицейскими чювниками добраго города Парижа, во все времена, существовала сильная антипатiя. Нечего и говорить, что Пресперъ питалъ это неприязненное чувство въ высшей степени. Презрѣнiе къ городovýmъ сержантамъ составляло члევъ его политической системы.

— Я запрещаю вамъ называть меня молодымъ человекомъ, сказалъ онъ, нагло посмотрѣвъ на сержанта.

— Что это значить? вскричалъ послѣднiй съ грознымъ видомъ.

— Это значить, что вы глупецъ и я презираю васъ.

— А! вотъ что!

Сержантъ подвинулся къ студенту, протянувъ жилистую руку, которая, съ разогнутыми пальцами, походила на молодого рака.

— Дорнье, уйдите поскорѣе съ Жустивьяномъ, сказалъ тихонько Пресперъ своему другу.

Въ ту же минуту онъ сдѣлалъ скачокъ, чтобы увернуться отъ крючковой лапы, готовой впцпиться въ его плечо, и очутился бокъ-о-бокъ съ сержантомъ; не разсуждая долго, впцпился рукою въ подбородокъ, толкнувъ назадъ и, подставивъ ногу, свалилъ на плиты тротуара, на которыхъ растянулся несчастный, какъ убитый быкъ.

— Да здравствуетъ свобода! воскликнулъ Пресперъ и, пробившись сквозь толпу, бросился въ улицу, въ которой исчезъ изъ виду, прежде-чѣмъ сержантъ, оглушенный паденiемъ, могъ подняться на ноги.

— Республиканецъ-мошенникъ! сказалъ онъ, бросая сердитые взгляды на зрителей, смѣявшихся надъ его несчастнымъ приключенiемъ: я отыщу тебя съ твоимъ краснымъ колпакомъ.

Дорнье успѣлъ, между-тѣмъ, увести собаку. Опасаясь преслѣдованiя того или другаго изъ побѣжденныхъ, онъ нанялъ первый попавшiйся ему набриолетъ и прiѣхалъ въ гостиницу Марабо.

— Вы не привели съ собою этого негодяя? спросилъ его господинъ Шевассю.

— Во всемъ виновата его собака, отвѣчалъ Дорнье и разсказалъ сцену, которой онъ былъ свидѣтелемъ.

— Но это соблазнъ! вскричалъ господинъ Шевассю съ негодованiемъ: это ужасно! Какъ! кулачный бой, на улицѣ! И мой сынъ, одинъ изъ Шевассю играетъ роль какого-нибудь дрягиля, не стыдится связываться съ людьми низкаго класса, валяться въ канавѣ!

— Это было на-просторъ, простодушно замѣтилъ Дорнье.
 — Тротуаръ или канава, все равно, возразилъ Шевассю, разсерженный противорѣчьемъ. Не хотите ли вы защищать его? Говорю вамъ, что этотъ негодяй затопчетъ мое имя въ грязь, если я не приму своихъ мѣръ. О! еслибы существовади еще тайныя повелѣнія!

— Чтò съ вами, милостивый государь? вскричалъ Дорнье, принявъ изумленный видъ: вы сожалеете о тайныхъ повелѣнiяхъ?

— Да, сожалѣю, отвѣчалъ господинъ Шевассю съ запальчивостiю; и если бы существовала Бастилія, она исправила бы этого повѣсу.

— Бастилія! полноте!

— Бастилія дѣлала много добра; она предохраняла отповь отъ стыда, которымъ могли покрыть ихъ недостойныя дѣти. Да, Бастилія... то есть, нѣтъ, продолжалъ либеральный депутатъ, приходя въ себя: досада, какую причиняетъ мнѣ этотъ бездѣльникъ, заставляетъ меня забыватьсѣ и говорить такія вещи... Не обращайтесь вниманiя на мои слова; особенно, Дорнье, не пересказывайте ихъ никому: понимаете? Если мои поручители узнаютъ, что я сожалѣю о чудовищности прежняго правительства...

— Тогда надо будетъ написать циркуляръ.

— Вся мои планы, быть-можетъ, перепрокинуты, разрушены поведеніемъ моего сына! Въ комъ я надѣялся найти товарища въ своихъ трудахъ, политическаго друга, друга самого-себя; кому я, сдѣлавшись перомъ, хотѣлъ уступить свое депутатское достоинство!.. Ахъ, чтò я говорию!.. не повторяйте этого болѣе, Дорнье; мои поручители не должны предполагать...

— Чтò вы мечтаете о достоинствахъ пера; разумется, не должны; иначе, эти добрые люди стануть подозрѣвать, что, послѣ обѣщанiй служить имъ на жизнь и смерть, вы замышляете измѣну.

— Недостойный Просперъ! снова началъ депутатъ, скрептивъ руки съ мрачнымъ видомъ.

— Я искренно жалю васъ, сказалъ Дорнье притворнымъ тономъ. Да, я понимаю вашу грусть: прискорбно для отца, и такого отца! не видѣть въ своемъ сынѣ такихъ качествъ, въ которыхъ онъ подаетъ ему примѣръ. Вы знаете, какъ я люблю Проспера, и между-тѣмъ, не смотря на искренность вашей дружбы, я принужденъ сознаться, что онъ выбралъ дурную дорогу. Безспорно, онъ еще молодъ, есть еще средство исправить его; но чтобы онъ отвѣчалъ когда-нибудь вашимъ видамъ, я едва осмѣливаюсь предаваться этой прiятной надеждѣ.

— И я отказываюсь отъ нея! прервалъ депутатъ съ выраженіемъ унынiя.

— Но, продолжалъ Дорнье болѣе и болѣе вкрадчивымъ тономъ: за орудиемъ, измѣнившимъ вашему ожиданiю, слѣдуетъ ли отказываться отъ работы? Неужели нѣтъ у васъ преданныхъ друзей, которые, подъ вашимъ надзоромъ, съ гордостiю и съ удовольствіемъ примуть участіе въ вашихъ дѣлахъ? Есть, по-крайней-мѣрѣ, одинъ, который осмѣливается говорить съ вами теперь: его усердіе, смѣю сказать, сыновнее, утѣшило бы, быть-можетъ, подкрѣпило бы васъ, если вы наконецъ рѣшились исполнить свое лестное обѣщаніе. Зять не то же ли, чтò сынъ? Удостоите меня этого имени, и потомъ мы смѣло пойдемъ на приступъ; Андре-Дорнье будетъ вашимъ вторымъ оруженосцемъ: возьмъ васъ во время битвы, впереди—въ случаѣ опасности, и позади васъ послѣ побѣды.

— Да, Дорнье, вы будете моимъ зятемъ, вскричалъ Шевассю, увлеченный словами своего собесѣдника: я уже рѣшилъ; не стану отлагать надолго и сейчасъ же скажу объ этомъ Гевриеттѣ.

Нѣтъ надобности говорить о восхищенiи Дорнье, который увидѣлъ себя близъ своей цѣли.

— До свиданiя! сказалъ депутатъ, прервавъ Дорнье, который распространялся въ выраженiи своего усердія и признательности. Не думаю, чтобы, по случаю нашего прiѣзда,

моя сестра отступила хоть на шагъ отъ своихъ привычекъ; мы отправимся къ ней въ четыре часа: будете ли вы тамъ?

— Можете ли вы сомнѣваться въ этомъ? вскричалъ Дорнье, который, съ восторгомъ схватилъ руку своего будущаго тестя и поднесъ ее къ своимъ губамъ.

— Славный малый! говорилъ про-себя господинъ Шевассю, простившись съ Дорнье: я имѣю причины выдать за него мою дочь. Онъ не богатъ, но въ немъ есть талантъ; а продолжая свои наставленія, я сделаю изъ него достойнаго человека.

Тотчасъ послѣ того, какъ ушелъ Андре-Дорнье, вошла въ комнату Генриетта. Въ-место-того, чтобы спать, молодая дѣвушка посвятила время завантю, гораздо важнѣйшему въ ея лѣта: она смѣнила дорожный пенюаръ самымъ наряднымъ платьемъ. Не видившись съ госпожею де-Понятади съ самаго дѣтства, Генриетта не безъ смущенія готовилась къ приближавшемуся свиданію; на ея глаза, это событіе было столько же торжественно, какъ представленіе ко двору. Чтобы ей, неизвестной провинціалкѣ, явиться къ знатной столичной дамѣ, для этого она считала необходимымъ нѣсколько кокетства призвать на-помощь своей свѣжей красотѣ, которая не имѣла ни малѣйшей нужды въ подобныхъ средствахъ. Но въ ту минуту, какъ она явилась передъ отцомъ, другія чувства волновали ея сердце. По ея щекамъ разлилась мертвая блѣдность; неподвижные взоры горѣли лихорадочнымъ огнемъ; она вошла скорыми и неправильными шагами.

— Батюшка! сказала она отрывисто, я никогда не выйду за Дорнье.

— Что, что такое? отвѣчалъ отецъ, озадаченный нечаяннымъ нападеніемъ.

— Я никогда не выйду за Дорнье, повторила дѣвушка рѣшительнымъ тономъ.

— Откуда же вы узнали, что вы должны выйти за него? спросилъ депутатъ, стараясь уклониться отъ прямой схватки: такъ вы подслушивали насъ? Подслушивать у дверей.... ахъ! Генриетта!

— Я не подслушивала у дверей; но вы говорили такъ громко, что я невольно слышала ваши слова. Дорнье такой человекъ, котораго я презираю и никогда, клянусь вамъ, никогда не выйду за него.

— Выйдете, прервалъ Шевассю, разсерженный тономъ своей дочери: выйдете, и я, въ свою очередь, клянусь вамъ. Чтобы я встрѣтилъ въ собственномъ семействѣ грубость и возмущеніе, этого никогда не будетъ. Я докажу, что у меня желѣзная воля, передъ которою должны приклониться ваши капризы. Да, хотя бы пришлось прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ, но я заставлю васъ повиноваться.

— Во всемъ, батюшка, кромѣ этого.

— Вы выйдете за Дорнье, или я отправлю васъ въ монастырь.

— Сына въ Бастилію! дочь въ монастырь! сказала Генриетта насмѣшливо; а я считала васъ депутатомъ лѣвой стороны.

— Замолчите, мадмуазель, я приказываю вамъ! отвѣчалъ господинъ Шевассю сердито; вы не имѣете права входить въ споръ со мною.

— А я считала васъ партизаномъ свободы.

— Вторично приказываю вамъ замолчать! Страдательная покорность,—вотъ вашъ долгъ!

— Но вы сами двадцать разъ повторяли, что никто не долженъ подчиняться страдательной покорности. Я думала, что понимаю васъ.

— Вы думали, думали! отвѣчалъ Шевассю, взявъ свою шляпу, чтобы поскорѣе вернуться отъ логики молодой дѣвушки, которая противопоставала требованіямъ отца мнѣнія гражданина.—Ваше дѣло думать только объ томъ, что я не долженъ терять драгоценнаго времени, чтобы выслушивать ваши глупости. Мнѣ надо итти. Вашъ братъ, безъ сомнѣнія, скоро возвратится домой: скажите, чтобы онъ дождался меня. Въ четыре часа я повезу васъ къ вашей тетушкѣ. Теперь вы можете размышлять на-досугъ; вы знаете мою во-

лю; смотрите, чтобы, возвратившись, я виделъ вашу покорность.

Не слушая своей дочери, которая въ четвертый разъ повторила, что никогда не будетъ женою Андре-Дорнье, депутатъ вышелъ изъ комнаты и скоро очутился за воротами гостиницы.

— Это было бы нѣсколько смѣшно, говорилъ онъ про себя, садясь въ коляску, чтобы я, кто чувствуетъ въ себя силу поднять на плеча цѣлое государство, чтобы я не справился съ школьникомъ и маленькой дѣвочкой!

VIII.

Прежде-чѣмъ введемъ читателя въ гостиную маркизы де-Понтальи, въ который должны происходить нѣкоторыя сцены изъ нашего разсказа, позволимъ себѣ употребить одну, самую избитую метафору. Съ самаго сотворенія міра жизнь человѣческую сравниваютъ съ рѣкою, по которой вакханическія пѣсни совѣтуютъ плыть припѣваючи. Прекрасный советъ; но есть минута, когда трудно исполнять его, именно, когда цвѣтистые берега юности начинаютъ скрываться за горизонтомъ. Въ эту критическую минуту тайная грусть сдавить сердце, какъ бы ни было пріятно путешествіе до того времени. Женщины, а особенно женщины, прекрасныя въ молодости, бросаютъ тогда печальный взоръ на былые дни оканчивающагося торжества, и силятся—безразсудная борьба!—противостать увлекающему ихъ потоку. Но нѣкоторые умѣютъ восторжествовать надъ этимъ испытаніемъ. Одаренныя какой-то практической философіею, онѣ съ покорностію подчиняются неизмѣннымъ условіямъ жизни; воспоминаніе о весеннихъ цвѣтахъ не отправляетъ горечью плодовъ осени, словомъ: онѣ умѣютъ стариться,—умѣние рѣдкое и драгоценное!

Госпожа де-Понтальи принадлежала къ числу этихъ разсудительныхъ женщинъ; но ея самоотверженіе происходило

скорѣе изъ эгоизма, чѣмъ изъ религіознаго чувства. Привязанная къ удовольствіямъ жизни, она не презирала ничего; и если пиръ зрѣлаго возраста казался ей не такъ вкуснымъ, какъ пиръ юности, зато она не теряла своего аппетита. Она думала, что не слѣдуетъ бросать померанца, прежде-чѣмъ будетъ выжатъ изъ него весь сокъ, и даже рѣшилась бы съѣсть самую корку. Въмѣсто того, чтобы сокрушаться о невозвратномъ быломъ времени, она старалась пользоваться настоящимъ, измѣнивъ свои обыкновенія, сообразно съ лѣтами, и требуя отъ каждаго времени года только тѣхъ произведеній, которыя оно приноситъ.

Съ самаго вступленія въ свѣтъ, маркиза представляла себѣ жизнь въ видѣ дороги, гдѣ надо запасаться лошадьми на будущее время. Кокетка въ молодости, она прѣмчалась черезъ этотъ первый періодъ на рывныхъ коняхъ любви. Въ сорокъ лѣтъ, когда эта упряжь, довольно истомленная, по ея мнѣнію, должна была вкусить необходимый покой, она, съ философскою рѣшимостію, дала ей отставку и замѣнила ее сварливыми мулами остроумія: послѣ очаровательныхъ мелодій страсти, гармонія ихъ позвонковъ сначала показалась ей нѣсколько дисгармонической, но потомъ она привыкла и наконецъ даже стала находить въ ней удовольствіе. Такимъ образомъ, маркиза, рѣшившись оставить любовь, изъ кокетки сдѣлалась синими чулками. Привыкнувъ носить ся въ вихрь свѣтской жизни, она не очутилась въ пустынь и послѣ своего отреченія отъ пріятностей моднаго свѣта. Уединеніе страшило ее; ей надо было придворныхъ, поклонниковъ, и не отказываясь отъ своей свиты, она рѣшилась только измѣнить ея элементы. Въ ея гостиниой любезники уступили свои мѣста людямъ ученымъ, ястребы—остроумцамъ, повѣсы—педантамъ. Теперь госпожа де-Понтальи считала себя сорокъ-шесть лѣтъ, и открыто вступила въ достоинство ученой женщины. Само-собой разумется, что злословіе, игра и ханжество—три завѣтныхъ добродѣтели старыхъ женщинъ, дополняли характеристику маркизы.

Семь месяцев въ году маркиза проживали въ Парижѣ, и ея отличная жизнь текла по строгой, определенной системѣ. Кромѣ субботы, каждый вечеръ она являлась въ общество. Утромъ, какъ-разъ въ два часа, садилась въ коляску и отправлялась съ визитами; въ четыре часа возвращалась домой; тогда наступала важная минута для маркизы. До самаго обѣда, госпожа де-Понтальи принимала толпу людей, прославившихъ себя чѣмъ-нибудь въ свѣтѣ или скрывающихъ въ себѣ зародышъ знаменитости. Члены разныхъ академій, литераторы французскіе или иностранные, безволосые ученые, бородатые поэты, — все находили радушный приемъ и все приносили свою дань, свой умственный оболъ, напоминавшій пошлину, которую собиралъ Харонъ на берегу Стикса.

Не смотря на всю привязанность къ людямъ, въ правду или нѣтъ, одареннымъ известными талантами, маркиза была довольно разборчива; главное и самое строгое вниманіе она обращала на туалетъ. Запачканный Гомеръ, оборванный Дантъ, Шекспиръ въ деревянныхъ башмакахъ, встрѣтили бы довольно дурной приемъ въ ея святилищѣ, которое своимъ этикетомъ особенно пугало артистовъ, эту расу необразованную и привыкшую ходить на расправу.

Было четыре часа съ половиною. Госпожа де-Понтальи, въ черномъ шелковомъ платьѣ, въ богатомъ чепцѣ, убраннымъ алыми лентами, сидѣла на диванѣ, у камина своей гостиной. Красавица въ молодые годы, она сохранила величественную, благородную осанку и, въ добавокъ, сдѣлалась въскольکو дороднѣе, что не мѣшало въ такомъ зрѣломъ возрастѣ. Она была въскольکو похожа на брата: та же важность, такое же сознаніе своего достоинства въ физіономіи.

Полдюжины стульевъ и кресель, полуругомъ разставленныхъ передъ каминомъ, были заняты такимъ же числомъ особъ, болѣе или менѣе преклонныхъ лѣтъ, болѣе или менѣе безобразныхъ, которыя, суда по ихъ степенному положенію, казались, считали себя полубогами, присутствующими передъ высшимъ божествомъ. Они засѣдали въ слѣдующемъ порядкѣ, начиная отъ дивана: перъ Франціи, важная поли-

тическая особа; историкъ, главное достоинство котораго состояло въ томъ, что онъ зналъ правильное произношеніе римскихъ и древнегерманскихъ именъ; австрійскій вельможа, проникнутый французскими идеями; Итальянецъ, авторъ классическихъ трагедій, отблескъ луннаго свѣта Альфieri; мексиканскій генералъ, который былъ безгласенъ какъ рыба, но въ глазахъ хозяйки имѣлъ то достоинство, что прибылъ изъ далекихъ краевъ; наконецъ, романистъ, моложе всѣхъ, одинъ изъ поборниковъ растрепанной литературы, которая была въ ходу въ то время.

Госпожа де-Понтальи имѣла обыкновение давать направление разговору, точно такъ же, какъ президентъ палаты располагаетъ политическими преніями. Она заранее обдумывала планъ, которому должны были покориться собесѣдники. Въ одинъ день надобно было разсуждать о политикѣ, въ другой—о литературѣ, въ третій—объ изящныхъ искусствахъ, въ четвертый—о точныхъ наукахъ. Госпожа де-Понтальи интересовалась всѣмъ, понимала все, говорила обо всемъ; но эта универсальность достается не всякому; горе поэту, котораго приведетъ случай въ день, посвященный химіи; горе натуралисту, который попадетъ въ среду филологическихъ разсужденій: они не смѣли разинуть рта.

Въ этотъ день разсуждали о поэзіи. Маркиза обѣщала себѣ разобрать до основанія сравнительное достоинство Ламартина и Виктора Гюго; но, не смотря на ея усилія, разговоръ тянулся вяло. Выбранная тема никому не пришлась по вкусу. Перъ Франціи любилъ поболтать о парламентскихъ интригахъ, которыя были въ самомъ разгарѣ, по случаю наступившихъ засѣдавій; историкъ меровингскихъ временъ лучше согласился бы опровергать ошибочныя мнѣнія насчетъ Хлодовика; Австріецъ отсталъ отъ современной французской литературы и зналъ только Вольтера и Жанъ-Батиста Руссо; Итальянецъ любилъ говорить только о собственныхъ произведеніяхъ, а до чужихъ былъ небольшой охотникъ; Мексиканецъ едва разумѣлъ французскій языкъ; наконецъ,

сочинитель романовъ презиралъ поэзію, какъ Лисида виноградъ, въ баснѣ Лафонтена:

— Какъ бѣдны умы у этихъ людей! думала маркиза, съ досадою замѣчая, что съ каждою минутою разговоръ ослабѣваетъ болѣе и болѣе, не смотря на ея желаніе поддержать его; заведи рѣчь о чемъ-нибудь новенькомъ, они не умѣютъ и слова сказать. Не придетъ ли хоть одинъ изъ моихъ поэтовъ?

Въ эту минуту отворилась дверь и вошелъ господинъ Понтальи вмѣстѣ съ виконтомъ де-Мореаль. Маркизъ рѣдко навѣщалъ салонъ своей жены, но хорошо зналъ всѣ господствующія въ немъ обыкновенія, надъ которыми, подъ-часъ, немилосердо смѣялся въ глазахъ самой хозяйки. Еще въ свѣяхъ онъ сдѣлалъ необходимыя замѣчанія виконту.

— Настала рѣшительная минута, говорилъ онъ! конclave собрался. Не въ-попадъ придете вы, если нынѣшній день назначенъ для политики или эрудиціи, либо если разсуждаютъ о преобразованіи правительства или толкуютъ о Нибурѣ; но если дѣло идетъ о поэзіи—а я чувствую ея ароматическое дыханіе,—такъ побѣда на вашей сторонѣ. Госпожа де-Понтальи, навѣрное, попроситъ васъ прочитать нѣсколько стиховъ; надо повиноваться.

— Но я дурно декламирую, какъ могли замѣтить вы.

— Будьте смѣлѣе—и дѣло кончится благополучно. Вы славный молодчякъ, у васъ пріятный голосокъ; вотъ ваши преимущества. Вамъ укажутъ мѣсто у камина, насупротивъ моей жены, это каеэдра. Четверти съ три просидите въ скромномъ положеніи, одну руку засуньте въ жилетъ, а другую небрежно опустите вдоль стула. Читайте ваши произведенія не стѣсняясь; по временамъ, бросайте взгляды на потолокъ: это имѣетъ свой эффектъ, если у кого выразительные глаза, какъ у васъ. *Римскій праздникъ* въ сторону, а этакъ, что-нибудь пріятное, и, если возможно, гимнъ въ честь прекраснаго пола. Женщины позволяютъ злословить себя въ прозѣ, но въ стихахъ онъ хотять, чтобы ихъ обожали съ колюбнопреклоненіемъ. Помните это.

Господинъ де-Понтальи поклонился собранію съ лукавымъ видомъ и подошелъ къ своей женѣ.

— Сударыня, сказалъ онъ, указывая на Мореали: позвольте представить вамъ сына моего друга, о которомъ я всегда вспоминаю съ горестію; виконтъ де-Мореаль, который, кромѣ другихъ прекрасныхъ качествъ, владѣетъ талантомъ писать прекрасные стихи.

Маркиза, какъ мы сказали, имѣла нѣкоторое вліяніе на господина Шевассю и, по привычкѣ, считала это вліяніе своимъ неотъемлемымъ правомъ. Два мѣсяца назадъ, когда братъ написалъ ей объ отказѣ, сдѣланномъ Мореалю, она была очень раздосадована поступкомъ своего брата; въ его рѣшеніи, предпринятомъ безъ ея совѣта, она видѣла ударъ, нанесенный ея законной власти. Правда, послѣ того она съ удовольствіемъ принимала Андре-Дорнье, какъ знатока Политической Экономіи, но все-таки не могла простить своему брату. Посѣщеніе Мореала удивило ее, но не было непріятно ей. Въ этомъ неожиданномъ случаѣ она нашла средство отмстить брату. Одинъ взглядъ на виконта расположилъ ее въ его пользу.

— Друзья господина де-Понтальи, сказала она съ пріятностію: вмѣстѣ и мои друзья, и вамъ не нужно другой рекомендаціи; впрочемъ, вашъ талантъ не будетъ лишнимъ. Такъ-какъ вы поэтъ, то можете насъ выпутать изъ затрудненій. Мы разговаривали о двухъ свѣтилахъ современной поэзіи, Ламартина и Викторѣ Гюго, и не можемъ рѣшить спора объ этихъ великихъ писателяхъ; но вы посвятили себя тому же искусству и, конечно, имѣете опредѣленное объ нихъ мнѣніе: вашъ приговоръ долженъ имѣть авторитетъ. Скажите, кому изъ нихъ вы отдаете преимущество?

Этотъ вопросъ привелъ въ замѣшательство виконта, хотя онъ основательно могъ разсуждать объ спорномъ предметѣ. Онъ надѣялся дебютировать своими стихами, но не ожидалъ необходимости импровизировать въ прозѣ, а въ особености боялся сдѣлать непростительную ошибку, если не

сойдется съ мыслями маркизы. Въ послѣднемъ случаѣ, искусно помочь ему его покровитель. Женщины, большую частію, отдають преимущество Ламартину. Госпожа де-Понтальи слѣдовала общепринятому мнѣнію своего пола, и супругъ не разъ слышалъ ея сужденіе объ этомъ. Поднявъ указательный палецъ — что могъ замѣтить только одинъ Мореаль, — маркизъ начертилъ на воздухъ прописную букву Л. Виконтъ понялъ, какую дорогу слѣдовало избрать ему, не смотря на личное свое убѣжденіе, и заговорилъ съ такимъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ, какого и не предполагалъ въ себѣ, отчетливо очертилъ характеръ того и другаго поэта, указалъ точки, въ которыхъ они сходятся другъ съ другомъ и въ которыхъ разнятся между собою, отдалъ каждому дань должнаго удивленія, и послѣ притворнаго недоумѣнія, кому назначить пальму первенства, предоставилъ ее автору *Размышлений*.

— Мнѣ кажется, не возможно рѣшать литературные вопросы съ большимъ вкусомъ, приличіемъ и безпристрастіемъ, замѣтила маркиза, съ восторгомъ встрѣтивъ въ сужденіи виконта свое личное мнѣніе: вотъ, что называется критикою. Согласны ли вы съ этимъ, милостивые государи?

Всѣ единодушно объявили свое согласіе, хотя триумфаторъ начиналъ не правиться имъ.

— Мореаль мастеръ своего дѣла, и не удивительно, что онъ свѣдущъ въ поэзіи, сказалъ маркизъ, желая поддержать успѣхъ своего новаго друга.

— Удивительно было бы то, возразила маркиза съ самой благосклонной улыбкою: если бы господинъ де-Мореаль, такъ увлекательно говорившій о поэзіи, былъ менѣе счастливъ въ своихъ поэтическихъ созданіяхъ. Быть-можетъ, вы найдете меня очень нескромною, если я, съ перваго дня, наложу контрибуцію на вашу музу?

— Сударыня! произнесъ Мореаль, который склонилъ голову съ приличною скромностію и прошепталъ про-себя: старій эмигрантъ правъ, не избѣжать мнѣ испытанія!

— Если я кажусь вамъ навязчивою, продолжала маркиза съ большою благосклонностію, вините въ этомъ вашу преувосходную критику: она внушаетъ мнѣ живѣйшее желаніе услышать нѣсколько вашихъ стихотвореній.

— Ну, теперь уступите каведру, сказалъ маркизъ романисту, который сидѣлъ у камина насупротивъ хозяйки.

Литераторъ отодвинулъ свое кресло съ глухимъ смѣхомъ. Мореаль подошелъ къ камину, небрежно облокотился на него, по предписанію своего покровителя, и устремилъ глаза въ потолокъ съ задумчивымъ видомъ, который такъ шель къ его выразительной физиономіи.

— Такъ-какъ маркиза любитъ поэзію Ламартина, произнесъ онъ послѣ минутнаго размышленія: быть-можетъ, она удостоитъ своегонисходительнаго вниманія нѣсколько стиховъ, посвященныхъ этому великому поэту; жертва, безъ сомнѣнія, недостойная его...

— Я вся превратилась въ слухъ, прервала госпожа де-Понтальи, очень довольная, что день, назначенный для поэзіи, наконецъ отвѣчалъ ея ожиданіямъ.

Виконтъ прочиталъ статьи «Къ *Меланхолии*». Какъ ни посредственны были стихи аматѣра, этотъ поэтический отрывакъ имѣлъ полный успѣхъ.

— Прелестъ! прелестъ! вскричала маркиза, слегка пощелкивая концами пальцевъ.

— Прелестъ! прелестъ! повторили хоромъ всѣ присутствовавшіе, мысленно посылая поэта ко всѣмъ дьяволамъ.

Между-тѣмъ, какъ Мореаль читалъ свою элегію, въ гостиную вошло нѣсколько членовъ засѣданія. Въ подобномъ случаѣ, слугамъ запрещено было докладывать, и каждый посетитель понималъ, что это значитъ; тихонько входилъ въ гостиную, молча раскланивался съ хозяйкою дома, которая также молча отвѣчала наклоненіемъ головы, и присоединялся къ группѣ слушателей. Этотъ этикетъ наблюдался со всею строгостію; въ такихъ обстоятельствахъ, между прочими, вошелъ Андре-Дорнье. Взглянувъ на своего соперника, торжественно занимавшаго самое завидное мѣсто

въ салонъ и, въ родѣ фейерверка, пускавшаго свои поэтическія ракеты, эксъ-редакторъ *Патріота* отступилъ на нѣсколько шаговъ отъ изумленія и задрожалъ отъ досады. Въ своемъ смятеніи, онъ толкнулъ ногою стулъ и опрокинулъ его на паркетъ.

— Тише! вскричала маркиза съ нетерпѣніемъ.

Дорнье униженно раскланялся, потомъ, поправившись отъ замѣшательства, занялъ мѣсто насупротивъ поэта и старался, своимъ непріязненнымъ взоромъ, произвестъ на него очарованіе, какому, говорятъ, подчиняется соловей при взглядѣ змѣя. Но поэтъ отвѣчалъ улыбкою презрѣнія, которая пуше раздражила Дорнье.

— А! подумалъ Дорнье, когда такъ, война на-смерть!

— Ну что, господинъ Дорнье, сказалъ маркизъ съ взыскательною улыбкою: что скажете вы объ этихъ стихахъ? Не правда ли, прелестные стихи?

— Такъ это стихи? отвѣчала журналистка, разыгрывая удивленіе.

— Что же по-вашему, проза?

— Я не скажу, что это проза.

— Но должно быть что-нибудь одно: то или другое. Самъ Журденъ соглашается съ этимъ.

— Я не Журденъ, и потому не согласенъ.

— Чт за дьявольщина у васъ въ головѣ? Ваша насмѣшливая физиономія не общается ничего добраго.

Этотъ разговоръ происходилъ возлѣ дивана, на которомъ сидѣла маркиза; въ любопытства, узнать мнѣніе Дорнье, она стала прислушиваться.

— Что сказать вамъ, маркизъ? отвѣчалъ послѣдній такъ, чтобы могли слышать только супруги: проза и стихи, это нѣчто живое, дѣйствительное, съ чѣмъ я не могу сравнивать вещей, въ которыхъ нѣтъ ни жизни, ни дѣйствительности. Что декламируетъ этотъ господинъ, на мои глаза, это ни поэзія, ни проза, а что-то тертуліановское, чему нѣтъ названія на одномъ языкѣ.

Дорнье могъ видѣть одну дурную сторону въ элегіи своего соперника. Это было, очень натурально: ядовитая насмѣшка, съ умысломъ направленная противъ мнѣнія маркизы, показала послѣдней непростительною дерзостію.

— Милостивый государь! сказала она, взглянувъ на критика ледянымъ взоромъ: чтобы судить о поэзіи, для этого не довольно писать какія-нибудь журнальныя статьи. Можно знать Политическую Экономію и ничего не понимать въ въ языкѣ Расина.

Дорнье, думавшій нанести ударъ своему сопернику, замѣтилъ, что кольнулъ самолюбіе маркизы; чтобы поправить ошибку, онъ принялъ сокрушенный видъ, который обезоружилъ маркизу. Желая изгладить непріятное впечатлѣніе, она взглянула на него съ благосклонностію и сдѣлала знакъ, чтобы онъ наклонился.

— Я знаю, сказала она тихо: что заставляетъ васъ такъ отзыватья о стихахъ господина де-Мореала: вы соперники, и въ такомъ случаѣ простиительно позлословить нѣсколько. Но не знаете ли, почему мой братъ до-сихъ-поръ не привезетъ ко мнѣ мою племянницу? Развѣ они еще не пріѣхали?

— Они пріѣхали нынче поутру, сударыня, отвѣчалъ Дорнье, очарованный довѣренностію маркизы; но господинъ Шевассю долженъ сдѣлать сперва два или три визита нѣкоторымъ изъ товарищей. Безъ сомнѣнія, вы скоро увидите его.

— Здоровъ ли мой братъ? спросила еще госпожа де-Понтальи, которая, сдѣлавшись маркизою, находила имя Шевассю до-крайности мѣщанскимъ и произносила сколько возможно рѣже.

— Какъ нельзя больше, сударыня, и мадамъузель, ваша племянница, также.

— Я не видѣла ее уже шесть лѣтъ; она общала много. Теперь, вы говорите, она очень хороша?

— Прекрасна! отвѣчалъ Дорнье съ видомъ участія.

— На кого она похожа?

— Вы могли это угадать изъ моихъ словъ.

— Как! степенный публицист пускается въ лесть, въ мадригалы! Это Монтескьё, сочиняющий, *Le Temple de Guide*.

Замѣтивъ самовольную улыбку, которая сопровождала послѣднія слова маркизы, Дорнье подумалъ: моя глупость теперь поправлена!

— Я не спрашиваю васъ о Просперѣ, продолжала маркиза, перемѣнивъ тонъ: онъ, вѣрно, не исправился ни сколько.

— Онъ очень молодъ.

— Это не извиненіе; и мой братъ слишкомъ потакаетъ ему. Съ-тѣхъ-поръ, какъ сталъ заниматься правовѣдніемъ, мой племянникъ ни одного раза не явился ко мнѣ безъ того, чтобы не заставить меня краснѣть: говорить громче всѣхъ, спорить со всѣми; вѣчно гадкій запахъ сигары; наконецъ, всегда въ грязи. Фи, только подумаешь объ немъ, такъ, кажется, чувствуешь табачный запахъ. Чтобы прогнать это неприятное впечатлѣніе, надо подышать сладкимъ ароматомъ поэзіи.

Маркиза обратилась къ виконту, который, вмѣшавшись въ общій разговоръ, не спускалъ глазъ съ маркизы и своего соперника.

— Господинъ де-Мореаль, сказала она ласково: я нахожу въ вашихъ стихахъ одинъ недостатокъ: они слишкомъ кратки. Будемъ ли мы имѣть удовольствіе слышать васъ еще?

— Эта женщина настоящая Мессалинка въ поэзіи, подумалъ виконтъ: *pondum satiat*.

Въ то-же время сказалъ про-себя Дорнье: — Не думаетъ ли она подчинить насъ, прекраснаго Мореала и меня, системѣ равновѣсія? Ей нужны придворные, и однимъ больше не мѣшаетъ увеличить свою свиту.

— Мосё и мадмуазель де-Шавассю! произнесъ слуга, открывъ двери.

Депутатъ, который вошелъ уже въ гостиную, безъ перерыва остановился и, обратившись къ слугѣ, замѣтилъ строгимъ голосомъ:

— Меня зовутъ просто, Шавассю, безъ де; впередъ не забывай этого.

Очистивъ свое почтенное мѣщанство, господинъ Шавассю важно пошелъ къ маркизѣ, которая не менѣ величественно привстала, не подвинувшись ни на шагъ впередъ навстрѣчу своему брату. Братъ и сестра увидѣлись безъ особаго изъявленія дружбы; но маркиза съ нѣжностію обняла свою племянницу, хотя внутренно находила ее нѣсколько прелестнѣе, чѣмъ желала. Чувства, взволновавшія сердце дѣвушки поутру, на почтовомъ дворѣ, а черезъ нѣсколько времени въ разговорѣ съ отцомъ, придали болѣе очарованія ея красивому личику, какъ буря придаетъ болѣе живости прелестямъ пейзажа. Казалось, эти живые глаза, эти свѣжія щеки не могли блистать бѣлымъ блескомъ и большею красотою. Но вдругъ новая жизнь разлилась на личикъ Генриетты, взоръ заискрился алмазомъ, на щекахъ зацвѣли розы: Генриетта замѣтила Мореала, который не сводилъ съ нея глазъ. Маркиза замѣтила смущеніе своей племянницы и тотчасъ отгадала причину. Чтобы вывести изъ замѣшательства, она посадила ее возлѣ себя на диванъ и сдѣлала нѣсколько вопросовъ, которые дали ей время оправиться.

Маркизъ, послѣ того, какъ холодно пожалъ руку своему шурина и поцѣловалъ свою племянницу въ обѣ щеки, подошелъ къ виконту.

— Вы счастливый смертный! сказалъ онъ съ плутовскою улыбкою: моя племянница прелестна какъ ангелъ; какъ бы пристала ей пудра.

— Слишкомъ прелестна для моего счастья! отвѣчалъ Мореаль со вздохомъ: я такъ люблю ее — и такъ мало надежды!

— Чего же вамъ еще? Вы думаете, я не замѣтилъ взгляда, который она бросила на васъ? *Mordieu!* что за взглядъ! Въ ваши годы я прошелъ бы черезъ огонь, чтобы получить такую взглядъ!

— И вы думаете, что она смотрѣла на меня? сказалъ виконтъ, скрывая свое восхищеніе.

— Какъ-будто вы не замѣтили этого.... лицемѣръ! А вашъ соперникъ! съ какимъ презрѣніемъ она отвѣчала на его поклонъ! Рѣшительно, партія равна, три противъ трехъ!

— Вашъ племянникъ противъ меня, то есть противъ насъ, прибавилъ Мореаль, поправившись.

— Этотъ якобинецъ Просперъ! Къ какой стати онъ вмѣшивается тутъ? Я постараюсь образумить его.

Въ эту минуту господинъ Шевасею замѣтилъ виконта, нахмурилъ брови и подозвалъ къ себѣ Дорнье.

— Почему вы не предупредили меня, что я увижу здѣсь Мореала? спросилъ онъ.

— Я вижу его здѣсь въ первый разъ, отвѣчалъ Дорнье. Вѣрите, что и для меня его присутствіе такъ же не пріятно, какъ и для васъ. Не знаю, какъ онъ втерся сюда. Когда я пришелъ, онъ стоялъ возлѣ каминна и декламировалъ, какъ паецъ. Кажется, онъ пишетъ стихи.

— А! пишетъ стихи? сказалъ депутатъ съ презрительнымъ видомъ.

— Прегадкіе, смѣю замѣтить.

— Хорошіе или дурные, это все равно; главное—пишетъ стихи. Ну, еще пристало ли ему носить эту бороду? прилично ли это? Въ этомъ человѣкѣ нѣтъ ничего важнаго.

— Вы знаете, что онъ поетъ? прибавилъ Дорнье, поспѣшивъ увеличить новымъ обвиненіемъ проступки своего соперника.

— Да, онъ чирикаетъ романсы. Сейчасъ спрошу у сестры, зачѣмъ она принимаетъ этого господчика.

Депутатъ подошелъ къ маркизъ и сказалъ ей тихонько нѣсколько словъ.

— Для чего я принимаю господина де-Мореала? отвѣчала маркиза тѣмъ же тономъ, но съ заносчивостію: а для чего бы и не принять его?

— Послѣ того, что я писалъ вамъ за два мѣсяца, кажется....

— Кажется, я хозяйка и принимаю, кого хочу. Вы не хотѣли спросить моего совѣта; теперь позвольте слѣдовать вашему примѣру.

Замѣтивъ по тону, что не добьется ничего отъ сестры, господинъ Шевасею отошелъ съ недовольнымъ видомъ.

— Что? спросилъ Дорнье, объяснила ли вамъ маркиза?..

— Скорѣе удастся мнѣ окончить въ палатѣ какой-нибудь проектъ въ двѣ тысячи милліоновъ, чѣмъ добиться отъ сестры нужнаго слова, когда она заберетъ въ голову какой-нибудь вздоръ.

Отворилась дверь, и среди этого собранія лицъ въ изящныхъ костюмахъ, съ утонченными приѣмами, съ полированнымъ языкомъ, вдругъ явилось существо грубое, непріятное, презирающее всѣ приличія. Это—Просперъ-Шевасею.

Студентъ проложилъ себѣ дорогу среди посвѣтителей, которые, большею частію не знали его прежде и потому смотрѣли на него съ удивленіемъ, не понимая, какими судьбами такой сорванецъ имѣетъ входъ въ салонъ госпожи де-Понтальи. Очарованный произведеннымъ имъ эффектомъ, котораго онъ и ожидалъ, чтобы взбѣсить свою тетку, Просперъ подбѣжалъ къ маркизъ и, какъ-будто увлеченный нѣжными чувствами родства, бросился въ ея объятія. Маркиза страшилась, особенно передъ публикою, трогательныхъ сценъ. Она отклонилась назадъ, чтобы ускользнуть отъ неприличнаго обниманія, но избѣгла его только отчасти.

— Милостивый государь, сказала она своему племяннику, бросивъ на него гнѣвный взглядъ: кажется, въ школахъ не преподають науки жизни. Такъ не подходятъ къ женщинамъ. Можно поцѣловать у ней руку, когда она удостоитъ васъ этого; но такіа обниманія, даже между родственниками, отзываются необразованностію.

— Не сердитесь, любезная тетущка, отвѣчалъ Просперъ безъ смущенія; я думалъ, что цѣлуютъ руки только у старухъ, а вы еще такъ молоды!

— А вы такъ дурно воспитаны, сказала маркиза, понизивъ голосу: что я краснѣю называться вашей теткой.

— О! вы красивете, прервалъ студентъ, который, быть-можетъ, хотѣлъ сдѣлать глупый намекъ на искусственные пособія, къ какимъ прибѣгаетъ иногда женщина подъ пятьдесятъ лѣтъ, но умоляющій взглядъ сестры оставилъ его. Вы позволите мнѣ отобѣдать у васъ въ этомъ скромномъ нарядѣ, сказалъ онъ, чтобы обратить вниманіе своей тетки на костюмъ.

— Я не приглашаю васъ, отвѣчала маркиза съ величавымъ видомъ.

— Какъ вы добры, любезная тетюшка! вы всегда предупреждаете мои желанія.

Студентъ поклонился съ насмѣшливой благодарностію, и довольный тѣмъ, что успѣлъ досадить своей теткѣ, подошелъ къ маркизу и искренно пожалъ ему руку.

— Вотъ и ты, достойный малый, сказалъ старикъ, не исправился ни въ чемъ, какъ видно. По лицу моей жены, я угадываю, что ты сдѣлалъ какую-нибудь глупость передъ нею; и это очень дурно; вѣкогда не должно ссориться съ богатою и бездѣтною теткою, а съ твоимъ поведеніемъ не долго до этого.

— Увы! все кончено! отвѣчалъ Просперъ съ сердечнымъ сокрушеніемъ. Вашъ несчастный племянникъ лишился милости тетки, выгнанъ отцемъ; вотъ его положеніе въ настоящее время. Если вы откажетесь принять его въ свои объятія, тогда ему больше ничего не останется, какъ умереть.

— Я не откажусь принять тебя въ свои объятія, но дамъ тебѣ одинъ совѣтъ. Нѣсколько шалостей можно извинить, но слишкомъ много — не понравится никому. Что же ты сдѣлалъ еще твоему отцу?

— Рѣшительно ничего; я примѣрный сынъ; мой отецъ, напротивъ, оскорбляетъ всѣ законы Божескіе и человѣческіе: онъ хочетъ отправить меня въ лансіонъ!

— И онъ правъ; на его мѣстѣ, я давно сдѣлалъ бы то же самое.

— Вы, дядюшка, это совсѣмъ другое дѣло.

— Почему такъ?

— Вы приверженецъ прежняго правительства, и деспотическая мѣра была бы слѣдствіемъ вашихъ началъ; но моему отцу, депутату лѣвой стороны, нарушать свободу гражданина... вѣдь я гражданинъ...

Нѣтъ еще, мой любезный Просперъ; впрочемъ, гражданинъ или вѣтъ, сынъ долженъ прежде всего повиноваться своему отцу.

— А! вы принимаете у себя господина де-Мореаля? сказалъ студентъ увидѣвъ виконта.

— Онъ мой другъ, отвѣчалъ старикъ, опираясь на послѣднемъ словъ, и я желаю, чтобы онъ сдѣлался твоимъ. Вы уже знакомы, я думаю?

— Да, мы знакомы, сказалъ Просперъ, принявъ серьезный видъ.

— Въ гостиной тетки тебѣ слѣдуетъ предупредить его; ступай поговори съ нимъ.

— Вы сейчасъ сказали, что сынъ прежде всего долженъ повиноваться своему отцу; а батюшка непременно запретилъ бы мнѣ связываться съ Мореалемъ; впрочемъ, такъ-какъ вамъ угодно это, я сейчасъ раскланяюсь съ нимъ.

Студентъ подошелъ къ виконту, который встрѣтилъ его съ дружескою улыбкою.

— Вы, конечно, помните нашъ утренній разговоръ? сказалъ онъ, нахмуривъ брови: когда же будетъ наша прогулка въ Венсенской лѣсъ!

— Вы, любезный Просперъ, все-таки стойте на своемъ, сказалъ Мореаль.

— Упрямство заразительно. Свободны ли вы завтра утромъ?

— Нѣтъ. Если угодно, послѣ-завтра.

— Ну, такъ послѣ-завтра. Въ восемь часовъ утра, у опушки лѣса; шпаги и по одному секунданту съ каждой стороны.

— Согласенъ, хладнокровно произнесъ виконтъ.

Оба разстались.

Минуту спустя, Мореаль подошелъ къ Дорнье, который разсматривалъ какой-то альбомъ, въ амбразурѣ окна.

— Милостивый государь, сказалъ Мораль съ надменнымъ видомъ: я хочу потребовать у васъ объясненія, почему вы такъ смотрѣли на меня, когда я читалъ стихи.

— Если я бываю въ театрѣ, то обыкновенно такъ смотрю на актеровъ, не менѣе гордо отвѣчалъ Дорнье.

— Здѣсь не театрѣ, а я не актеръ. Я позволю вамъ бранить мои стихи, но запрещаю смотрѣть на себя такъ нагло.

— Я не спрашивалъ вашего позволенія и вотъ какъ отвѣчаю на ваше запрещеніе.

Андре-Дорнье бросилъ на виконта презрительный взглядъ, и оба размѣнялись нѣмыми, по выразительнымъ вызовомъ.

— Хорошо, сказалъ Мораль; вы поймете меня въ нѣсколькихъ словахъ; мы стремимся къ одной цѣли и мѣшаемъ другъ другу. Одинъ изъ насъ лишній.

— Если вамъ нужна дуэль, я къ вашимъ услугамъ.

— Завтра, въ восемь часовъ утра, у опушки Венсенскаго лѣса; выборъ оружія я предоставляю вамъ.

— Увидимся; но теперь оставимъ все, маркизъ примѣчаетъ за нами.

Соперники разошлись съ спокойнымъ видомъ.

Прошло шесть часовъ; салонъ началъ мало-по-малу пустѣть. Не смотря на все желаніе пробыть подолбе въ гостинной маркизы и еще нѣсколькими взглядами размѣняться съ любимкою дѣвушкою, Мораль понялъ, что настало время удалиться, раскланялся съ хозяйкою, которая со всей пріятностію облекла его полномочіемъ посѣщать ея домъ, еще разъ отблагодарилъ своего покровителя и, бросивъ прощальный взоръ на Генриетту, вышелъ изъ комнаты. Минуту спустя, удалился и Дорнье; за нимъ последовалъ и Просперъ, который былъ слишкомъ гордъ, чтобы добиваться милости у своего отца и своей тети.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ.)

Иностранная Словесность.

=

СВЕДЕНБОРГЪ.

—

I.

У подножія Кіевскихъ горъ лежитъ мѣстечко *Скара*.— Въ то время, къ которому относится начало этого разсказа, Скара была главнымъ городомъ Вестроготи и, по общей бѣдности городовъ въ Швеціи, состояла изъ однихъ бѣдныхъ лачугъ. Единственнымъ каменнымъ зданіемъ въ Скарѣ была церковь, мрачнаго датскаго зодчества; возлѣ церкви виднѣлся домъ пастора, а далѣе кладбище, усыпанное небольшими, черными крестами.—

Было 4 Ноября.—Жители Скары поминали покойниковъ и, не смотря на чувствительный холодъ, у многихъ могилахъ молились дѣти, женщины и старики.—Когда окончилось служеніе въ церкви, толпа на кладбищѣ увеличилась; только у одного могильнаго холма, не было молящихся, и проходившіе мимо спѣшили съ какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ миновать его. На камнѣ одинокой могилы начертана была простая надпись: *Этелла Орденингъ, умершая шестнадцатилѣтъ*.—Отчего же оставлена всеми эта могила?.... развѣ

у бѣдной Этеллы не было ни родителей, ни родныхъ, ни жениха? отчего? а вотъ подслушаемъ слова одной женщины, которой маленькая дочка проходила мимо послѣдняго жилища Этеллы, бросила пучекъ поблеклыхъ цвѣтовъ

«Что ты дѣлаешь, Мина? сказала она: вѣдь схороненная тутъ съ того сѣмья выходит!»

Однако этотъ день не прошелъ безъ молитвы за упокоеніе души Этеллы. Когда всѣ удалились съ кладбища, пасторъ Скаръ вышелъ изъ церкви, пробрался къ Этелиной могилѣ и, обжавивъ голову осребренную сѣдинами, сказалъ дрожащимъ голосомъ:

«Этелла! въ отсутствіи твоей матери и сестры, нашедшихъ новое отечество въ странѣ отдаленной, меньше напоминающей о тебѣ, я приношу тебѣ слезную дань скорби и воспоминаній.—За чѣмъ ты не открыла мнѣ раніе причины твоихъ страданій? . . . ты жила бы еще и я называлъ бы тебя моею дочерью.—Обрученная смерти, не оставляй своего смертнаго ложа, и да помилуетъ Богъ твою душу!»

Послѣ нѣсколькихъ минутъ грустнаго размышленія, старецъ медленными шагами пошелъ къ своему дому; въ эту минуту уныло завылъ осенній вѣтеръ, пробираясь, межъ запыренныхъ снѣгомъ иссохшихъ цвѣтовъ и травы на кладбищѣ. Престарѣлый пасторъ невольно содрогнулся; вой вѣтра казался ему плачемъ души Этеллы.—Онъ ускорилъ шаги свои.

Въ тотъ день въ Скаръ не было работъ, всѣ справляли *праздникъ мертвыхъ*; въ каждомъ домѣ приготовленъ былъ спекованный гусь, искусно разукрашенный зеленью; но нигдѣ праздничные хлопоты не шли такъ дѣятельно, какъ въ домѣ почтеннаго пастора, гдѣ, кромѣ всегдашнихъ посѣтителей (школьнаго учителя съ женою)—ожидали еще двухъ гостей: брата пасторова и юношу, кавалера де Лорси, котораго дядя его, Французскій Министръ Маркизъ де Лорси, проездемъ въ Стокгольмъ, принужденъ былъ оставить въ Скаръ, опасаясь что этотъ слабый и больной ребенокъ не выдержитъ трудовъ оставшагося пути.

Въ ожиданіи ужина, пасторъ, въ сѣромъ халатѣ и тепломъ колпакѣ, расположась въ большихъ креслахъ, медленно потгивалъ дымъ изъ трубки; братъ его Фридрихъ Сведенбергъ сидѣлъ возлѣ.

— Братецъ, сказалъ Фридрихъ: скоро будетъ ночь; не дѣлалось ли чего-нибудь съ Эммануелемъ?

— Не безпокойся,—отвѣчалъ пасторъ:—Эммануель слишкомъ хорошо знаетъ наши горы; можетъ быть онъ увлекся охотою и я очень этому радъ, потому что, до-сихъ-поръ, онъ уже слишкомъ много предавался наукамъ, все забывалъ для книгъ.—Въ его лѣта, Фридрихъ, я тоже любилъ науки, но не менѣе любилъ и ту, которая стала его матерью, а онъ даже и не воображаетъ, что можно находить счастье въ чемъ-нибудь, кромѣ наукъ; надо чѣмъ-нибудь занять его мысли, не оставивъ пустымъ и сердца.—Когда сердце пусто, нельзя назваться человекомъ вполне и можно быть причиною несчастія окружающихъ.—Я самъ заставилъ Эммануеля идти сегодня на охоту; если онъ медлитъ возвратиться, значить, что охота ему понравилась,—съ Богомъ!—

Фридрихъ, по привычкѣ вполне уважать мнѣнія старшаго брата, не возражалъ ничего; но зная какъ самому отважному охотнику опасно быть въ горахъ въ это время года, не могъ подавить своего безпокойства и началъ прохаживаться по комнатѣ, безпрестанно заглядывая въ окно. Вдругъ дверь распахнулась, вошелъ Эммануель.

— Какою дорогою ты пробрался? спросилъ его Фердинандъ; я смотрѣлъ въ окно и вѣрно не проглядѣлъ бы тебя, потому что слишкомъ за мило могу различить орла отъ сокола.

— Я шелъ на Снонгартъ, отвѣчалъ Эммануель, и прошелъ сзади деревни, тогда какъ вы ожидали меня съ нагорной стороны. О! я ужасно утомленъ.

— Скорѣй сбрасывай твою суму, прервалъ пасторъ: она чтото очень полна.—Ну, Фридрихъ? не правду ли я говорю, что сегодня будетъ у насъ дичь?

Фридрихъ снялъ съ племянника охотничью суму, раскрылъ ее и остолбнелъ отъ изумленія, увидя въ ней, вмѣсто дичи,

раковины и камни. Пасторъ бросился къ ружью своего сына и увидѣлъ, что оно даже не замазано порокомъ, даже и не было заряжаемо. Это крайне огорчило пастора: видно, думалъ онъ, ни чѣмъ не отвлечъ Эммануела отъ наукъ.—Фридрихъ расхохотался.—Такъ за такую-то дичью ты исходилъ десять миль по горамъ? сказалъ онъ племяннику? признаюсь, у насъ въ Скаръ много подвигается, если разсказать имъ, что въ такую хорошую погоду, какъ сегодня, ты не видѣлъ на охотѣ ничего, кромѣ камней.

— Я видѣлъ такое зрѣлище, которое никогда не забуду, и сколько ни отважны вы, дядюшка, но не думаю, чтобы вы сами не потеряли присутствія духа. Я дрожу отъ одного воспоминанія. —

Два брата съ удивленіемъ посмотрѣли на Эммануела и теперь только замѣтили беспорядокъ его одежды, ужасную блѣдность и выраженіе въ глазахъ чрезвычайнаго испуга.

— Вѣрно тебя напугала Кіоленская Фея, вскричалъ Фридрихъ: она не любитъ, если кто пробирается въ тѣ ущелія, которыя она сохраняетъ для себя и для своихъ вѣдьмъ. Я не думаю, чтобы ты совершенно зналъ дороги въ горахъ, и вѣрно печально попалъ во владѣнія Феи. Ты видѣлъ ее? ну какова она? правда-ли, что она носитъ лисью шкуру?

— Братецъ, Фридрихъ, прервалъ его пасторъ: вы знаете, что я не люблю, когда при мнѣ говорятъ о подобныхъ вещахъ: Религія запрещаетъ вѣрить имъ. Въ молодости вы были суевѣрны; но съ лѣтами должны бы исправиться.—Посмотримъ, Эммануель, что ты видѣлъ, разскажи намъ, какой опасности ты подвергался?

— Я не былъ въ опасности, батюшка, но случившееся со мною такъ неизъяснимо, такъ странно, что я не осмѣлился бы и разсказать вамъ, если бы не былъ увѣренъ въ вашемъ списхожденіи. Можетъ-быть это было одно только видѣніе, сонъ, отъ котораго вы меня освободите.

— Говори, Эммануель, мы слушаемъ.

Сведбергъ погрузился въ свои кресла, Фридрихъ закурилъ трубку, и молодой человекъ началъ слѣдующій разсказъ:

— Исполняю вашу волю, батюшка; я пошелъ сегодня на охоту, въ твердой рѣшимости доказать вамъ мое послушаніе и въ доказательство принести вамъ по-крайней-мѣрѣ двѣ или три штуки дичи. Достигнувъ первыхъ уступовъ горъ, я обольстился геологическими богатствами, которыя нашелъ на горныхъ скатахъ непокрытыхъ еще снѣгомъ; скоро забылъ я настоящую цель моей прогулки и, не переставая подаваться впередъ, началъ собирать минералы и раковины, предметъ любимой моей науки. Черезъ нѣсколько часовъ я почувствовалъ усталость и присѣлъ за скалою, защищавшею меня отъ сѣвернаго вѣтра, вынулъ изъ сумки мою провизію и, разложивъ огонь изъ хвороста, расположился завтракать.—Начинаю смеркаться.—Вокругъ меня царствовала глубокая тишина; пламя бросало на снѣгъ розовые отблески; огонь началъ угасать и только по временамъ бросалъ трепещущіе отблески, которыхъ отраженіе казалось мнѣ таинственными буквами магическаго языка, таинственными тѣнями, блуждающими по блѣдному полю снѣговъ. Эта картина и совершенное уединеніе погрузили меня въ мечты. Вдругъ какая-то невѣдомая сила начала переносить меня въ небесную высь; я чувствовалъ полетъ со мною другаго существа, слышалъ гармонию, производимую шелестомъ крылъ его; но не могъ видѣть моего небеснаго сопутника.

Когда окончилось мое воздушное плаваніе, я увидѣлъ себя перенесеннымъ въ неизвѣстную страну. Благоуханіе цвѣтговъ, пѣніе птицъ, журчаніе водъ, все что можетъ очаровать чувства, все соединено было въ той чудной странѣ; великолѣпное солнце освѣщало эту волшебную природу; всѣ предметы видѣлись мнѣ какъ-бы сквозь золотую ткань.

Возлѣ меня, на скамьѣ изъ мха, сидѣла дѣвушка, одѣтая какъ наши Скарскія дѣвѣны. Молча посмотрѣвъ на меня съ минутою, она сказала мнѣ:

— Эммануель Сведбергъ, узнаешь ли ты меня?

— Этелла Орденингъ! . . . вскрикнулъ я, смотря на нее съ изумленіемъ.

— Да, Этелла Орденингъ, отвѣчала она, съ горестною улыб-

кою. Да, это я, Этелла, изнывающая въ дали отъ родины, потому-что ты не любилъ меня при жизни; не чувствовалъ трепета моей руки, когда мы вмѣстѣ летали на конькахъ по Усейскому льду; не замѣчалъ моихъ горестныхъ взглядовъ. Я умерла, Эмануель, не бывши любимою взаимно; страданія неотплаченной любви преслѣдуютъ меня и за гробомъ. Часто въ сумеркахъ я блуждала по Упсальской дорогѣ, подстерегая твое возвращеніе (мнѣ позволено выходить съ того свѣта); сегодня я замѣтила тебя въ горномъ ущелии, гдѣ мои стоны сливались съ воемъ сѣвернаго вѣтра, и привела тебя сюда, чтобы сказать тебѣ, что я любила тебя. Мы скоро увидимся. Прощай, Эмануель; знай, что *и мертвые любятъ!*

Длинная, свѣтлая борода разстѣкла воздухъ; я оглянулся,— Этеллы уже не было. Нѣсколько углей тлѣлись еще въ моемъ кострѣ, ружье лежало возлѣ; кругомъ—однѣ скалы, на которыя снѣгъ набросилъ свой саванъ. Я схватилъ ружье, взбросилъ на плеча суму и пустился сквозь первое ущеліе. Долго-ли я былъ на обратномъ пути, какую дорогою шель-не помню.—

Во время разсказа Эмануелева, вошелъ, ни къмъ не замѣченный, кавалеръ де Лорси.

Во взорѣхъ нѣжнаго и слабаго де Лорси приметень былъ умъ не по лѣтамъ; сильное впечатлѣніе произвелъ на него Эмануелевъ разсказъ, который онъ слушалъ съ глубокимъ вниманіемъ.

— Люби Бога, сынъ мой! сказалъ престарѣлый пасторъ, послѣ минутнаго размышленія: но не допытывайся его предопредѣленій. Этелла любила тебя, Эмануель; но она отъ всѣхъ скрыла это: сестра ея была слишкомъ молода для такой довѣренности, матери она не смѣла открыться, а мы не умѣли проникнуть въ ея тайну. Собирая разсказанное тобою, съ тѣмъ, что я самъ и другіе нѣсколько разъ видѣли, я не отвергаю совершенно этихъ видѣній. *Здѣсь* мы можемъ любить умершихъ, какъ любили ихъ при жизни; но допускаетъ ли Богъ взаимность земной любви *за гробомъ*, того мысленныя очи наши проникнуть не

могутъ. Въ видѣніи твоемъ Богу угодно было явить свое могущество, и мы должны доказать свое смиреніе покорностію Его всеильной воли, всегда приспосуженной, хотя и непостижимой для насъ. Нашъ разумъ блуждаетъ во тьмѣ, сынъ мой.—Теперь часъ молитвы; помолимся Господу!

Пасторъ преклонилъ колѣна и, громкимъ, твердымъ голосомъ, прочелъ *Втрую*. Всѣ съ колѣнопреклоненіемъ повторяли слова молитвы. Юный де Лорси послѣ всѣхъ сказалъ: *аминь!* и тогда только Сведбергъ замѣтилъ его присутствіе.—Сердце отрока вторило намъ, сказалъ пасторъ: Богъ услышитъ нашу молитву!

Эмануель удалился. Ему нужно было отдохнуть отъ усталости и душевныхъ потрясеній того дня; онъ бросился въ постель; но никакъ не могъ заснуть.

Видѣніе въ горахъ безпрестанно представлялось ему, онъ не могъ сомкнуть глазъ.

Когда настала часъ ужина, Эмануель вышелъ въ общую комнату, гдѣ уже собрались всѣ жданные гости. Напрасно пѣшилось пиво въ кружкахъ собесѣдниковъ, бѣда не вязалась. Учитель Дюреръ, самый краснорѣчивый изъ современныхъ ему магистровъ, сидѣлъ въ унылой задумчивости; жена его по временамъ вздыхала; Эмануель не дотрогивался до кушанья и смотрѣлъ на потолокъ; всѣхъ тяготила скука. Старая кухарка, ожидавшая похвалы своей стриптизъ, не знала что и думать о такомъ не вниманіи къ ужину, даже къ лучшему произведенію ея повареннаго искусства—къ пирогу изъ ячменя съ медомъ. Она уже готова была выразить свое огорченіе, когда пасторъ взялъ бутылку можжевеловой водки и, наполнивъ стаканъ учителя, спросилъ Дюрера о причинѣ его разсѣянности.

— Спросите у жены, отвѣчалъ Дюреръ, осушивъ стаканъ.

— Господи помилуй! сказала со вздохомъ госпожа Дюреръ: у насъ отнимаютъ сына!

— Какъ отнимаютъ? зачѣмъ?

— Берутъ въ драбанты.

При последнем словѣ госпожа Дюреръ не могла удержатъ слезъ.

— Стало быть есть новости изъ арміи? спросилъ дядя Фердинандъ, систематически потягивавшій дымъ изъ глиняной трубки.

— И очень горестныя новости! продолжала мать будущаго драбанта: нашъ король, Карль XII, обманутый казакомъ Мазепою, далъ подлѣ Полтавою сраженіе царю *Алексѣю*; наша армія разбита; король, тяжело раненый, распоряжалъ войскомъ, сидя въ носилкахъ; теперь онъ вѣрно на томъ свѣтѣ, если не въ пльну у Русскихъ или у Турокъ.

— Какъ узнали объ этихъ несчастіяхъ?

— Отъ посланнаго сестры короля, Ульрики Елеоноры, которая предписала новыя налоги и наборы рекрутъ. У насъ берутъ нашего Акселя; что будетъ съ нами безъ него? . . .

— Рука Всевышняго тяготѣетъ надъ завоевателями! Успокойтесь, госпожа Дюреръ, вашъ сынъ не долго будетъ на службѣ: Карль XII заключитъ миръ. Я люблю нашего короля, какъ всякой добрый Шведъ долженъ любить его; по во всемъ слышанномъ теперь сознаю руку Промысла. Карль хотѣлъ слить *непобѣдимыхъ*, и одна минута лишила его этого титула; Петръ снискалъ имя *Великаго* и сохранилъ это имя, потому что добылъ его не одними только побѣдами. Успокойтесь, госпожа Дюреръ, скоро будетъ у насъ миръ, и сынъ вашъ не будетъ драбантомъ.

— Да услышитъ Господь слова ваши, господинъ пасторъ, и да утѣшитъ онъ всѣхъ проливающихъ слезы послѣ Полтавскаго дѣла.

Къ концу вечера число собесѣдниковъ увеличилось; многіе изъ почетнѣйшихъ обывателей Скары пришли навѣстить пастора; — толковали о военныхъ новостяхъ, а женщины, какъ всегдашніе враги политики, убралась въ особый уголъ и занимались молодымъ де Лорси. Въ минуту перемены политической преній, Марѳа, одна изъ собесѣдницъ, спросила пастора: не знаетъ ли онъ чего о фамиліи Ордевингъ, и гдѣ они?

— Несчастливая вдова, отвѣчалъ Сведбергъ: находится теперь въ Стокгольмѣ и занимается исключительно воспитаніемъ меньшей дочери своей; она пишетъ ко мнѣ, что маленькій достатокъ удовлетворяетъ ея скромной жизни и она была бы счастлива, если бы могла забыть потерянныхъ ею.

— Этеллу! . . . прошептала Марѳа, утирая передникомъ навернувшуюся слезу.

— Ты, Марѳа, конечно любила ее, сказалъ пасторъ. Этелла была другомъ твоего дѣтства; не скрывай же слезъ своихъ, дитя мое; горестъ всегда священна, а сегодня день горестнаго воспоминанія умершихъ.

Всѣ умолкли, внимательно слушая разговоръ пастора съ Марѳою: когда же Сведбергъ произнесъ послѣднія слова, легкой шумъ, какъ-бы отъ чьего-то прикосновенія къ стеклу, послышался за окномъ, выходящимъ на кладбище.

— Слышали? спросилъ испуганный учитель у Фридриха.

— Выюга бьетъ въ стекло, — отвѣчалъ Фридрихъ.

— Нѣтъ! возразила дочь Марѳы, скрываясь въ колымажѣ матери, — нѣтъ! это осужденная душа!

— Что-бы-то ни было, мы откроемъ истину, вскричалъ Эммануель, стремительно разкрывъ окно.

Вечеръ былъ тихъ и ясенъ; полужакрытая облаками луна по временамъ выходила изъ-за тучъ; Кіоденскія горы замыкали собою горизонтъ и бросали тѣнь на снѣжное покрывало полей; не слышно было ни малѣйшаго вѣтерка; сѣверная природа являлась во всемъ ея печальномъ величій. Въ эту минуту общаго молчанія малѣйшій скрипъ по снѣгу извѣстивъ бы присутствію живаго существа; но Эммануель ничего не открылъ, ни взоромъ, ни слухомъ. Окно захлопнуто, и всѣ по прежнему сѣли на мѣста свои.

— Мы обманулись, сказалъ учитель: вѣрно намъ это такъ послышалось.

Фридрихъ, не отвѣчая на замѣчаніе Дюрера, сказалъ про себя: странно! я готовъ былъ биться объ закладъ, что это выюга, однакожь погода тиха.

— Душа уже пролетѣла, сказала Марѳа на ухо своей до-

чери; теперь тебѣ не для чего прятаться. Когда дитя подняло голову, разправляя свои длинные локоны, шумъ, слышанный предъ симъ, повторился, но уже гораздо яснѣе и опредѣлительнѣе. Луна, вышедшая изъ-за облака, озарила поля своимъ сіяніемъ; окно растворилось само собою, и бѣлый образъ, едва отблѣнявшійся отъ повсемѣстной бѣлизны снѣговъ, медленно проникъ въ комнату.

Призракъ обратился прямо къ Эммануелю и, приблизясь къ нему, сбросилъ съ себя покрывало: всѣ узнали Этеллу Орденингъ, столь же прекрасную и также блѣдную, какъ до смерти. Она взяла Эммануела за руку и, подведя его къ пастору, сказала: «батюшка, благословите насъ!»

Движимая какою-то сверхъ-естественною силою, старецъ всталъ, простеръ руки надъ юною четою и въ изнеможеніи снова упалъ въ кресла. Тѣнь склонилась къ Эммануелю и прошептала ему: «теперь я счастлива; я удалюсь, но буду вѣчно бодрствовать надъ тобою!»

Всѣ были безмолвны отъ изумленія; одна Марѳа рѣшилась назвать Этеллу по имени. Въмѣсто отвѣта, пучекъ помаранцовыхъ цвѣтовъ упалъ къ ногамъ Марѳы. Видѣніе исчезло.

Эммануель бросился въ объятія отца; но пасторъ былъ уже мертвъ!

III.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ событій, рассказанныхъ въ предшедшей главѣ *, два всадника скакали по дорогамъ Германіи:—на одномъ, болѣе возмужаломъ, черный парикъ, шляпа съ золотымъ галуномъ, стрый кафтанъ и голубой плащъ; другой, помоложе и понѣжнѣе, одѣтъ по военному; оба выдавали себя за нѣмецкихъ офицеровъ.

За нѣсколько миль до Штральзунда, цѣли ихъ путеше-

* Рассказъ предшедшей главы взять съ варюнаго преданія.

ствія, младшій изъ спутниковъ не могъ болѣе переносить дорожныхъ трудовъ, и, сойдя съ лошади, упалъ безъ чувствъ. Когда онъ пришелъ въ себя, товарищъ спросилъ отъ него половину бывшихъ при немъ денегъ, чтобы одному продолжать путь свой. Ни просьбы, ни увѣщанія больнаго не были дѣйствительны; старшій путникъ ухажалъ одинъ, и на другой день, въ часъ за-полночь, былъ уже у воротъ Штральзунда.

— Кто идетъ? закричалъ часовой.

— Королевскій курьеръ изъ Турціи; доложите генералу Дуккеру.

Сержантъ разбудилъ губернатора. Заспавшійся Дуккеръ велѣлъ вести къ себѣ курьера и сталъ спрашивать его о королѣ.

— Какъ? вскричалъ курьеръ: мои вѣрные подданные уже не узнаютъ меня?

Генералъ не смѣлъ вѣрить глазамъ своимъ, не одѣтый вскочилъ съ постели и съ слезами радости кинулся къ ногамъ государя. Въ минуту весь городъ узналъ о прибытіи короля; солдаты окружили домъ губернатора; граждане иллюминировали городъ; все было въ восторгѣ отъ возвращенія Карла XII, послѣ несчастныхъ событій, начавшихся подъ Полтавою.

Короли уложили въ постель, а какъ онъ шестнадцать дней не разувался, то ноги его такъ затекли, что надо было разрѣзать на немъ сапоги. Всѣ наперерывъ бросились на это дѣло, оспаривая другъ у друга честь услуживать королю; но опередить всѣхъ удалось одному молодому офицеру.—Кто это? спросилъ король у дуккера.

— Государь! отвѣчалъ Дуккеръ: это капитанъ Эммануель Сведенбергъ, мой адъютантъ; имѣю счастье представить его особому благоволенію вашего величества.

— Мы скоро познакомимся съ вами, молодой человекъ, сказалъ король, освобождая свою ногу изъ рукъ капитана.— Я покажу моему сопернику, что я еще не совсѣмъ уничто-

женъ подъ Полтавою. Однако, во ожиданіи побѣдъ, надо спать. Покойной ночи, дѣти мои!

Отдохнувъ только три часа, король отправился осматривать войско и укрѣпленія; въ то время доложили ему, что французскій посланникъ желаетъ быть допущенъ для переговоровъ.

— Хорошо! сказалъ король; черезъ полчаса я буду на восточной траншеѣ.

Французскій посланникъ, Маркизь де Лорси, тотчасъ же собралъ—Графа де Варанжъ, Шевалье де Лорси, секретарей, переводчика и прочихъ принадлежавшихъ къ посольству, и отправился съ ними къ назначенному мѣсту. Король находился въ одномъ изъ бастіоновъ и въ зрительную трубу наблюдалъ движенія непріятеля,—когда представилось французское посольство.—Маркизь де Лорси представилъ королю актъ, заключающій въ себѣ условія перемирія.

Въ ту минуту, когда хотѣли развернуть свертокъ, непріятельская пуля ударила въ него и унесла шаговъ за сто, вбила въ насыпь. Посланникъ, не теряя присутствія духа, взялъ отъ Графа де Варанжъ копию съ тѣхъ же бумагъ.

— Это напрасно, господинъ посланникъ, сказалъ Король: мира не будетъ; само Провидѣніе провозвѣстило это пролетѣнною пулею.

— Государь! возразилъ посланникъ: удостойте обратить вниманіе на то, что судьба Швеція зависитъ отъ вашей жизни, которую вы ежедневно подвергаете опасности.

— Потому-то господинъ де Лорси, я и не хочу заключать мира постыднаго. Я знаю напередъ каковы условія, предлагаемыя мнѣ Пруссією и Данією. Швеція будетъ благодарна за мою твердость въ этомъ случаѣ.

Градь непріятельскихъ пуль болѣе и болѣе усиливался надъ мѣстомъ переговоровъ: но король и посланникъ, казалось, не обращали на то вниманія. Шевалье де Лорси легко раненъ въ руку, переводчикъ убитъ на повалъ; тогда король окончилъ переговоры.

— Генераль Дуккеръ, прикажите отнести этого молодого

человѣка, сказалъ король, показывалъ на убитаго переводчика: я желаю, чтобы ему отданы были военные почести. Онъ палъ на полъ чести; а вы, господинъ посланникъ, благодарите вашего Государя за участіе, которое онъ принимаетъ въ моихъ дѣлахъ; я же буду благодарить его за то, что онъ именно васъ выбралъ для этого случая. Прощайте!

Вечеромъ того же дня, Графъ де Варанжъ сидѣлъ у постели Шевалье де Лорси. Въ это время доложили о приходѣ полковника Сведберга, присланнаго королемъ узнать о здоровьи раненаго Шевалье.

Послѣ нѣсколькихъ обыкновенныхъ привѣтствій, Графъ ушелъ, и тогда де Лорси спросилъ полковника: не родняли онъ Сведбергу, бывшему пасторомъ въ Скаръ?

— Я слыхъ его, отвѣчалъ полковникъ, изумленный такимъ вопросомъ.

— Какъ? тотъ самый Эммануэль, который ходилъ на минералогическую охоту въ горахъ Кізеленскихъ?

— Почему вы знаете этотъ случай въ моей жизни?

— Не помнителі вы малютки, котораго Французскій посланникъ оставилъ на нѣсколько дней у вашего отца? . . . Это я! . . . Но скажите, развѣ и дядюшки вашего не стало, что вы оставили мѣсто рожденія своего и могилу Этеллы? . . .

— Этеллы? . . . воскликнулъ Сведбергъ, съ ужасомъ и изтупленіемъ. Кто произнесъ это имя? кто осмѣлился на такое святотатство? . . .

— Простите, Эммануэль, за возбужденіе въ васъ горестныхъ воспоминаній: я говорилъ съ вами какъ другъ.

— Другъ? . . . тихо произнесъ Эммануэль, приходя въ себя: ахъ! да, вы правы: вѣдь вы тоже видѣли ее, вы не будете смѣяться надо мною. Вы втрите явленію духовъ, не правдали?

Де Лорси притянулъ къ себѣ полковника за руку и спросилъ его шепотомъ: повторялосьли появленіе Этеллы?

— Всякій день, отвѣчалъ Эммануэль. Вотъ и теперь я чувствую, что Этелла близко и хочетъ бесѣдовать со мною. Я

долженъ оставить вась. Прощайте, де Лорси, храните мою тайну. Меня ждетъ Этелла.

Счастливецъ! сказалъ про себя де Лорси, по уходѣ Сведберга; онъ по крайней мѣрѣ еще видитъ ее!

Эммануель, возвратясь домой, расположился у огня. Громъ канонады потрясалъ воздухъ; по временамъ блескъ отъ разрыва бомбъ озарялъ горизонтъ, а въ тихихъ промежуткахъ межъ выстрѣлами слышались только мѣрные шаги патрулей и отдаленные оклики часовыхъ. Углубясь въ чтеніе, Сведбергъ повидимому не обращалъ никакого вниманія на разгрывавшуюся передъ нимъ драму войны. Книга раскрыта была на третьей главѣ Апокалипсиса. Прочтя всю главу, Сведбергъ взялъ перо и началъ писать.

Кончивъ, онъ бросилъ перо и впалъ въ задумчивость. Пробоило полночь; Эммануэль взглянулъ на небо, упалъ въ кресла и, простирая руки, какъ-бы готовясь обнять что-то, воскликнулъ: — «приди!»

Оставаясь въ такомъ положеніи, онъ сталъ приходить въ забвеніе, наконецъ заснулъ, но все съ открытыми и поднятыми къверху глазами и съ улыбкою на полуоткрытыхъ устахъ.

Въ четыре часа утра его разбудилъ посланный и потребовалъ къ королю.

III.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ. Въ домъ французскаго посольства въ Стокгольмѣ пріѣхалъ Маркизь де Лорси, въ качествѣ повѣреннаго въ делахъ.

— Милости просимъ, любезный маркизь, сказалъ графъ де Варанжъ, встрѣчая де Лорси. Наконецъ-то я увижу Парижъ и оставлю этотъ скучный Дворъ, гдѣ занимаютъ одни только проповѣдьями: ни одного бала, ни одного праздника!... Представьте себѣ, я—для развлеченія—долженъ былъ привыкнуть къ трубкѣ! Вотъ вамъ и всѣ дипломатическія за-

нятія въ Стокгольмѣ! Цѣлый годъ я прошусь въ Парижъ; но по сіе время долженъ былъ оставаться здѣсь: не было охотника на мое мѣсто. Наконецъ, въ последней депешѣ, министръ уведомляетъ меня, что вы не только согласны занять мою должность, но еще просили о томъ, какъ о милости. Скажите откровенно: правда, что вы сами просились въ Швецію?

— Правда, отвѣчалъ маркизь: и я охотно признаюсь въ томъ, потому что люблю Швецію и давно желалъ возвратиться въ нее. Послѣ осады Штральзунда, я долженъ былъ ѣхать съ моимъ дядею въ Парижъ; но и при полной независимости послѣ смерти дяди (котораго я сталъ единственнымъ наследникомъ) и въ вихрь удовольствій,—я всегда думалъ о мирной Швеціи, въ которой протекли годы моей юности. Въ этомъ сѣромъ небѣ, въ этихъ горахъ, покрытыхъ снѣгомъ, есть скрытая прелесть, которая влечетъ меня; я дышу свободнѣе, съ тѣхъ поръ какъ здѣсь.

— Вы, маркизь, всегда были сантиментальны; это можетъ вредить вашему повышенію въ службѣ. Будьте откровенны со мною: эта скрытая прелесть, которая привлекаетъ вась въ Швецію, не естьли просто—любовь?

— Да, любовь; но любовь безнадежная.

— Безнадежной любви не бываетъ; въ этомъ отношеніи и Стокгольмъ не отсталъ отъ другихъ городовъ. Кто же предметъ вашей любви? Баронесса Армегонгъ? Графиня Дирингъ?...

— Предметъ любви моей уже не существуетъ; онъ — *видніе*.

— Съ ума вы сошли, любезный маркизь, или сдѣлались Сведенборгистомъ?...

— Ни то, ни другое.... Вѣрите вы явленію выходцевъ съ того свѣта?

— Нисколько.

— А тѣмъ, которые говорятъ, что сами видели ихъ?

— Ни на волюсть.

— Ну, такъ бесполезно сообщать вамъ мою тайну.

— Напротивъ: хотя я напередъ скажу вамъ, что не повѣрю ни одному слову изъ вашего разказа; но я васъ люблю и постараюсь вылечить.

Тогда маркизъ разказалъ всѣ подробности явленія, котораго онъ былъ свидѣтелемъ въ Скаръ. Съ той поры, прибавилъ онъ: образъ Этеллы безпрестанно меня преслѣдуетъ; я всюду вижу ее; люблю ее и неоднократно думалъ застрѣлиться, для соединенія съ нею на томъ свѣтѣ.

Вамъ надо-бы оставаться еще въ Парижѣ, сказалъ графъ. Послушайте меня и возвратитесь теперь же; меня очень огорчаетъ ваша болѣзнь, и я готовъ пожертвовать собою для дружбы: для вашей пользы и выздоровленія,—я останусь въ Стокгольмѣ.

— Какъ? оставить Швецію?... нѣтъ, никогда! здѣсь я на родинѣ Этеллы, здѣсь все сближаетъ меня съ нею.

— Именно здѣсь, маркизъ, вамъ не надо быть. Въ Швецію много людей, которые вѣрятъ, что мертвые выходятъ съ того свѣта, ежели и за гробомъ любятъ, что любовь есть пища жизни и проч. и проч. Кончите тѣмъ, что и вы повѣрите всѣмъ этимъ бреднямъ, тѣмъ болѣе, что вы уже расположены къ этому вѣрованію и къ несчастію знакомы съ изобрѣтателемъ этого вздора.

— Съ Сведенборгомъ? съ этимъ чрезвычайнымъ человекомъ, о которомъ мнѣ разказывали въ Парижѣ?

— Да, этотъ чрезвычайный человекъ не болѣе какъ полковникъ Сведбергъ, одинъ изъ героев Штральзундскихъ, который, получивъ дворянство, измѣнилъ свою фамилію.

— О! такъ надо ему вѣрить: онъ неспособенъ обманывать.

— Мало же знаете вы Сведенборга: это негоднѣйшій въ свѣтѣ шарлатанъ. Недавно онъ слово въ слово повторилъ предъ королевою письмо *секретно* полученное ею отъ короля Пруссакаго; Королева ужаснулась такого чуда, а Сведенборгъ, пользуясь этимъ случаемъ, исторгъ у королевы позволеніе проповѣдывать его сектъ; но на другой же день всему ди-

пломатическому корпусу было извѣстно, что Сведенборгъ съ повтореннаго имъ письма имѣлъ копию.

— Но развѣ этотъ случай доказываетъ ложность всѣхъ мнѣній и вѣрованій Сведенборга?

— Есть много и другихъ случаевъ; дослушайте до конца. Съ мѣсяцъ тому назадъ я полюбопытствовалъ видѣть этого человека, заставившаго всѣхъ такъ много говорить о немъ. Прихожу къ нему; меня встрѣчаетъ слуга. «Кого вамъ угодно?»—Сведенборга.—«Его нѣтъ дома.»—Какъ нѣтъ? я вижу его вонъ тамъ въ саду: онъ прогуливается.—«Все равно, онъ не одинъ и не можетъ теперь принять васъ.»—Вздоръ, братецъ, я вижу что онъ одинъ; поди, доложи ему.—«Нельзя сударь: онъ разговариваетъ съ Сократомъ!»

Сряду три дня я ходилъ къ Сведенборгу и всегда мнѣ отказывали: то онъ бесѣдовалъ съ Семирамидою, то съ Юліемъ Цесаремъ. Неужели и это не шарлатанство? Представте себе человекъ, вставъ утромъ съ постели, говоритъ слугѣ: «сегодня никого не принимай, но если придетъ Навуходносоръ—то проси!»—Истинно одни только Шведы могутъ позволить такъ смѣяться надъ нами.

— Замѣтите однако, возразилъ де Лорси: что—кромѣ Сведенборга—и въ древности было множество примѣровъ бесѣды людей съ духами.

— Скажу вамъ еще, продолжалъ графъ: что я не довѣрляю людямъ, которые, не наследовавъ отъ родителей ни малѣйшаго состоянія, бросаютъ деньги на ветеръ, и въ этомъ случаѣ всегда подозреваю, что нѣсколько неопытныхъ стали жертвами одного бездѣльника. Будьте осторожны, маркизъ, и увѣрьтеся, что вы никогда не видали Этеллы Орденингъ!

Разставшись съ графомъ, маркизъ пошелъ прогуливаться въ уединенномъ мѣстѣ, въ концѣ предмѣстій Стокгольма. Занятый мыслями о всемъ слышанномъ имъ отъ графа, онъ бродилъ безъ цѣли, но вдругъ остановился, какъ-бы пораженный громомъ: прямо на встрѣчу къ нему шла девушка—живой портретъ Этеллы. Девушка, замѣтя, что она обратила на себя вниманіе, взяла руку шедшей съ нею женщины

и поспѣшила повернуть на дорогу къ предместью. Де Лорси поспѣдовалъ за ними. Вскорѣ незнакомки вошли въ домъ, на дверяхъ котораго написано было: *nunc permissum est* (теперь позволено!)

Не вступая въ домъ, дѣвушка оглянулась на маркиза, который не зналъ что дѣлать, но подстрекаемый любопытствомъ рѣшился войти въ домъ. За дверью слышалось пѣніе разныхъ голосовъ. Съ смущеніемъ отворилъ де Лорси эту дверь и очутился въ собраніи множества молящихся.

При входѣ маркиза, пѣніе окончилось; никто не обратилъ вниманія на прибытіе маркиза, никто, кроме преслѣдовавшой имъ дѣвушки, которая почти—незамѣтнымъ движеніемъ глазъ указала ему тотъ уголокъ залы, гдѣ оставались еще не занятые мѣста. Де Лорси воспользовался этою безмолвною предупредительностію и пробрался на свободное мѣсто, почти у самой каѳедры, на которой уже стоялъ проповѣдникъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, проповѣдникъ склоненный на каѳедру медленно поднялся, обратилъ взоръ къ небу и, оставаясь нѣсколько времени въ такомъ положеніи, какъ-бы ожидалъ вдохновенія свыше. Въ проповѣдникъ маркизъ узналъ Сведберга, который мало измѣнился со времени осады Штральзунда, только волосы его посѣдѣли и длинными локонами падали по плечамъ.

Окинувъ взоромъ все собраніе, проповѣдникъ воскликнулъ голосомъ вдохновеннаго: «Братья и сестры! Послушайте словъ жизни! . . . Вотъ что открыло мнѣ вдохновеніе.»

Онъ началъ говорить рѣчь, исполненную жара и мистической мечтательности. Послѣ каждаго періода проповѣди, всѣ присутствовавшіе преклоняли головы и отвѣчали: *Amen!*

«Теперь, сказалъ въ заключеніе Сведенборгъ: нашъ братъ Элій Аристъ объяснитъ намъ духовный, небесный и естественный смыслъ Священнаго Писанія.

Тогда какой-то старикъ открылъ Библію и однозвучнымъ, протяжнымъ голосомъ началъ излагать множество объясненій, которыхъ де Лорси, при всемъ напряженіи вниманія, никакъ не могъ постигнуть. Это продолжалось около получаса, по-

слѣ чего опять началось пѣніе. Заходящее солнце озарило молящихся, звукъ органа, странная мелодія напѣва, все увлекло де Лорси къ мистицизму; новое, непонятное для него опущеніе заставляло биться сердце его. Къ счастью, вскорѣ подавъ знакъ расходиться, и де Лорси поспѣшилъ первый выйти; однако онъ не имѣлъ силъ удалиться, не выдавъ еще разъ свою незнакомку. Вскорѣ онъ настигъ ее; но приверженица Сведенборга, замѣтивъ де Лорси, проворно накинула покрывало, можетъ быть для того только, чтобы скрыть свой румянецъ.

Въ тотъ же вечеръ Сведенборгъ, запершись въ своемъ кабинетѣ, бесѣдовалъ съ Эліемъ Аристомъ, его ученикомъ и другомъ. Передъ ними лежалъ толстый бумажникъ съ деньгами.

— И такъ,—говорилъ Сведенборгъ,—рѣшено: остатки этой суммы мы раздѣлимъ между нашими братьями въ Берлинѣ, Амстердамѣ, Лондонѣ и Стокгольмѣ. Проповѣдь принесла плоды; благодарю Бога за ниспосланную Имъ временную помощь. Безъ тебя, Аристъ, я не могъ-бы помогать моимъ братьямъ. Враги обвиняютъ меня въ излишней щедрости: вотъ источникъ ея! Ты, Аристъ, янынѣ поддерживалъ юное братство; да благослови тебѣ Богъ!»

— Я не заслуживаю такой благодарности, отвѣчала Аристъ: пусть только употребленіе этой суммы послужитъ мнѣ оправданіемъ въ средствахъ, которыми я приобрѣлъ ее.

— Забудь о прошедшемъ, братъ мой; кто изъ насъ не долженъ упрекать себя за какуюнибудь вину! Я самъ недавно принужденъ былъ солгать, давая чувствовать что я сверхъ-естественнымъ путемъ узналъ содержаніе секретнаго письма къ королеву, тогда какъ письмомъ это было известно мнѣ чрезъ министра, нашего собрата; но безъ этой невинной лжи мы не имѣли бы братства въ Стокгольмѣ, а безъ этой суммы мы не могли бы дѣйствовать. Заглуши угрызенія совѣсти, любезный Аристъ, и приготовься завтра же отправиться въ путь, дабы вѣрующихъ въ другихъ земляхъ подкрѣплять словомъ и дѣломъ.

— До отъезда я хочу испросить еще одну милость.

— Говори, братъ мой; просьба твоя будетъ выслушана.

— Я узналъ, что Лай, низверженный съ высоты величія, находится въ крайней бѣдности, въ Венеціи, и прошу позволенія удѣлить на вспомошествованіе ему часть этой суммы, приобретенной некогда чрезъ его посредство. Несчастный! онъ долженъ много страдать: его не подкрѣпляетъ Взра!

— Да будетъ по твоему, Аристъ, и Богъ да будетъ къ тебѣ милосердъ за твое милосердіе.

Учитель и его последователь пожали другъ другу руки, въ знакъ прощанія.

Въ это время, въ саду Сведенборга, бывший драбантъ Аксель поливалъ гряды, а Марѳа, жена его, разговаривала съ двушкою равшею маргаритки.

— Что ты задумалась Клара? спросила Марѳа: вотъ уже цѣлый часъ, какъ ты ни слова не вымолвила. О чемъ ты думаешь?

— Ни о чемъ! отвѣчала Клара, бросая сорванные цвѣты.

— Вѣрно о томъ незнакомцѣ, что давеча шелъ за нами?

Клара молчала.

— Ты не отвѣчаешь? стало быть я говорю правду?

— Можетъ быть.

— Не влюбилась ли ты въ него?

— Можетъ быть.

— И не спросишь опекуна?

— Да онъ самъ безпрестанно проповѣдуетъ намъ о любви.

— У двушекъ на всѣ есть отговорки, подумала Марѳа. Вотъ видишь ли, Клара, если бы онъ былъ человекъ извѣстный, такъ еще такъ и быть, а то Богъ знаетъ кто онъ такой?

— Онъ долженъ быть студентъ.

— Студентъ, спросилъ Аксель, оставляя лейку: кто студентъ?

— Тотъ незнакомецъ, что сегодня былъ на проповѣди. Загнулъ ли ты его, Аксель?

— Замѣтилъ ли? . . . я думаю мудрено не замѣтить: здѣсь

не очень часто можно видѣть французскаго посланника! . . .

— Полно, Аксель, какъ ему быть посланникомъ? вѣдь ему не болѣе двадцати пяти лѣтъ.

— Будетъ и тридцать. Впрочемъ три дня тому назадъ я видѣлъ какъ онъ прѣхалъ въ Стокгольмъ и уже вѣрно не ошибаюсь.

— Посланникъ! съ грустію произнесла Клара.

— Бойся любить его, Клара, чтобы не было съ тобою, какъ съ сестрою твоею.

— А что же съ нею было? ради Бога, скажите . . . Въ эту минуту послышался голосъ приближающагося Сведенборга.

— Расскажу въ другой разъ, если будетъ необходимо; теперь молчи, иди къ опекунѣ

Съ того дня, вся любовь маркиза къ Этелмъ обратилась на незнакомку, въ которой онъ нашелъ поразительное сходство съ Этелмою; съ-тѣхъ-поръ его видѣнія исчезли, мечты разлетѣлись (онъ любилъ существо живое, любилъ настоящимъ образомъ). Всякій день онъ ходилъ на проповѣди Сведенборга и съ восхищеніемъ смотрѣлъ на незнакомку. Вскорѣ онъ узналъ, что ее зовутъ Кларою, и что послѣ кончины ея матери Сведенборгъ сталъ опекуномъ Клары и замѣнилъ ей отца; но повидимому одна только Марѳа знала истинную причину нежной заботливости и попеченій, которые Сведенборгъ безпрестанно оказывалъ Кларѣ. Что касается до Клары, то она, узнавъ настоящее званіе де Лорси, употребляла всѣ усилія забыть его; но постоянныя преслѣдованія маркиза достигли своей цѣли: скоро онъ убѣдился, что любимымъ взаимно и тогда же рѣшился просить у Сведенборга руку Клары. По старому знакомству съ Сведенборгомъ, маркизъ надѣялся успѣха и дѣйствительно Сведенборгъ, вмѣсто всякаго отвѣта, позвалъ Клару и, соединивъ ихъ руки, сказалъ маркизу: составьте ея счастье,—это *сестра Этелмы!*

Элій Аристъ возвратился, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы маркиза. По рассказамъ Элія о положеніи братства въ мѣстахъ, которые онъ обозрѣлъ, рѣшился Све-

денборгъ самъ сдѣлать путешествіе. Оставляя Швецію, онъ предупредилъ своихъ приверженцевъ, что не возвратится и умереть въ 1812 году въ Radeliff Highway (Редлифъ-Гайвей) близъ Лондона, что именно такъ и случилось.

Маркизь де Лорси оставилъ службу и поселился въ Скаръ. Клара, узнавъ обстоятельство, которому она обязана была любовію мужа, поставила мраморный памятникъ на могилѣ сестры.

Съ французскаго С. Наероикой.

ОТДѢЛЕНІЕ V.

Науки и Художества.

=

КУНАВЕРЪ.

Цѣпь Гиммалайскихъ-Горъ или Гиммале, изъ которыхъ брызжутъ первыя струи, по мнѣнію туземцевъ, священнаго Ганга, не давно еще открылась любопытству Европейцевъ въ полномъ величій. Въ семнадцатомъ и осьмнадцатомъ столѣтіяхъ, Европа почти не имѣла никакихъ свѣдѣній о знаменитыхъ высотахъ сосѣднаго материка, развѣ изрѣдка слышала объ нихъ кое-какія вѣсти, и то вскользь, мимоходомъ. Необыкновенныя трудности пути и народный фанатизмъ сторожили все проходы на Гиммалайскія горы, и не многимъ удавалось пробиться черезъ эти преграды. Сами Индѣйцы и Персы не имѣютъ подробныхъ свѣдѣній объ этомъ святилищѣ; религіозное благоговѣіе не позволяетъ имъ попираť дѣвственное лоно горъ. Индѣецъ вѣритъ, что на туманныхъ вершинахъ Гиммалая присутствуетъ невѣдомое божество. Въ глазахъ Персовъ, эти исполны стерегутъ границы видимаго міра, а дальше начинается область духовъ.

Такимъ образомъ, суевѣріе азіатскихъ народовъ и еще ихъ неприязненность къ Европейцамъ, усиливаемая грознымъ могуществомъ Англичанъ въ Индіи,—загородили путь къ Гиммалаю и для самыхъ отважныхъ путешественниковъ. Доктору

Муркрофтъ (Moogcroft) палъ жертвою этой народной апа-ти. Передвѣтый въ платьѣ факира, принявшаго объѣзъ без-молвія, онъ осмотрѣлъ много любопытныхъ странъ, и про-никъ до священнѣхъ береговъ Мансаровера, и ободренный первыми успѣхами, рѣшился на новое пилигримство въ Мул-танъ. Но на этотъ разъ ему измѣнило счастье или благора-зуміе; онъ забылъ свою роль, заговорилъ, и умеръ, отравлен-ный ядомъ.

Подобные несчастные случаи повторялись не разъ. Не смотря на то, — съ-тѣхъ-поръ, какъ Англо-Индійская компанія распространила свои завоеванія, и утвердила свое могуще-ство, — чаще и съ большей безопасностью Европейцы стали посѣщать страны Средней-Азій, и отъ времени до времени открываются какія-нибудь новыя области. Теперь и Гимма-лайскія горы сбрасываютъ съ себя мистическую безвѣстность; европейскіе изслѣдователи загляли на нихъ яркіе маяки и пробиваютъ тропы въ мѣстахъ, поросшихъ вѣковыми мхомъ. Географія, поэзія, исторія непрерывно обогащаются новыми матеріалами. Благодаря дѣятельности изслѣдователей, мы уди-вляемся безчисленнымъ чудесамъ природы, разсѣяннымъ на каждомъ шагу, среди гигантскихъ утесовъ, гордо выказы-вающихъ свои вѣчные ледяные вѣнцы. Джемсъ Гоу (James Houhg) познакомилъ насъ съ Синими горами и ихъ роскош-ною растительностію. Доктору Гамильтону мы обязаны по-знаніемъ флоры сѣверныхъ провинцій Индустана. Господинъ Руаль (Royle) издалъ драгоценныя наблюденія о долинахъ Кашмира и горахъ Гималайскихъ. Господинъ Жакмонъ (Jac-quemont), рано похищенный смертію у наукъ, изучилъ геологическое устройство этихъ горъ. Въ 1819 году, капитанъ Гербеттъ открылъ путь въ Кунаверъ, куда черезъ нѣсколько времени проникъ капитанъ Вибль (Weble). Наконецъ, капи-танъ Александръ Гераръ (Gerard) сообщаетъ самыя ин-тересныя подробности объ этомъ, еще мало-извѣстномъ краѣ.

Кунаверскій округъ лежитъ въ сѣверномъ Индустанѣ, и ополсанъ Гималайскими Горами; все его пространство око-

ло осьмидесяти миль. Прелестнымъ мѣстоположеніемъ и бо-гатою растительностію, онъ нѣкоторымъ образомъ осущест-вляетъ наши мечты о жилищѣ счастья. Сетледжъ (Sutledge), одна изъ пяти рѣкъ, орошающихъ Пенд-Жабъ (рѣка о пяти истокахъ) вѣетъ по окраинѣ Кунавера. Долины и холмы ос-вѣжаются безчисленными потоками, которые съ шумомъ низ-вергаются съ горныхъ вершинъ, выбѣгая изъ вѣчныхъ снѣ-говъ, и сливаются съ водами большихъ рѣкъ, извивающихся при подошвѣ горъ. Вездѣ поражаютъ васъ живописныя и ве-личественныя сцены; тамъ холмы пестрятъ цвѣтами, тамъ вѣковые дѣса сосенъ и лиственницы, зеленѣющей лентой, опо-слыываютъ бока горъ; тамъ рѣзвые каскады перепрыгиваютъ съ-утеса на-утесъ, бьютъ ихъ по обнаженному челу, сып-лются по отвѣснымъ ребрамъ и исчезаютъ въ мрачныхъ пропастьяхъ, а тамъ гигантскій Гиммале, съ ледянымъ купо-ломъ, тонетъ въ небесной лазури.

Въ нѣдрѣ Гималайскихъ Горъ теряется долина Кунавер-ская. Одна неутомимая жажда познанія могла увлечь туда путешественника по ущельямъ и разсѣлинамъ, висящимъ въ области тучъ и громовъ, — это единственный путь къ Куна-веру.

Послѣдуемъ за капитаномъ Гераромъ по этимъ ущельямъ. Пятнадцать проходовъ или ущелій ведутъ въ Кунаверъ съ южной стороны. Самый надежный и болѣе посѣщаемый — про-ходъ Бурендо (Boogendo); впрочемъ и здѣсь путешествен-никъ не избѣгаетъ всѣхъ опасностей. Этотъ проходъ лежитъ на высотѣ не менѣе пятнадцати тысячъ ста семидесяти од-ного фута.

«Много несчастныхъ случаевъ бываетъ на этомъ мѣстѣ, го-воритъ капитанъ, не смотря на всѣ удобства какія оно пред-ставляетъ. Проводники указываютъ путешественникамъ одно мѣсто, гдѣ, лѣтъ шесть тому, погибло больше двадцати че-ловѣкъ, перевозившихъ соль изъ Кунавера. Снѣгъ началъ па-дать, когда караванъ былъ еще на другой сторонѣ горы; но вмѣсто того, чтобы употребить на обходъ шесть или семь дней, онъ рѣшился пройти черезъ ущелье. Во время пере-

зда поднялся ветеръ, и путешественники до того окостенѣли отъ холоду, что добравшись до лѣсной полосы никто не былъ въ состоянїи развести огонь и всѣ заснули непробуднымъ сномъ. За четыре года, въ Декабрѣ мѣсяцѣ, почти столько же человекъ замерзли близъ самага ущелья.»

На восточной сторонѣ, проходы выются на высотѣ шестнадцати или семнадцати тысячъ футовъ. На такой высотѣ, по окрѣпшему снѣгу, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцовъ въ году, можно проходить съ навьюченными козами и баранами. Но снѣжные слои, лежащіе ниже общаго гребня, на западѣ, слишкомъ ненадежны; въ нихъ часто гибнуть стада вмѣстѣ съ пастухами. Еще выше поднимаются горы, отдѣляющія Кунаверъ отъ Китайской Татарїи. Тамъ лежитъ ущелье Кеубронгское (Keoobrung), на высотѣ осьмнадцати тысячъ трехъ-сотъ тринадцати футовъ, или трехъ съ половиною миль, значитъ почти на такой высотѣ, до которой поднимаются самыя легкія лѣтнія облака.

«Климатъ этой страны, говоритъ капитанъ Гераръ, въ хорошее время года прїятенъ; я перешелъ черезъ Кеубронгъ и Гангтонгъ (Gangtung), въ Юль, когда падаетъ снѣгъ, но не смотря на то температура воздуха не опускалась ниже 33 градусовъ, по Фаренгейту. Одною только боялись проводники, какъ-бы не сбиться съ дороги, по причинѣ густаго тумана. Къ счастью, я имѣлъ предосторожность предварительно опредѣлить свое положеніе къ одной грудѣ камней, лежавшей въ глубинѣ ущелья, и шелъ къ ней при помощи карманнаго компаса, рѣшительно не замѣчая никакого слѣда. Покуда облако обвивалось кругомъ насъ, проводники гаркали какъ дикіе звѣри, чтобы задніе могли слѣдовать по тому же направленію. Безъ сомнѣнїя, ни одинъ путешественникъ, съ какимъ-нибудь грузомъ, не осмѣлился бы пройти даже по самымъ низкимъ ущельямъ Гиммалая, въ такую погоду, какъ мы переходили Гангтонгъ; тогда всякой день падалъ снѣгъ и иней.»

Тоже можно сказать и объ ущельи Манерунгскомъ, на сѣверной сторонѣ Кунавера, возвышающемся на восемнадцать

тысячъ шесть-сотъ двѣнадцать футовъ. Капитанъ Гераръ перешелъ черезъ него въ Августѣ, и тогда оно было покрыто свежимъ снѣгомъ на цѣлый футъ; а прежніе слои, въ окрестныхъ глубинахъ, имѣли необытную толщину.

Гераръ не удовольствовался тѣмъ, что перешелъ черезъ помянутыя высоты; онъ попытался вскарабкаться на величественную гору Порджуль (Purgeool), на самомъ сѣверномъ углу Сетледжа, и добрался до гребня девятнадцать-тысячъ-четыреста-одиннадцати футовъ высоты, почти также высоко, какъ Гумбольдтъ всходилъ на Чимборасо. Впрочемъ, на вершинахъ Гиммалая климатъ не такъ суровъ какъ на Андахъ, что главнымъ-образомъ зависитъ отъ необыкновенной сухости атмосферы. Воздухъ на нихъ такъ чистъ, такъ рѣдокъ, что взоръ погружается въ глубину безмѣрнаго горизонта и ясно различаетъ всѣ предметы. Только быстрыя перемены температуры очень вредны для здоровья. На этихъ высотахъ не рѣдко съ семи или восьми градусовъ холода ртуть вдругъ поднимается на двадцать градусовъ выше нуля. Въ полдень солнечные лучи, отражаясь отъ ледниковъ и снѣжныхъ сугробовъ, производятъ нестерпимый жаръ. Въ то время, какъ Гераръ карабкался по Порджулю, на этой горѣ не было не снѣжинки, но далѣе къ сѣверу, средняя цѣпь Гиммалая плавала по голубому зѣиру въ бѣломъ покрывалѣ, на безмѣрной высотѣ двадцати-деяти тысячъ футовъ, или около пяти миль съ половиною; это такая высота, что мало будетъ, если поставить пикъ Тенерифскій на самую вершину Альповъ.

Наружная цѣпь Гиммалайскихъ Горъ задерживаетъ быстрыя тучи, поднимающіяся съ равнинъ Индіи. Потому-то, чѣмъ далѣе проникаете во внутреннія части Гиммалая, тѣмъ менте встрѣчаете снѣга, въ продолженіе цѣлаго года. Этотъ же фактъ объясняетъ, почему высочайшія вершины въ некоторыхъ слояхъ, постоянно покрыты снѣгомъ. Снѣгъ, каждую зиму ложится на гребни горныхъ цѣпей, и пополняетъ количество снѣга, растаявшаго отъ лѣтнихъ жаровъ. Ледяной покровъ, образуется на горныхъ вершинахъ, отъ теплоты сол-

нечных лучей, отражаемых внутренними возвышенными равнинами. Въ продолженіе теплыхъ дней, свѣгъ размягчается и брызжетъ ручьями; настанетъ ночь, и онъ крѣпнетъ и превращается въ ледь.

На гребнѣ Гиммалая, самую большую опасностію грозитъ холодный порывистый вѣтеръ; путешественникъ, застигнутый этимъ ледянымъ ураганомъ, нигдѣ не укроется отъ него, надо пройти нѣсколько миль по излучистымъ, скользкимъ тропинкамъ, чтобы найти какой нибудь матеріалъ для разведенія огня. Въ добавокъ къ другимъ опасностямъ, разрѣженный воздухъ производитъ въ человѣкѣ усталость, изнеможеніе. Это явленіе, происходящее отъ разширенія воздуха, горные жители приписываютъ какому-то ядовитому растенію, сокрытому отъ взоровъ человѣческихъ. Жители верхнихъ поясовъ Кунавера, такъ часто подвергаются подобной болѣзни, что по своимъ ощущеніямъ, могутъ съ точностію опредѣлить сравнительную высоту ущелій, черезъ которыя проходятъ.

Послѣ примѣчаній о климатѣ и атмосферѣ Гиммалайскихъ Горъ не покажутся удивительными отмѣтки Герара о состояніи земледѣлія на этихъ горахъ:

«Границы земли, способной къ обработкѣ, на югозападной сторонѣ Гиммалая, едва поднимаются на десять тысячъ футовъ; земледѣліе и растительность усиливаются по мѣрѣ того, какъ проникаешь во внутренность этого необыкновеннаго края. По сѣверовосточному склону вышней, покрытой снѣгами, цѣпи, обрабатываютъ землю на высотѣ десяти тысячъ пятьсотъ футовъ; въ долину Буспа (Buspa), на высотѣ одиннадцати тысячъ четырехъ сотъ футовъ; а въ Гунгренгъ (Hungrang) находите посѣвы на тринадцати тысячахъ футовъ,—это самая возвышенная полоса, гдѣ можетъ созрѣвать хлѣбъ въ той странѣ. Поля, засѣянные хлѣбомъ, на высотѣ тринадцати тысячъ футовъ, очень бѣдны, и зерно, по рассказамъ жителей, никогда не вызрѣваетъ, хоть въ Китайской-Татаріи хлѣбъ достигаетъ полной зрѣлости близъ самаго Кунь-Луна, около

шестнадцати тысячъ футовъ надъ поверхностію моря, то-есть, въ снѣжной полосѣ.

«Причина, почему время жатвы настаетъ ранше или позже, скрывается не столько въ высотѣ, на какой лежитъ известная полоса, сколько въ различномъ мѣстоположеніи. Для примѣра, сравните Нумжу (Numgea), Шипку (Shipke) и Нако. Первая лежитъ надъ уровнемъ моря въ девяти тысячахъ трехъ-стахъ футовъ, но окружено такими высокими горами, что въ самые длинные дни, солнце едва свѣтитъ девять часовъ. Тамъ и въ началѣ Августа зерна совершенно зелены; между-тѣмъ какъ на Шипкѣ, которая лежитъ выше Нумжи на 1400 футовъ, нивы желтѣютъ и настаетъ жатва. Близъ Нако воздѣлываютъ землю по-крайней-мѣрѣ на высотѣ двѣнадцати тысячъ семи сотъ футовъ, нивы начинаютъ желтѣть въ тоже время, какъ и въ Нумжѣ, но гораздо скорѣе достигаютъ зрѣлости.

«Чтобы отдѣлить отъ колосесть зерна, въ Кунаверѣ употребляютъ молодыхъ быковъ или яковъ, которыхъ гоняютъ по большому круглому гумну, вымощенному аспиднымъ камнемъ; окружныя стѣны бываютъ въ полтора или два фута въ вышину. Среди гумна утверждается столбъ, къ которому привязываютъ быковъ, такъ что они все вмѣстѣ вертятся кругомъ оси; на каждомъ надѣтъ намордникъ; мнѣ случалось видѣть по двадцати и тридцати быковъ на одномъ гумнѣ.»

На высотѣ одиннадцати тысячъ футовъ не зрѣютъ уже абрикосы, а смородина растетъ исправно. Колючій кустарникъ покрываетъ бока горы до семнадцати тысячъ футовъ высоты. Подъ навѣсомъ розоваго кедра встрѣчаете анемонъ и колокольчики. Немного пониже развертывается полоса сикоморъ и березъ. Можжевельные кусты разливаютъ благоволеніе въ атмосферѣ этой восхитительной страны. Близъ деревень по берегамъ протоковъ разводятъ виноградники. Виноградные кусты, раскидываясь на рѣшеткахъ, образуютъ бесѣдки иногда на полмили въ длину; а ихъ кисти живописно висятъ подъ листьями. Подъ тѣнью виноградныхъ лозъ, вы можете насладиться пріятною прохладою, только не заходите туда

одни, безъ проводника, иначе разорвутъ вась сторожевые сабаки.

Въ Кунаверъ встрѣтите персики, орѣхи и яблоки. Последнiе имѣютъ превосходный вкусъ, и рождаются въ большомъ обилии. Кунаверцы радушно угощаютъ этими произведенiями прохожихъ. Всякой разъ, какъ Герару случалось проходить по абрикосовымъ аллеямъ, крестьяне взлѣзали на деревья и обсыпали его абрикосами. Въ такомъ прекрасномъ климатѣ, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, можно было бы развести и другiя деревья; на пространствѣ десяти или двѣнадцати миль въ Кунаверъ дышетъ и стужа угрюмага стѣвера и душливый зной жаркаго поляса. Въ мѣстахъ, освѣщенныхъ лучами солнца, нестерпимый жаръ, а въ тѣни страшный морозъ.

Въ этой странѣ, исполосованной грядями горъ, и перерѣзанной водопадами и протоками, встрѣчаются мосты различныхъ родовъ, какъ особая черта народнаго быта. *Саго* или деревянный мостъ, это просто доска, переброшенная черезъ бездну; или кряжъ дерева въ наклонномъ положенiи, съ вырубками въ родѣ ступеней. Но гораздо чаще вмѣсто мостовъ встрѣчаются *жулы*.

«Жула, говоритъ капитанъ Гераръ, нѣкотораго рода веревочный мостъ, составленный изъ пяти или шести канатовъ. Канаты почти одинъ возлѣ другаго натягиваются поперегъ рѣки съ самаго круаго берега на самый низменный. Вверху находится еловый обрубокъ, утвержденный гвоздями такъ, что не можетъ сорваться съ канатовъ. На этомъ обрубкѣ висятъ четыре крѣпкихъ каната, которыми привязанъ другою еловый обрубокъ; на послѣднiй садятся пассажиры, и кладутъ свои вещи. Эту, нѣкотораго рода, самокатку перетягиваютъ на другой край посредствомъ двухъ бечевокъ, если спускъ не такъ крутъ, чтобы она могла скатиться сама по себѣ. Иногда самокатки предоставляются самимъ себѣ, и пассажиръ скатится на низменный берегъ со всей быстротою, какую можетъ сообщить ему наклонное положенiе канатовъ. Такая переправа довольно безопасна, но она пугаетъ непри-

вычныхъ. Невольно дрожишь отъ страха, когда, на какихъ-нибудь дрянныхъ канатахъ, висишь надъ бездною, а въ темной глубинѣ реветъ потокъ и катитъ свои воды, разбиваясь на тысячи водопадовъ. Въ ущельяхъ, въ водяной пыли водопадовъ, постоянно кружатся стаи хищныхъ птицъ, привлеченныхъ миражемъ воды, и производятъ въ вась головокруженiе.

«По самому длинному мосту этого рода я переправлялся въ Рампуръ, гдѣ рѣка имѣетъ двѣсти одиннадцать футовъ въ ширину. Въ Вангу, ширина рѣки только девяносто два фута, но теченiе такъ быстро, что двое изъ моихъ людей, напуганныхъ прежде, не хотѣли переправляться по мосту, и рѣшились переплыть ее. Одинъ едва-едва достигъ противоположнаго берега, въ совершенномъ изнеможенiи, а другой потонулъ.

«Сузумъ, родъ висячаго моста; одинъ такой мостъ и то самый плохой находится ниже Нумжи; онъ дѣлается изъ маленкихъ скверно переплетенныхъ ветокъ, и поддерживается пятью или шестью канатами. По бокамъ, фута на четыре выше первыхъ, протянуты еще канаты, вмѣсто перилъ, и соединены съ нижними канатами посредствомъ ивовыхъ рѣшетокъ, отверстiе которыхъ бываетъ въ одинъ или два фута шириною. Побочныя веревки идутъ на самомъ неловкомъ разстоянiи, и въ одномъ мѣстѣ такъ удалены одна отъ другой, что, растянувъ руки, не достанешь ихъ обычныхъ вмѣстѣ. Веревки употребляются плохiя, и натягиваются такъ дурно, что мостъ выгибается дугою около шестой части круга. На такихъ мостахъ нерѣдко случаются несчастныя приключенiя. За мѣсяцъ до моего прiѣзда, два человѣка погибли, потому что лопнула одна боковая веревка. Проводники пересказали мнѣ этотъ случай уже тогда, какъ десять или двѣнадцать человѣкъ изъ моей прислуги, съ кладью, вошли на мостъ. Къ счастью, я остался на берегу; но пересказы скоро дошли и до нихъ. На нѣкоторыхъ напалъ такой страхъ, что они не смѣли ступить ни взадъ ни впередъ, и долго стояли въ ужасѣ и нерѣшимости, не имѣя силъ ободриться. Двое, испу-

ганные больше другихъ, сбросили мою палатку въ Сетледжъ, шумѣвшій подь мостомъ.»

Кромѣ такихъ мостовъ, въ Кунаверѣ дѣлають еще цѣпные. Есть цѣпной мостъ въ Барампутрѣ, въ Тибетѣ, и—говорятъ—длиною въ пять сотъ футовъ. При такихъ ненадежныхъ переправахъ, каждогодно топеть множество народа. Горныя дороги или тропинки, иногда столько же представляютъ опасностей, какъ и мосты. Скалы, непрестанно обрывающіяся съ вершины гребня, и падающія глыбы снѣга, принуждаютъ путешественника спѣшить, не обращая вниманія на трудности пути. По слѣдующему описанію, можно составить понятіе объ опасностяхъ, какія угрожаютъ путешественнику въ нагорныхъ дорогахъ.

«Мѣстами встрѣчаются слои окрыплаго снѣга, въ наклонномъ положеніи подь угломъ тридцати или тридцати пяти градусовъ; надо прорубать топоромъ себѣ дорогу, чтобы взлѣзть на-верхъ. А если придется спускаться съ нихъ, легкое средство—скатиться спокойнымъ образомъ до самаго низа. Но эти слои снѣга не представляютъ еще большихъ затрудненій. Самыя гадкія дороги тянутся по наклоннымъ утесамъ и по склонамъ хряща или мелкаго каменника, который обсыпается подь вашими ногами въ быстрый, глубокій потокъ. Чтобы перейти черезъ нихъ, обыкновенно слѣдуетъ раздѣться, я неразувался только въ одномъ мѣстѣ, и долженъ былъ часто схватиться за какого-нибудь проводника и такимъ образомъ взбираться на скользкіе утесы, которые высунули свои головы изъ-подь воды. Въ одномъ самомъ опасномъ переходѣ, мы прибѣгли къ помощи веревокъ, чтобы втащить и спустить нашу кладь. Отъ времени до времени, попадаются каменные всходы, кряжи деревъ съ зарубками, по которымъ всходите, какъ по лѣстницѣ. Въ избѣжаніе большихъ обходовъ, туземцы пролагають дороги на отвѣсныхъ бокахъ горъ, перекидываютъ брусъ съ утеса на утесъ, или строятъ подмостки, втыкають горизонтально жерди однимъ концомъ въ трещины, а другой утверждаютъ на деревьяхъ или наклонныхъ столбахъ, поднимающихся изъ раз-

сели нижнихъ утесовъ. На жердяхъ настилають тонкія досечки, и эта узкая и ломкая дорожка вьется по бокамъ отвѣсныхъ утесовъ, или вдоль снѣжной полосы. Самая необыкновенная полоса встрѣтилась въ продолженіе всего моего путешествія въ долину Тидунгъ; она называется Рапіа (Rapia). На ея покатоности тянутся подмостки въ сто пятьдесятъ футовъ въ длину. Внизу бунуеетъ, съ необыкновенною яростію, потокъ, и путешественникъ чувствуетъ, что мостъ шатается подь его ногами и не можетъ преодолѣть живаго чувства страха. Во время моего путешествія, эти подмостки дрожали подо мною, и я ожидалъ каждую минуту, что полечу въ воздухъ.»

Жители Кунавера обрисованы пріятными красками.

«Тамъ живетъ народъ откровенный, дѣятельный, благородный, гостепріимный, самыхъ честныхъ правилъ. Рѣдко встрѣчая обманъ, Кунаверцы незнають недоувѣрчивости и подозрѣнія. Гражданственность еще не истребила въ нихъ природныхъ добродѣтелей. Гордые своей отчизною, они считаютъ себя выше другихъ горцевъ. Эта гордость предохраняеть ихъ отъ многихъ пороковъ. Они боятся уронить себя передь соотсѣдами, если не будутъ превосходить ихъ нравственнымъ характеромъ.»

Не имѣя изобилія въ хлѣбѣ, Кунаверцы главнымъ образомъ питаются мясомъ. Обыкновенный ихъ напитокъ—чай; они не гнушаются и спиртуозныхъ жидкостей, впрочемъ ведутъ самую трезвую жизнь. Ихъ платье составляютъ кастанъ, панталоны изъ бѣлой шерсти, колпакъ тогоже цвѣта и изъ той же матеріи, и шерстяные башмаки съ кажанными подметками. Иногда накидываютъ поверхъ всего плащъ изъ козей шерсти. Женщины шеголюють мѣдными запанками на груди, браслетами и оловянными, или серебряными булавками. Живутъ вообще въ довольствѣ. Главное ихъ богатство въ стадахъ. Кромѣ быковъ держатъ барановъ и козь, съ которыхъ снимають прекрасную шерсть. Они всѣ занимаются торговлею, и купеческіе обороты доставляють имъ возмож-

ность пользоваться предметами роскоши. Вотъ что говорить объ этомъ путешественникъ:

«Кунаверцы ведутъ самую пріятную жизнь, въ которой не замѣтите скучнаго однообразія, встрѣчаемаго у другихъ горныхъ жителей. Въ Ноябрь, они толпами стравляются въ Рампуръ, гдѣ продаютъ шерсть. Другіе отправляются въ равнины и закупаютъ товары для рынковъ Гару и Ле. Они бывають и на ярмаркѣ гардаваской (Hardwas). Въ лѣтніе мѣсяцы, часто встрѣчаются они въ Ле и Гару, и въ этихъ странахъ путешествуютъ съ большимъ удобствомъ, чѣмъ въ самомъ Кунаверѣ. Дороги тамъ превосходныя; всѣ товары перевозятся на мулахъ, лошадахъ, ослахъ, якахъ и баранахъ. Многіе путешествуютъ верхомъ на лошадахъ. Другіе любятъ охотиться, и во время путешествія, стрѣляютъ зайцевъ и оленей; мясо ихъ ѣдятъ, а кожу употребляютъ на башмаки. Оставшіеся дома ухаживають за виноградниками и стерегутъ стада, которыя пасутся четыре или пять мѣсяцовъ въ горахъ. Во все это время, пастухи живутъ въ маленькихъ домикахъ, называемыхъ *догри* или *шерпунгъ*, гдѣ занимаются приготовленіемъ масла.

«Многія *догри* расположены въ самыхъ романтическихъ мѣстахъ, на миленькихъ бугоркахъ, среди благовонныхъ, цветистыхъ рощицъ, и одѣты снаружи цвѣтущими вѣтками. Другія стоятъ въ глубинѣ пустынныхъ долинъ, и окружены высокими горами, которыя поднимають къ небесамъ вѣнецъ вѣчныхъ снѣговъ, или обнаженное гранитное чело, и грозятъ подавить мирныя стада. Мрачныя дубовые лѣса, подернутые мхомъ, и волнующіеся въ воздухъ на подобіе бахромы; яркая зелень сосны и лиственницы, окруженныхъ желтымъ поясомъ березъ и розовыхъ кедровъ, въ полномъ цвѣтѣ,—образуютъ видъ величественный и живописный. Въ лѣтнюю пору, климатъ этихъ очаровательныхъ мѣстъ дышетъ усладою. На зеленѣющихъ окраинахъ прозрачныхъ ручейковъ, брызжущихъ изъ растаявшаго снѣга, растетъ вкусная малина, смородина и земляника; послѣдняя далеко разиваетъ свой запахъ въ воздухѣ.

«Съ наступленіемъ холоднаго времени, стада возвращаються изъ горъ, и Кунаверцы, заключившись въ своихъ деревняхъ, вяжутъ одѣяла, копаки и башмаки. Почти все ихъ рукодѣлье ограничивается этими простыми предметами. Они заранѣе запасаются дровами и кормомъ для скота, преимущественно изъ древесныхъ листьевъ. Впрочемъ, въ продолженіе всего суроваго времени года, они ведутъ самую дѣятельную жизнь. Умѣя довольствоваться немногимъ, въ семейномъ кругу, гдѣ никогда не нарушается согласіе, они наслаждаются счастьемъ, которому не грѣхъ и позавидовать.»

Кунаверцы справляютъ свои годовые праздники съ весельемъ и радуніемъ, незнакомымъ въ большей части Индіи; заводятъ различныя, самыя поэтическія игры; наряжаются въ блестящія платья и обвиваються цвѣточными гирляндами; при этомъ гремитъ музыка на различныхъ инструментахъ, которыми они обязаны послѣдователямъ Ламы потому-что ламайское богослуженіе всегда сопровождается музыкою. Такъ живутъ Кунаверцы. Но въ верхнихъ полосахъ обитають Богіасы, Тачары или татарскаго происхожденія, исповѣдующіе ламайскую религію. Эта раса сильнѣе и многочисленнѣе Кунаверцовъ. Ростъ ихъ часто больше шести футъ; физіономія очень походить на Китайскую; пріемы свободные и нисколько не обнаруживаютъ близости собственной Индѣйцамъ. По словамъ путешественника, это самыя красивыя горныя жители, и во всѣхъ отношеніяхъ стоятъ выше обитателей равнинъ Индіи.

«Эти народы, говоритъ онъ, кроткаго нрава, далеки отъ суровости, замѣчаемой въ татарскомъ характерѣ. Нѣсколько разъ я испыталъ ихъ челоуѣколюбіе. Находясь въ Пицу, въ Спити, я два дня пролежалъ въ постелѣ отъ ревматической болѣзни. Они съ такою заботливостію ухаживали за мною, какъ будто и принадлежалъ ихъ семейству; между-тѣмъ, я былъ иностранецъ, и притомъ первый европеецъ, постигшій ихъ страну. Лишь только узнали объ моей болѣзни, тотчасъ принесли мнѣ *нербисси*, которое употребляется какъ главное лекарство во многихъ болѣзняхъ. Другіе принесли

сахару и пріныхъ кореньевъ, а третьи хлопотали за чаемъ. Каждый старался чѣмъ-нибудь выказать свое участіе; это даже было мнѣ тяжело, хотя все дѣлалось отъ души. Но они были такъ скромны, что оставались у моей постели, покуда мнѣ было угодно.»

«Въ это время, я вошелъ въ переговоры съ старшиною деревни, чтобы получить позволеніе воротиться назадъ черезъ ущелья Тари. Этотъ человекъ выказалъ такой твердый характеръ, что я не могъ не удивляться ему, хотя былъ очень недоволенъ его отказомъ. Онъ говорилъ, что указъ положительно запрещаетъ проходить черезъ ущелье, и онъ никогда не позволитъ себѣ нарушить его. Ничто не могло измѣнить его рѣшенія, даже и сто пятьдесятъ рупій, которые я послалъ къ нему, какъ умиловительное средство; онъ возвратилъ мнѣ ихъ съ словами: «У васъ будутъ козы, бараны и одѣяла, сколько вамъ угодно; но вы не пройдете этой дорогой. Мы займемъ тамъ постъ, чтобы загородить это ущелье. Правда, у васъ довольно людей, чтобы нарушить приказъ; но мы не станемъ сражаться съ вами, а надѣмся, что вы откажетесь отъ своего намѣренія.»

«Китайскіе - Татары, на этихъ далекихъ границахъ ихъ обширной имперіи, тоже не пропускаютъ иностранцевъ. Самыя обольстительныя обещанія денегъ не могли заставить ихъ нарушить приказъ начальниковъ. Въ прошломъ году, я приближался къ границамъ ихъ страны въ четырехъ различныхъ мѣстахъ, и не могъ сдѣлать шагу впередъ.»

Къ чести этихъ людей можно сказать, что воровство, ложь и обманъ совершенно неизвѣстны имъ. Быть - можетъ, они лучше всѣхъ на свѣтѣ знаютъ, что такое честность. Это народъ живой, веселый и не лишенъ образованности; ламы, которыхъ такъ много, учатъ ихъ читать и писать. Жилища ихъ лѣпятся иногда на высотѣ семнадцати тысячъ футовъ, надъ уровнемъ моря, и не смотря, что ихъ селенія прилегаютъ къ границамъ вѣчныхъ снѣговъ, они наслаждаются счастьемъ и удовольствіемъ. Слѣдующій анекдотъ можетъ дать намъ

понятіе о томъ, какъ они предохраняютъ себя отъ суровости климата.

«Проходъ лудакскій открытъ и среди зимы; его никогда не заноситъ снѣгомъ. Мнѣ рассказали такіе ужасы объ морозахъ, царствующихъ на этомъ пути, что во мнѣ родилось любопытство посмотреть, какъ одѣваются люди, чтобы не окостенѣть отъ стужи. Рамъ удовлетворилъ моему желанію; на слѣдующій день, онъ явился ко мнѣ въ зимнемъ платьѣ, которое показалось мнѣ такимъ тяжелымъ, такимъ неловкимъ, что я не могъ представить, какъ можно ходить въ этомъ нарядѣ. Весь костюмъ составляли *лакпа*, платье изъ бараньей кожи, съ длинными рукавами, мехомъ вывороченное внутрь, а снаружи покрытое *суклатомъ*, нѣкотораго рода толстымъ одѣяломъ, сняго цвѣта; такіе же панталоны; длинные шерстяные чулки, а сверхъ того обыкновенные сапоги, которыхъ подошвы были подложены шерстью на два дюйма. На рукахъ были перчатки, изъ толстой фланели, которыя доходили до самыхъ локтей. Одно одѣяло обвивалось кругомъ тали, и другое набрасывалось на плеча. Наконецъ огромная шаль закрывала колпакъ и часть лица. Въ такой сбруѣ едва можно замѣтить человѣческую форму; это скорѣе гряда платья, чѣмъ одѣтый человекъ. Такъ однако наряжаются путешественники, отправляясь въ зимнюю дорогу. Кромѣ того, всегда берутъ съ собою мула, навьюченнаго одѣялами, лакпами и вѣтми вещами, необходимыми для ночлега, когда надо ложиться на снѣгу.»

пятствовали Лудовику прочіе основаться здѣсь и противостать вліянію Турокъ? Болѣе чѣмъ въ продолженіе двухъ столѣтій, французскій языкъ господствовалъ въ Морей; французскія фамиліи владѣли здѣсь помѣстьями; въ битвахъ гремѣю французское имя, и многія имена заслужили честь быть вписанными въ народныхъ лѣтописяхъ. Желая спасти отъ забвенія эти факты, я перерылъ французскіе и иностранные архивы, и наконецъ, при помощи друзей, рѣшился, въ самой Греціи, изслѣдовать все, что осталось отъ нашего древняго владычества: развалины церквей, монастырей и замковъ, преданія и рассказы народа. Собраніе болѣе двухъ-сотъ не изданныхъ документовъ, которые, надѣюсь, займутъ не последнее мѣсто между историческими документами Франціи, рассказъ о моемъ путешествіи, и исторія французскаго княжества въ Морей, въ теченіе тринадцатаго, четырнадцатаго и пятнадцатаго вѣковъ,—вотъ плоды моего путешествія. Я извлекаю изъ моей исторіи слѣдующій отрывокъ, который познать со всемъ сочиненіемъ и приготовить, быть-можетъ, ему лучшей пріемъ.

Основаніе французскаго княжества въ Морей, послѣ четвертаго крестоваго похода.

Всѣ главные вожди четвертаго крестоваго похода, всѣ заслужившіе высокую славу или получившіе богатый выигрышъ въ лотереи обширной Византійской Имперіи, или умерли или исчезли со сцены дѣйствія. Матвей Монморанси и Гюгъ де Сень-Поль (Hugues de Saint-Pol) первые погибли отъ болѣзни, въ Константинополѣ. Бодуанъ Фландрскій (Baudoin de Flandres), императоръ константинопольскій, сдѣлался плѣнникомъ короля болгарскаго. Лудовикъ де Блуа, герцогъ Виенни, Стефанъ герцогъ Филадельфій, великій конетабль Тьерри де Тенремондъ, и цѣль Французской кавалеріи, всѣ погибли въ этой же самой экспедиціи, несчастной и для императора и для имперіи. Старый дожъ, Генрихъ Данейло, деспотъ Романіи, умеръ спокойно на своихъ трофеяхъ

ОСНОВАНІЕ

**ФРАНЦУЗСКАГО ФЕОДАЛНАГО КНЯЖЕСТВА
ВЪ ГРЕЦІИ, ПОСЛѢ ЧЕТВЕРТАГО КРЕСТОВА-
ГО ПОХОДА.**

Кто знаетъ изъ вашихъ читателей, я разумно самыхъ ученыхъ, говорить господинъ Бюшонъ, въ письмѣ къ редактору Journal des Débats: кто знаетъ, что Французы, въ 1205 году, основали прекрасное и могущественное Феодалное княжество, въ Морей, въ Континентальной Греціи; на Цикладскихъ и Юническихъ островахъ, княжество не эфемерное, но прочное, предѣлы котораго были гораздо обширнѣе предѣловъ нынѣшняго греческаго королевства? Кто знаетъ, что французскіе князья изъ фамиліи Вильгардуанъ (Villehardoin) занимали здѣсь наследственный престолъ болѣе столѣтія, и чеканили на монету свое имя? Кому извѣстно, что черезъ фамильныя ихъ связи съ Карломъ Анжуйскимъ, братомъ святаго Лудовика, и Анжевинами Неаполитанскими, морейское княжество преемственно переходило въ руки Катерины де Валуа, Маріи Бурбонской и наконецъ Лудовика Бурбонскаго? и что только англійскія войны пятнадцатаго столѣтія попре-

и съ грустною пышностію былъ погребенъ въ знаменитомъ Сойскомъ храмѣ. Бонифацій де Монжерратъ, король салоникскій, погибъ въ атакѣ противу Булгаровъ, близъ Мессинополя, помѣстья его друга Жофруа де Вильгардуана, нашего древянаго летописца. Иаковъ Авенскій (d'Avesnes), завоеватель Эвбеи, возвратился въ Фландрію, и Вильгельмъ де Шанъ-Литтъ (Champ-Litte), покоритель Морей, оставилъ свое завоеваніе молодому другу, Жофруа де Вильгардуану, племяннику летописца, чтобы въ мирной безвѣстности провести остатокъ дней, въ своихъ бургундскихъ фамильныхъ помѣстьяхъ. Маршалъ Романіи и Шампани, Жофруа де Вильгардуанъ, сенешаль Тьерри де Лосъ, (de Los), Кононъ де Бетюнь, Манассе де Лилль, Макеръ де Сентъ-Менгульдъ (Sainte-Menehould), Миль де Брабанъ (Miles de Brabant), поддерживали еще имперію, и въ главѣ ихъ Генрихъ, братъ императора Бодуана, отличался сколько доверчивостію, столько же и мудростію. При видѣ глубокихъ ранъ нашей арміи, враги мало-по-малу стали поднимать свои голы. Въ Европѣ, Юашь Азанъ укрѣпился въ своемъ булгарскомъ королевствѣ, и обложилъ даже Ренне Утрехтскаго въ его филиппопольскомъ княжествѣ, во Фракіи; между-тѣмъ Михаилъ Комнинъ объявилъ себя независимымъ владѣтелемъ Эпира. Въ Азіи, гдѣ владѣніе Франковъ было очень незначительно, Греки взяли верхъ надъ латинянами; Давидъ Комнинъ завладѣлъ Пафлагонією, братъ его Алексѣй Комнинъ удержалъ верховную власть за своей фамиліей въ Трбизондѣ, а Теодоръ Ласкарисъ, основатель новой никейской имперіи, собралъ около себя всѣхъ недовольныхъ Грековъ и сдѣлался страшнымъ для крестоносцевъ, когда ввелъ въ свое государство ихъ военную систему и феодалныя права. Въ тоже время, между самими завоевателями возникла вражда, которая ослабляла ихъ могущество со дня на день. Еще въ началѣ завоеванія, самолюбивыя подозрѣнія зажгли войну между императоромъ Бодуаномъ и его вассаломъ Бонифаціемъ, королемъ салоникскимъ. Благодаря дружескому посредничеству стараго дожа Генриха Давидо и умнаго маршала Жофруа-

де Вильгардуана, эти ссоры скоро были прекращены, и хартией, одобренной всеми баронами, опредѣлены были права и обязанности каждаго. Но со смертію Бонифація, оставившаго послѣ себя наследникомъ малолѣтнаго сына, снова возстали честолюбцы, при дворѣ вдовы короля салоникскаго; соперничество между Ломбардцами и Нѣмцами, занимавшими часть салоникскаго королевства отъ сѣверныхъ границъ Македоніи почти до Термопилъ, и Французскими рыцарями, владѣвшими остальною частію имперіи, становилось болѣе и болѣе беспокойнымъ. Въ такихъ-то трудныхъ обстоятельствахъ, два папскихъ легата и рыцари болѣе опытные,—между которыми на первомъ мѣстѣ надо поставить маршала Жофруа де Вильгардуана,—предложили Императору Генриху созвать всѣхъ начальниковъ арміи въ торжественное собраніе. Свиданіе назначено было въ первыхъ дняхъ весны, 1240 года, на равенскихъ лугахъ, между Аксіусомъ и Стримономъ, на востокъ отъ Салоники.

Въ условленный день, прекрасная долина покрылась павильонами всѣхъ крестовыхъ рыцарей; палатка императора Генриха раздѣляла этотъ станъ на двѣ половины. Палатки прелатовъ были раскинуты возлѣ императорской, за ними стояли палатки высшихъ лицъ имперіи; прочіе группировались около своихъ конетаблей и знаменосцевъ. Штандарты и знамена, развѣвавшіеся въ воздухѣ, указывали мѣсто собранія. Чтобы пресѣчь всякій поводъ къ ссорѣ между такимъ множествомъ вооруженныхъ людей, различнаго происхожденія и воодушевленныхъ противоположными интересами, самые уважаемые изъ всей арміи рыцари, Кононъ Бетюнь, Ансо де Кагіе, Жофруа де Вильгардуанъ, неперестанно развѣзжали по долину, съ конвоемъ рыцарей. Жофруа оставилъ Константинополь, который ему былъ порученъ въ отсутствіе императора,—взявъ напередъ всѣ нужныя мѣры, чтобы предохранить этотъ городъ отъ всѣхъ непріятныхъ случаевъ. Съ нимъ прибылъ Томасъ Моризипи, латинскій константинопольскій патріархъ. Два легата явились въ собраніе, и около нихъ

тѣснились архіепископы ларисской, гераклійскій, неопатраскій и аѳинскій, и множество епископовъ.

Императоръ Генрихъ, чтобы привести Ломбардовъ въ должное повиновеніе, проѣхалъ всю Фессалію, верхомъ на своемъ военномъ конѣ, въ шлемъ съ опущеннымъ забраломъ, со щитомъ въ рукѣ, какой обыкновенно носили фландрскіе графы, его предки; изъ Армироса онъ возвратился въ Фарсалію и Лариссу, перетѣхалъ Пеней и долину темпейскую, и наконецъ торжественно явился на равенской долинѣ, верхомъ на своей прекрасной лошади, въ полномъ вооруженіи, въ сопровожденіи оруженосцевъ, — изъ которыхъ одинъ несъ его шлемъ, другой щитъ, третій фландрское знамя, — съ почетною свитою офицеровъ имперіи, при звукахъ военной музыки и непрерывныхъ крикахъ *Poluxronia*, многоглаголюща.

Всѣ вассалы, духовные и свѣтскіе, должны были соединиться въ этомъ собраніи, и единодушно утвердить союзъ между завоевателями, и установить права Римской-Церкви, — во имя которой совершалось завоеваніе, — обязанности императора, оспариваемыя Ломбардами, взаимныя ихъ отношенія, и наконецъ правила, какъ обходиться съ побежденными народами. Владѣтельные вассалы, въ Азіи: Пьерръ де Брасіе (Brasienx), владѣтель Пиги (Pigas), первый герой константинопольскаго штурма; Тьерри де Лосъ, владѣтель Никомидіи; Макеръ де Сентъ-Менхульдъ, владѣтель Харакса; Гильомъ де Сентъ, владѣтель Сизики; владѣтели въ европейской части имперіи: Пѣйанъ Орлеанскій, владѣтель Атиры; Ансо де Курселль (Courcelles), Бодуанъ де Бовуаръ, Николай де Мамми, и, въ главѣ всѣхъ, Маршалъ Жоффра де Виллгардуанъ; вассалы и высшія лица королевства Салоника, Ломбарды и Нѣмцы, Гюберъ де Біандратъ (Hubert de Biandrate); Эме Бюффау, Коннетабль, Ренье де Трава, дядя молодого короля; Гильомъ д'Онуа (Aunois), маршалъ; Гильомъ де Сарць, владѣтель Армироса; Николай де Сентъ-Омеръ, Бертольдъ Каценеленбогенъ, Роландъ Пиза, владѣтель Платамоны, Ульрихъ де Торнъ, владѣтель Китроса, Альбертенъ де

Каноза, владѣтель Фессалійскихъ Оивъ, — всѣ съѣхались изъ различныхъ частей имперіи. На другой день, они представились императору, подъ знаменемъ своего юного вождя Жоффрау де Виллгардуана, племянника маршала. Возлѣ него ѣхали вассалы Ахаіи, Отгонъ де Ла-Рошъ, владѣтель аѳинскій и оивскій, Готье де Роншеръ (Roncheres), владѣтель Аквы въ Аркадіи, Гильомъ, маркизъ Бодоницы, несколько владѣтелей острововъ, и владѣтель Эвбеи, Раванъ Далле-Карчере. Свита изъ шестидесяти ловкихъ, хорошо вооруженныхъ рыцарей придавала имъ грозный видъ. Императоръ чувствовалъ особенное удовольствіе, потому-что, при такихъ обстоятельствахъ, Ломбарды должны были покориться необходимости принять хартію, утвержденную Бонифаціемъ и Бодуаномъ.

Молодой Жоффрау проѣхалъ, съ своею блестящею свитою, весь равенскій дугъ и сошелъ съ лошади уже у самой императорской палатки. Явившись предъ лицомъ императора, онъ преклонилъ колѣно, объявилъ предъ всѣми, что съ этихъ поръ будетъ служить императору, и клялся оберегать его самого, его супругу, дѣтей, имѣніе и замки. Императоръ, въ свою очередь, отвѣчалъ ему: «Клянусь Богомъ и моею верою, я принимаю ваши услуги, и буду охранять и поддерживать ваши права;» въ знакъ вѣрности, поцѣловалъ его въ уста, потомъ далъ ему жалованную грамоту на морейскія помѣстья, и въ знакъ высокаго къ нему уваженія, пожаловалъ достоинство сенешала Романіи. Жоффрау снова поклялся, выполнять всѣ феодалныя обязательства, не поднимать руки ни на его особу, ни на особу его супруги, дочери, сестры, покада она еще не подѣлается покровительствомъ мужа и находится въ императорскомъ домѣ, не позволять покушаться на ихъ безопасность или честь; при случаѣ, подавать совѣты своему государю, и никому не совѣтовать противу него; если потребуетъ необходимость, поручаться за него всею цѣною своихъ помѣстьевъ; никогда не поднимать оружія противъ него; быть, въ случаѣ нужды, заложникомъ за него; не смотря на собственную опасность, избавлять его отъ всякой опа-

ности; наконецъ, дѣлать все, что добрый вассалъ долженъ дѣлать для добраго владѣтеля. Съ своей стороны императоръ снова поклялся ему исполнять всѣ феодальныя обязательства, поддерживать его права, выкупать его изъ тюрьмы, если онъ будетъ заложникомъ, возвращать ему все, что онъ потеряетъ, для пользы императора; не налагать руки на него, не посягать на его собственность, развѣ только послѣ законнаго суда; въ случаѣ необходимости не оставлять его советомъ и ходатайствомъ; словомъ, дѣлать все, что долженъ дѣлать добрый владѣтель для добраго вассала. Послѣ всѣхъ этихъ церемоній, Жофруа раскинулъ свою палатку возлѣ палатки своего дяди, маршала, и поставилъ знамя, Вилльгардуановъ и Шампань.

Такимъ образомъ всѣ расположились подъ отечественными и фамильными знаменами. Выше всѣхъ развѣвалось императорское фландрское знамя. Возлѣ рыцарей Шампань расположились рыцари бургундскіе, постоянно жившіе между собою въ добромъ согласіи. Рыцари шартрскіе (Chartrain), блезуйскіе (du Blaisois), беррійскіе (du Berry), и туренскіе (de la Touraine) составили одинъ корпусъ; рыцари артуэскіе (d'Artois) и пикардійскіе соединились съ рыцарями Фландрскими и рейнскими. Рыцари Прованса и южныхъ провинцій прислали отъ себя нѣсколько представителей изъ Иерусалимскаго и Тевтонскаго Ордена, группировались близъ императорскаго павильона, около палатки Патріарха. Всѣ знамена были вышиты золотомъ и шелками; оруженосцы были одѣты въ богатѣйшія платья; молодыя дѣвушки старались выказывать, какъ можно болѣе, блеска въ своихъ уборахъ, чтобы возвысить пышность своего властелина; лошади были убраны роскошными попонами и блестящимъ оружіемъ; сами рыцари, въ своихъ дорогихъ, прекрасныхъ платьяхъ, гордо расхаживали съ свитою цитосцевъ; по взятіи Константинополя, роскошью совсѣмъ изгнала прежнюю бѣдность крестоносцевъ. Шелковыя мануфактуры Греціи доставляли богатѣйшія матеріи, ко-

торія развизились по всѣмъ частямъ свѣта. Искусства, не смотря на упадокъ, распространяли здѣсь свои произведенія. Крестоносцы наряжались пышно, усвоивъ себѣ вкусъ побѣжденныхъ.

Когда собрались всѣ рыцари, императоръ, въ знакъ примиренія, возвратилъ Эме Бюффу конетабльское помѣстье, въ королевствѣ салоникскомъ, и послалъ военныхъ герольдовъ объявить торжественное открытіе засѣданія. При звукахъ военной музыки, герольды проѣхали всю равненскую долину; передъ каждой палаткой ихъ встрѣчали со всею торжественностію. Патріархъ Томасъ Морозини, съ кардиналами, съ безчисленнымъ множествомъ архіепископовъ и епископовъ, отслужилъ торжественную литургію, благословилъ крестовыхъ рыцарей, уважившихъ къ его ногамъ, призывалъ на нихъ духа крѣпости и единенія, и умолялъ ихъ, для величія римской церкви и для собственныхъ выгодъ, также крѣпко соединиться между собою, какъ, въ эту минуту, они соединились сердцемъ въ Бога. Наконецъ, открылось засѣданіе.

Прежде всего были рассмотрѣны дѣла церкви, подъ председательствомъ двухъ кардиналовъ, облеченныхъ полною властію отъ папскаго престола; въ религиозныхъ спорахъ участвовали и рыцари. Потомъ стали говорить и о феодальномъ устройствѣ страны; епископы различныхъ провинцій, въ качествѣ бароновъ, также принимали участіе въ этомъ дѣлѣ. Споры о дѣлахъ церковныхъ сохранились до нашего времени въ латинскомъ актѣ, извѣстномъ подъ именемъ Договора Равеннскаго, одобреннаго, въ Сентябрь 1210 года, папою Иннокентіемъ третьимъ и императоромъ Генрихомъ, и засвидѣтельствованнаго множествомъ епископовъ и сеньоровъ, которые присутствовали при заключеніи этого договора.

«Всѣ обязались: чтобы всѣ храмы, монастыри, владѣнія, доходы, движимое и недвижимое имѣніе и всѣ права церкви Божіей, со всѣми лицами, принадлежащими церкви, служителями и рабами, мужчинами и женщинами, и со всѣмъ ихъ имѣніемъ, были охраняемы ихъ преемниками, рыцарями, васалами, вѣрными стражами и служителями; и чтобы на-

вѣчно оставались свободными отъ всякихъ притѣсненій, податей, оброковъ, рабства, исключая поземельной подати, называемой акростихомъ, отъ которой не освобождаются ни Латинянинъ, ни Грекъ, ни знатной, ни бѣднякъ. Кромѣ этого, ничто больше не принадлежитъ баронамъ, и бароны ничего больше не могутъ требовать отъ помянутыхъ церквей, ни сами они, ни ихъ преемники, ни вассалы, ни сторожа и служители, и ничего не должны отнимать насильно; если даже кто-нибудь изъ клириковъ и прелатовъ вздумаетъ причинить какой-нибудь убытокъ помянутымъ церквамъ и монастырямъ, они обязаны воспрепятствовать этому. Если, не смотря на обязательство духовенства въ отношеніи къ владѣльцамъ земель, какіе-нибудь латинскіе или греческіе клирики или монахи, захотятъ удерживать земли бароновъ или откажутся платить поземельную подать; то бароны, опредѣлившіе срокъ для уплаты, могутъ брать изъ имѣнія неплательщиковъ столько, сколько причтется за ними долгу, но никакъ не больше; впрочемъ, ихъ самихъ, наследственное ихъ имѣніе и имущество церковное, которое будетъ превышать сумму законнаго долга, оставлять на-вѣчно неприкосновенными и свободными. И въ томъ случаѣ, если имѣніе будетъ недостаточно для покрытия всего долга, они не могутъ брать и удерживать ни наследниковъ ни сыновей клириковъ, ни ихъ женъ. Сыновья греческихъ простолодиновъ и духовныхъ могутъ, правда, по древнему обыкновению, оставаться въ услугахъ у бароновъ, по-крайней-мѣрѣ до тѣхъ-поръ, пока они еще не поставлены въ священники; но послѣ посвященія, они должны пользоваться тою же привилегіею, какою пользуются другіе клирики, находящіеся подъ властію папы. Если какой-нибудь попъ или греческой монахъ удержитъ и станетъ обрабатывать земли, принадлежащія не церквамъ, или монастырямъ, но баронамъ; то поступать съ нимъ также, какъ поступали въ такомъ случаѣ и съ простолодинами. Въ случаѣ, если какой баронъ сдѣлается виновнымъ въ нарушеніи помянутыхъ условій, сначала ему дѣлать выговоръ, а потомъ уже отлучать и отъ церкви, и

это отлученіе будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока онъ не исполнитъ не загладитъ своихъ проступковъ.»

Послѣ церковныхъ дѣлъ, парламентъ равенскій занялся феодальными уставами. Право чеканить монету предоставлено императору, который дозволилъ еще имѣть это право Жофруа Вильгардуану, когда послѣдній сдѣлался принцомъ Мореи. Знатные бароны, то-есть, тѣ, которые имѣли въ своихъ границахъ епископію, имѣли право частной войны между собою, право суда и право строить крепости въ своихъ владѣніяхъ. Всякой ленникъ, духовный или свѣтскій, служилъ въ гарнизонахъ, въ военныхъ экспедиціяхъ и въ судахъ. Духовные призывались на службу въ армію только во время похода за ихъ помѣстья, и участвовали въ разсмотрѣніи гражданскихъ дѣлъ; но они не принимали участія въ ршеніи уголовныхъ преступленій и не служили въ гарнизонѣ. Впрочемъ, въ это время, не составили никакого кодекса, но подражая Бодуну, распорядившемуся въ Іерусалимѣ, въ общихъ дѣлахъ сообразовались съ выгодами владѣнія, а частные случаи ршались или приговорами суда, или предварительнымъ рескриптомъ князя. Что касается до дѣлъ іерусалимскихъ, то, по словамъ издателя *des Assises*: «Всѣ засѣданія Суда, всеобычай и обыкновенія хранились въ гробѣ Господнемъ и назывались *Lettres dou Sepulcre*, писаніями гробовыми. . . . Каждое было написано особо на большомъ французскомъ пергаментѣ; къ каждой хартіи приложена была печать и подписи короля и іерусалимскаго патріарха; каждая хартія украшена большими буквами; и первая начальная буква была вызолочена и раскрашена алыми рубриками. . . . все это погубило, когда Саладинъ взялъ Іерусалимъ.»

Такой же способъ былъ принятъ Французами греческой имперіи,—только съ большею опытностію и умѣньемъ. Засѣданія кончились; каждый рыцарь спѣшилъ въ свое владѣніе. Императоръ Генрихъ направилъ свой путь, черезъ долину темпейскую, къ Термопимахъ. Здѣсь, онъ отпустилъ владѣтеля Эвбеи. Владѣтель, свѣвъ на судно, въ нынѣшнемъ сидерпортскомъ рейдѣ, возвратился въ свой укрѣпленный замокъ,

Ореосъ, котораго живописныя развалины и нынче еще господствуютъ надъ каналомъ Трикери.

Императоръ продолжалъ свой путь къ Беотии; онъ проѣхалъ доридскую долину, и, черезъ Копайское озеро, прибылъ въ Фивы. Передъ въездомъ въ городъ, Генрихъ сошелъ съ лошади, и въ сопровожденіи архіепископа и духовенства, отправился во храмъ Богородицы и принесъ тамъ благодарственныя молитвы Богу. Фивская крѣпость, въ которой укрывались Ломбарды, скоро сдалась; Оттонъ Ла-Рошъ, еивскій владѣтель, спѣшилъ соединиться съ императоромъ, и воздалъ благодареніе Богу, среди народныхъ криковъ *Πολυχροῖα*, въ кругу священниковъ и архонтовъ. Изъ Фивъ императоръ отправился въ Халсисъ, гдѣ ожидали его тѣ же праздники; потомъ въ Салонику для переговоровъ съ Михаиломъ Комниномъ, который соглашался отдать Коринѣ въ руки Французовъ, если оставить ему Эпиръ, находящійся во власти его брата.

Такой расчетъ былъ чрезвычайно необходимъ для Михаила Комнина, потому-что Жофруа Вильгардуанъ, оставивъ императора въ Фивахъ, скоро отправился, черезъ Цитеронъ и гору Кариди, въ цѣпи Мегарскихъ горъ, и осадилъ Акрокоринѣю. Занявъ морейское княжество, въ слѣдствіе мира съ Михаиломъ Комниномъ, Жофруа немедленно занялся администраціею этого княжества, съ такою дѣятельностію и съ такимъ стараніемъ, какъ будто оно было уже его, или какъ будто онъ предвидѣлъ, что скоро оно достанется ему.

Въ исторіи морейскаго княжества, авторъ рассказываетъ, по оригинальнымъ памятникамъ, болѣею частию не изданнымъ, о завоеваніи Морей, ея раздѣленіи, поселеніи различныхъ французскихъ фамилій, объ ихъ подвигахъ, соперничествѣ, коротко, онъ раскрываетъ исторію французскаго княжества, отъ его основанія до той минуты, какъ Турки, завоевавшіе Грецію, вытѣснили Французовъ изъ ихъ владѣній.

РАЗЛИЧНЫЕ РОДЫ ТУМАНОВЪ.

Статья Пельтье.

Послѣ розысканій Де-Люка, Дэви и Гервея, явленіе тумановъ объясняли просто однимъ охлажденіемъ паровъ. Въ самомъ дѣлѣ, для происхожденія тумана довольно того, если температура воздуха упадетъ на два или на три градуса ниже температуры воды или влажной почвы; и чѣмъ больше будетъ разница между этими двумя температурами, тѣмъ болѣе сгущается туманъ. Такимъ образомъ, туманы, производимые однимъ охлажденіемъ воздуха, можно было бы отнести къ разряду самыхъ простыхъ и однообразныхъ явленій, еслибы образованіе ихъ зависло единственно отъ этой причины. Но не такъ бываетъ въ природѣ.

Первая причина тумановъ — это образованіе паровъ на поверхности какого-нибудь тѣла, насыщеннаго смолянымъ электричествомъ; слѣдовательно, пары съ смолянымъ электричествомъ, или, выражаясь короче, пары *смоляные*. Другая причина скрывается въ противодѣйствіи тѣхъ смоляныхъ паровъ, которые, обширнымъ токомъ, постоянно стремятся отъ тропиковъ къ полюсамъ, въ верхнихъ слояхъ атмо-

сферы. Смотря по преимущественному влиянію той или другой причины, пары испытываютъ различныя видоизмѣненія и производятъ разные роды тумановъ.

Извѣстно, что земной шаръ имѣетъ влияніе на образованіе паровъ, поднимающихся на его поверхности, и на размѣщеніе ихъ электричества; но чтобы сообщить нашему предмету всю простоту, надобно оставить въ сторонѣ влияніе верхняго течения, которое противодѣйствуетъ земному, когда проходитъ въ областяхъ затропическихъ, и сообщаетъ новыя свойства первоначальному феномену, уже видоизмѣненному послѣднимъ влияніемъ.

Пониженіе температуры, сгущая пары, усиливаетъ въ нихъ электропроводную способность и сообщаетъ имъ большую возможность переменять мѣсто положительнаго и отрицательнаго, или стекляннаго и смолянаго электричества. Это влияніе земнаго шара, какъ тѣла напитаваемаго сильнымъ смолянымъ электричествомъ, не было признано до сихъ поръ; но наши опыты и наблюденія не позволяютъ сомнѣваться въ немъ. По этому, пары, напитаемыя разнороднымъ электричествомъ, подчинены не однимъ законамъ охлажденія и сгущенія, но еще дѣйствію земли и тропическаго течения, которыя, въ слѣдствіе смолянаго своего электричества, притягиваютъ пары съ электричествомъ стеклянныя и отталкиваютъ съ смолянымъ.

Отъ этого различнаго влиянія происходитъ три рода тумановъ, которые подраздѣляются на пять отдѣльныхъ видовъ: къ первому виду относятся туманы простые; ко второму и третьему — туманы съ смолянымъ электричествомъ, или смоляныя; къ четвертому и пятому — туманы съ электричествомъ стеклянныя, или стекляныя.

Туманы простые.

Простые туманы происходятъ отъ сгущенія упругихъ паровъ, которое слѣдуетъ за охлажденіемъ воздуха, когда его температура упадетъ на нѣсколько градусовъ ниже темпе-

ратуры земли; эти туманы всегда бываютъ влажны и покрываютъ влажностію холодныя тѣла, съ которыми приходятъ въ соприкосновеніе. Они являются въ концѣ яснаго дня, медленно поднимаются въ атмосферу, стремятся довольно низко, непрозрачною массой бѣловатаго цвѣта, съ ровною и спокойною поверхностію; они уменьшаютъ свѣтъ, впрочемъ не оцѣчивая его.

Простые туманы остаются въ своей первоначальной простотѣ до тѣхъ поръ, пока упругіе смоляныя пары верхнихъ слоевъ дѣйствуютъ съ напряженіемъ, равнымъ напряженію земли, и такимъ образомъ нейтрализуютъ дѣйствіе послѣдней. Но такое равенство противоположныхъ влияній случается очень рѣдко, потому и туманы этого класса не слишкомъ обыкновенны.

Давно уже замѣтили, что одною указанною причиною нельзя объяснить всѣхъ тумановъ, а особенно тѣхъ, которые продолжаются нѣсколько дней, во время постоянныхъ холодовъ. На примѣръ, Лондонъ и его окрестности были покрыты туманомъ съ двадцать-седьмаго Декабря 1813 года по второе или третіе число Января 1814 года, при температурѣ, стоявшей между $+4$ и -6 градусами, по Цельсievу термометру. Этотъ туманъ, поднимавшійся въ вышину на нѣсколько метровъ, продолжался восемь дней и разложился довольно толстый слой снѣга. Его образованіе и продолжительность, какъ замѣчаетъ Юнгъ, нельзя объяснить разностію температуръ, потому-что температура была въ одинаковомъ состояніи. И действительно, такіе туманы объясняются только влияніемъ новой силы, которая заставляетъ понижаться пары верхнихъ слоевъ постоянно, кака бы ни была температура воздуха и земли.

Туманы электрическіе.

Въ 1761 году, Ронейнъ замѣтилъ, что нѣкоторые туманы были до того напитаемы электричествомъ, что испускали искры. Генлей, продолжая опыты Ронейна, указалъ много при-

мѣровъ сильной напряженности электричества, какое можетъ скрываться въ туманахъ. Послѣ того, электричество тумановъ было признано всѣми; это фактъ, усвоенный наукою. Удивительно только, почему, въ послѣдствіи, не умѣли опредѣлить важныхъ переменъ, какія должны происходить въ туманахъ отъ присутствія электричества, даже независимо отъ земнаго вліянія. Туманы, проникнутые электричествомъ, по необходимости, раздѣляются на два класса: одни бываютъ насыщены электричествомъ смолянымъ, другіе—стекляннымъ. Мы увидимъ, что каждый классъ подраздѣляется на два отдѣльные вида.

Туманы смоляные.

Такъ-какъ земной шаръ насыщенъ смолянымъ электричествомъ, то и пары, выходящія изъ него, естественно содержатъ въ себѣ тоже самое электричество. Теперь, кажется, слѣдовало бы ожидать, что туманы этого разряда будутъ каждодневнымъ явленіемъ, потому-что охлажденіе упругихъ смоляныхъ паровъ должно производить и смоляные туманы. Между-тѣмъ, эти туманы не слишкомъ обыкновенны можно сказать, даже рѣдки, въ сравненіи съ туманами стекляннаго электричества. Причина такого измѣненія электричества въ туманахъ объясняется известнымъ закономъ, по которому два одинаковыя или противоположныя электричества дѣйствуютъ другъ на друга. И въ самомъ дѣлѣ, электричество, находясь въ влажномъ воздухѣ, могло бы сохранять свое первоначальное размѣщеніе только до тѣхъ поръ, пока частицы паровъ были бы раздѣлены, какимъ-нибудь изоматоромъ, который бы останавливалъ всякое новое перемѣщеніе электричества. Но влажный воздухъ всегдѣмъ не такого свойства; первоначальное равенство сохраняется въ немъ не долго. Охлажденіе паровъ усиливаетъ въ немъ электропроводную способность, и земля съ болѣею силою начинаетъ отталкивать смоляное электричество къ верхнимъ слоямъ, а слой, ближайшій къ землѣ, принимаетъ электричество стеклянное, — что можно замѣчать

каждый день, наблюдая перемѣны электрометра. Новое размѣщеніе электричества сообщается тѣмъ легче, что пары верхнихъ слоевъ атмосферы образуются прежде и не успеваютъ приобрести такой напряженности смолянаго электричества, чтобы противодействовать электричеству земли. Такимъ-образомъ, земной шаръ, отталкивая отъ себя смоляное электричество, не позволяетъ первоначальнымъ простымъ туманамъ, — то-есть, образующимся чрезъ одно простое охлажденіе, въ вечернее время, — оставаться смоляными. Для того, чтобы простой туманъ могъ держаться въ соприкосновеніи съ землею поверхностію, необходима кака-нибудь новая сила, которая бы дала ему перевѣсъ надъ отталкивательною силою земли, или ослабила эту силу собственнымъ противодействіемъ. Первое зависитъ отъ удѣльной тяжести, какую получаютъ иногда облака, а послѣднее—отъ отталкивательной силы верхнихъ слоевъ, сильно напитанныхъ смолянымъ электричествомъ. Смоляные туманы, производимые этими двумя причинами, отличаются другъ отъ друга особенными свойствами; почему и можно раздѣлить ихъ на два разные рода.

Смоляные туманы перваго рода.

Смоляные туманы, происходящія отъ увеличившейся тяжести паровъ, представляютъ не иное что какъ смоляныя облака, которыя, отъ своей тяжести, упадаютъ на земную поверхность, а не туманы, въ собственномъ смыслѣ. Это явленіе всегда совершается стремительно, какъ буря, и продолжается не долго; потому-что отталкивательная сила земли противодействуетъ постепенному пониженію паровъ, и они, по необходимости, могутъ опускаться только массою, въ слѣдствіе своей тяжести, и со всею электрическою силою. Спустившись на землю и встрѣчая болѣе отталкивательную силу, тѣмъ притягательную, эти облака чуть касаются земныхъ тѣлъ и не покрываютъ ихъ влагою, или разлагаютъ влагу только крайнихъ своихъ частицъ. Нейтрализація такихъ облаковъ обнаруживается въ разряженіи окру-

жающей их электрической атмосферы, какъ - то въ стремительномъ движеніи воздуха и въ нечаянныхъ ураганахъ. После разряженія, отталкивательная сила ихъ ослабываетъ, частички сгущаются и упадаютъ проливнымъ дождемъ. Эти огромныя сѣрыя облака, очень похожія на туманъ, всего чаще упадаютъ на землю осенью и зимою, и производятъ атмосферическія потрясенія, которыя служатъ средствомъ къ ихъ неутрализации. Въ полюсныхъ странахъ, онѣ представляютъ самое обыкновенное явленіе и производятъ мѣстныя бури, впрочемъ ограниченныя небольшими пространствами. Скорости приводятъ любопытный примѣръ, изъ рассказовъ своего отца, что суда, видимыя на одномъ горизонтѣ, испытывали различныя атмосферныя дѣйствія: одни подвергались сильнымъ ураганамъ; другія шли на вѣсахъ парусахъ и чувствовали только сильное волненіе моря; а нѣкоторыя оставались въ совершенномъ безвѣтріи.

Смоляные туманы втораго рода.

Смоляные туманы втораго рода являются слишкомъ рѣдко, особенно съ примѣтнымъ для насъ напряженіемъ. Они часто бываютъ неощутительны для нашихъ органовъ, и только электрическіе снаряды обнаруживаютъ ихъ присутствіе.

Извѣстно, что въ атмосферѣ существуетъ верхнее теченіе, которое имѣетъ направленіе отъ экватора къ полюсамъ. Оно далеко заноситъ тропическія пары. Эти пары, по мѣрѣ своего сгущенія, приближаются къ землѣ и испытываютъ вліяніе смолянаго электричества земнаго шара. Ихъ электричество размѣщается, смотря по энергіи земнаго вліянія; именно въ самыхъ верхнихъ слояхъ собирается смоляное, а въ нижнихъ стеклянное. Такимъ-образомъ, послѣдніе слои проникаются электричествомъ противоположнымъ земному шару; потому земля дѣйствуетъ на нихъ притягательною силою, и потому они спускаются ниже, приближаются къ земной поверхности, и неутрализируются, то сливаясь съ смоляными парами нижнихъ слоевъ, то образуя массы облаковъ;

но большею частію они разрываются дождемъ и оставляютъ, смолянымъ парамъ верхнихъ слоевъ дѣйствовать со всею ихъ энергіею.

Чтобы понять вліяніе верхнихъ слоевъ воздуха на пары, каждодневно поднимающіяся съ земли, довольно замѣтить, что пары верхнихъ слоевъ обнаруживаютъ сильное смоляное электричество. Это подтверждается наблюденіями и опытами. Извѣстно, что всѣ пары, самые бѣлые и цвѣтныя, проникнуты сильнымъ стекляннымъ электричествомъ, а сѣрыя — смолянымъ. По цвѣту нижнихъ паровъ сей-часъ можно видѣть, какъ сильно смоляное электричество въ парахъ, которые составляютъ часть тропическаго теченія и производятъ, чрезъ свое вліяніе, массы цвѣтныхъ паровъ.

Если смоляное электричество верхнихъ слоевъ пересиливаетъ электричество земли; то, дѣйствуя на пары, поднимающіяся съ земли; оно привлекаетъ стеклянное электричество къ верхнимъ слоямъ, а смоляное отталкиваетъ къ нижнимъ. Если сгущеніе сообщаетъ парамъ способность хорошихъ проводниковъ; то отталкиваемое смоляное электричество разсѣивается по землѣ, и въ туманѣ господствуетъ одно стеклянное. Но если подъ вліяніемъ высокой температуры, или отъ разряженности воздуха, пары нижнихъ слоевъ не такъ сильно сгустились; то способность проводить бываетъ слабая, и пары сохраняютъ нѣсколько времени смоляное электричество. Тогда эта пыльная часть атмосферы наполняется смолянымъ паромъ, разряженнымъ отталкивательною силою верхнихъ слоевъ и земли. Облако, какъ туманъ, есть скопленіе маленькихъ частицъ, насыщенныхъ одинакимъ электричествомъ и раздѣленныхъ другъ отъ друга воздухомъ. Если это скопленіе наэлектризованныхъ частицъ встрѣчается съ другимъ тѣломъ, насыщеннымъ противоположнымъ электричествомъ; то ихъ взаимное вліяніе и отталкивательная сила обнаруживаются слабо; но если, напротивъ, встрѣчается съ тѣлами, налитанными одинакимъ электричествомъ; то ихъ взаимное оттолкновеніе усиливается, и получаетъ еще большую напряженность, когда и съ другой

стороны находится тѣло съ одинаковымъ электричествомъ. Это оправдывается опытами. Возьмите изолированные бузинные шарики, повѣшенные на шелковыхъ ниткахъ, и приближайте къ нимъ сперва одно, а потомъ два тѣла съ тѣмъ же самымъ электричествомъ, которое предварительно сообщено шарикамъ. Всѣ бузинные шарики стануť отдѣлаться другъ отъ друга по мѣрѣ приближенія и числа тѣлъ, проникнутыхъ одинаковымъ электричествомъ, и потомъ начнуť сближаться, когда эти тѣла получаютъ противоположное электричество.

И такъ для того, чтобы смоляные пары держались близъ земной поверхности, необходимы слѣдующія условія: 1) Въ верхнихъ слояхъ атмосферы должны собраться пары съ сильнымъ смолянымъ электричествомъ, которые оказывали бы противодействие, по-крайней-мѣрѣ, равное противодействию земнаго шара. 2) Пары нисшихъ слоевъ должны быть довольно разрежены, чтобы сдѣлаться слабыми проводниками, и сохранять напряженность смолянаго электричества. Такія обстоятельства требуются для того, чтобы смоляное электричество нижнихъ паровъ не стекло въ землю, или чтобъ эти пары не собрались въ облачныя массы. Пары съ смолянымъ электричествомъ, всегда имѣютъ темно-сѣрый цвѣтъ, или лучше, цвѣтъ дыма, происходящаго отъ каменнаго угля. Это особенное свойство не оставляетъ ихъ даже и въ то время, когда они, разсѣваясь въ воздухѣ, дѣлаются прозрачными; въ этомъ случаѣ не видно никакихъ паровъ, между-тѣмъ, небо мрачно, темно-синяго цвѣта; звѣзды меньшей величины исчезаютъ; солнце теряетъ свой блескъ и какъ будто сбрасываетъ съ себя лучистый венецъ.

Случается, пары верхнихъ слоевъ бываюť такъ прозрачны, что ни по какимъ признакамъ не лзя было бы замѣтить присутствія ихъ, если бы пары непосредственно нисшаго слоя не обличали ихъ существованія своимъ окътченіемъ. Безчисленные наблюденія рѣшительно доказали, что пары, которыхъ цвѣтъ переходитъ изъ блѣдо — туслаго въ ярко — серебристый, а равно и промежуточные пары, имѣющіе цвѣтъ

темно-краснаго вина, — напитаны стекляннымъ электричествомъ, въ различной степени. Такъ какъ стеклянное электричество обнаруживается бѣлымъ и особенно оранжевымъ цвѣтомъ облаковъ; потому надо предполагать, что средніе слои атмосферы часто заключаютъ въ себѣ много этого стекляннаго электричества. Но на такомъ разстояніи отъ земной поверхности, оно можетъ существовать только подъ условіемъ сильнаго смолянаго электричества въ верхнихъ слояхъ.

Что въ верхнихъ слояхъ находится смоляное электричество, это надо принять тѣмъ болѣе, что иначе стеклянное электричество среднихъ слоевъ было бы не только дѣйствіемъ безъ причины, но и противорѣчило бы вліянію земли, которая притягиваетъ стеклянное электричество къ самымъ нисшимъ слоямъ, и отталкиваетъ смоляное въ средніе и верхніе слои.

Есть и другія обстоятельства, необходимыя для образованія указанного нами феномена: такъ, часто случается, что пары нисшихъ слоевъ, отталкиваемые верхними, не упадаютъ на землю, а остаются на нѣкоторой высотѣ, гдѣ меньшая температура сгущаетъ ихъ въ небольшіе, тонкіе, бѣлые слои.

А если эти пары, подъ вліяніемъ отталкивательной силы приближаются къ землѣ, и если здѣсь встрѣчаютъ высокую температуру и большую отталкивательную силу; то ихъ густота уменьшается; они становятся полу-прозрачными; набрасываютъ на небо темный покровъ и образуютъ сухой туманъ.

Вотъ другой родъ тумановъ съ смолянымъ электричествомъ. Они являютъ только весной и лѣтомъ, между тѣмъ какъ первыя бываюť осенью и зимою.

Къ первому разряду надобно отнести бурные туманы полярныхъ странъ, какіе мы видимъ иногда и въ Евроцѣ, во время осени и зимы. Ко второму разряду принадлежатъ сухіе туманы со смолянымъ электричествомъ, которые не собираются массами на-подобіе облаковъ, но разсѣваются по всему горизонту, помрачаютъ воздухъ, хотя мы не можемъ замѣтить, въ это время, никакихъ паровъ. Последніе

господствуютъ въ тропическихъ странахъ. Между этими двумя крайностями есть безчисленныя степени. Мы расскажем нѣсколько случаевъ объ туманахъ втораго класса, которые такъ рѣдки въ нашихъ краяхъ.

Перваго Юня 1721 года, въ Парижѣ и въ его окрестностяхъ, почти цѣлый день, солнце казалось совершенно бѣлымъ, безъ обыкновеннаго своего блеска, безъ лучей, и походило на луну. На-вѣрное, его застлали не облака, но прозрачный туманъ, разлившійся по всему горизонту въ равной мѣрѣ. Господинъ де—Меранъ, наблюдавшій этотъ туманъ въ послѣдніе часы, говоритъ, что кругомъ солнца не было видно никакого вѣнца, не было заметно уменьшенія свѣта, ни облака, ни паровъ: небо было синевато-темное, какъ въ ясную ночь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ звѣздъ. Къ концу дня потянулись облака противъ солнца и сообщили небу на нѣсколько минутъ нѣжно-розовый цвѣтъ. Кассини замѣтилъ тоже явленіе въ Пикардій. Лувиль говоритъ, что подобный феноменъ онъ видѣлъ въ Овернѣ и Миланѣ.

Ле-Жантиль рассказываетъ подобный случай: «Удивительно было смотрѣть на горизонтъ, по утру, до восхожденія солнца. Не было ни облачка; горизонтъ казался очень чистымъ, но имѣлъ какой-то синеватый цвѣтъ, густой и темный, какъ будто до восхожденія солнца было еще далеко: солнце, повидимому, показалось нечаянно, словно изъ глубины хаоса; поднявшись уже нѣсколько на горизонтъ, оно походило на огонекъ, блестящій вдали; казалось, что по горизонту, катилась полная луна; мало-по-малу стали пробиваться лучи, и въ глубинѣ картины появилось нѣсколько большихъ облаковъ, разсыянныхъ по небу, но онъ скоро исчезли совершенно.»

Въ Куманѣ, говоритъ Гумбольдтъ, за нѣсколько минутъ до дождя, волосной гигрометръ не только постоянно показывалъ 67 и 68 градусовъ,—сухость воздуха значительная въ тѣхъ странахъ,—но безъ всякаго измѣненія температуры, возвращался на градусъ или на два къ сухости, по мѣрѣ того, какъ небо помрачалось и принимало темно-синій цвѣтъ, предшествую-

щій электрическимъ выстрѣламъ. Термометръ опустился, во время дождя, съ двадцать-четвертаго градуса по-крайней-мѣрѣ на девятнадцатый, по Реомюру. Небо постоянно оставалось синимъ и не видно было паровъ, раздѣленныхъ на группы.

Восьмнадцатаго Августа 1821 года, Форстеръ наблюдалъ въ Англии, въ графствѣ Эссекъ, замѣчательный туманъ. На восходящее солнце можно было смотрѣть простымъ глазомъ; оно имѣло серебристый цвѣтъ. Говардъ наблюдалъ этотъ феноменъ въ графствѣ Суссексъ, между девятью и десятью часами утра. Въ Парижѣ онъ былъ замѣченъ въ тотъ же день, но уже въ шесть часовъ вечера. Въ Viviers, въ Дофинѣ (подъ 44 градусомъ, 29 минутою), подобный туманъ, дымчатый, бѣловатый, сухой, застлалъ небо вечеромъ девятнадцатаго Августа; на другой день, при своемъ склоненіи къ западу, солнце казалось бѣлымъ и безъ блеска, а въ вечеру сдѣлалось краснымъ. Этотъ туманъ разсыялся только тридцатаго Августа, послѣ небольшого дождя.

Такъ-какъ, во время сухихъ смоляныхъ тумановъ, электрическое состояніе животныхъ выходитъ изъ своего обыкновеннаго порядка; то, въ случаѣ долговременнаго ихъ господства, появляются нѣкоторыя болѣзни. Тѣла, находящіеся на земной поверхности, обыкновенно напитываются смолянымъ электричествомъ. Когда на земной поверхности поднимается смоляной туманъ, его вліяніе сообщаетъ всѣмъ тѣламъ, соприкосновеннымъ съ землею, стекляное электричество. Земной шаръ, подобно всѣмъ наэлектризованнымъ огромнымъ тѣламъ, допускаетъ неровное раздѣленіе своего собственнаго электричества подъ вліяніемъ какого-нибудь смолянаго облака. Часть, лежащая непосредственно подъ этой массой, принимаетъ стекляное электричество, если напряженность воздуха довольно сильна. Смотри по этому напряженію, измѣняется и естественное электричество земли; оно становится менѣ смолянымъ, даже можетъ сдѣлаться стеклянымъ, и, по собственному нашему опыту, мы знаемъ, какъ можетъ измѣняться наше нормальное

состояніе при появленіи облака съ смолянымъ электричествомъ.

Къ этому разряду мы относимъ туманы, которыми сопровождаются *хамсинъ* въ Египтѣ, *самумъ* въ Аравіи, *сирокко* въ Алжирѣ, *солано* въ Кадиксѣ. Видъ печальнаго и тускаго неба, ослабленіе тумана, когда онъ носится надъ водою, его разрушительное вліяніе,—все это доказываетъ, что низшіе слои атмосферы напитаны парами съ сильнымъ смолянымъ электричествомъ. Тогда солнце показывается съ свѣтло-коричневымъ отливомъ, — знакъ, что въ среднихъ слояхъ разлито нѣсколько стекляннаго электричества; но этотъ слой слишкомъ незначителенъ въ сравненіи съ смоляными слоями тропическаго теченія, которые противудѣйствуютъ землѣ. А тихая погода показываетъ, что эти пары собираются небольшими массами, но разбиваются на мелкія частички, и, сохраняя сильное напряженіе смолянаго электричества, не образуютъ группъ или облаковъ, окруженныхъ свободной электрической атмосферой. Это несомнѣнно; мы знаемъ изъ наблюденій, что если бы эти облака заключали въ себѣ свободное электричество, то произвели бы порывы вѣтровъ, потому что стали бы стремительнѣе притягивать и потомъ отталкивать воздухъ; такое дѣйствіе замѣчаемъ въ изолированныхъ тѣлахъ, положенныхъ между другихъ тѣлъ, напитанныхъ противоположнымъ электричествомъ.

И такъ смоляные туманы бываютъ двухъ родовъ: одни происходятъ отъ облака, напитаннаго смолянымъ электричествомъ и упавшаго на землю отъ своей особенной тяжести; а другіе образуются изъ смоляныхъ паровъ, отталкиваемыхъ напряженностію верхнихъ паровъ въ нижніе слои, гдѣ они не собираются большими массами, но, незаметнымъ образомъ, разбиваются въ воздухъ и помрачаютъ все небо.

Туманы стеклянныя.

Туманы стеклянныя или напитанныя стекляннмъ электричествомъ бываютъ двухъ родовъ, и производятъ со-

вершенно разные результаты. Одни являются въ ясную погоду, подъ вліяніемъ одного электричества земнаго шара; стеклянне электричество болѣе сосредоточивается въ его нижнихъ частяхъ, чѣмъ въ верхнихъ, и первыя сильно притягиваются къ землѣ. Туманы другаго рода образуются подъ вліяніемъ смоляныхъ паровъ, которые массами носятся въ верхнихъ слояхъ. Эти туманы содержатъ стеклянне электричество болѣе въ верхнихъ частяхъ, чѣмъ въ нижнихъ.

Стекланные туманы перваго рода.

Представьте, что подъ чистымъ и свѣтлымъ небомъ, пары, сгущенные въ видѣ тумана, вдругъ подвергаются вліянію двухъ противоположныхъ электричествъ, съ одной стороны воздушнаго пространства, а съ другой — земнаго шара; въ первомъ господствуетъ электричество стеклянне, въ послѣднемъ смоляное. Верхній слой этихъ паровъ, по своей электропроводности, проникается электричествомъ смолянымъ, а нижній стекляннмъ. Верхніе слои тумановъ, равно какъ облаковъ и всѣхъ жидкихъ тѣлъ, находящихся между двухъ тѣлъ съ противоположнымъ электричествомъ, легко переходятъ въ состояніе упругихъ паровъ; потому въ нихъ замѣтно непрестанное движеніе; они волнуются, разбиваются волокнами, поднимаются къверху и теряются въ атмосферѣ. Это замѣтилъ Соссюръ на Col du Geant, когда пары, образовавшіеся въ глубинѣ долины, поднимались довольно высоко, чтобы освободиться отъ побочнаго вліянія горъ. Пары, извивались волокнами, отталкивали другъ друга, и рисовались въ самыхъ странныхъ, быстрыхъ и разнообразныхъ движеніяхъ. Это превращеніе, совершающееся подъ вліяніемъ стекляннаго электричества воздушнаго пространства, сообщаетъ упругимъ парамъ большее напряженіе смолянаго электричества, а парамъ нисшихъ слоевъ оставляютъ въ соразмѣрности электричество стеклянне.

Дальтонъ замѣтилъ тотъ же феноменъ на поверхности тумановъ. Надъ рѣкою стался туманъ; поднимаясь къ вер-

ху, и исчезалъ, какъ скоро достигалъ слоевъ, освѣжаемыхъ дыханіемъ вѣтра; тогда онъ разливался легкими струями, которыя никогда не переступали извѣстной высоты и разсѣвались въ нѣсколько секундъ. Струи, замѣчаетъ Дальтонъ, поднимаются до извѣстной высоты, независимо отъ вѣтра, потому-что, несмотря на вѣтеръ, они тянутся въ прямомъ направленіи.

Буссенго (Boussingault), наблюдая туманы, которые господствуютъ цѣлую зиму въ долинахъ перуанскихъ, видѣлъ, какъ верхній слой тумана растягивался мелкими отрывками, и исчезалъ въ нихъ мало-помалу. Альсидъ д'Орбиньи замѣчалъ такія струи тумана, которые отдѣлялись и исчезали, какъ упругій паръ. И такъ верхніе слои этихъ тумановъ возобновляются и ихъ превращеніе, совершаясь подъ вліяніемъ стекляннаго воздушнаго электричества, уноситъ вмѣстѣ съ собою электричество смоляное и оставляетъ нѣшимъ частямъ тумана электричество стеклянное, которое и сохраняется въ нихъ болѣе или менѣе, смотря по ихъ электропроводности.

Ронейнъ, еще въ 1770 году, замѣтилъ, что туманы, стекающія по землѣ, не сообщаютъ электричества, между-тѣмъ - какъ въ туманахъ, носящихся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ земли, находится много электричества. Въ самомъ дѣлѣ, туманы, напитанные стекляннымъ электричествомъ, притягиваются противоположнымъ электричествомъ земли, и приближались къ ней, разряжались отъ своего электричества, разлагаются мало-по-малу, и покрываютъ влагою выдавшіеся выше другихъ предметы.

Предметы, возвышающіеся на земной поверхности, покрываются влагою въ различной степени, смотря по ихъ электропроводности и смоляному напряженію. Если они отдѣлены отъ всего окружающаго, то влага не долго останавливается на нихъ, но тотчасъ испаряется. Покрывая тѣла съ смолянымъ электричествомъ, эта влажность способствуетъ къ распространенію земнаго электричества и тотчасъ переходитъ въ состояніе упругихъ паровъ, унося

съ собою смоляное электричество и нейтрализуя соединеніе пары. Многіе наблюдатели замѣчали, что нѣкоторыя тѣла покрываются влагою неодинаково, и не умѣли опредѣлить настоящую причину этого. Причина скрывается въ ихъ электропроводности и въ положеніи, которое сообщаетъ имъ большее смоляное электричество. Возьмите, на примѣръ, деревянную досочку и поднимите ее на нѣсколько дециметровъ выше другой досочки изъ того же дерева; черезъ нѣсколько времени, найдете, что верхняя совершенно суха, а нижняя покрыта влажностію; значитъ, находясь нѣсколько выше, досочка получаетъ большее напряженіе и легче испускаетъ свое смоляное электричество въ окружающіе ее пары съ стекляннымъ электричествомъ, и испускаетъ при посредствѣ водяныхъ частичекъ, которыя переходятъ въ состояніе упругаго пара. Металлы, лучшіе проводники, чѣмъ земля и дерево, еще менѣе сохраняютъ на себѣ влажность, если надъ ними не господствуютъ другіе тѣла, которыя легко испускаютъ смоляное электричество земли и нейтрализуютъ окружающіе пары.

Разсматриваемые нами туманы появляются надъ влажными мѣстами, изъ которыхъ выходятъ пары, и появляются всегда на значительной высотѣ. Встрѣчая на этой высотѣ только низкую температуру, пары тотчасъ образуютъ непрозрачные, нѣсколько густые слои. Нижний слой получаетъ стеклянное электричество отъ вліянія земли, а верхній - смоляное. Какъ нибудъ часть, переходя въ состояніе упругихъ паровъ, уноситъ съ собою смоляное электричество верхнихъ слоевъ, а въ нижнихъ остается стеклянное, и тогда земля сильнѣе притягиваетъ къ себѣ послѣдніе слои, и отъ того образуется туманъ съ самымъ сильнымъ стекляннымъ электричествомъ и самый влажный. Всѣ возвышенныя мѣста покрываются влагою, и гигрометръ доходитъ до 90 или 95 градусовъ.

Туманы этого рода различаются между собою только мѣстомъ своего образованія и своею густотою; одни образуются кругомъ насъ, другіе выше насъ, и спускаются къ

намъ уже послѣ. Многіе изъ нихъ дѣйствуютъ на органъ обонянія и производятъ впечатлѣніе *селитрянаго газа*.

Двадцать-перваго Мая 1822 года, говоритъ Араго, въ пять часовъ вечера, въ Парижѣ, вдругъ разлился туманъ особеннаго свойства: солнце приняло ярко-красный цвѣтъ; туманъ отзвучался запахомъ селитрянаго газа. Почти въ то же время его наблюдали отъ восьми до десяти лѣ кругомъ столицы, и вездѣ замѣчали тѣ же самыя свойства.

Стеклянные туманы втораго рода.

Туманы, о которыхъ мы сей-часъ говорили, необходимо сопровождаются влажностію. Если никакая посторонняя сила не оказываетъ перевѣса надъ притяженіемъ земнаго шара; то земная поверхность притягиваетъ къ себѣ каждую частичку съ стекляннымъ электричествомъ, и эти частички упадаютъ на притягивающія ихъ тѣла. Но это случается не всегда. Часто противоположное вліяніе верхнихъ слоевъ изменяетъ эти слѣдствія. Если пары верхнихъ слоевъ содержатъ въ себѣ довольно сильное смоляное напряженіе, такъ-что могутъ пересилить электричество земнаго шара; то ихъ вліяніе нейтрализуетъ поверхность земли или даже сообщаетъ ей стеклянное электричество, и масса поднимающихся паровъ подчиняется этому преимущественному вліянію. Вечеромъ, когда пониженіе температуры сгущаетъ пары, и появляется туманъ, образовавшійся въ указанныхъ обстоятельствахъ, стеклянное электричество собирается въ верхнихъ его частяхъ, а не въ нижнихъ, какъ въ прежнихъ случаяхъ. Такіе туманы поднимаются иногда красноватыми слоями, и терются въ воздушномъ пространствѣ, переходя въ упругое состояніе. Это, впрочемъ, не темный смоляной туманъ, это паръ, болѣе или менѣе оцвѣченный, который поднимается вверхъ, разбивается на части, и исчезаетъ; смотря по энергіи своего стекляннаго электричества, цвѣтъ его изменяется изъ блѣднаго въ ярко-красный. Преобладающее притяженіе смоляныхъ паровъ,

собранныхъ массами въ верхнихъ частяхъ воздуха, не позволяетъ влажнымъ частицамъ спускаться на земныя тѣла, которыя теряютъ нѣсколько смолянаго электричества, а съ-тѣмъ-вмѣстѣ и притягательную силу. Непрозрачные пары, какъ бы ни были они напитаны стекляннымъ электричествомъ, поднимаясь въ воздухъ, образуютъ туманъ не такъ влажный, а часто и совершенно сухой; но этотъ туманъ своими качествами отличается отъ того, который происходитъ изъ смоляныхъ паровъ. Электрометры, поставленные посреди красноватыхъ тумановъ, показываютъ сильное напряженіе стекляннаго электричества. Въ странахъ тропическихъ, гдѣ средніе слои атмосферы наполняются смоляными парами, эти красноватые туманы появляются довольно часто.

Коротко сказать, массы смоляныхъ паровъ сообщаютъ стеклянное электричество туманамъ, образующимся подъ ихъ вліяніемъ. Самая земная поверхность тогда бываетъ менѣе напитана смолянымъ электричествомъ. Потому земная тѣла не притягиваютъ къ себѣ частичекъ тумановъ съ стекляннымъ электричествомъ, и частички не испускаютъ своего электричества, не разлагаютъ своихъ водяныхъ шариковъ и не производятъ влажности. Поднимаясь въ воздушныя пространства, эти туманы приходятъ въ соприкосновеніе съ смоляными парами верхнихъ слоевъ, нейтрализуютъ ихъ электричество и ослабляютъ какъ взаимную отталкивательную силу, такъ и отталкивательное вліяніе на нихъ земнаго шара. Въ слѣдствіе такого ослабленія, они сгущаются и разрѣшаются дождемъ, соразмѣрно съ своею массою. Если эти туманы красноватаго цвѣта, въ своихъ верхнихъ частяхъ, развѣтвляются на длинныя струи, то означаютъ перемену погоды послѣ ясныхъ дней и предвѣщаютъ болѣе или менѣе скорое разрѣшеніе паровъ дождемъ. Впрочемъ, дождь упадетъ не въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ замѣчаютъ туманы, но тамъ куда вѣтеръ заноситъ облака съ смолянымъ электричествомъ. Въ этомъ отношеніи замѣчаютъ значительную разницу между осеннимъ и весеннимъ време-

немъ: въ первомъ случаѣ, когда увеличивается охлажденіе атмосферы, всякая электрическая нейтрализація паровъ способствуетъ къ образованію дождей; а въ последнемъ, когда температура возвышается, красноватые пары, появляющіеся вечеромъ, уменьшаютъ отталкивательную силу и разрѣшеніе паровъ въ верхнихъ слояхъ, но часто проходятъ безъ дождей.

Случалось, что красноватые туманы покрывали нѣсколько мѣсяцевъ значительныя пространства. Такъ было въ 1783 году.

Туманъ, который является съ гарматаномъ, - африканскимъ вѣтромъ, дующимъ въ западныхъ берегахъ, - кажется, принадлежитъ ко второму разряду, если судить по внѣшнимъ его признакамъ. По рассказамъ путешественниковъ, въ продолженіе гарматана, испареніе до того усиливается, что всѣ растенія сохнутъ, люди чувствуютъ пронзительный холодъ, происходящій отъ слишкомъ быстраго превращенія жидкостей въ пары. Это необыкновенное испареніе не можетъ быть случайнымъ, потому - что едва успѣютъ образоваться пары, какъ температура въ двадцать-пять или въ двадцать-семь градусовъ, по Цельсію, уже не можетъ сохранять ихъ въ упругомъ состояніи, и они образуютъ продолжительный туманъ и до того густой, что въ двухъ-стахъ сажняхъ нельзя разглядѣть какой-нибудь крѣпости. Для того, чтобы такое сгущеніе паровъ продолжалось постоянно, испареніе должно происходить отъ вліянія другой силы, кромѣ температуры; эта сила должна притягивать въ атмосферу массу паровъ, которые не могутъ сохранять въ ней своей упругости. Непрозрачные или полу-прозрачные пары, окраши- вающіе свѣтъ красноватымъ цвѣтомъ и иссушающіе всѣ тѣла, заключаютъ въ себѣ много стекляннаго электричества; слѣдовательно происходятъ отъ вліянія паровъ, носящихся большими массами въ верхнихъ слояхъ и проникнутыхъ смолянымъ электричествомъ болѣе, чѣмъ земная поверхность.

Въ противоположность туманамъ *смолянымъ*, которые не имѣютъ опредѣленныхъ границъ, туманы *стекляные*, равно какъ и облака того же рода, опредѣляются границами, какъ нельзя лучше; ихъ окраины обозначаются тѣмъ яснѣе, тѣмъ болѣе будетъ въ нихъ стекляннаго электричества. Эту фактъ можно наблюдать во время бурь; тогда бѣловатые и свѣтлыя облака обозначаются такими рѣзкими чертами, какъ будто онѣ образованы изъ твердыхъ массъ; между - тѣмъ свѣрыя струи выются кругомъ нихъ, на подобіе пѣны или волоконъ. Различныя группы съ стекляннмъ электричествомъ, собираясь въ одно мѣсто, орамяются чисто и ясно. Такое ограниченіе паровъ замѣтно иногда въ туманахъ, стелющихся по землѣ. Гумбольдтъ и Бонпланъ, поднимаясь на вершину Силла - де - Каракась, двадцать - втораго и двадцать - седьмаго Декабря 1797 года, были окружены туманомъ, который замѣтно разбивался на облачка съ рѣзкими округлостями, что путешественники приписывали вліянію небольшихъ теченій воздуха, потому - что передъ ихъ глазами извивались свѣтлыя полосы и разбивали на отдѣльныя группы сплошную массу, поднимавшуюся съ долины. Эти группы образовались въ ту минуту, какъ поверхность тумана, довольно удаленная отъ вліянія горъ, подвергалась вліянію однихъ верхнихъ слоевъ воздушнаго пространства; такъ-какъ теперь, вліяніе положительное съ одной стороны и отрицательное съ другой, раздѣляло электричество не равнымъ образомъ, то части тумана не такъ густыя заряжались прежде и раздѣлялись отталкивательною силой отъ паровъ разбившихся на волокна. Таковы были попеременно признаки положительнаго и отрицательнаго электричества.

Соссюръ видѣлъ тоже самое на Col du Geant. Впрочемъ, это и всякой можетъ замѣтить въ поляхъ, даже и въ городахъ. Такой туманъ видѣли въ Парижѣ на бульварахъ, а Бреге, младшій, двадцать - восьмаго Января 1842 года, замѣтилъ на Сенъ туманъ, который отражалъ всѣ дома набережной, какъ гладкое, нѣсколько тусклое, тѣло. Изъ этихъ примѣровъ видно, что пары могутъ орамяться рѣзкими грани-

нами, подъ влияніемъ электрической отталкивательной силы, дѣйствующей извнѣ внутрь, какъ показываютъ наблюдение и опытъ.

Остается рѣшить одинъ важный вопросъ о вліяніи электрическихъ тумановъ на растенія и животныхъ. Заметимъ, что для окончательнаго рѣшенія этого вопроса еще не достаетъ точныхъ наблюдений. Изъ наблюдений, сдѣланныхъ надъ туманами по отношенію къ растительному царству, одни указываютъ только на присутствіе электричества въ туманахъ, но не даютъ понятія ни о признакахъ, ни о напряженіи его; другія открываютъ, что съ появленіемъ тумановъ зараждаются болѣзни; но не говорятъ что эти туманы электрическаго происхожденія. И такъ въ этомъ случаѣ всего надо ожидать отъ будущихъ наблюдений, и если бы образованные агрономы слѣдили за ходомъ тумановъ, наблюдали ихъ съ электрометрами; то черезъ нѣсколько лѣтъ, мы узнали бы, гдѣ скрывается настоящая причина извѣстныхъ переменъ въ растеніяхъ, и извѣстныхъ болѣзней, которыя въ одно время поражаютъ и человека и животныхъ. Не имѣя возможности опираться на опредѣленныхъ фактахъ, скажемъ нѣсколько словъ о томъ, что заставляетъ думать теорія.

Когда облако, налитанное стекляннмъ электричествомъ, спускается до самой почти земли, всѣ возвышенности, покрывающія земную поверхность если принадлежать къ числу хорошихъ проводниковъ, - служатъ средствомъ къ нейтрализаціи электричества: животные и растенія, налитанные электропроводными жидкостями, служатъ посредниками между землею и туманомъ. Растенія, вѣдряясь въ почву до влажной земли, и развѣтвляясь въ воздухъ лучами или острелими, исполняютъ эту должность всего лучше, смотря по степени своей электропроводности. Можно представить тысячи примѣровъ, что во время грозы, они служили проводниками для разряженія облаковъ и остались съ знаками сильнаго заряда. Растенія дѣлаются проводниками только посредствомъ своего сока; следовательно всякой электрической

токъ можетъ измѣнять ихъ свойство тремя способами. Во-первыхъ, электрической токъ дѣлаетъ окраины растенія кислыми или щелочными; и потому, листья и цвѣты могутъ измѣняться двояко: сдѣлаться кислые или щелочные, смотря по тому, стеклянное или смоляное электричество будетъ скрыто въ туманѣ или облакѣ. Во-вторыхъ, растенія, какъ влажныя тѣла, испуская электричество, теряютъ часть своей влаги; сокъ ихъ испаряется и уноситъ противоположное электричество, которое должно нейтрализовать электричество тумана; такъ, подъ вліяніемъ электричества, очень быстро испаряется вода въ прудѣ, или чашкѣ. Если электричество дѣйствуетъ сильно, то его токъ и испареніе получаютъ значительную степень, растеніе высыхаетъ изумительнымъ образомъ, какъ во время вѣтра *геліма*. Въ третьихъ, при дѣйствіи молніи, или при продолжительномъ теченіи электричества, токъ можетъ получить такое напряженіе что весь сокъ испаряется, и самыя стѣнки, удерживающія его, разрушаются, и деревья разрываются на волокна.

Многіе земледѣльцы думаютъ, что сухіе туманы покрываютъ хлѣбъ ржавчиной, и Дюгамель замѣтилъ, что это явленіе совершается главнымъ въ то время, какъ растеніе достигнетъ полнаго развитія, а не тогда, какъ его ткань потеряетъ уже влажность. Значитъ, ржавчина Дюгамеля есть произведеніе электрическаго тока, потому что появляется послѣ сухихъ тумановъ, и тогда, какъ растеніе можетъ послужить хорошимъ проводникомъ электричеству, посредствомъ влаги, которую содержитъ прежде дѣйствія тумана. По наблюдению Ле-Метра, густой дымъ, происходящій отъ созненія влажной травы, утолщаетъ поле, надъ которымъ растиается. Замѣчая связь ржавчины съ сухимъ туманомъ, народъ относитъ всѣ болѣзни растеній къ электрическимъ туманамъ. Но этого еще не подтверждаетъ опытъ.

КРИТИКА.

ОТЗЫВЪ ПРОВИНЦІАЛА.

Ничего не можетъ быть справедливѣе и приличнѣе замѣчанія, сдѣланнаго въ Сынѣ Отечества N 1. М. Январь 1843. стр. 8. о статьѣ господина Гребенки — «Прудъ». Съ тѣхъ-поръ, какъ явилась у насъ литературная страсть или охота (ужъ это, какъ хотите, назовите) издѣваться до пес plus ultra надъ провинціальностію, едва ли это не въ первый разъ сдѣлано такое справедливое и основательное замѣчаніе, и съ такимъ благороднымъ изложеніемъ, которое никого не оскорбляетъ. Многіе, безъ сомнѣнія, читали эту критическую статью съ удовольствіемъ. Чтожь касается до насъ, то мы торжественно ручаемся за многіе сотни знакомыхъ намъ читателей, что они чувствовали неизяснимое удовольствіе, встрѣтивши такую безпристрастную журнальную справедливость. Мы ее принимаемъ, какъ благопріятную вѣсть, какъ новость, которую можемъ благонадежно приурочить къ самымъ выгоднымъ ожиданіямъ, что наконецъ истина проложитъ себѣ путь къ такимъ предметамъ, которые болѣе всего страдаютъ отъ литературнаго пристрастія, и удалены отъ точной наблюдательности и совершеннаго ихъ познанія. *

* Благодаримъ почтеннаго жителя провинціи за этотъ отзывъ и въ доказательство нашей благодарности печатаемъ его статью, которая показалась намъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательною. Compliments его редактору Сына Отечества принимаемъ не болѣе, какъ за комплименты. —

Ред. С. О

Все, о чемъ пишутъ, имѣетъ многостороннюю разработку; на все устремлено съязвительное наблюденіе; за все неутомимо воюетъ бойкое литературное перо, и обо всемъ диктаторски хлопочетъ журналистика: одна провинціальность беззащитна. Она литературно оставлена на расхищеніе ея быта; она, какъ самородокъ, изъ котораго чужая рука вывариваетъ одно только смѣшное и грязное. Она, какъ будто, пустопорожнее мѣсто, на которое никому не воспрещено выбрасывать соръ и лохмотныя обрѣзки. Не только многіе извѣстные литераторы безопасно вдаются во всѣ крайности забавлять провинціальностію православный народъ, но даже и тѣ самоучки и новички, которые въ первый разъ дерзаютъ попытать счастья въ литературномъ дѣлѣ, начинаютъ свою практику съ провинціальности, въ предѣлы которой они несутся на крыльяхъ воображенія для матеріаловъ, для сюжета, для юмора — для всякаго рода поживы, чтобы первымъ почеркомъ раздольнаго пера комаромъ впиться въ беззащитную, или трунить безъ толку надъ состояніями и лицами, которыя ни почему и нисколько новичку неизвѣстны, и о которыхъ онъ можетъ сказать: должно быть такъ, когда такъ пишутъ и говорятъ. Правда, почему не попробовать пера на такихъ предметахъ, за которые никто ничего не скажетъ, а если и помогутъ голову въ критику, то совѣсть не за матеріалы, но за плохую работу.

Мы не беремъ указывать на ничтожныя произведенія этихъ литературныхъ новичковъ, на этихъ комаровъ, этихъ мухъ, сидящихъ на рогахъ вола; но могли-бы припомнить премногіе рассказы и прибаутки, заслужившіе некоторую извѣстность, въ которыхъ уродовалась провинціальность на разныя манеры, чтобы тѣмъ потѣшить добросердечныхъ читателей, и можемъ, не ошибаясь, сказать, что есть у насъ на виду довольно писакъ, которые ищутъ матеріаловъ для самыхъ огромныхъ статей въ череполодостяхъ, проселкахъ и грязныхъ захолустяхъ, радуясь дешевой находкѣ.

Намъ кажется, что рассказы о провинціальности до того сроднились и сдѣлались общи, что комисъ и интересъ его

у многих писателей всегда расположень по одному и тому же образцу и сотканъ по одному и тому же узору. Взгляните на Ревизора — г. Гоголя, на провинціальныя сцены г. Богачева и на провинціальную суматоху — г. Основьяненка. Не одинъ ли и тѣже сцены, не одинъ ли и тѣже лица.

Сообразивъ все это, какъ не радоваться появленію замѣчанія, сдѣланнаго въ Сынѣ Отечества Какъ не принять слѣдующихъ словъ, за добрую вѣсть: «Неужели въ нашихъ уездныхъ городахъ или поместьяхъ живутъ, все всплошь да радомъ, Гуры Ивановичи, Лупы Ивановичи и лица безъ рѣчей жалкаго вида? Неужели и въ этихъ людяхъ никогда не мелькнетъ умная, справедливая мысль, доброе чувство, трогательная черта, неужели и у нихъ не можетъ быть, какъ у прочихъ смертныхъ, страданій и горя въ сердцахъ.» Какъ не признать за предсказаніе, что всеобщая приторная хохотня надъ провинціальностію наконецъ ускромится или станетъ выказываться въ лучшихъ формахъ, и юморъ явится облагороженнѣе, безобразный цинизмъ и грязное фразесловіе принарядится и перейдетъ въ тонкую щеголеватую одежду очищенной ироніи, и наконецъ кто-нибудь изъ благородномыслящихъ литераторовъ явится ловкимъ, умнымъ, острымъ, вѣжливымъ забавникомъ, который прелестью своего разсказа, основаннаго на отчетливой наблюдательности, сдѣлается любимцемъ даже тѣхъ, которыхъ онъ изображаетъ, и представитъ провинціальную характеристику въ такомъ видѣ, въ которомъ не заставить читателя негодовать, не оскорбить его слуха пошлостію и ознакомитъ съ тою оригинальностью, которая безукоризненно усвоена мѣстности и народности, и завлечетъ насъ любоваться такими изображеніями нравовъ, которыя дѣльно представлены и которыхъ интересы не чужды нашему времени; а если нужно будетъ и посмѣяться, то — ужъ посмѣемся безъ того уродливаго скалозубства, которое ни въ какомъ благоприличномъ обществѣ не можетъ быть прилично, по безобразію смѣшнаго.

Давно уже созрѣваетъ благая мысль у многихъ читателей о несправедливости тѣхъ литераторовъ, которые считаютъ

особеннымъ достоинствомъ забавлять насъ сценами грязными и безобразными, полагаясь на то, что все это взято ими съ натуры; ибо все ли взятое съ *ходящей натуры*, благопрістойно можетъ и смѣетъ явиться въ образованный кругъ. Намъ кажется, что гг. Демокриты слишкомъ вдались во все крайности односторонняго воззрѣнія: герои ихъ разсказовъ такіе буяны, такіе безобразные, смрадные и невежественные, что для помѣщенія ихъ полнымъ комплектомъ и въ ихъ костюмахъ оказалась необходимость сочинять Губерніи и тамъ, выводя этихъ забіякъ и лохмотниковъ на сцену, расстрепать впухъ и разругать на поваль, какъ чучелу, убѣжавшаго преступника. Этимъ Демокритамъ жаль разстаться съ мыслию, что перо ихъ меньше потышитъ насъ, если они не много позаботятся очистить вкусъ и приодѣть безобразную идею, которая такъ у нихъ многоплодна и такъ обильна раждающимися въ нихъ омутъ грезами.

Мы не безъ основательности убѣждаемся, что съ быстрымъ шагомъ образованности въ отечествѣ нашемъ и самыя провинціи во многомъ измѣнились. И если *Простаковы*, *Скотинины* и подьячіе съ косою, связанною въ пучекъ, и протягивающіе назадъ руку, и теперь еще смѣшны, но за то уже каждому известно, что они дальня родня даже тѣмъ провинціямъ, которые смотрѣли на нихъ лѣтъ тому съ 20 назадъ. И въ настоящее время найдутся своего рода лица забавныя, найдутся и смѣшныя; были и будутъ уродливыя фигуры, бранчивыя, безобразныя, отвратительныя, но уместно ли всю эту сволочь снимать съ натуры, и будутъ ли эти лица и весь хламъ написанный объ нихъ точнымъ выраженіемъ современности. Если во времена Скотининыхъ и Простаковыхъ были Стародумы, Софи и Милоновы, то, тѣмъ болѣе, нельзя Бога гнѣвить, и теперь, до того, чтобъ можно отчаяться найти уже современныхъ Стародумовыхъ и Милоновыхъ, и слѣдов., нельзя-же не допустить и въ произведеніи литературномъ хоть одно умное лице, или хоть умнаго оригинала. Трудно повѣрить, чтобъ въ самомъ захолустіи не было человѣка съ достоинствами или хоть съ добрымъ чув-

ствомъ и съ лучшими свойствами, нежели какіе обыкновенно сдѣланы принадлежностію Провинцій.

Мы по милости писателей—забавниковъ столько предубеждены на счетъ многихъ лицъ и званій, что напередъ знаемъ, что скажутъ о такомъ-то чиновникѣ или о такомъ-то состояніи, мало заботясь о томъ, подлежатъ ли это несомнѣнной точности и не искажены ли всѣ эти лица и состоянія недобросовѣстною наблюдательностію и пустозвоннымъ юморизмомъ.

Намъ кажется, что издѣваясь надъ слабостями и нравственными недостатками провинціальности, можно впасть въ искушеніе—принять ложные факты и недозволительно обезобразить истину до того, что она не достигнетъ своей цѣли: — нанести язвительную укоризну извѣстнаго класса людямъ. Осмѣять порокъ въ лицѣ живомъ, которое пойметъ и увидитъ свое олицетворенное изображеніе, безъ сомнѣнія дѣло занимательное и, пожалуй, поучительное, но надо же сдѣлать такъ, чтобы это не было похоже на выстрѣлы, летающіе черезъ головы тѣхъ, въ кого мѣтятъ: многія порицанія совѣмъ уже не клеятся къ тому мѣсту, куда приклеить ихъ желаютъ. Нравственность въ ея проявленіяхъ всегда служитъ отголоскомъ современности, и нынѣшній чиновникъ, уклоняющійся отъ праваго пути, по видамъ корысти, или рѣшающійся на предосудительные поступки и дѣйствія, теперь иначе жметъ свое перо, иначе ворочаетъ бумажностію, и иначе явится въ обществѣ, нежели бывало это лѣтъ тому 30 назадъ.

Мы убеждаемся вѣрять, что люди въ самыхъ провинціяхъ годъ-отъ-году умнѣютъ, такъ, что ругательная пошлость, для нихъ сотканная писаками, относится къ нимъ, какъ пошлость буквальная, и слѣдовательно замашка провозглашать всѣхъ и каждаго провинціала такимъ, какими ихъ изображаютъ наши забавники, право, имѣетъ свою очень непохвальную сторону.

Желая выразить яснѣе нашу мысль, припомнимъ сколько излиго всего язвительнаго, ложно-забавнаго на провинціалокъ, не разбирая ни состояній, ни званій, не соглашась съ

возможностію и вѣроятіемъ, между-тѣмъ, какъ нынѣшнія провинціалки во многихъ отношеніяхъ не сходствуютъ съ описаніями, а очень во многомъ сходствуютъ съ общими недостатками и причудами, свойственными многимъ изъ образованныхъ женщинъ. Въ настоящее время женскій полъ въ провинціяхъ сдѣлалъ лишній шагъ впередъ противъ мужчинъ. Университетовъ у насъ не много, и воспитывающіеся въ нихъ молодые люди, съ окончаніемъ курса тѣмъ втрѣе не останутся провинціалами, чѣмъ значительное успѣхъ ихъ образованія. Они обыкновенно, такъ сказать, рассыпаются по цѣлой Россіи и преимущественно служатъ въ столицахъ, между-тѣмъ, Институты для женскаго пола умножаются и самыя средства частнаго воспитанія облегчаются, и всѣ эти частнообразованныя и Институтки, или, навѣрно большая часть ихъ, въ послѣдствіи времени будутъ женами провинціаловъ, или хорошими наставницами въ частныхъ домахъ. Если Харьковскій и Полтавскій Институты благородныхъ дѣвицъ воспитываютъ до 400 дѣвицъ, то неужели нѣсколько лѣтъ прошедшихъ со времени основанія этихъ заведеній не принесли оправдательной пользы и не имѣли никакого вліянія на то, чтобы провинціалки, по-крайней-мѣрѣ, не являлись въ литературныхъ нашихъ разказахъ воплощъ ужасными невѣждами, или, по-крайней-мѣрѣ смотрѣли бы на нихъ съ большею разборчивостію и вниманіемъ, доверяя хоть сколько-нибудь провинціальному быту, съ исключеніями, которыхъ требуетъ благородіе. Въ настоящее время, въ провинціальныхъ обществахъ, можно не затрудняясь встрѣтить многихъ и премногихъ дамъ, которыя слишкомъ вдались въ крайности европеизма, и на это излишество и изысканность требуется уже сатирическаго пера, а не на ту пошлую *простаковщину*, которую многіе расказчики—писатели стараются съ такою заботливостію удерживать за ними, какъ неизмѣнную ихъ принадлежность.

По нашему мнѣнію должно обратиться не къ тому, чтобы заботливо изыскивать и воскрешать въ новомъ видѣ г-жъ Простаковыхъ; но очинить острое перо и съ удвоенною на-

блюдательностию высказывать то усиливающееся зло, которое далеко превзошло простоту. Мы разумемъ страсть стоять выше своего состоянія и гибельное увлеченіе—не казаться провинціалкою, но европейкою, или явите: добиваться чести казаться полуфранцуженкою. Можно сказать смѣло, что въ этомъ теперь дѣйствиі завязался опасный узелъ. Тутъ скрыта язва, которая въ наше время отдаленными путями отравляетъ благо семейной жизни и слишкомъ далеко пускаетъ корень зла въ народный бытъ. Кажется, и не безъ основанія, что современность провинціальной жизни безгранично выказываетъ стремленіе—сбросить съ себя *простоту* и въ такомъ случаѣ юмористика наша или слишкомъ опаздываетъ, или до излишества любить интересныя для нея пошлости, до сихъ поръ не впопадъ гоняясь за такими предводительшами и председательшами, какихъ во всей нашей Руси едва ли найти можно. Наблюдательность въ ея отдалахъ все еще держать палецъ на лбу и выдумываетъ какими бы островами и юморомъ искоренить съ лица земли Русской патриархальную простоту, а между-тѣмъ не видятъ, что предъ ихъ глазами многія провинціалки смѣются уже надъ ихъ наблюдательностию и гордятся тѣмъ, что ихъ не узнаютъ и въ Парижѣ, что онѣ не *Францужанки*.

За этими европейками нераздѣльно цѣпью тянутся всѣ, имѣющія претензіи на то, что онѣ не *Русскія*, что онѣ не провинціалки, что онѣ уже далеко ушли отъ дикой патриархальности и между-тѣмъ какъ этихъ европейкокъ тщательно и заботливо облакаютъ въ такіе наряды, которые обезобразили бы и тогда каждую благородную женщину, когда у насъ не было ни одной картинки въ журналахъ, онѣ давнымъ давно уже ставятъ носъ нашимъ острякамъ, юмористамъ, упрятавши мужей своихъ безвыкупно въ заемныя банки своею изысканностию, своею образованностию, своимъ очищеннымъ вкусомъ и своимъ успѣхомъ въ умнѣніи не отставать отъ *духа времени* и *потребности вкуса*. И на этотъ предметъ у насъ нѣтъ ни наблюдателей, ни юмористовъ, ни критиковъ

и зло безъ претензій разливается во всѣхъ слояхъ высшаго и низшаго класса людей.

Вообще сколько придется перечитать остротъ болѣе или менѣе интересныхъ, болѣе или менѣе забавныхъ и мѣткихъ укоризнъ провинціальной простотѣ; сколько услышимъ горькихъ истинъ въ укоръ провинціальному невѣжеству, а между-тѣмъ, какъ мало убѣжденных въ томъ, что все списано и изображено точь-вточь съ природы, и что все это отчетно попало въ цѣль сатирическаго своею стороною; что все это удачно коснулось той черной немочи, которая должна излечиться усиленными саркасами. Нѣтъ сомнѣній, что смѣшное остается нашимъ пріобретеніемъ, какъ забава, но все ли то хорошо и прилично, что только смѣшить, и есть ли изъ того не только нравственная польза, но хоть составилось ли такое литературное произведеніе, въ которомъ бы не оскорбительно и убѣдительно отражалась современность нравовъ. И кто столько силенъ въ предугадываніи, которымъ можетъ увѣрить, что настоящее гоненіе и преслѣдованіе на простоту нравовъ, кроющуюся въ провинціяхъ, болѣе полезно нежели вредно. Кто положительно определить, что преобразовывая простоту въ европейскую изысканность не повредитъ народности въ ея основаніи!

Угождая частному интересу и желанію осмѣвать всѣ званія безъ исключенія въ видѣ какого-нибудь выдуманнаго на прокатъ глупца, мы удаляемся отъ благоразумной мѣры поддерживать приличное уваженіе многихъ провинціальныхъ сословій, и насильно выторговываемъ презрѣніе къ некоторымъ мѣстамъ, которыми и рѣшаются пренебрегать многіе молодые люди, единственно изъ предубѣжденія, и очищаютъ эти мѣста для людей, радующихся всему тому, что досталось имъ не позаслугамъ. Мы уже изучили какъ непреложный фактъ, что провинціальный чиновникъ не можетъ быть безъ уморительныхъ причудъ, и помѣщикъ безъ тѣхъ обстановокъ, которые ваяютъ со смѣху каждаго православнаго. Если учитель, то непременно онъ долженъ быть Хемницеровъ Мефазикъ, или еще и того хуже, если засѣдатель то ужъ это

просто, изъ рукъ вонъ, какое смѣшное существо. Полно господу, такъ ли въ самомъ дѣлѣ, или, всегда ли такъ?

Страшусь однакожь выразиться недостаточно; страшусь дать этимъ мыслямъ смыслъ провинціального адвоката. — Нѣтъ, намъ желательно только высказать, при случай, свое мнѣніе и вымолвить слово о благоразумной соразмѣрности пошлаго, грязнаго, оскорбительнаго съ глубокимъ взглядомъ на предметы, насъ окружающіе. Намъ интересно сказать, что излишество насмѣшекъ надъ провинціальною превосходитъ въроятіе, вдаваясь во всѣ крайности вымогательства хохотни. И если обнять этотъ предметъ глубокомысленно, то въ разсудованіяхъ его не окажется ли болѣе нравственнаго зла, чѣмъ нравственнаго наслажденія; не будутъ ли настоящія карикатуры на провинціальныя нравы будущю не заслуженною хулою на нашу современность, и не согрѣшимъ ли мы предъ потомствомъ нашею литературностью въ видахъ истины

Считаемъ не лишнимъ сказать, что въ провинціяхъ въ образъ жизни вкралось столько новыхъ причудъ, освоенныхъ съ современностью, которыя еще никѣмъ не списаны, что надо удивляться, почему они не вводятся въ предметы наблюденій. Сколько есть характерности и народности, смѣшавшейся съ современностью въ послѣднюю четверть вѣка, которыя призываютъ самаго остроумнаго наблюдателя — съ его острымъ и увлекательнымъ перомъ. Но у насъ не этимъ увлечены. Выдумывай, что хочешь, только бы насмѣшили. Подавай смѣшнаго! Что за бѣда, если оно неопратно, неправдоподобно, или просто ложно, лишь-бы достигло своей цѣли — начудить и отхлестать, а провинціальность такъ изобильна всякаго роду причудами, населена такими вѣдьями и медвѣдями, что объ нихъ, что ни пиши, все уморитъ со смѣху. Чего же больше! Притомъ общества сдѣлались съ нѣкотораго времени такъ взыскательны, что нельзя въ приличномъ благородномъ кругѣ, ни даже въ провинціальной гостиниой расказывать ничего *натурально подмиченнаго*, схваченнаго чудесно изъ самаго огня дѣйствій наблюдате-

лемъ—мастеромъ своего дѣла; такъ гдѣ же дѣвать все это грязесловіе, все это свѣжо-забавное приобрѣтеніе? Въ книги его! Прочтуть, если нельзя слушать и расказывать изъ пустой деликатности.

Если допустить радованіе безграничному размноженію безобразныхъ сценъ провинціальности, и вѣрить всѣмъ нелюпостямъ съ подтвердительнымъ соглашеніемъ, то не слѣдуетъ упрекать и иностранцевъ за всѣ ложныя расказы о доброй землѣ Русской. Если свои списываютъ съ натуры своихъ же совершенными уродами, варварами, не наказанными за очевидныя рѣзкія преступленія и нарушенія обязанностей, равныхъ *Пифагору Ларионовичу*, за которыми будто нѣтъ ничего надзора, и если всему этому вздору давать значеніе общности, то почему же иностранцамъ не издѣваться, если и они имѣютъ ту же цѣль: выдумать да насмѣшить своихъ соотечественниковъ описаніемъ, въ которомъ изысканы всѣ дива и чуда, въ странѣ необразованной; въ странѣ, гдѣ народный бытъ презобилуетъ одною черною стороною и гдѣ неистощимый запасъ всего смѣшнаго. И не слѣдуетъ изумляться тому, что наша литература за неимѣніемъ ничего возвышеннаго, ничего утѣшительнаго и привлекательнаго, ничего образованнаго и развившагося на родной почвѣ, не производитъ ничего выше смѣшнаго. Отсутствие истины въ изображеніяхъ провинціальности и увлеченіе давать во всѣмъ форму уродливости, породили столько ложныхъ фактовъ, что потребны время и значительныя усилія благоразумныхъ писателей, чтобы измѣнить образъ мыслей, неуместно вкравшійся и усилюющійся во вредъ провинціальности.

Намъ недавно случилось встрѣтить Петербургскую даму, которая узнавши, что мужъ ея вышелъ въ отставку и ѣдетъ въ Украинскую деревню, пришла въ неопisanную печаль. Ей страшна была мысль—слышать варварскій языкъ, котораго она не понимаетъ, и находится въ кругу людей, которые не поймутъ и ея языка. Въ другихъ государствахъ повали бы ее на Французскомъ, а въ Украинѣ. . . . о ужась! Ей представлялась эта страна дикою, въ которой обитатели безгра-

матные, наповалъ всѣ безъ просыпу пьяные, помѣшники уроды, жены и дочери ихъ нестерпимыя карикатуры, а чиновники тѣ самые, съ ихъ семействами, которыхъ она такъ хорошо изучила по нѣкоторымъ съ *натуры силъ* описаніямъ. «Боже, что со мною будетъ!» думала несчастная европейка. Она должна будетъ умереть отъ скуки и молчанія, или до смерти захохотаться отъ умерительныхъ дѣйствій, для которыхъ сцены всегда открыты и занавѣсь никогда не опускается. Но каково же было ея удивленіе, когда она не нашла въ дѣйствительности тѣхъ рѣзкихъ странностей, которыхъ столько страшилась, а напротивъ видѣла людей, съ которыми можно ужиться и даже съ удовольствіемъ, и которые также, какъ и вездѣ, были люди со всеми расчетами и заботами о приличіи и которые, какъ и вездѣ, имѣли свою хорошую и дурную сторону. — «Гдѣжь всѣ эти буяны, пьяницы, варвары, дикари? Гдѣ всѣ эти ужасныя женщины, которыя чуть не дерутся башмаками, въ своихъ собраніяхъ, освѣщенныхъ парюю салныхъ свѣчъ?» — спрашивала удивленная Петербургская дама. «Я ихъ не вижу; я ничего не нахожу того, что такъ страшило меня и забавляло въ книгахъ. Покази же мнѣ, душенька, гозорила она мужу, хоть Гоголевскаго Судью, мнѣ страхъ хочется видѣть его въ натурѣ».

— Да тыжь часто видишь почтеннаго нашего дядю Григорія Федоровича, вѣдь онъ же былъ долго судьейо. «Да это не такой. Это почтенный, умный и образованный старикъ и литераторъ: не ужели и онъ выманивалъ и лакомился *бубликами* * кажется такъ—гдѣ то я объ этомъ читала.—Читать дѣло другое—отвѣчалъ мужъ. Тамъ пишутъ для смѣху. Благодаря Бога и мѣрамъ мудраго Правительства, отъ насъ записать вовсе не встрѣчаться съ пробойными негодьями и пьяницами, и со всеми ихъ безобразными дѣйствіями и грязловіемъ. Пускай все это живетъ въ книгахъ.

П

* Малороссійскіе крендели.

ОТДѢЛЕНІЕ V.

Науки и Искусства.

=

ПРАЗДНИКИ

ДРЕВНИХЪ РИМЛЯНЪ.

—
СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Римляне живутъ въ потомствѣ не только какъ представители классической древности, но и какъ властители древняго міра. Торжественные праздники народовъ суть рѣзкій отпечатокъ ихъ религіозныхъ вѣрованій и, вмѣстѣ, ихъ наслажденій дѣйствительною жизнію. Религія древнихъ Римлянъ, какъ созданіе воображенія, съ одной этой точки зрѣнія представляетъ наблюдательному духу много занимательнаго и любопытнаго.

Праздники древнихъ Римлянъ можно разделить на *годовые*, которые шли, такъ сказать, въ ногу съ перемѣнами времени года, и которыми торжествовались извѣстныя благодѣнія природы, и на собственно *народные*, посредствомъ которыхъ римскій народъ хотѣлъ сохранить въ памяти судьбы своего отечества.

Здѣсь описаны праздники древнихъ Римлянъ по порядку дней и мѣсяцевъ года.

№ 7. Отд. V.

ПРАЗДНИКИ ВЪ ЯНВАРѢ.

Перваго Января праздникъ Януса. Двуличный Янусъ, отъ котораго первый мѣсяцъ нашего года и понынѣ ведетъ свое названіе, однимъ лицомъ, на затылкѣ, означалъ воспоминаніе прошедшаго, а переднимъ лицомъ — прозрѣніе въ будущность. Нельзя придумать болѣе знаменательнаго символа для минувшаго и грядущаго. Януса призывали во всѣхъ молитвахъ; онъ былъ какъ бы дверь, которою входили къ богамъ прошенія. Первый мѣсяцъ года былъ посвященъ ему, и въ первый день года приносили ему жертву, — лепешку, приготовленную на меду и молокъ, и хлѣбъ, посыпанный солью. Януса представляли царемъ, царствовавшимъ во время золотаго вѣка, вмѣстѣ съ Сатурномъ, на холмѣ, который еще и понынѣ называется отъ него *Яникуломъ*. Такимъ образомъ, въ началъ каждаго года какъ-будто переселялись въ міръ невинности, когда еще царствовала между людьми взаимная вѣрность: раздавали другъ другу подарки, которые должны были означать не столько богатство дарившаго, сколько доброе его расположеніе, какъ-то: финики, сушенныя фиги, сосудъ съ медомъ, старинныя монеты отъ времени царей; такіе подарки должныствовали напоминать о вѣкѣ невинности и болѣе простыхъ нравахъ. Этотъ обычай долго сохранялся; самые цари принимали и давали еще такіе подарки, и чрезъ это всегда переходила изъ рода въ родъ вѣкоторая тѣнь той взаимной между людьми довѣренности, которую воображали себѣ во времена самыя древнія. Стихотворецъ Марціалъ, посылая въ подарокъ на новый годъ вѣтвь съ позолоченными финиками, приписалъ: «Вѣтвь съ позолоченными плодами дарить и бѣдный въ праздникъ Януса.» Значитъ, и тогда уже было въ обыкновеніи желать и испрашивать другъ другу отъ боговъ всякаго счастья въ день новаго года. Особенную же цѣну празднику новаго года придавало то, что смотрѣли на него не какъ на праздникъ покоя, но какъ на праздникъ дѣятельности. Трудъ или начатіе

дѣлъ въ этотъ день какъ бы освящались, принадлежали къ самому торжеству дня и были счастливымъ предзнаменованіемъ изъ всѣхъ другихъ праздниковъ. Можно было въ этотъ день даже судиться, но безъ дальнихъ споровъ, и надлежало начинать новый годъ дѣлами болѣе легкими. Оба консула, которые въ истекшемъ году были уже избраны въ собравіи народа, въ этотъ день вступали въ свою должность и въ Капитоліи приносили благаго вола въ жертву Юпитеру. Начало управленія республикою верховными ея правителями, которые избирались на одинъ годъ, отлагалось также до этого дня. Важнѣйшее государственное дѣло должно было быть свято и имѣть счастливое предзнаменованіе для будущности.

Одиннадцатаго Января. Карменталинъ. Карменталинъ составлялъ собственно народный праздникъ Римлянъ; его торжествовали въ честь Карменты, аркадской нимфы или матери Эвандра, пришедшаго изъ Греціи въ Италію, и за четыреста лѣтъ до построенія Рима обитавшаго на Палатинской Горѣ, на которой онъ съ своими подданными велъ нѣкоторымъ образомъ пастушескую жизнь, и которая въ послѣдствіи времени была великодушнымъ сѣдалищемъ римскихъ царей, а теперь опять, какъ и во времена Эвандра, представляетъ видъ пустыря, груды развалинъ, заросшихъ чапыжникомъ. Удивительно ли, что Римлянамъ, которыхъ праотецъ первоначально основалъ свой городъ на этомъ холмѣ, священно было воспоминаніе о древнихъ его обитателяхъ? Удивительно ли, что они въ древнихъ, темныхъ воспоминаніяхъ объ этомъ холмѣ находили нѣчто божественное и приносили жертвы нимфѣ-пророчицѣ, которая уже Геркулесу, когда онъ, во время обильныхъ дѣянiami походовъ своихъ, приходилъ и въ эту страну, предрекла, что, въ награду за понесенныя труды, ему воздадутъ божескія почести на этомъ мѣстѣ и что тутъ возникнетъ могучее царство? Праздникъ Карменталинъ всякій разъ напоминалъ Римлянамъ о тѣхъ временахъ,

когда то, что тайлось под покровомъ темныхъ предсказаний, сбывалось на самомъ дѣлѣ. Эти воспоминанія возвышали также прелесть дѣйствительной жизни и римскому народу дѣлали столь драгоценною собственную его исторію, что онъ, видя безпрестанно возрастающее свое величіе, ни о чемъ съ такимъ удовольствіемъ не помышлялъ, какъ о своемъ происхожденіи. А чтобы болѣе почтить воспоминаніе о тѣхъ первобытныхъ временахъ, по имени Карменты названы были городскія ворота, и при нихъ воздвигнуть этой нимфѣ алтарь или небольшой храмъ, въ которомъ исправлялъ службу и жертвоприношенія особый жрецъ.

Шестнадцатаго Января. Посвященіе храма Конкордіи или Согласія. Это посвященіе составляло особенно уважаемый народный праздникъ Римлянъ: оно напоминало имъ о самой необходимой гражданской добродѣтели. Храмъ Конкордіи былъ тотъ самый, который, во время возстанія, угрожавшаго республикѣ неминуемою гибелью, Камиллъ, избранный въ диктаторы, обѣщалъ воздвигнуть богинѣ согласія, если успѣетъ примирить умы и потушить крамолу. Неудовольствіе произошло отъ того, что патриціи воспротивились избранію консула изъ плебеевъ. Когда эта ужасная борьба взаимнымъ соглашеніемъ была прекращена, храмъ согласія былъ воздвигнутъ, и его посвященіе совершилось шестнадцатаго Января. И этотъ день потомъ торжествовали ежегодно. Онъ соединялъ и связывалъ сердца кроткими чувствами, а съ тѣмъ вмѣстѣ давалъ римскому народу урокъ изъ собственной его исторіи. Храмъ стоялъ на возвышеніи, съ котораго какъ-бы обозрѣвалъ городъ, и притомъ служилъ мѣстомъ собраній и совѣщаній для сената, въ важнѣйшихъ государственныхъ случаяхъ. Отъ храма согласія, стоявшаго на скатѣ Капитолійской Горы, остаются и понынѣ еще восемь столбовъ іоническаго ордена, съ капителью, на которой находится надпись: «Сенатъ и народъ возстановили этотъ храмъ, истребленный огнемъ.» Путь ничего прелестнѣе вида этихъ разва-

линъ, когда всходишь на отлогость Капитолійской Горы, черезъ тѣнистую рошу, сквозь свѣжую зелень которой мелькаютъ остатки великолѣпнаго зданія, что нѣкогда вмѣщало въ себя римскій сенатъ, владыкъ земли; гдѣ красноречивый Цицеронъ громилъ Катилину, гдѣ рѣшались судьбы народовъ и царствъ. Теперь оно служить оградой огороднику, который у подножія бывшаго алтаря садитъ капусту.

Двадцать-пятаго Января. Сементины или праздникъ посева. Этотъ праздникъ торжествовали собственно поселяне, по окончаніи засѣва полей, и потому онъ не всегда приходился на одинъ и тотъ же день. Однако жъ въ календарѣ назначено для него двадцать-пятое число. Этотъ праздникъ имѣлъ непосредственное отношеніе къ дѣйствительной жизни. Когда наступалъ онъ, всѣ рабы оставляли свои работы и проводили день въ увеселеніяхъ; украшали цвѣтами воловъ, употребляемыхъ при воздѣлываніи полей. То, что людямъ доставляетъ услугу и пользу, въ этотъ праздникъ входило въ кругъ ихъ веселаго быта, и они не пренебрегали въ этотъ день сближеніемъ съ окружающею ихъ животною и растительною природой. Богинѣ земли (Tellus) и Церерѣ приносили въ жертву лещенку: этимъ изображали самую землю, все питающую, и ея плодovitость. Богиня земли и Церера были матери плодовъ. Первую представляли себѣ ихъ вмѣстелищемъ, а последнюю — дѣйствующею ихъ причиною. При молитвахъ о всходѣ и урожаѣ посѣянныхъ семянъ, приносили въ жертву вредную для полей и роющую поласвинью, какъ-бы въ наказаніе за ея дерзость противъ освященныхъ полей Цереры.

ПРАЗДНИКИ ВЪ ФЕВРАЛѢ.

Перваго Февраля. Праздникъ Юноны-хранительницы и праздникъ роши (Lucaria). Различныя наименованія, которыми древніе давали своимъ богамъ, уже показываютъ, что они представляли и съ себѣ не столько отдѣльными, дѣйстви-

тельными существами, сколько общими, симво лическими образами. Добродетель и благотворительность, защитников и хранителей вообще чтити они подь всякими образами, придавая только этимъ понятіямъ отличительныя наименованія, которыя относились къ какому-нибудь особенному случаю, или напоминали о какомъ-нибудь необыкновенномъ и чудесномъ избавленіи отъ беды или опасности. Такъ нѣкогда римскій консулъ, во время нашествія Галловъ, далъ обѣтъ воздвигнуть храмъ Юнонь-хранительницъ, если Римляне одержатъ побѣду. И какъ открытіе храма случилось перваго Февраля, то этотъ день и посвященъ былъ преимущественно Юнонь-хранительницъ. Такимъ образомъ и этотъ праздникъ принадлежалъ собственно къ патриотическимъ или народнымъ праздникамъ, потому-что съ нимъ соединилась мысль о спасеніи Рима. Въ этотъ день совершалось еще и другое празднество, воспоминаніе о убежищѣ, которое Ромуль, по недостатку въ жителяхъ для вновь построеннаго города, основалъ въ одной роцѣ. Почему этотъ день и получилъ названіе «праздника роци», отъ латинскаго слова *lucis*. Римскій народъ, постоянно мужавшій въ силѣ и могуществѣ, всегда съ удовольствіемъ смотрѣлъ на колыбель своего дѣтства и на малочисленность первыхъ своихъ согражданъ, чтобы тѣмъ живѣе себя представить возрастающее свое величіе. Такимъ образомъ праздникъ роци, напоминая о тѣхъ временахъ, когда горсть изгнанниковъ, блуждающая положила основаніе вѣками прославленному Риму, опять для народа былъ какъ-бы листомъ, на которомъ онъ ежегодно прочитывалъ свою отечественную исторію.

Тринадцатаго Февраля. Праздникъ Фавна (Faunalia). Въ этотъ день приносили въ жертву Фавну молодую козу, благовои и вино. Фавны были полубоги лѣсовъ, и ихъ старались умилостивлять этими жертвами, воображая иногда одного, а иногда многихъ. На островѣ Тибръ, въ Римѣ, въ честь Фавну воздвигнуть былъ особый храмъ, гдѣ, подь именемъ это-

го божества, чтити вмѣстѣ и память царя Фавна, который кротко и мудро царствовалъ въ Лаціумъ и котораго имя сохранилось отъ темныхъ временъ древности. Такимъ образомъ то, къ чему благоговѣли, было неопредѣленно въ отношеніи къ наименованію, подь которымъ вообще представляли только благое и благотворительное.

Пятнадцатаго Февраля. Праздникъ Пана или Луперкаліи. И этотъ праздникъ торжественно напоминалъ о тѣхъ временахъ, когда на Палатинской Горѣ обитали еще пастухи, которые пришли туда подь предводительствомъ Эвандра, принесли съ собою, изъ Аркадіи, свои простыя нравы и обычаи, изадолго до основанія Рима, чтити уже Пана, хранителя стадъ. Ловець Эвандръ, гроза волковъ, у подошвы Палатинской Горы посвятилъ Пану пещеру, которая и получила наименованіе *волчьей*. Близъ этой пещеры стояло фиговое дерево, подь которымъ найдены брошенные близнецы Ромуль и Ремъ, и гдѣ волчица, подошедшая къ этому священному мѣсту, какъ говоритъ преданіе, вдругъ отложила свою дикую природу и обоихъ малютокъ вскормила своимъ молокомъ. Здѣсь же стояла и хижина Ромула, въ которой онъ жилъ какъ пастухъ, и которую, въ память тѣхъ временъ, постоянно возобновляли изъ тростника и дерева, изъ которыхъ она была построена, и такимъ образомъ сохраняли на многія времена для потомства. Удивительно ли, что здѣсь каждый клочекъ земли былъ священнымъ для Римлянъ и становился для нихъ тѣмъ драгоценнѣе, чѣмъ болѣе они научались уважать самихъ себя и любить свое отечество? Безпрестанно глядя на эти священныя мѣста и ежегодно совершая тутъ празднества въ память былыхъ временъ, Римляне постоянно припоминали и какъ-бы видѣли свою исторію. Черезъ это мѣстность по необходимости должна была сохранить свою цѣну; время и понинъ еще не стерло ея, и она еще и понынѣ имѣетъ неоспоримую прелесть тѣхъ временъ, отъ которыхъ чуть-чуть остаются теперь нѣкоторые отголоски. Еще и теперь пока-

зываютъ тотъ клочекъ земли, гдѣ была волчья пещера и гдѣ потомъ построена церковь во имя Маріи-Освободительницы, которая, по священнымъ сказаніямъ, помогла папѣ святому Сильвестру выгнать страшнаго дракона, укрывавшагося въ той пещерѣ. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла хижина Ромула, на скатѣ палатинскаго холма, и теперь еще стоитъ круглый храмъ, воздвигнутый ему въ позднѣйшія времена, известный подъ именемъ церкви святаго Феодора. При входѣ въ тотъ храмъ, и теперь еще стоитъ древній алтарь, съ углубленіемъ для жертвеннаго огня, на который сыпали благовонія. Новѣйшая надпись на этомъ алтарѣ говоритъ, что онъ некогда былъ посвященъ Ромулу, языческому ложному богу. Веларь или рынокъ,—гдѣ были лавки, покрытыя парусиною, и куда во времена Ромула ѣздили въ лодкахъ по причинѣ разлитія Тибра, выступавшаго изъ своихъ береговъ, — и теперь еще сохраняеть свое названіе; а отъ сельскихъ хижинъ или деревушки, которую Эвандръ построилъ на близнемъ холмѣ и назвалъ по имени одного аркадскаго города *Палатіемъ*, Палатинская Гора и, въ послѣдствіи, дворецъ царей, получили свое наименованіе *Palatium*, означающее всякое великолѣпное жилище. На этомъ то мѣстѣ, изъ столь ничтожнаго начала, возникла высочайшая вершина человѣческаго величія и славы, которая потомъ опять разсыпалась въ пыль и прахъ.

Впрочемъ, одно селеніе или вила на Палатинской Горѣ, между развалинами прежнихъ чертоговъ, донинѣ называется *царскою виллою*. Живописцы ходятъ сюда и снимаютъ съ нея самыя разнообразныя и занимательныя виды. Но здѣсь все тихо и пустынно. Двое стариковъ живутъ въ небольшомъ домикѣ, между развалинами, и стучащимся иностранцамъ отворить садовую калитку.

Со стороны палатинскаго холма, если смотреть черезъ Авентинъ, виднѣя внизу огромнѣйшій циркъ, въ обширныхъ стѣнахъ котораго цвѣтистымъ ковромъ разстилаются сады. Чу-

десное впечатлѣвіе производятъ мѣста изъ римскихъ поговѣй, жившихъ во времена Августа, и своимъ воображеніемъ увосившихся къ отдаленной древности, ко временамъ Эвандра. Они изображали видъ и прежнее положеніе этихъ мѣстъ за-долго до построенія Рима, чтобы настоящему, чрезъ противоположность съ минувшимъ, придать болѣе живой цвѣтъ; и мы теперь, читая эти мѣста, въ времена тѣхъ поговѣй, представляшія все въ самомъ свѣжемъ цвѣтѣ настоящаго, смотримъ опять какъ на отдаленную древность, которой слѣды, не совсѣмъ еще сглаженныя, для насъ священны, и вездѣ обращаютъ на себя наше вниманіе, гдѣ только мы ихъ находимъ.

Такъ и въ праздникъ Пана въ Римлянахъ оживало воспоминаніе о томъ, что было для нихъ уже древностью. Быстроногій Панъ, скачущій съ горы на гору, всегда и вездѣ готовый на защиту стада, былъ особенно уважаемъ за скорость на бѣгу. Оттого въ этотъ праздникъ, въ честь Пана и въ воспоминаніе о Ромулѣ и Ремѣ и о тѣхъ грубыхъ временахъ, когда люди обитали еще въ лѣсахъ, безъ одежды, питались одними плодами и воду изъ ручья пили пригоршнями, юноши бѣгали въ перегонку нагіе. Для торжественія этого праздника учреждались особая братства, которыхъ члены, къ концу пятнадцатаго Февраля, собирались у посвященной Пану пещеры, при подошвѣ Палатинской Горы. Каждый приносилъ здѣсь въ жертву Пану бѣлую козу, и кожу ея подвизывалъ на себя, если былъ раздетъ и готовъ къ бѣганью.

При этомъ былъ слѣдующій странный обычай. Жрецъ, закалавшій первую жертву, къ головамъ двухъ благородныхъ римскихъ юношей прикасался окровавленнымъ ножомъ, а двое другихъ шерстью, обмоченною въ молоко, обтирали кровавые знаки. Вѣроятно, это былъ родъ очищенія за первое совершившееся здѣсь братоубійство, и тѣмъ хотѣли смыть позорное пятно, чтобы оно не прильнуло къ невиннымъ потомкамъ. Вообще понятіи о счастьи потом-

ковъ, о плодородіи матерей и ихъ благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени, особенно были священны Римлянамъ, и осуществлялись обрядами праздника. Припоминали о временахъ Ромула, когда, вскорѣ послѣ похищенія Сабинянокъ, безплодіе матерей причинило всеобщую печаль. Тогда просили покровительствующую женскимъ родамъ Юнону, которой поклонялись въ священной рощѣ, и которой таинственные отвѣты такъ были истолкованы, чтобы неплодныхъ матерей, въ праздникъ Пана, класть на ристалищъ и бить ремнемъ, вырѣзаннымъ изъ кожи принесенной въ жертву козы, отъ-чего онъ скоро сдѣлается счастливыми матерями. Такой обычай въ-послѣдствіи соблюдаемъ былъ въ праздникъ Пана, и изъ этого по-крайней-мѣрѣ видно, сколь важно было у древнихъ понятіе о размноженіи рода человеческого, сколь мало стыдились они этого понятія, и сколь они были далеки отъ-того, чтобы почитать этотъ законъ природы непристойнымъ и недостойнымъ священныхъ обрядовъ.

Семнадцатаго Февраля. Праздникъ Ромула (quirinalia). Этотъ праздникъ былъ посвященъ памяти Ромула, котораго боготворили подъ именемъ Квирина, потому-что онъ носилъ *дротикъ*, называемый по-латыни *quiris*. Онъ напоминалъ Римлянамъ о томъ событіи, когда Ромуль, по древнему преданію, среди царственныхъ занятій, подъ открытымъ небомъ, въ собраніи сената и народа отдававшій свои повелѣнія, внезапно возставшею бурей былъ похищенъ отъ земли и исчезъ изъ виду смертныхъ. Онъ напоминалъ также, какъ вскорѣ послѣ того, когда народъ подозревалъ патриціевъ въ убіеніи Ромула, явился онъ Юлію Прокулу на пути отъ Альбы, при свѣтломъ сіяніи луны, въ видѣ прекраснаго юноши, въ неземномъ величіи, и вмѣсто печали объ утратѣ, завѣщалъ Римлянамъ торжествовать его обоготвореніе и воинскіе подвиги. Народъ легко и съ удовольствіемъ принялъ такую вѣсть о безсмертіи своего основателя: эта мысль воз-

вышла его мужество, и онъ обязался сдѣлаться достойнымъ Ромула воинскими доблестями. И такъ Ромулу, обоготворенному подъ именемъ Квирина, на одномъ изъ семи римскихъ холмовъ, соорудили храмъ, отъ котораго этотъ холмъ и нынѣ называется Квиринскимъ. По имени Ромула-Квирина Римляне называли себя квиритами (*quirites*), и это было ихъ собственное почетное наименованіе, употреблявшееся въ публичныхъ рѣчахъ на народномъ вече.

Тамъ, гдѣ стоялъ храмъ Квирина, стойтъ теперь монастырь; позади его, на скатѣ холма, садъ, съ террасами, и вила, въ которой лѣтомъ живетъ папа. Последніе остатки храма сняты, назадъ тому двѣсти лѣтъ, чтобы изъ ихъ мрамора сдѣлать помостъ въ церкви Богоматери, на вершинѣ капитолийскаго холма. Какъ далеко простиралось благоговѣніе римскаго народа къ основателю Рима, это видно изъ того, что Квирину, какъ и другимъ богамъ, опредѣленъ былъ особый жрецъ. Римляне какъ-будто находили себя самихъ въ своемъ обоготворенномъ основателѣ, и чтили въ немъ свою собственную храбрость и величіе.

Форнакалии. Наименованіе этого праздника взято отъ латинскаго слова *forax*, печь; онъ сопровождался жертвоприношеніями, которыя совершались при сушкѣ хлѣба въ большихъ печахъ, предъ молотью. Сушка хлѣба была у Римлянъ въ употребленіи въ самыя древнія времена, когда искусство хлѣбопеченія было еще имъ неизвѣстно и составляло самое важное дѣло въ ихъ хозяйствѣ. Высушенное зерно, за неимѣніемъ мельницъ, толкли въ корытѣ и варили какъ кашу, которая долгое время, и тогда, когда уже явились у Римлянъ славнѣйшіе герои составляла лучшее ихъ кушанье. Это сушеніе хлѣбнаго зерна царь Нума обратилъ въ священный обрядъ въры и установилъ чествованіе богини Форнаксъ, которой ежегодно приносили жертвы. Отъ благоговѣнія къ тому, что сохраняетъ и питаетъ, перешли къ понятію объ особомъ божествѣ. Самое простое средство

питанія сдѣлалось чрезъ то священнымъ, и наслажденіе имъ стало выше одного просто животнаго наслажденія. Торжество этого праздника обыкновенно возвѣщалось, передъ праздникомъ Ромула, главнымъ жрецомъ.

Праздникъ усопшихъ продолжался нѣсколько дней во второй половинѣ Февраля, и отъ него самый мѣсяцъ Февраль получилъ свое наименованіе: очистительными жертвами (febratio) назывались у древнихъ Римлянъ священные обряды, которыми они старались какъ-бы примирить съ собою души умершихъ, или блуждающимъ ихъ тѣнямъ доставить покой. Примирительными жертвами хотѣли также отогнать и пустыя мечты о грозныхъ привидѣніяхъ, рисуемыя людямъ ихъ воображеніемъ во-снѣ и на-яву, когда они вспоминаютъ о покойникахъ, съ которыми жили, говорили и обращались, и которыхъ потомъ не стало. Въмѣстѣ съ тѣмъ хотѣли примириться съ ними и за тѣ оскорбленія, которыя наносили имъ при жизни и за которыя имъ удовлетворить теперь не могли. Убийство, уголовныя, государственныя и всякаго рода преступленія, привлекавшія на себя мщеніе боговъ, старались въ это время загладить жертвами, приносимыми на могилахъ умершихъ, и такимъ образомъ положеніе дѣлъ и ве-уловимое время какъ-бы опять привести на ихъ бывшую колею. Въ это время не дѣлали также обрученій, не играли свадеебъ и вообще не приступали ни къ какимъ дѣламъ, которыя любили начинать при счастливыхъ предзнаменованіяхъ, и въ которыхъ сколько можно старались удалять отъ себя мысли о смерти и могилѣ, или, лучше, мипуты этого праздника, посвященныя памяти умершихъ, не хотѣли отнимать у нихъ, и праздникъ печали нарушать весельемъ. Это благоговѣніе къ памяти усопшихъ у древнихъ было священной обязанностію. У Римлянъ существовалъ даже слѣдующій законъ: «Права умершихъ должны быть священны; тѣнямъ или душамъ отшедшихъ должно воздавать, хотя низшее, чѣмъ богамъ, благоговѣніе и уменьшать сѣтованіе объ нихъ.» Думали, что души умершихъ, если ихъ жизнь была праведна и добродѣтельна, получали часть божественной

природы и дѣлались геніями-правителями живыхъ людей. Ихъ и чтили подъ образомъ домашнихъ боговъ или ларовъ (lares); мѣсто въ домѣ, имъ посвященное, называлось божницею ларовъ (laragium).

Называя этихъ добрыхъ духовъ *ларами*, грозные образы воображенія или страшныя ночныя привидѣнія, наводящія на людей страхъ и ужасъ, называли древніе *привидѣніями* или *мертвецами* (larva), разумя подъ этимъ словомъ такія существа, которыя находятъ удовольствіе въ томъ, чтобы вредить людямъ, и которыя нѣкогда осквернили свою жизнь постыдными и ужасными дѣлами. А чтобы отогнать отъ себя такіе страшные образы, и блуждающимъ, въ наказаніе, тѣнямъ, сколько можно, дать покой, — приносили обѣты и жертвы.

На мѣстѣ потухшаго зажигательнаго костра, съ благочестивыми молитвами разсыпали плоды, вѣнки и цвѣты. Такимъ образомъ память объ умершихъ съ каждымъ годомъ возобновлялась, и они не такъ скоро забывались тѣми, кто ихъ переживалъ.

Двадцатого Февраля. Праздникъ дружелюбія (Charistia) получилъ свое наименованіе отъ любви и согласія, которыя черезъ него водворялись въ семействахъ, собиравшихся въ этотъ день въ домъ старшаго или главнаго лица каждаго семейства. Къ этому празднику служилъ приготовленіемъ предъидущій праздникъ усопшихъ: воспоминаніе объ нихъ и о краткости жизни само-по-себѣ уже настроивало души къ миру и согласію. Вспоминая о потерѣ какаго-нибудь любимаго родственника, оставшееся семейство рассказывало объ немъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ, заглядывая въ неизвѣстную будущность, старалось дружнѣе наслаждаться жизнію. Для этого каждое семейство поставило себя въ обязанность, всѣ прежніе домашніе раздоры дружелюбно прекращать. Какъ самый этотъ праздникъ способствовалъ къ примиренію, то и говорили, что въ этотъ день богиня согласія наиболее скло-няется къ прошеніямъ людей. Такимъ образомъ, празднуя

память умершихъ, живые еще болѣе старались сближаться между собою. Въ этотъ праздникъ понятія о жизни и смерти такъ смѣжно граничили между собою, что сладость жизни и взаимнаго бытія тѣмъ болѣе ощущали, чѣмъ болѣе думали о тѣхъ, которые не могли уже болѣе принимать въ томъ участія. Это смѣшеніе понятій имѣетъ нѣкоторую, ничѣмъ незамѣнимую, прелесть. Оно возбуждаетъ томныя радости, облагораживающія душу, и вмѣстѣ укрощаетъ шумъ заботъ. Принося благовопія въ жертву домашнимъ богамъ, и отпраздновавъ этотъ день веселымъ пиромъ, возливали богамъ вино, и въ заключеніе приговаривали: «Да будемъ мы счастливы! да будетъ счастливо отечество!»

Двадцать перваго Февраля. Праздникъ Термина или бога рубежей (terminalia). Владѣльцы полей и другихъ угодьевъ праздновали этотъ день въ полѣ, при порубежныхъ камняхъ. Божество, хранившее рубежи, называлось Терминомъ, и ему приносили жертвы не иначе какъ подъ открытымъ небомъ. Чтобы обезопасить владѣніе и собственность каждаго, еще Нума освятилъ рубежи установленіемъ этого праздника, съ ежегоднымъ возвратомъ котораго мысль о святости этого дѣла всегда возобновлялась, а воспоминаніе болѣе и болѣе оживлялось. Порубежные камни сами-по-себѣ почитались священными, и прежде нежели были поставлены, помазывались масломъ. Всякъ, проходившій мимо такого камня, воздавалъ ему поклоненіе. Порубежный камень не былъ однимъ только іероглифомъ, подъ которымъ представляли себѣ существо высшее, но знакъ предмета и самый предметъ сочетались здѣсь во едино. Термину, въ день его праздника, воздвигали алтарь изъ зеленого дерна. Когда зажженное на этомъ алтѣрѣ пламя разгоралось, въ него бросали благовопія и первенцевъ плодовъ и опрыскивали алтарь кровію жертвеннаго животнаго. Такимъ образомъ этимъ праздникомъ болѣе скрѣплялся и общественный союзъ между людьми. Сосѣди сходились на свиданіе у своихъ общахъ порубежныхъ камней, и веселымъ празднованіемъ дня побуждались къ взаимному со-

гласію и дружбѣ на будущее время. Каждый изъ двухъ соудей сплеталъ вѣнокъ, и обоими вѣнками украшали порубежный камень. Потомъ, за веселымъ столомъ, пѣли пѣсни въ честь Термина, которому были столь много обязаны. Были и болѣе торжественныя празднества Термину, когда каждая область или каждый городъ приносили ему жертву на своихъ границахъ. Этого, конечно, не могло быть въ Римской имперіи, когда предѣлы ея стали безпрестанно болѣе и болѣе расширяться и измѣняться. Тогда уже эту торжественную жертву приносили Термину на разстояніи полуторы мили отъ города Рима, на древней границѣ Римской области. Поэтому-то одинъ поэтъ тѣхъ временъ, описывая этотъ праздникъ, выражается въ слѣдующихъ словахъ: «Другимъ народамъ предписаны границы; но Римская область оканчивается Земнымъ Шаромъ.»

Когда надобно было строить храмъ Тарпейскаго Юпитера на Капитолійской Горѣ, посвященныхъ здѣсь богамъ алтарей не смѣли тронуть, не спросивъ о томъ авгуровъ, и не получивъ на то ихъ согласія, въ которомъ богъ Терминъ отказалъ, и потому его алтарь долженъ былъ остаться въ храмъ Юпитера. Но какъ богъ Терминъ не ограничивался никакою окружностію мѣста, и ему поклонялись только подъ открытымъ небомъ; то напротивъ того мѣста, гдѣ стоялъ его алтарь, на кровль капитолійскаго храма, надлежало сдѣлать отверстіе, посвященное Термину, который здѣсь имѣлъ свое мѣсто съ громовержцемъ Юпитеромъ. А что Терминъ не захотѣлъ разстаться съ этимъ мѣстомъ, изъ того вывели счастливое предзнаменованіе, что предѣлы Рима врагамъ будутъ недоступны, тверды и неподвижны. Въ этой увѣренности Римъ потрясалъ границы всѣхъ другихъ царствъ Земнаго Шара, какъ-бы безъ всякаго отношенія къ тому, какаю неподвижностію римскихъ границъ знаменовалась неподвижностію бога Термина, — неподвижностію ли ихъ назадъ, или впередъ. Въ самыя древнія времена Рима, Январь былъ первымъ, а Февраль послѣднимъ мѣсяцемъ года,

и чрезъ это праздникъ Термина сдѣлался еще знаменательнѣе, когда вѣсствъ сталъ означать и заключеніе года, который съ праздникомъ Януса получилъ свое начало. Праздники Термина, дружелюбія и усопшихъ соединялись въ концѣ года какъ-бы въ одно трогательное понятіе о краткости жизни, о перемѣнчивости вещей и неуловимомъ полетѣ времени.

Двадцать-седьмого Февралл. Бѣгство Тарквинія. Съ этимъ праздникомъ, въ памяти народа освѣжалось воспоминаніе объ одномъ изъ важнѣйшихъ періодовъ его исторіи, — воспоминаніе о временахъ, когда Римъ впервые стяхнулъ съ себя иго Тарквинія, о той минутѣ, когда у бездыханнаго трупа Лукреціи стояли ея супругъ и отецъ въ вѣдомомъ отъпечиваніи, и когда Брутъ, какъ-бы внезапно пробужденный отъ притворнаго усыпленія, поднявъ окровавленный вивдаль, вѣтую непорочною кровью клялся сломить власть Тарквинія Гордаго, и со всемъ родомъ, выгнать его изъ Рима.

Двадцать седьмага Февралл. Конскія ристанія (equitia). Этотъ праздникъ состоялъ въ ристаніи коней и колесницъ на Марсовомъ Поля, которое и понынѣ, будучи все застроено, составляетъ улицу для ристанія, называемую «бѣгомъ» (corsa). Конскія ристанія устроены Ромуломъ въ честь Марса, составляли какъ-бы переходъ къ праздникамъ слѣдующаго мѣсяца, который въ особенности былъ посвященъ богу войны.

ПРАЗДНИКИ ВЪ МАРТѢ.

Перваго Марта. Праздникъ Юноны Люцины, праздникъ жещицъ и пляска салійскихъ вооруженныхъ жрецовъ. Мѣсяць Мартъ посвященъ былъ Марсу, отъ котораго и получилъ свое названіе. Но какъ, съ наступленіемъ его, приспѣвало и время весеннихъ праздниковъ, то праздники этого мѣсяца представляли пріятное разнообразіе войны и мира. Жрецы Марса, съ священными щитами въ рукахъ, плясали по ули-

цямъ Рима; двери древней курии, дома первосвященника, жрецовъ Юпитера, Марса и Квирина украшались свѣжими лавровыми вѣнками; въ храмѣ Весты прошлогодніе лавровые вѣнки также перемѣшались съ новыми. Какъ въ это время вся природа молодѣла, такъ и въ религиозныхъ обрядахъ все обновлялось новою жизнью и новыми свѣжими цвѣтами. Алтарь въ храмѣ Весты только однажды въ году, именно перваго Марта, очищался отъ пепла, и негаснувшій огонь разгорался снова, пылалъ живѣе и свѣтлѣе.

Въ честь Юноны Луцины, матери собирались въ храмъ ея, на Эквилинскую Гору, украшали его цвѣтами и свѣжею зеленью; молились о счастіи и храбрости потомства, о плодородіи и легкомъ разрѣшеніи отъ беременности.

Въ этотъ же день справлялся праздникъ жещицъ, также въ храмѣ Юноны и Луцины, въ память того прекраснаго событія, когда похищенныя Сабинянки, слѣлавшись матерями, съ грудными младенцамъ на рукахъ, бросааясь между сражавшимся войскомъ Римлянъ и Сабинцевъ-отцовъ, раздраженныхъ похищеніемъ дочерей, примирили съ своими мужьями, такъ-что съ того времени оба народа соединились въ одинъ.

Пляска салійскихъ вооруженныхъ жрецовъ продолжалась нѣсколько дней. Самые жрецы получили свое наименованіе отъ скачковъ или прыжковъ (saltus), которые дѣлали. Поводомъ къ этому празднику былъ щитъ особой формы, называемый *анциломъ*, который, еще во времена Нумы, будто-бы спалъ съ неба, и почитался священнымъ залогомъ несокрушимости Римскаго царства. Чтобы этотъ драгоценный залогъ не затерялся или не былъ бы украденъ, Нума поручилъ искусному мастеру, по имени Мамурію, сдѣлать по образцу этого щита, еще другіе одиннадцать щитовъ, которые были такъ на него похожи, что никто не могъ угадать настоящаго. Мамурій, которому предоставлено было за эту работу просить какой угодно награды, хотѣлъ только того,

чтобы въ пѣсняхъ, которыя каждый годъ были пѣты во время пляски салійскихъ жрецовъ, упоминали и его имя, что и исполнялось постоянно въ послѣдній день этого праздника. Шестіе двѣнадцати салійскихъ жрецовъ начиналось отъ Палатинской Горы, гдѣ хранились *анцилы*; жрецы плясали въ полномъ вооруженіи, и ударяя во весь щиты, произвелили родъ барабаннаго боя. Предводитель пляски шелъ впереди; прочіе подражали его прыжкамъ и оборотамъ. Шестъ ликторовъ, или римскихъ полицейскихъ служителей, шли впереди жрецовъ. Почетнѣйшіе Римляне не гнушались званіемъ жрецовъ Марса. Каждый вечеръ, по окончаніи этой пляски, для салійскихъ жрецовъ готовили богатый ужинъ. Отъ-того всякой пиръ, на которомъ гости были особенно ласковы, назывался *салійскимъ пиромъ*.

Седьмого Марта. Праздникъ Юпитера (Veiovesa). Этотъ праздникъ имѣлъ таинственное отношеніе къ первому началу римской власти. И могущественный громовержецъ, Юпитеръ, сперва на островѣ Критѣ воспитанъ нимфами и вскормленъ козю. Его ликъ былъ некогда молодъ и рука его еще не была вооружена перунами. Въ этомъ прозnamenovanіи называется онъ *Бейобукомъ*, молодымъ или безбородымъ Юпитеромъ, и именно тамъ, гдѣ римская власть получила свое самое ничтожное начало, въ притонѣ, воздвигнутомъ Ромуломъ. Ему посвященъ былъ небольшой храмъ, и праздникъ этого посвященія справлялся седьмого Марта. Конечно, не лзя было инымъ болѣе досточтимымъ сравненіемъ изобразить приращеніе римской власти, которая съ того же самаго холма, гдѣ некогда построенъ вольный городъ для шайки бродягъ, господствовала надъ островами и царствами, потрясала грани отдаленныхъ народовъ, и покорила себѣ весь Земной Шаръ.

Пятнадцатаго Марта. Праздникъ Анны Перенны. Подъ именемъ Анны Перенны чтили что-то вѣчное, благое, чего сами не умѣли съ точностію опредѣлять. Народъ праздновалъ

этотъ день подъ открытымъ небомъ или подъ шатрами, и пилъ вина по-стольку кубковъ, сколько лѣтъ жизни взаимно желалъ одинъ другому. Понятіе о продолженіи счастья означалось уже и самымъ именемъ этого божества, которое читали веселіемъ и наслаженіями жизни. Но при этомъ праздникѣ, римскіе граждане въ особенности вспоминали также объ одномъ важномъ событіи, когда, почитая себя притѣвленными отъ сената, удалились изъ города и расположились въ некоторомъ отдаленіи отъ Рима, на священной горѣ, пока сенатъ согласился учредить трибуновъ или народныхъ представителей, которыхъ желалъ народъ и которые избирались изъ среды его. Когда же, въ послѣдствіи, жизненные припасы, которыми Римляне при выходѣ изъ города запаслись, были съедены, одна старая женщина, по имени Анна, родившаяся въ деревнѣ Бовиле, близъ Рима, каждое утро, ранымъ-рано, приносила полвня руки лепешекъ, которыя сама пекла, и еще теплая раздавала народу. Объ этомъ благодѣяніи съ-тѣхъ-поръ всегда вспоминали съ благодарностію, и подъ именемъ Анны Перенны праздновали память той доброй старухи, которой народъ, возвратившись въ городъ, воздвигнулъ памятникъ, и такимъ образомъ обезсмертилъ ея имя и подвигъ.

Семнадцатаго Марта. Праздникъ Бахуса (liberalia). Около этого времени начинались работы въ виноградникахъ, и потому этотъ день былъ посвященъ Бахусу, названному также Либеромъ, — отъ слова *liber*, *свободный*, *вольный*, — по свойству вина, которое прогоняетъ принужденность и освобождаетъ отъ заботъ. На улицахъ города, въ этотъ день, сидѣли старыя женщины, увѣнчанныя плющемъ; онѣ продавали медовыя пряники и представляли собою жриць Бахуса, которому приписываютъ и открытіе меда. Каждая старуха имѣла при себѣ сосудъ съ угольями, на которыя сыпали благовонія, и въ честь Бахусу бросали кусочки пряниковъ. Почитаніемъ Бахуса и Цереры освящалось наслаженіе всеми съѣстными

припасамъ, искусственнымъ произрашеніемъ и приготовленіемъ которыхъ человекъ различается отъ животныхъ и обнаруживаетъ свое высшее, независимое отъ непосредственныхъ требованій природы происхожденіе. Въ праздникъ вѣчно-юнаго Вакха, юноши благороднаго происхожденія, достигшіе пятнадцати лѣтъ, надѣвали на себя мужскую бѣлую тогу. До этого возраста, подобно начальствующимъ особамъ, они носили пурпурную, которая была священна и служила какъ-бы стражемъ дѣтской невинности тѣхъ, кто носилъ ее и кого она должна была предохранять отъ развращенія и пороковъ. Такимъ талисманомъ была золотая коробочка или печать, которую мальчики носили на шеѣ, и въ тотъ день, въ который слагали съ себя дѣтскую одежду, привѣшивали ее, въ даръ, на домашняго бога. Такимъ образомъ въ этотъ день взрослые сыновья какъ-бы вступали на болѣе свободный путь жизни, вмѣшивались въ общество гражданъ на общественныхъ сходбищахъ, начинали заводить знакомства и строгая надъ ними власть отцовъ мало-по-малу прекращалась. Въ деревняхъ въ этотъ праздникъ приносили въ жертву Вакху козла и плясали вокругъ его надутыхъ внутренностей, какъ бы въ отмщеніе за тотъ вредъ, который онъ дѣлаетъ священному винограду. Пляшущіе рѣзвились, роляли другъ друга и сами падали, для смѣха и забавы; также вырѣзывали изъ древесной коры маски и ими маскировались. Особенная забава и въѣотораго рода богослужебная игра въ этотъ день состояла въ валаньи по росѣ. Эта игра и теперь еще ведется въ Италіи, во время собираяя винограда, по воскреснымъ днямъ; тамъ и теперь еще существуетъ родъ Бахусова праздника. Толпы молодыхъ дѣвчушекъ или женщинъ, возвращаясь изъ виноградниковъ, увѣнчанные плющемъ и виноградными листьями, пляшутъ подъ пѣсни и стукъ бубенъ.

Девятнадцатаго Марта. Праздникъ Минервы или Квиикватрій. За праздникомъ Бахуса, черезъ день, слѣдовалъ праздникъ Минервы, получившій названіе *квиикватрійевъ* отъ *плити-дневнаго* ея огня. Въ этомъ мѣсяцѣ, посвященномъ Марсу, въ

воинственномъ Римѣ чествовали жертвами и молитвами также Минерву, распоряжающую какъ военными дѣлами, такъ и мирными искусствами. Въ первый день, съ глубокимъ благоговѣніемъ праздновали рожденіе богини мудрости изъ головы Юпитера; у ея алтара приносили въ жертву бѣлаго вола, небывшаго еще подъ ярмомъ, или бѣлаго ягненка. Тутъ ученые и художники испрашивали себѣ покровительства Минервы, а въ позднѣйшія времена, ораторы и стихотворцы состязались между собою о наградахъ, состоявшей въ масличномъ или дубовомъ вѣнкѣ. Мальчики и дѣвочки приносили Палладѣ дары, чтобы легче учиться и быть искуснѣе въ своихъ работахъ. Въ этотъ праздникъ взносили также годовую плату наставникамъ за обученіе дѣтей, которая отъ того и называлась Минервиною. Всѣ ученики въ продолженіе этого праздника выпускались, и Горацій упоминаетъ, какъ мальчики въ праздникъ *квиикватрійевъ* наслаждались пріятными дѣями жизни, жалѣя объ ихъ краткости. Чтобы воздать богинѣ и воинскія почести, учреждены были въ честь ея фехтовальныя игры, которыя однако начинались на другой день *квиикватрій*: въ первый день этого праздника не приносили никакихъ кровавыхъ жертвъ, а потому и избѣгали всего убійственнаго. Въ пятый день *квиикватрій* снова освящались флейты и свирели, употребляемыя при обрядахъ богослуженія, принесеніемъ жертвъ, чтобы все неосвященное, могущее случиться при употребленіи ихъ, очистить, и чтобы празднества боговъ нисколько и ничѣмъ не были осквернены. Такъ-то очищали древніе Римляне свои понятія о вещахъ священныхъ, освящая и отдѣляя ихъ отъ всѣхъ обыкновенныхъ, мірскихъ предметовъ, удаляя отъ нихъ все печальное, оставляя имъ постоянно лишь счастливыя предзнаменованія!

Въ Римѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Помпей, послѣ своихъ побѣдъ, построилъ храмъ Минервы, стоитъ теперь доминиканская церковь, называемая *Maria sopra la Minerva*. Въ монастырѣ, чтѣ подлѣ нея, находится славная библиотека *alla Minerva*, которая всегда и для всѣхъ открыта. Здѣсь такъ

же находится и книжная цензура, которую завѣдываетъ одинъ изъ членовъ доминиканскаго ордена. Въ необитаемыхъ окрестностяхъ Рима видны еще остатки храма Минервы Медикъ, въ совершенномъ уединеніи. На этомъ кругломъ храмѣ частию сохранились еще кровля и своды, поросшія зеленымъ мохомъ, и какъ издали, такъ и вблизи составляютъ прелесть видъ.

Двадцать-пятого Марта, Гиларій или праздникъ Цибелы, былъ также собственно весенній, и основаніемъ его было чувственное, изобразительное понятіе. Дни въ это время становились опять дольше, а съ тѣмъ вмѣстѣ и переменны года благодѣтели, что и приписали вліянію высшаго, таинственнаго существа, которому поклонялись подъ именемъ *Цибелы, великой производительницы*, или *великой матери*. Самое слово *гиларій* получило свое начало отъ веселій или забавъ (*hilaritas*): въ этотъ праздникъ почитались какъ-бы грѣхомъ печаль и уединеніе; напротивъ, неотъемлемою принадлежностію его были дружескія посѣщенія, угощенія, шутки, забавные разговоры и смѣхъ, соотвѣтственно веселому времени года. Именемъ *гиларій* означалась и всякій домашній праздникъ или веселье, какіе могли быть въ каждомъ семействѣ по какому-нибудь счастливому случаю, и съ общественнымъ, годовымъ праздникомъ этого имени согласовались въ томъ, что всякое уныніе и печаль въ это время становились какъ-бы богопротивными. Почитаніе *великой матери* начиналось двумя днями прежде собственно такъ называемыхъ гиларій, то есть 23 Марта, следовательно, сряду послѣ квинкватривъ, и продолжалось еще два дня; въ послѣдній же день этотъ праздникъ заключался торжественнымъ омовеніемъ изображенія богини. Стало-быть онъ продолжался собственно пять дней, изъ которыхъ только двадцать пятое число Марта назначено въ календарь собственно для праздника гиларій.

Что подъ *Цибелою* или *великою матерью* разумѣли въ что достоитимое и высшее, это видно изъ того глубокаго благоговѣнія, которое ей оказывали: во время торжествен-

ныхъ процессій, въ честь ея установленныхъ, высшія и знатныя особы шли съ босыми ногами предъ ея колесницею. Конечно, съ почитаніемъ этой богини не соединяли никакого собственно яснаго понятія: въ ней почитали то, чего ясно не понимали. Это была великая производительная сила, связующая всю природу, укрощающая льва, плодотворяющая нѣдро земли, мать всѣхъ вещей,ладычица стихій, начало всѣхъ временъ, высочайшая богиня неба, парица земли, первообразъ божества, которому поклонялись подъ разными именами и видами, и которое, по его безпрестанно творящей и раждающей силѣ, изображали въ видѣ женщины. Такъ называлась и египетская Изиды, древняя присносущая Изиды, на храмѣ которой было написано: «Я — все то, что есть, что было и что будетъ. Ни одинъ смертный не поднималъ моего покрыва.» Объ этой надписи одинъ самый тонкій метафизикъ нашихъ временъ отозвался, что никогда, можетъ-быть, не было ничего сказано выше этого и никогда мысль выше не была выражена.

Религиозные обряды Цибелы, которая отъ горы Иды, гдѣ ей поклонялись, называлась также идскою матерью, заимствованы изъ Фригіи, и поводомъ къ введенію ихъ въ Римъ было замѣчательное воспоминаніе о томъ важномъ времени въ исторіи Римлянъ, когда они, тѣснимые Аннибаломъ, совѣтуясь съ сивилинными книгами, нашли въ нихъ пророчество, что внѣшній непріятель тогда будетъ побѣжденъ, «когда изъ Пессинунта привесутъ въ Римъ идскую мать.» Колебавшіеся Римляне обратили вниманіе на это пророчество, и чтобы привести его въ исполненіе, тотчасъ отправили въ Азію къ царю Атталу пословъ, которые дорогою спросили Дельфійскаго Оракула. Оракулъ не только увѣрилъ ихъ, что они привезутъ богиню въ Римъ, но и приказалъ, по прибытіи, тотчасъ поставить ее въ домъ знатнѣйшаго Римлянина. Царь Атталъ принялъ пословъ дружески и отправилъ въ Пессинунтъ, гдѣ небольшою остроконечный камень черно-сѣраго цвѣта, въ которомъ едва можно было угадать

идею образа, представлялъ почитаемую мать всѣхъ вещей. Хотя богиня Цибела изображалась на колесницѣ, запряженной львами, и съ вѣнцемъ, въ видѣ стѣны или башни на головѣ, чѣмъ означалась ея власть, все связующая, и вмѣстѣ ея владычество надъ всѣмъ Земнымъ Шаромъ, устьянымъ городами, — однако это изображеніе было только какъ-бы наружнымъ облеченіемъ ея непостижимой, невидимой сущности, которую почитали тѣмъ болѣе досточтимую безъ ея изображенія въ чувственномъ образѣ. Сосна, въ ея вольномъ, неудержимомъ ростѣ, стремящаяся къ небесамъ, была посвящена Цибелѣ. Вмѣстѣ съ приобретеннымъ новымъ образомъ божества положили на корабль такое дерево, только что срубленное, и отправились. Плаваніе было благополучное до устья Тибра. Сенатъ, народъ и вестальскія дѣвы вышли на срѣтеніе богини. Здѣсь корабль съѣлъ на мель, и напрасно пытались сдвинуть его съ мѣста. Добродѣтель и благочестіе тотчасъ должны были показать себя съ пришествіемъ богини, которая хотѣла быть принятою въ домъ наилучшаго человека, и цѣломудренная рука должна была безъ дальняго труда сдвинуть корабль съ мели и ввезти въ рѣку.

Это сдѣлала вестальская дѣва, Клавдія Квинтія, которой оклеветанная добродѣтель здѣсь оправдалась предъ всѣмъ народомъ, и которая, въ доказательство своей невинности, торжественно испросила у богини силу сдвинуть корабль. Богиня услышала праведную ея молитву и легко и охотно послѣдовала за цѣломудренною дѣвой.

Въ небольшомъ разстояніи отъ Рима, предъ прежними капуанскими воротами, что нынѣ porta S. Sebastiano, вливается въ Тибръ рѣчка Альмо. Въ этой рѣчкѣ жрецы Цибелы, омывъ богиню съ ея святынею, продолжали отсюда торжественное съ нею шествіе въ городъ. Въ послѣдствіи времени, это омовеніе каждый годъ повторялось во время праздника гиларій, и рѣчка Альмо нѣкоторымъ образомъ сдѣлалась отъ того священною и понынѣ: ея источникъ называется aqua santa, и ей приписываютъ силу исцѣлять животныхъ

отъ струпеивъ. По совершеніи омовенія, богиня, съ ея святынею, на колесницѣ, запряженной коровами, осыпаемой со всѣхъ сторонъ свѣжими цвѣтами, среди жертвъ и моленій, въ сопровожденіи сената и народа, ввезена была въ Римъ, и Сципіонъ Назика, слышій *наилучшимъ человекомъ*, единогласно признанъ достойнымъ принять богиню, которую онъ, до построенія ей особаго храма, внесъ въ храмъ побѣды, на Палатинской Горѣ. Римляне, приобрѣтя эту святыню, снова ободрились, мужество ихъ оживилось; съ ними была таинственная для нихъ и доселѣ неизвѣстная имъ *мать всѣхъ прочихъ боговъ*, которая приняла ихъ подъ свое покровительство и которую они, изъ благодарности, чтили жертвами, играми и угодными ей забавами, чтобы сохранить ея къ себѣ благоволеніе. Поэтому, къ торжественнымъ процессіямъ, въ честь ея совершавшимся, принадлежали шутовскіе наряды всякаго рода, употребляемые и понынѣ во время римскаго карнавала, съ веселыми религиозными празднествами. Они представляли знатныхъ особъ со всѣми знаками ихъ достоинства, другіе выступали въ философскихъ мантіяхъ; женщины одѣвались какъ мужчины, а мужчины какъ женщины; съ какимъ-нибудь дряхлымъ старикомъ рядомъ шелъ крылатый оселъ, представлявшій быстролетнаго пегаса, а самъ старикъ представлялъ молодого, бодрого всадника; оба возбуждали собою громкій смѣхъ, составлявшій принадлежность празднества и нисколько не почитавшійся противнымъ обрядамъ вѣры. Эта торжественная процессія, установленная въ честь великой богини, имѣла въ себѣ вѣчто живописное и прекрасное. Передній рядъ разодѣтыхъ особъ былъ какъ-бы прелюдіей всей праздничной процессіи, и за нею тотчасъ слѣдовалъ рядъ женщинъ, шедшихъ въ бѣлыхъ платьяхъ и усыпавшихъ передъ собою дорогу цвѣтами. Онѣ, то часто оборачивались къ шествующей богинѣ и всѣми своими движеніями старались изъяснить ей готовность своего служенія, то останавливались, какъ-будто хотѣли поправить волосы богини или чѣмъ-нибудь другимъ услужить ей. За тѣмъ слѣдовала праздничная музыка, сопровождаемая хоромъ

мальчиковъ и дѣвочекъ, которые одѣты были въ бѣлыя платья и пѣли священные пѣсни въ честь богини. Въ слѣдъ затѣмъ несли жертвенные сосуды и утварь, а самые жрецы богини между-тѣмъ производили глухой шумъ барабанами и свирѣлями. Въ этомъ, какъ и во всѣхъ другихъ праздникахъ древнихъ, на которыхъ допускаемы были разныя шутки и забавы, ясно обнаруживается духъ языческой религіи, которая представляла смѣсь небснаго и земнаго, высокаго и смѣшнаго.

Неистовый шумъ, которому во время этого праздника предавались жрецы Цибелы, составляетъ особенную, отличительную черту, и начало его можно выводить изъ самой глубокой древности. Богиня Цибела, называвшаяся также Реєю, была жена Сатурна, который, какъ чувственный образъ всеограшающаго времени, подобно ему, пожиралъ своихъ дѣтей. Рея, родивъ Юпитера, обернула въ пеленки камень и дала проглотить Сатурну вмѣсто новорожденнаго сына; Юпитера же тайнымъ образомъ велѣла воспитывать въ пещерѣ на островѣ Критѣ, гдѣ коза кормила его своимъ молокомъ, а пчелы приносили ему медъ, и гдѣ тогда же Корибанты, родъ жрецовъ Цибелы, должны были производить безпрестанный стукъ, чтобы Сатурнъ не услышалъ голоса плачущаго дитяти. Такимъ образомъ мать всѣхъ вещей умѣла обмануть разрушительную власть всепожирющаго Сатурна, спасти отъ его алчности и возрастить свой нѣжный плодъ, подобно всеоплодотворяющей природѣ, которая всѣ зародыши спасаетъ отъ вѣтровъ и бурь въ недрахъ земли. Сколько эта великая богиня была почитаема сама, столько презрѣнны были, по большей части, ея жрецы. Въ неистовствѣ своего фанатизма, они дѣлали себя скопцами, бичевали и терзали себя. Впрочемъ, этотъ фанатизмъ не имѣлъ еще тогда ничего угрюмаго и печальнаго. Это не было смиреніе или сокрушеніе духа, а напротивъ, высшая степень сладострастія, само себя пожирающаго, и великая богиня какъ-бы съ торжествомъ видѣла въ своей свитѣ толпу этихъ разслабленныхъ скопцовъ, тогда-какъ сама чтима была какъ мать и производительница всѣхъ вещей. Неистовый шумъ, какимъ жрецы Цибелы постоянно сопровождали ея процессію, приводилъ ихъ въ самозабвеніе, и они были какъ-бы въ безпрестанномъ опьяненіи, которое не давало имъ чувствовать презрѣнія, имъ оказываемаго. Они кружились, въ дикой восторженности, съ распущенными волосами, подобно вакханкамъ, и закидывали головы на затылокъ, или кивали со стороны на сторону.

Эти оскотившіеся жрецы Цибелы назывались *галлами* (Galli), а ихъ первосвященникъ *архигалломъ*. Были изъ нихъ и такіе, которые, съ изображеніями своихъ боговъ, дѣлали процессіи по городамъ и деревнямъ, и собирали милостыню; ихъ принимали иные съ презрѣніемъ, иные съ уваженіемъ. Но самую великую мать всегда чтили съ благоговѣніемъ; изступленное неистовство жрецовъ нисколько не вредило богинѣ, и понятіе объ ней всегда сохраняло первоначальную свою возвышенность, потому-что, при всѣхъ разныхъ ея наименованіяхъ, чтили въ ней мать-природу, которая все производитъ, все плодотворитъ и все оживляетъ.

Марта тридцатаго. Въ концѣ этого мѣсяца, посвященнаго Марсу, праздновали и всѣмъ вообще божествамъ мира: *Янусу*, который во времена золотаго вѣка царствовалъ съ Сатурномъ въ Лациумъ мудро и кротко; праздновали кроткой *Конкордіи* или *Согласію*, примиряющей умы и укрощающей крамолы; праздновали самому *Мару*, которому, несмотря на безпрестанныя войны, посвящены были особенные алтари; наконецъ, праздновали *Счастію Рима*, которое представляла благотворныя божествомъ и котораго особенному покровительству государство препоручило свое преслѣпаніе и свое цвѣтущее состояніе.

Тридцать-перваго Марта. Праздникъ Луны. Рогатой Луны на авентинскомъ холмѣ воздвигнутъ былъ храмъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь церковь Святой Сабинны, въ которой и теперь еще въ некоторомъ образѣ соединяется великолѣпіе близлежащихъ разрушенныхъ храмовъ. Двадцать-четыре огромныхъ древнихъ столбовъ, изъ паросскаго мрамора, украшаютъ внутренность этой церкви, а притворъ ея покоится на восьми столбахъ изъ гранита. Изъ семи холмовъ Рима, авентинскій

холмъ теперь самый уединенный и пустынный; тутъ надобно пройти значительное разстояніе между стѣнами, которыми обнесены принадлежачіе монастырямъ виноградные сады. Но и съ этого уединеннаго холма открываются романтическіе виды на остатки древняго Рима и близлежащія окрестности. Здѣсь-то ежегодно совершали празднество Лунъ, которая въ періодъ своего возрастанія и пополненія, у древнихъ была прекраснымъ чувственнымъ изображеніемъ успѣховъ умножающейся власти, силы и величія. На это безпрестанно возвращающееся явленіе смотрѣли они съ нѣкоторымъ упованіемъ на счастливую перемѣну вещей. Они благоговѣли и къ священному сіянію Луны: на Палатинской Горѣ былъ посвященъ особый храмъ царицѣ ночи. Такимъ образомъ ихъ воображеніе всю окружающую природу обращало въ святилище, гдѣ они и днемъ и ночью могли наслаждаться жизнью подъ величественнымъ кровомъ неба, всегда и вездѣ чувствуя присутствіе божества.

ПИСЬМА О ЕГИПТѢ (*).

Гробницы царей стоятъ на лѣвомъ берегу Нила, среди глубокой долины, окруженной высокими, крутыми горами, сухими, известковыми и какъ-будто поставленными тамъ именно для того, чтобы отделить мѣста, обитаемая отъ пустыни, растительность отъ бесплодности, жизнь отъ смерти. Фараоны хорошо выбрали свое послѣднее убжище,

(*) Это письмо, писанное во время пребыванія Шампольона въ Египтѣ, взято изъ неизданной переписки молодого и неустрашимого путешественника, похищеннаго отъ его трудовъ преждевременною смертію. Господинъ Несторъ Лотъ имѣлъ порученіе, собрать чрезъ Шампольона, во время путешествія по Египту и Нубіи, всѣ историческіе документы, нужные для изданія онаго въ свѣтъ по возвращеніи. Это предположеніе не могло быть исполнено за послѣдовавшую смертію Шампольона. Будучи весь занятъ изученіемъ гіероглифовъ, своими новыми путешествіями и продолженіемъ ученаго творенія своего предвѣстника, господинъ Несторъ Лотъ никогда не сообщалъ публикѣ своихъ трудовъ о экспедиціи по Египту и Нубіи. Его рукописи, расположенныя по порядку чиселъ, наконецъ выходятъ въ свѣтъ стараніемъ его брата и пополняютъ собраніе рисунковъ, издаваемыхъ о томъ же предметѣ правительствомъ.

ввѣривъ свои смертныя останки пустыни и въдру горь; но послѣ безконечнаго множества вѣковъ, жадность проникаетъ даже и въ эти уединенныя мѣста, искать слѣдовъ этого стараго великолѣпія, а любопытство, не менѣе опустошительное, придало духа посягательству на святыню.

Уединенное и какъ бы неизвѣстное для остальнаго міра мѣсто, съ первыхъ временъ исторіи Египта, посвящено было погребенію царей. Тамъ-то они соединяли гордость и пышность верховнаго владычества; тамъ-то, во все продолженіе своего царствованія, одинъ изъ фараоновъ заставлялъ рыть въ вѣдрѣ горь длинныя галереи, залы и глубокія подземелья, гдѣ его тѣло, поставленное въ саркофагъ, должно было ожидать всѣхъ видовъ переселенія души. Изъ сорока осьми гробницъ, извѣстныхъ со временъ Діодора, двадцать двѣ открыты еще и теперь, и доставляютъ любопытству путешественниковъ все, что можно вообразить гигантскаго, самаго чрезвычайнаго, по безконечному множеству подробностей, живописей и изланий, въ нихъ заключающихся. Сколько было употреблено рукъ на высѣчку въ камень этихъ галерей, этихъ большихъ залъ и на переноску обломковъ извнутри подобныхъ подземельевъ! Сколько ваятелей должны были проводить всю свою жизнь, подобно мастерамъ золотыхъ дѣлъ, въ чеканкѣ этихъ стѣнъ, длиною отъ ста шестидесяти до двухъ сотъ футовъ! Сколько работало живописцевъ, покрывая эти ваянія сильными разноцвѣтными красками, самыми тонкими чертами кисти! Умъ изумляется столь дивнымъ предпріятіямъ; онъ приходитъ въ ужасъ, видя ихъ окончательно исполненными. Надо, впрочемъ, согласиться, что мы теперь мало оцѣнили бы ихъ, если бы они, со стороны народа, ихъ исполнившаго, доказывали только энтузіазмъ необдуманной и мимолетной. Удивленіе наше, чтобы его возбудить, требуетъ чего-то другаго, чѣмъ труды Геркулесовыхъ; но не извѣстно ли также, что этотъ народъ, въ продолженіе столь многихъ вѣковъ непрерывно

воздвигавшій гигантскіе памятники и, подобно Китайцамъ, остававшійся въ состояніи дѣтства относительно многихъ вещей, — весьма задолго до временъ, которыя мы называемъ историческими, былъ въ цвѣтущемъ состояніи? Не доходила ли онъ до высшей степени гражданственности, въ отношеніи къ этимъ отдаленнымъ временамъ и, при упадкѣ своей славы, не давала ли уроки мудрости юнымъ народамъ, его окружавшимъ? Фивы были не больше какъ развалины; Мемфисъ видѣлъ померкшимъ свое сіяніе, и послѣдніе фараоны едва поддерживали свой зыблущійся тронъ, когда Солоны, Ликурги и Писагоры приходили вопрошать послѣднее мерцаніе египетскаго генія.

Вотъ въ чемъ состоятъ изваянные и живописные предметы, покрывающіе стѣны гробницъ! Надъ дверями каждаго памятника есть дискъ, въ которомъ видѣнъ жукъ, и человекъ съ головою овна. Этотъ дискъ, — это солнце при закатѣ, изображало усопшаго царя, его жизнь, съ начала до конца подобную теченію солнца. По правую сторону корридора есть картина, представляющая государя, приносящаго жертву солнцу среди его теченія, въ полдень его жизни. Солнце обещаетъ ему продолжительное царствованіе и счастливое существованіе; это можно назвать утѣшительною картиною, это родъ лести, сбереженной для государя, дабы отклотить отъ него слишкомъ грустныя думы при посѣщеніи гробницы, для него приготовленной. Послѣ этихъ двухъ предварительныхъ сценъ, являются четыре божественныя лица, и столько же подраздѣлений Озириса, верховнаго бога ада: каждый изъ этихъ боговъ судитъ грѣхи, которыхъ служить эмблемой. Эти божества, одно за другимъ разставленные, занимаютъ всю длину стѣны. Далѣе видѣнъ рядъ иероглифическихъ колоннъ; эти огромныя страницы занимаютъ цѣлыя стѣны длиною въ тридцать, вышиною отъ пятнадцати до двадцати футовъ. Онѣ представляютъ исповѣдь государя, но исповѣдь отрицательную и клонящуюся къ его славѣ, какъ и должно

быть, потому что вся жизнь его, подвергнутая суду въ присутствіи народа, сдѣлала его достойнымъ почестей погребенія. Поэтому тутъ читаютъ: «Государь, владыка міра, покровитель странъ, сынъ солнца и проч. — не сдѣлалъ ни того, ни другаго грѣха». Исчисленіе всѣхъ этихъ грѣховъ, несдѣланныхъ царемъ, составляетъ списокъ дѣлъ, почитавшихся хулыми въ эту эпоху, и этотъ списокъ есть самый любопытный документъ нравовъ, добродѣтелей и пороковъ, къ которымъ склонны были Египтяне. Наконецъ находятъ исторію солнца, исторію, совершенно аллегорическую и общую съ исторіей царя, сдѣлывагося нераздѣливою частию божества. Сперва видны двѣнадцать женщинъ, давшихъ жизнь змѣю времени. Солнце показывается; это—Пнѣійскій Аполлонъ Грековъ; онъ сковываетъ змѣя и разсѣкаетъ его на равныя части: это — раздѣленіе времени, установленное теченіемъ солнца. Но змѣя не всегда будетъ въ оковахъ; онъ возродится, сдѣлается, въ свою очередь, гораздо сильнѣе, какимъ никогда не бывалъ, и поглотитъ побѣдителя. Время надъ всѣмъ торжествуетъ; оно навлечетъ общее разрушеніе, кончину міра, и переживетъ ее. Можно ли вообразить аллегорію выше этой!

Египтяне признавали верховное Божество: это было—великое цѣлое, вселенная — Богъ. Солнце было—Богъ, проявленный въ его свѣтъ, а луна — его отраженіе. Всѣ божества были также—изліяніе верховнаго Божества, а представителемъ его въ адъ—Озирисъ, какъ царь, воплощенный богъ, былъ представителемъ на землѣ. Вотъ почему царь, сдѣлавшійся чрезъ свою смерть нераздѣльною частию Божества, котораго онъ былъ изліяніе, является въ своей гробницѣ въ соединеніи съ солнцемъ, съ Озирисомъ, со всѣми богами, съ которыми онъ слился. Такова мистическая система погребальныхъ аллегорій!

Между многими предметами, украшающими эти гробницы, всѣ они изображаютъ фазы солнца: его видятъ объѣзжаю-

щимъ вокругъ свѣта на своей баркѣ; съ востока на западъ оно идетъ одно, а съ запада на востокъ его тянуть. Другіе предметы представляютъ сцены убійства и кровопролитія; эти сцены представляютъ кару невѣрныхъ и нечестивыхъ въ другомъ мірѣ, а не припесеніе людей въ жертву, какъ некогда думали.

Совершенное сохраненіе этихъ гробницъ и живописи, ихъ украшающей, не менѣе удивительно, какъ и дивное множество работъ, въ нихъ заключающихся. Я сошлюсь на гробницу Узирея, дѣда Сезострисова, за много предъ симъ лѣтъ открытой путешественникомъ Бельзони, такъ-какъ она лучше другихъ сохранилась, и между-тѣмъ есть одна изъ древнѣйшихъ гробницъ въ долинахъ. Комнаты щеголихи, лишь только убранныя, не бываютъ свѣжѣе, изыщнѣе, не вмѣютъ больше живыхъ красокъ, ни больше искусныхъ украшеній, какъ эти гробницы, построенныя назадъ тому три тысячи пять сотъ лѣтъ. Таково вліяніе благотваго неба, гдѣ дождь бываетъ только весьма рѣдко, а сырость—только при берегахъ рѣки. Гробница Узирея удивительно обширна и совершенно отдѣлана, кромѣ двухъ залъ, которыя смерть государя помѣшала расписать красками. Одна изъ залъ разрисована кистью, и въ этихъ эскизахъ надобно удивляться легкости и работѣ артиста, который, должно думать, имѣлъ одинъ изъ первыхъ талантовъ этой эпохи. Бельзони, открывъ эту гробницу, дошелъ до подошвы огромной лѣстницы, длиною около ста пятидесяти футовъ, покрытой аллегорическими изображеніями живописи, и былъ остановленъ небольшою залой, въ которой, какъ и въ прочихъ, всѣ стѣны были расписаны, и которая со всѣхъ сторонъ была заперта. Тутъ не было того, чего онъ искалъ; впрочемъ, онъ дѣйствительно не могъ предполагать, чтобы столь великолѣпная наружность могла быть сдѣлана для столь незначущаго мѣста. Въ досадъ, онъ сильно ударилъ объ стѣну, которая, при ударѣ, издала пу-

стой звукъ; онъ ударилъ еще—и очутился въ великолѣпной комнатѣ, которую поддерживали четыре столба, и которая была расписана самою свѣжею живописью, самой прекрасной работы. По лѣвую сторону этой залы представилась новалѣя ступица, которая должна была вести къ богатѣйшимъ сокровищамъ. Бельзони поспѣшно сходитъ, не переводя дыханія, входитъ въ другую большую залу, посреди которой стоялъ алебастровый саркофагъ, близны ослѣпительной! Въ крайнемъ безпокойствѣ, вѣтерпннн, онъ пожираетъ его глазами, опускаетъ на дно трепещущую руку. Памятникъ былъ пустой. Чтобы рѣшительно въ томъ убѣдиться, Бельзони пробѣгаетъ одну за другою комнаты, въ которыхъ должны были заключаться сосуды алебастровые, эмалевые и золотые, статуи и фигурки бровзовыя, изъ рѣдкихъ камней и драгоценнаго дерева,—пробѣгаетъ эту прекрасную диванную залу, огромное хранилище самыхъ богатыхъ мебели, разставленныхъ на царствующемъ вокругъ пиршествъ. Живопись, представляющая съ подобною до самыхъ мелочей вѣрностию ложи и сѣдалища съ пурпуровыми подушками, съ львиными головами, оправленными въ индѣйское дерево, въ мѣдъ или въ серебро позлащенное, украшенные золотыми тканями, ящички для драгоценныхъ вещей, для духовъ и ароматовъ, зеркала и множество другихъ туалетныхъ предметовъ, доказывали, что все эти богатства дѣйствительно были положены въ гробницу; но Персы ограбили этотъ гробъ, какъ и все прочіе. Оставалось узнать, откуда они вошли? Позади саркофага дѣлалъ отверстіе, которое вело къ лѣстницѣ, длиною въ двѣсти футовъ, засыпанной отъ провала. Ровное мѣсто, оставшееся надъ этой лѣстницей, показывало, что чрезъ него поднимали саркофагъ, и что черезъ него же грабители вошли въ гробницу. Этотъ выходъ, предполагаемый, какъ и должно быть, въ продолженіе оси перваго корридора, могъ примыкаться только къ равнинѣ Фивъ, сквозъ гору, и на двѣ или на три тысячи футовъ далѣе: судите объ огромности подобной работы. Что касается до вопро-

са о первой лѣстницѣ и расписанной стѣнѣ, которая ее замыкала, данныя причины для его рѣшенія еще остаются предметомъ преній.

Гробницы царей, въ своемъ родѣ, суть памятники столь же гигантскіе, столь же обширные, столь же богатые вапнѣмъ, живописью и украшеніемъ, какъ храмы и чертоги, воздвигнутые на равнинѣ Фивъ. Это обширные подземные музеи, гдѣ древнѣе, какъ бы желая увѣковѣчить ихъ память, кажется, соединили все, что въ эти отдаленныя эпохи касалось до религіи, искусства и наукъ, ихъ мебели, оружія, самыхъ любопытныхъ подробностей о нравахъ, исторіи фараоновъ и погребальныхъ обычаевъ. Гробница, самая дивная своею обширностію, огромностію вапнѣ и невзрачною работою рисунковъ и живописныхъ изображеній, ее украшающихъ,—есть гробница Рамзеса Меймува, этого Лудовика XIV Египтянъ, построившаго гигантскій и грозный дворецъ Медиветъ-Абу. Въ этой гробницѣ весьма много залъ, украшенныхъ предметами живописи, между которыми отличаютъ славныхъ игроковъ на арфѣ, варисованныхъ Брюсомъ (Bruce). Но для меня въ ней всего замѣчательнѣе зала саркофага, изъясненная сводомъ и поддерживаемая двумя рядами столбовъ, изъ коиъ въ каждомъ по четыре столба. Живопись этой залы астрономическая и аллегорическая; тамъ видны сцены убійства и кровопролитія, негры съ отрубленными головами, другіе съ связанными руками и пускающіе кровь въ поставленные внизу сосуды. Грозный характеръ этихъ картинъ, темнота этой залы и примыкающіе къ ней длинные корридоры, идѣя, соединенная съ гробницею государя, воспоминанія, вызываемыя этими древними жилищами,—все это зароняетъ въ душу глубокий ужасъ, и заставило меня испытать тысячу невыразимыхъ чувствованій.

Нынѣ измѣрили обелискъ карнакскій. Огромная раина нашей барки, къ краю которой прикрѣпили лѣстницу въ пят-

надцать футовъ, прислонена была къ обелиску и прикрѣплена веревками; канатъ, обращенный спиралью вокругъ раины, способствовалъ входу до самаго верха. Наиболее отважный изъ нашихъ судовщиковъ взопелъ туда среди благословеній и кликовъ *саламъ* всѣхъ присутствовавшихъ. Дѣйствительно, занимательная была картина—видѣть твердость на ногахъ и присутствіе духа этого безстрашнаго Нубійца, который съ высоты зыбкой своей машины давалъ наставленія находившимся внизу. Начальникъ барки, на колынахъ, скрестивши руки на груди и поднимая голову, громогласно спрашивалъ помощи неба; другіе отвѣчали стихами изъ Корана.

.....Вчера вечеромъ мы приступили къ рѣшительной перевозкѣ нашихъ судовъ и отправили свой самый необходимый багажъ къ гробницамъ. Какой безпорядокъ, какой грабежъ при подобной перевозкѣ! отъ этого у меня разломило голову. Г. Шампольонъ, занимавшійся только своимъ дѣломъ, отправился съ своими чемоданами и оставилъ насъ среди толпы Арабовъ, которые крали все, что могли. День потеряли въ хлопотахъ съ носильщиками и янычарами; прибыли за полдень, изнуренные усталостью, и г. Шампольонъ жаловался на потерю дня. Вида это, я также представлялъ эгоиста; я взялъ осла, навьючилъ свой багажъ на двухъ другихъ ословъ, товарищи мои сдѣлали тоже, и мы направили путь къ долинь. Мы слѣдовали между двойною цѣпью горъ, по той дорогѣ, гдѣ вѣсегда шла многочисленная толпа, предшествовавшая погребальному кортежу царей. Я очутился среди этой древней долины, которая черезъ четыре тысячи лѣтъ не потерпѣла ни малѣйшей перемѣны; я былъ на тропѣ, протоптанной первыми обитателями страны, на тропѣ, столь же ровной, столь же прекрасной, какъ она была въ эти отдаленныя времена. Я не чувствовалъ уже утомительнаго зноя солнца, и глаза мои съ удовольствіемъ обращались на всѣ виды горы. Черезъ часть пути, долина сѣзилась. Входъ и двери изсѣчены были въ скалѣ; этотъ входъ ведетъ къ гроб-

ницамъ. Это бассейнъ въ четверть мили, замкнутый самыми крутыми, высокими горами, у подошвы коихъ вырыты были катакомбы. Я осматривалъ эти мѣста съ новымъ удивленіемъ. Гробница Рамзеса V выбрана была для нашего жилища. Она состоитъ изъ длинной галереи, или корридора, въ двадцать пять футовъ высоты, въ пятнадцать ширины и около ста пятидесяти глубины. Этотъ корридоръ по весьма незамѣтному скату достигаетъ комнаты, среди которой находится огромный гранитный саркофагъ, вышиною отъ десяти до двѣнадцати, шириною въ семь, а длиною по-крайней-мѣрѣ въ двѣнадцать футовъ. Крышка его, расколота надвое, осталась на мѣстѣ, и саркофагъ открыли черезъ широкій проломъ, сдѣланный съ боку. Этотъ гробъ видѣнъ изъ дверей, и производитъ нѣкоторый эффектъ въ полу-свѣтѣ, его освѣщающемъ. Снаружи саркофага, и всегда въ прямой линіи корридора, есть другой корридоръ, съ кабинетами по всѣмъ сторонамъ и въ глубь корридора. Тамъ-то сложены были сосуды, мебели и другіе погребальные предметы, которые должны были сопровождать царя въ его послѣднее жилище. Въ стѣнахъ корридора, залы саркофага и корридора отдаленнаго, сохранились горизонтальныя ниши, въ коихъ поставлены были фигурки изъ разныхъ веществъ, статуйки боговъ, жертвенныя блюда, урны и множество другихъ любопытныхъ вещей, представляемыхъ живописью на томъ же самомъ мѣстѣ, которое онѣ занимали. Персы все опустошили, даже развѣяли прахъ царя. Эта гробница, которую въ древнія времена посѣщали какъ чудо, имѣетъ на своихъ стѣнахъ множество надписей на двухъ языкахъ. Въ отдаленной залѣ я прочелъ съ удовольствіемъ слѣдующую:

«Januarius PP, vidi et miravi

Locum Filia mea Januaria.

Valete

omnes.

то есть:

Явуарій, пропреторъ. Я видѣлъ и дивился этому мѣсту съ дочерью моею Явуариной.

Привѣтвую васъ всѣхъ.»

Въ большомъ корридорѣ мы помѣстимся. Наши кровати поставлены при входѣ по сторонамъ, и даютъ этой длинной галереи видъ гошпитала или казармы, скажу даже — видъ пещеры разбойниковъ. Этотъ безпорядокъ, эти оружія, наши странные костюмы, эти бороды и эти густые усы, всѣ эти лица группированы въ безпорядкѣ; одни лежатъ на своихъ кроватяхъ, другіе сидятъ вокругъ стола и хохочутъ во все горло; здѣсь два друга въ сторонѣ разговариваютъ, тамъ курятъ трубки, въ другомъ мѣстѣ поютъ; вся эта смѣсь раждаетъ странныя чувствованія и могла бы доставить предметъ для самой трогательной картины.

Въ эту минуту мы работаемъ въ гробницѣ Узирая. Я, съ своей стороны, занимаюсь тутъ картиной отъ шести до семи футовъ, которую копирую въ размѣрѣ одного фута и восемнадцати дюймовъ. Она представляетъ усопшаго Государя, сопровождаемаго богомъ *Mandou*, съ головой копчика, ведущимъ его предъ Озириса, верховнаго судію мертвыхъ и предъ другую богиню *Selk*. Эта картина есть замѣчательнѣйшій изъ предметовъ гробницы, и я тщательно ею занимаюсь. Она работы совершенной. Нельзя представить больше подробностей, болѣе тщательной отдѣлки. Профили замѣчательны по тонкости и мѣстному характеру. Округлости восхитительны. Голова царя прекрасна; носъ его, слегка согбенный, ротъ съ губами самыми соразмѣрными (*désoûpées*), кроткая улыбка, пріятное и граціозное выраженіе во всей физиономіи придаютъ особливую прелесть эту портрету Узирая, порт-

рету, коего совершенное сходство доказано многими головами этого царя, представленными въ той же профиль и съ тѣмъ же характеромъ.

У всякаго изъ насъ есть свой Арабъ, который сопровождаетъ насъ къ гробницѣ и исполняетъ всѣ наши порученія. Это нашъ носильщикъ; онъ носитъ намъ свѣчи и бумаги. Ему платятъ по двадцати рагаз или по четыре су въ день, безъ стола. Онъ даетъ вамъ таксу на всѣ жизненные припасы, за которые платятъ по той же пропорціи, по одному су за шесть лицъ, за отличный хлѣбъ, ровно въплате дешевѣе, чѣмъ во Франціи. Температура въ гробницахъ пріятна, но въ оныхъ жаръ ужасный. Эти горы ослѣпительной бѣлизны, эти узкія ущелья, гдѣ солнечные лучи скопляются послѣ ихъ отраженія отъ всѣхъ окрестныхъ скалъ, дѣлаютъ изъ нашей долины пылающую печь.

Въ Бибанъ-Эль-Молукъ мы ведемъ жизнь весьма регулярную, скажу даже, весьма однообразную. Прорисовавши въ гробницахъ цѣлый день, мы оставляемъ работу при закатѣ солнца, и всякъ идетъ рисовать, кто на маслѣ, а кто акварелью. Это одна минута, когда намъ можно пробѣгать окрестности, не боясь солнечнаго зноя. Конецъ дня есть также минута, которая, кажется, лучше благопріятствуетъ размышленію, и для меня, безспорно, самая восхитительная. Сидя на склонахъ горы, въ виду всей равнины Оивъ, которая развивается какъ неоглядная панорама, смотря попеременно на гробницы Гурнага (*Gournah*), на статуу Мемнона (*Mémnôn*) на дворцы Медикетъ-Абу, Карнак'а и Луксор'а, на двѣ колонны Мемнона, уединившіяся въ равнинѣ, и на эти холмы и отрѣзья вершины, обливаемые пурпуровымъ паромъ послѣднихъ лучей, — я изумляюсь красотамъ столь достоотчимаго мѣстоположенія. Но вдругъ мои идеи перемѣняютъ направление; эта дивная картина исчезаетъ, мое воображеніе перелетаетъ за моря, и я опять нахожу себя среди милыхъ

мнѣ предметовъ. Какъ очаровательны мои воспоминанія, и какъ милы для меня мои надежды! Для моего счастья недостаточто одного—видѣть Египетъ; желаніе мое исполнилось: чего мнѣ теперь желать больше, кромѣ благополучнаго къ вамъ возвращенія!

ОТДѢЛЕНІЕ VII.

С м ѣ с њ .

О ГАЛЬВАНОПЛАСТИКѢ. Уже славный *Лихтенбергъ* сказалъ, что электричество (*electricitas*) есть важнѣйшій ключъ къ открытію великихъ таинствъ природы; и мы видимъ, что оно всегда дѣйствуетъ, не какъ матерія или вещество, а болѣе какъ сила (*agent dynamique*). Le nom ne fait pas la chose, справедливо говорятъ Французы; и названіе электричества (отъ греческаго слова *electrôn* — янтарь) почти ничего не значитъ относительно къ его обширнымъ и чрезвычайнымъ дѣйствіямъ; притомъ оно является намъ въ различныхъ видахъ и случаяхъ: то какъ собственно такъ называемое *электричество* (*électricité par friction*), то въ особенномъ видѣ, подъ названіемъ *гальванизма* (*électricité par contact*), то, наконецъ, оказывается въ явленіяхъ магнитныхъ, подъ общимъ именемъ *магнетизма* (*électricité par attraction*), который во всемъ слѣдуетъ одинаковымъ законамъ съ настоящимъ электричествомъ, что извѣстно всякому изъ физики. Тождество первыхъ двухъ видовъ электричества весьма ясно по совершен-

ной одинаковости явленій физическихъ и химическихъ, такъ-что одно изъ нихъ (électricité par friction), можно назвать *сухимъ*, а другое (électricité par contact), *мокрымъ* электричествами: первое не терпитъ сырости, а второе безъ влаги или жидкости быть не можетъ, то есть: не обнаруживается нашими чувствами.

Въ настоящее время особливо важенъ для насъ послѣдній родъ электричества, именуемаго *гальванизмомъ*: оно, такъ сказать, проникаетъ или болѣе открываетъ намъ внутренность природы, чрезъ сильное химическое свое дѣйствіе (grande puissance chimique). Извѣстно, что посредствомъ гальванизма, усиливаемаго особыми приборами, называемыми прежде *Вольтовскими столбами* или *батареями* (piles Voltaïques), удобно разлагаются всѣ соли, кислоты, щелочи (alcalies) и земли, изъ которыхъ послѣдніе два вещества, кромѣ аміака, не могли быть вначалѣ разложены никакими другими средствами, что въ-послѣдствіи уже сдѣлалось возможнымъ по правиламъ химіи. Такимъ образомъ, давно знаемъ изъ химическихъ опытовъ, что при дѣйствіи гальванизма на растворъ какой-нибудь обыкновенной соли, напримѣръ, селитры или купороса, основаніе (base) ея привлекается къ одному полюсу гальваническаго прибора, а кислота (acide) отдѣляется при другомъ его полюсѣ; что при этомъ рѣдко изъ металлическихъ солей, каковы, напримѣръ, мѣдный купоросъ (sulfate de cuivre, lapis infernalis (nitrate d'argent) и прочія, получаютъ ихъ основанія въ чистомъ *металлическомъ* видѣ безъ окисленія (oxidation). Но всегда, въ такихъ разложеніяхъ (analyses), употребляли сильно-дѣйствующіе приборы гальваническіе (piles Voltaïques), чтобы самое разложеніе было успѣшнѣе; а потому и упомянутые металлы осаждались у полюсовъ ихъ наиболѣе въ мелкораздѣленномъ или порошкообразномъ состояніи.

Знаменитый академикъ нашъ *Якоби* первый, кажется, обратилъ должное вниманіе на отдѣленіе металловъ изъ жидкаго раствора въ видѣ болѣе цѣльнымъ или сплошномъ (en masses), употребляя для того не сильно-дѣйствующіе особенные приборы гальванизма, чѣмъ и положилъ онъ прочное основаніе такъ называемой *гальванопластики*, примененной къ искусствамъ. Образцовое сочиненіе господина

Якоби по этому предмету, изданное на русскомъ языкѣ, 1840 года, подъ именемъ «Гальванопластики», служить для всѣхъ насъ указателемъ самаго дѣла, которое становится теперь чрезвычайно просто. И такъ справедливость требуетъ отдать всю честь открытой гальванопластики нашему соотечественнику, господину *Якоби*, заслуживающему признательности всего ученаго свѣта. Августѣйшій Монархъ нашъ уже достойно вознаградилъ столь важное и общепользное открытіе, которыми пользуются теперь многіе техники и художники не только наши, но даже иностранные.

Въ послѣднюю бытность мою (прошлаго 1841 года) въ Санкт-петербургѣ, я случайно познакомился съ однимъ ламповымъ мастеромъ, *Гамбургеромъ*, у котораго, вмѣсто лампы, нашелъ болѣе произведеній гальванопластики. Онъ, по склонности къ физико-химическимъ занятіямъ, дѣлалъ ихъ самъ, бывши до того приглашенъ въ помощь господину *Якоби*, для отдѣлки гальванопластическихъ вещей. Послѣ этого ревностно принялся *Гамбургеръ* за настоящую гальванопластику съ большою удачею, какъ публикѣ извѣстно, за что Императорская Академія Художествъ удостоила его лестнымъ вниманіемъ, еще въ прошломъ 1841 году, равно какъ и многіе изъ нашихъ сановниковъ, ученыхъ и художниковъ. Къ похвалѣ мастера *Гамбургера* должно въ особенности отнести то, что всѣ художественныя произведенія или фигуры гальванопластики дѣлаетъ онъ весьма дешево.

Не говоримъ уже о ихъ сравненіи съ обыкновеннымъ дѣтьемъ (fonte), изъ котораго рѣдко выходятъ удачныя произведенія, не требующія попомъ рѣзцовой поправки. Гальванизмъ, какъ великій художникъ, отдѣлываетъ свои предметы естественнымъ, наилучшимъ образомъ, въ чемъ каждый, видѣвшій такіа издѣлія, вполне увѣренъ. Изъ этого мы заключить можемъ, сколь могущественна вездѣ сила *природы* и сколь ограниченно еще наше *искусство* или подражательность ей!

Наконецъ, что мы дѣлаемъ посредствомъ гальванопластики или, сказать лучше, посредствомъ важнаго открытія господина *Якоби*? Примѣняемъ его къ техникѣ, отдѣляя гальванизмомъ золото (en masses) отъ серебра, платину (изъ раствора) отъ прочихъ металловъ; стараемся даже употребить

его (гальванизмъ) какъ *движитель* или механическую силу, — какъ скорѣйшій телеграфъ и проч. Чему тотъ же основатель гальванопластики Якоби показалъ въ Санктпетербургѣ уже довольно примѣровъ.

Заключимъ по справедливости, что гальванизмъ, или мокрое электричество, довольно подтверждаетъ намъ истину прозорливости славнаго Лихтенберга, который предсказалъ важность электрической силы слишкомъ за пятьдесятъ лѣтъ, подобно безсмертному *Ньютоу*, математически предсказавшему горючесть алмаза и одной изъ составныхъ частей воды (*hydrogène*) болѣе, чѣмъ за столѣтіе до подтвержденія опытомъ этой смѣлой, тогда, гипотезы.

В. А.

ФИЛОСОФИЧЕСКОЕ РАЗРѢШЕНІЕ ВОПРОСА: ЧТО ТАКОЕ ЛЮБОВЬ? Въ одномъ германскомъ, очень уважаемомъ за границу, журналѣ напечатано: До-сихъ-поръ только ощущали любовь, но не могли опредѣлить ее. Тѣ, которые возбуждали вопросъ о сущности любви, не могли никакъ рѣшить его. Наконецъ, одинъ изъ послѣдователей Гегеля, въ своемъ, недавно-вышедшемъ, сочиненіи помѣстилъ самое точное и, въ особенности, самое ясное опредѣленіе любви. «Любовь», пишетъ философъ: «есть идеальность реальности части цѣлостности бытія безконечнаго, соединеннаго съ вождѣніемъ и тѣлесностью между я и ты; ибо я и ты составляютъ оно.» Безъ сомнѣнія, всѣ наши, извѣстные послѣдователи Гегеля, выучатъ назусть это глубокомысленное, новѣйшее опредѣленіе любви. Если случится кому-нибудь изъ нихъ влюбиться и дойдетъ до изясненія съ предметомъ страсти черезъ записочку, то какая красавица не тронется глубокимъ краснорѣчіемъ любовной записки, въ которой будетъ, напримѣръ хоть такъ, сказано: «Да, я люблю вась, я не въ силахъ долѣе скрывать чувствъ моихъ! Одною любовью живу и дышу я. Прежде не зналъ я: что такое любовь? Теперь понимаю, теперь я постигъ это чувство вполне. Любовь есть идеальность реальности части цѣлостности бытія безконечнаго, соединеннаго съ вождѣніемъ

и тѣлесностью между я и ты, ибо я и ты составляютъ оно.» И такъ далѣе.

Германскій журналъ смѣется новому, философскому опредѣленію любви. Французы перевели его, напечатали въ журналахъ и помираютъ со смѣху. То же явленіе, вѣроятно, произойдетъ и у насъ, русскихъ. Развѣ только въ какой-нибудь философической или критической статьѣ какого-нибудь, не знающаго по-нѣмецки, послѣдователя Гегеля, который однако жъ понимаетъ паеосъ дѣйствительности и гуманности, новое опредѣленіе любви будетъ помѣщено и напечатано, съ намѣреніемъ блеснуть передъ читателями своею глубокою ученостью.

РАЗВАЛИНЫ КАРѢАГЕНА. На сѣверо-востокъ отъ Туниса, въ трехъ миляхъ отъ этого города, на полуостровѣ, омываемомъ съ одной стороны Средиземнымъ моремъ, а съ другой Тунисскимъ озеромъ, Эль-Багейра, почти на пространствѣ трехъ миль, разсыяны остатки славнаго КарѢагена, который, въ древнія времена, господствовалъ надъ морями и, въ далекіхъ экспедиціяхъ, открывалъ новыя страны и складочныя мѣста для своихъ товаровъ.

«Основаніе КарѢагена, по самаританскому тексту, кажется, восходитъ къ 1534 году до Рождества Христова, къ эпохѣ завоеванія земли Ханаанской. Но гораздо вѣроятнѣе думать, что Дидонъ прибылъ въ Африку на семьмъ году царствованія Пигмаліона, за 883 или 853 года до нашей эры. По свидѣтельству Страбона и Аппіана, КарѢагенъ лежалъ на полуостровѣ около трехъ-сотъ стадій или осмнадцати миль, въ окружности; першеекъ этого полуострова былъ въ двадцать-пять стадій, или мило съ четвертью, шириною. Къ западу отъ перешейка тянулся мысъ, шириною въ пол-стадіи: онъ отдѣлялъ море отъ болота, чѣ вынче Гулетское озеро: и, съ южной стороны, оканчивался утесами. Въ той части материка, гдѣ стояла цитадель Бирса, городъ былъ укрѣпленъ тройною стѣною, вышиною въ тридцать локтей, съ башнями, въ равномъ одна отъ другой разстояніи, около стадеяноста или двухъ-сотъ шаговъ.

По рассказамъ Страбона, стѣны выстроены были такимъ образомъ, что въ нихъ могли удобно помѣщаться до трехъ-сотъ слоновъ и магазины для ихъ корма, конюшни для че-

тырехъ-тысячъ лошадей и амбары для фуража; кромѣ того, нужно было мѣсто для гарнизона, который состоялъ изъ двадцати-тысячъ пѣхоты и четырехъ-тысячъ конницы.

Два порта имѣли сообщеніе между собою, входъ въ нихъ былъ одинъ, шириною въ семьдесятъ футовъ, и запирался цѣпями; первый портъ назначался для торговли. Во внутреннемъ портѣ стояли галеры; на его серединѣ находился островокъ Котонъ, по-финиійски *катуль*, обведенный, такъ же, какъ и портъ, набережною, гдѣ были отдѣльныя мѣста для двухъ-сотъ-двадцати судовъ.

Стѣны Карѳагена были возобновлены, за 127 лѣтъ до Рождества Христова, во время консульства Октавія Луска и Авнія Луска. Но, сдѣлая Анпіану и нѣкоторымъ другимъ историкамъ, надо отнестъ это событіе къ сто-шестнадцатому году до Рождества Христова, когда одинъ изъ Гракховъ, желая похвалитъ римскому народу, завелъ здѣсь колонію.

Гораздо позже, могущественный голосъ Августа вызвалъ Карѳагенъ изъ его развалинъ. Римскій Карѳагенъ возрасталъ съ такою быстрою, что, въ послѣдствіи, онъ сдѣлался столицей Африки. Адріанъ хотѣлъ ему дать имя Адріанополя. Императоръ Коммодъ назвалъ его Alexandria Commodiana togata. Впрочемъ, Карѳагенъ явился, нѣкоторымъ образомъ, въ своемъ древнемъ величіи, уже въ царствованіе Максимина и Діоклитіана. Христіанскія училища Карѳагена прославились знаменитыми историческими лицами; въ нихъ процвѣтали краснорѣчивый Кипріанъ, Арновій, Лактанцій, и наконецъ блаженный Августинъ, которому заслуги, добродѣтели и подвижническая жизнь, доставили иппонійское епископство.

Въ 530 году, въ Карѳагенѣ короновался Желимеръ; но спустя три года, послѣ кровавой битвы, онъ долженъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ. На другой день, Велизарій спокойно входитъ въ городъ; жители открываютъ ему ворота, и онъ, въ знакъ благодарности, спасаетъ собственность и жизнь своихъ враговъ. Въ 534 году, тотъ же самый Желимеръ снова явился передъ Карѳагеномъ, съ сильнымъ войскомъ, чтобы осадить въ немъ римскаго генерала; но послѣдній разбилъ его на-голову и такимъ образомъ нанесъ послѣдній ударъ имперіи Вандаловъ, существовавшей девяносто пять лѣтъ.

Карѳагенъ, который триста лѣтъ назадъ, благодаря своему прекрасному положенію, какъ бы волшебствомъ возникъ изъ развалинъ и сдѣлался однимъ изъ самыхъ цвѣтущихъ городовъ Африки.— Карѳагенъ, разрушенный Вандалами, окончательно падаетъ подъ ударами Арабовъ. Эти рыцари степей, въ 647 году, совершаютъ первую свою экспедицію, и, въ 696 году, овладѣвши городомъ, оставляютъ въ немъ только однѣ развалины. Спустя годъ, римскій патрицій Іоаннъ, снова беретъ городъ; наконецъ, въ 698 году, Арабы, подъ предводительствомъ Гассана, полководца калифа Аблъэль-Мелекъ-бенъ-Мервана, опять отнимаютъ Карѳагенъ изъ рукъ Римлянъ и разрушаютъ его до основанія. Въ 1270 году, одинъ мавританскій принцъ рѣшился возобновить стѣны Карѳагена; множество домовъ явилось на развалинахъ древняго города, а на холмѣ Бирсы построена крѣпость. Но Лудовикъ Святой, высадившись съ своими войсками на берегъ Африки, прежде осады Туниса, который въ это время былъ уже богатымъ торговымъ и укрѣпленнымъ городомъ, задумалъ овладѣть Карѳагеномъ. — Христіанскій король прогналъ Мавровъ изъ башни, защищавшей систерны, и приступомъ взялъ крѣпость.

Въ наше время, на мѣстѣ цвѣтущаго нѣкогда Карѳагена, развѣртывается печальная пустыня, покрытая обломками капителей и барельефовъ, остатками мраморныхъ и порфировыхъ колоннъ и безчисленными систернами; теперь тамъ блуждаетъ только геній разрушенія; ничто не возмущаетъ грустнаго безмолвія этого забытаго угла; развѣ кое-когда, монотонная пѣснь полу-нагаго Араба, пасущаго свое стадо между развалинами храмовъ и дворцовъ, прозвучитъ среди остатковъ исчезнувшаго города.

Многіе знаменитые путешественники посѣщали развалины Карѳагена; такъ, въ 1727 году, посѣтилъ ихъ Шау (Schau); спустя восемьдесятъ лѣтъ, Шатобрианъ и, наконецъ, въ наше время, капитанъ Фальбъ (Falbe). Всѣ старались угадать положеніе главныхъ кварталовъ и замѣчательныхъ зданій этого города; но неясныя свидѣтельства древнихъ авторовъ, по этому предмету, трудность распознавать различныя строенія въ такой странѣ, гдѣ изстари сохранялся одинаковый образъ постройки, притомъ, неоднократныя разрушенія и возоб-

появления этого города, дѣлали почти безплодными всѣ усилія и изслѣдованія ученыхъ. Основываясь на нѣкоторыхъ слабыхъ признакахъ и на свидѣтельствѣ древнихъ, Аппиана, Страбона и Полибия, можно принять за достовѣрное, что Кареагенъ финикійскій возвышался на полуостровѣ, неправильной формы, который на сѣверѣ оканчивался мысомъ Гамартомъ, съ востока омывался заливомъ, а съ юга и запада озеромъ.

На этомъ-то обширномъ пространствѣ, гдѣ встрѣчаются болѣе или менѣе замѣтные слѣды бывшаго тутъ нѣкогда славнаго города, именно здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ, надо искать финикійскаго Кареагена.

Проѣжая по морскому берегу, и не безъ труда совершивши путешествіе по этому песчаному океану, достигаете наконецъ того самаго мѣста, гдѣ берегъ выгибается кривою линіею. Здѣсь-то, послѣ получасовой ходьбы, встрѣчаются первыя развалины: это стѣны комнаты, сосѣдней съ моремъ; длиною въ 5, 2 метра, шириною въ 3, 41 метра; ихъ высота, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ только 0, 65 метра. Множество каменныхъ обломковъ находится въ водѣ, на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ берега; волны разбиваются объ нихъ съдою пѣной.

Потомъ встрѣчаете нѣсколько комнатъ въ 2, 60 метра ширины; стѣны ихъ имѣютъ отъ 0, 81 до 0, 975 метра, въ ширину; а толщина сводовъ будетъ 0, 325 метра.

Далѣе слѣдуетъ рядъ небольшихъ квадратныхъ комнатъ, около шести-сотъ шаговъ отъ того мѣста, гдѣ берегъ описываетъ кривую линію; на концѣ ея, находится небольшое зданіе, называемое марабу, которое, вѣроятно, служило караульному. Насупротивъ этихъ развалинъ, по прямой линіи, перпендикулярной къ берегу, выдается въ море масса камней, которые составляли плотину, или, лучше, правую вѣтвь ея, потому-что на триста шаговъ далѣе встрѣчается и лѣвая вѣтвь, которая имѣетъ точно такую же форму и на такое же разстояніе вается въ море. Эти вѣтви, равно какъ и самая плотина, состоятъ изъ огромныхъ камней, или, правильнѣе, изъ утесовъ; остатки плотины лежатъ подъ водою на 1, 95 или 2, 6 метра; линія, соединявшая двѣ вѣтви ея, еще довольно замѣтна.

Повади плотины и не вдалекѣ отъ марабу, по насыпи,

отъ 4,87 до 6,497 метра вышины, приходите къ продолговатому бассейну, на берегахъ котораго лежатъ двѣ колонны бѣлаго мрамора, съ черными полосами, во всю ихъ длину; одна изъ колоннъ 4,5 метра длины и 0,55 метра въ діаметрѣ, а другая 5,93 длины и 0,812 въ поперечникѣ; въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда, находится третья колонна сѣраго гранита, въ 4,76 метра длины, и 0,49 въ діаметрѣ.

По другую сторону этихъ слабыхъ памятниковъ благаго величія Кареагена, находятся развалины двухъ смѣжныхъ комнатъ; каждая изъ нихъ 11,69 длины и 3,57 метра ширины. Эти комнаты стоятъ параллельно съ берегомъ, образующимъ здѣсь небольшой заливъ, въ глубинѣ котораго встрѣчаются пещеры, со сводами.

Спускаясь къ морю, находите девять комнатокъ, а черезъ пятьдесятъ шаговъ, еще до пятидесяти-двухъ другихъ комнатъ; всѣ онѣ расположены параллельно съ берегомъ, отъ котораго отстоятъ не болѣе, какъ на двѣнадцать метровъ; всѣ онѣ со сводами и отдѣлены одна отъ другой стѣною. Каждая комната въ 5,847 метра, въ длину и 4,548 въ ширину; простѣнки слѣзаны изъ точильныхъ камней въ 0,812 метра толщины. Передъ каждой изъ нихъ, въ равномъ разстояніи, находится куча круглыхъ камней, въ 1,3 метра, въ діаметрѣ; это заставляетъ думать, что тутъ стояли нѣкогда колонны. Можно съ вѣроятностью полагать, что эти комнаты принадлежали купцамъ; и во всякомъ случаѣ, такое предположеніе гораздо правдоподобнѣе, чѣмъ мысль извѣстнаго путешественника, который принималъ ихъ за крытые доки, куда Кареагеняне вытаскивали свои галеры.

Позади двадцать-четвертой комнаты находятся развалины обширнаго зданія; вѣроятно, это былъ храмъ; стѣны его имѣютъ 2,923 метра толщины и сложены изъ огромныхъ камней, связанныхъ между-собой сѣрымъ, очень крѣпкимъ, цементомъ.

Въ пятидесяти шагахъ отъ комнатъ, лежатъ развалины каменныхъ валовъ, которые до половины уже покрылись водою. Это, вѣроятно, были сторожевыя башни. Далѣе, разбросанные обломки колоннъ приводятъ къ остаткамъ древняго храма, возвышавшагося нѣкогда между городомъ и портомъ. Это зданіе поддерживалось огромными столбами,

боѣе двухъ метровъ въ толщину, которые и теперь стоятъ на своемъ мѣстѣ. Направо отъ храма, должно-быть, тянутся остатки жреческихъ жилищъ; такіе же огромные столбы поддерживали и эту часть зданія. Внутри храма найдете колонны и коринтскія капители, которыя представляютъ иногда цвѣты и плоды, перевитые змѣями.

Самыя замѣчательныя и сохранившіяся лучше другихъ древности — это систерны. Семнадцать систернъ расположены, на прямой линіи, одна позади другой, и соединены переходами. Свѣтъ проходитъ сюда сквозь широкія отверстія, сдѣланныя въ толстыхъ каменныхъ стѣнахъ. Своды построенные изъ смѣси мелкихъ, черныхъ и красныхъ, камешковъ, такъ тверды, что только съ помощью молота можно отбить отъ нихъ небольшой кусокъ; во многихъ мѣстахъ боковыя стѣны уже давно обрушились, а своды остались совершенно невредимыми. Въ двухъ или трехъ систернахъ, въ которыя можно войти, не подвергаясь никакой опасности, усталые путешественники находятъ себѣ пристанище и пріятный отдыхъ. Не вдалекѣ отсюда, лежатъ развалины какихъ-то подземелій, которыя, судя по соседству съ систернами, можно считать банями.

Прогуливаясь вдоль берега, послѣ многихъ незначительныхъ развалинъ, доходите до одной виллы, расположенной на берегу моря. Расположеніе и убранство комнатъ показываютъ, что эта дача принадлежала какому-нибудь кареагенскому богачу: стѣны украшены живописью; помость выстлана богатою мозаикою; на самомъ берегу устроена прекрасная купальня.

Спустившись съ крутыхъ береговыхъ утесовъ, встрѣчаете остатки городскихъ воротъ: два каменныхъ вала, около двѣнадцати метровъ вышины; на сторонѣ, выходящей къ морю, видны огромныя круглыя отверстія.

Приближаясь къ Малгѣ, на каждомъ шагѣ встрѣчаете обломки мрамора и груды щебня, потомъ видите водопроводъ, и холмъ Бирсы.

Недавняя деревенька Малга построена на сводахъ безчисленныхъ, обширныхъ систернъ, которыя превращены Бедуинами въ конюшни и стойла для скота. На дворѣ одного Мавра, жителя этой деревни, видны хорошо-сохранив-

шіеся остатки древняго водопровода. Въ этомъ мѣстѣ высота водопровода равняется 1,773 метра, а широта, 0,865 метра; каменные своды, связанные необыкновенно-крѣпкимъ цементомъ, имѣютъ въ толщину 0,378 метра, а толщина боковыхъ стѣнъ совершенно равна широтѣ самаго водопровода. До-сихъ-поръ еще не рѣшили, къ какой эпохѣ относится этотъ гигантскій памятникъ. Впрочемъ, все заставляетъ думать, что онъ построенъ не Кареагенянами, а Римлянами, быть-можетъ, въ царствованіе Максимиана и Диоклетіана.

Плоская возвышенность, на которой стояла крѣпость Бирса, лежитъ на южной сторонѣ, поднимаясь надъ окружающею почвою на шестьдесятъ-одинъ метръ въ высоту. Возлѣ холма со всѣхъ сторонъ разбросаны обломки зданій, что подтверждаетъ сказаніе Страбона и Аппіана, будто холмъ Бирсы находился среди города и былъ окруженъ жилищами. Страбонъ прибавляетъ, что вершина его была увѣнчана храмомъ Эскулапа, куда, по приказанію Асдрубала, удалились девять-сотъ переметчиковъ, находившихся въ цитадели. Переметчики, оставленные своимъ полководцемъ, положили храмъ, рѣшившись лучше погибнуть въ пламени, чѣмъ отдаться въ руки непріятеля. Почти при подошвѣ холма лежатъ развалины одного зданія, вѣроятно, храма Аполлона, который, по свидѣтельству Аппіана, былъ разграбленъ войсками Сципіона. Впрочемъ, весь холмъ Бирсы усѣянъ замѣчательными развалинами и остатками стѣнъ и сводовъ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ И ИСТОРІЯ КРАСНАГО ПОКОЛѢНІЯ.
Александръ Брадфордъ, въ своемъ недавно-изданномъ сочиненіи: On the origin and history of the red race, разсматривая вопросъ о краснокожемъ поколѣніи, доходитъ до слѣдующихъ результатовъ.

1. Три большія группы древнихъ памятниковъ, встрѣчающихся въ Соединенныхъ-Штатахъ, Мексикѣ и Южной Америкѣ, одолжены своимъ существованіемъ отраслямъ одного семейства народовъ, какъ можно догадываться по характеру памятниковъ.

2. Племена, оставившія эти памятники, составляли вѣкогда одинъ народъ, богатый, многочисленный, образованный и земледѣльчскій. Онѣ строили большіе города, водопроводы,

крѣпости и храмы; умѣли дѣлать глиняную посуду, обрабатывали металлы, знали скульптурное искусство, имѣли довольно обширныя свѣдѣнія въ астрономіи; у нихъ была народная религія, приведенная въ систему законовъ, и правильная форма правленія.

3. Одинакое физическое устройство, іероглифическая живопись, сходство языка, религіи, преданій, способъ погребенія мертвыхъ, и нѣкоторыя другія обыкновенія, доказываютъ, что всѣ почти американскія племена принадлежали къ одному семейству, и что дикари представляютъ разсѣянныя остатки образованныхъ нѣкогда народовъ.

4. Въ исторіи этихъ образованныхъ народовъ можно назначить двѣ различныя эпохи. Первая протекла въ спокойномъ развитіи и усовершенствованіи гражданской жизни и уже подъ конецъ ознаменовалась общественнымъ упадкомъ. Вторая эпоха представляетъ картину нашествія дикихъ или полу-образованныхъ племенъ, разрушеніе или завоеваніе древнихъ государствъ и основаніе новой обширной державы.

5. Первоначальнаго истока гражданственности надо искать въ центральной Америкѣ, откуда народы расселились по обоимъ американскимъ материкамъ, отъ мыса Горна до Ледовитаго океана.

Что касается до происхожденія этихъ народовъ, кажется:

1. Что красное поколѣніе принадлежитъ къ первоначальному и образованному вѣтвямъ человѣческаго семейства, и, съ различными видоизмѣненіями, существовало въ Этруріи, Египтѣ, на островѣ Мадагаскарѣ, въ древней Скиѣи, Монголіи, Китаѣ, Индустанѣ, на архипелагѣ Малайскомъ, въ Полинезійи и Америкѣ.

2. Что американское народонаселеніе имѣетъ болѣе или менѣе близкія отношенія къ народамъ всѣхъ странъ, по разительному сходству въ искусствахъ, обыкновеніяхъ, преданіяхъ, іероглифахъ, архитектурѣ, постройкѣ храмовъ, астрономическихъ системахъ, суевѣріяхъ, религіи и теократическомъ правленіи. Долго господствовала мысль, что народы, заселившіе Америку, вышли изъ Монголіи или Татаріи и проникли въ новый свѣтъ черезъ Сибирь и проливъ Беринговъ. Но Мексиканцы и Перуанцы имѣютъ гораздо болѣе сходства съ образованными народами восточной Азій,

чѣмъ грубыя племена и вомады Сибири, хотя всѣ принадлежатъ къ одному поколѣнію. Конечно, нельзя отрицать, что въ Сѣверной Америкѣ есть сибирскіе выходцы позднѣйшихъ временъ, напримѣръ Чинаван, Сиуи, Осаги и другіе, хотя, и на счетъ этихъ племенъ, доказательства основываются главнымъ образомъ на шаткихъ, неопредѣленныхъ преданіяхъ; но никакъ не лзя допустить, что Мексиканцы, Толтеки, Чапане и Перуанцы, были потомками дикихъ, необразованныхъ ордъ сѣверо-восточной Азій, или что они изъ южныхъ странъ Азій переселились въ холодныя, негостепримныя области сѣвера, не оставивъ на пути никакихъ слѣдовъ своей гражданственности. Древніе памятники Сибири находятся на западной и южной ея сторонахъ; древніе памятники Америки лежатъ на сѣверо-западѣ; эти факты, кажется, не подтверждаютъ сѣвернаго сообщенія двухъ материковъ, не смотря на ихъ близость въ этомъ направленіи. Но съ другой стороны, употребленіе компаса въ Китаѣ съ самыхъ древнихъ временъ, экспедиціи Малайцевъ на азіатскихъ моряхъ, преданія о населеніи острововъ людьми, заброшенными на нихъ бурей, а болѣе всего народонаселеніе безчисленныхъ острововъ Тихаго океана, отъ береговъ Азій до острова Пасхи, заставляютъ принять гипотезу о сѣверномъ переселеніи. Въ самомъ дѣлѣ, на островѣ Пасхи, кажется, смѣшались другъ друга различныя племена, переселявшіяся на берега Америки; оставшіяся тамъ пирамидальныя зданія, колоссальныя обелиски и гигантскія статуи представляютъ полное сходство съ памятниками американскими.

Когда и какой народъ заселилъ Америку? Этотъ любопытный вопросъ можно рѣшить только общими мѣстами. Американская образованность не имѣетъ своего собственного характера; исключая нѣкоторыя частныя различія, она представляетъ вообще поразительное сходство съ образованностію древняго міра. Американскіе народы строили храмы и дворцы; ихъ храмы имѣли пирамидальную форму; ихъ преданія были перемѣшаны съ космогоническими баснями, въ которыхъ сохранились слѣды первобытной исторіи; наконецъ ихъ религія проникнута высокими истинами, хотя суевѣріе и развращенныя нравы наложили на нее свою печать. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего новаго; эти черты нельзя усвоить ис-

ключительно ни Индѣйцамъ, ни Египтянамъ, ни Китайцамъ, хотя онѣ видны у каждаго изъ этихъ народовъ. Начала такого сходства надо искать въ той отдаленной эпохѣ, когда одно первоначальное семейство народовъ разбилось на вѣтви и унесло съ собою въ Египетъ, Индустанъ, Китай и Америку, одну и ту же религію, тѣ же искусства, тѣ же нравы и постановленія, которыя, съ теченіемъ времени, измѣнились подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ. Въ подтвержденіе этого можно указать на разницу американскихъ нарѣчій отъ языковъ древняго міра, на извѣстныя особенности въ ихъ астрономическихъ системахъ, и на преданія, собственно американскія, въ которыхъ сохранилось воспоминаніе о великихъ событіяхъ священной исторіи.

Красное поколѣніе можно отнести къ первоначальнымъ вѣтвямъ человѣческаго семейства. Оно занимало многія страны на материкѣ стараго свѣта и рано проникло въ Америку. Семейство американскихъ племенъ, не обнаруживая въ себѣ полнаго родства ни съ однимъ изъ современныхъ народовъ, представляетъ много сходства съ Этрусками, Египтянами, Монголами, Китайцами и Индѣйцами; равно приближается къ Малайцамъ и Полинезійцамъ. Вѣроятнѣе всего думать, что оно получило свое начало въ Азіи, откуда перешло на острова и потомъ въ Америку.

Въ постановленіяхъ всѣхъ древнихъ народовъ, самую замѣчательную особенность составляетъ религіозный характеръ. Законы, правленіе, науки и искусства, зависѣли отъ касты жрецовъ. Отсюда вытекали многія благодѣтельные и вредныя слѣдствія. Народъ не терялъ образованности, не переходилъ въ состояніе варварства, покуда религія сохраняла свою силу; за то общество не могло подвинуться впередъ, но оставалось въ опредѣленной, неизмѣнной колеѣ. Науки были тайною жрецовъ; чтобы посвятиться въ ихъ начала, слѣдовало подвергнуться долговременному религіозному испытанію. Потому потомки не могли похвалиться успѣхами передъ своими предками.

Такая зависимость отъ касты жрецовъ укоренила въ древнихъ народахъ этотъ непоколебимый характеръ, который досихъ-поръ рѣзко отличаетъ дикихъ Индѣйцевъ, эту непреклонность воли, которая упорно держится древнихъ формъ

и обыкновеній, презирая всѣ нововведенія и перемены, и которая отдаляетъ большую часть нынѣшнихъ дикихъ племенъ отъ благодѣтельныхъ даровъ гражданственности, насаждаемой среди нихъ европейскими народами.

ВОЛКАНЪ ТААЛЪ. Господинъ Деламаршъ, въ письмѣ изъ Макао, описываетъ вулканъ Таалъ, находящійся на одномъ островѣ, среди залива Бонгбонскаго (Bongbong). Этотъ вулканъ находится на вершинѣ обнаженной горы, возвышающейся до ста-пятидесяти-шести метровъ надъ уровнемъ окрестныхъ водъ. Круглый его кратеръ имѣетъ около трехъ-тысячъ метровъ въ діаметрѣ, и около семидесяти-пяти метровъ въ глубину. Внутреннія стѣны поднимаются почти вертикально. По серединѣ кратера, до пятой части всей глубины, выдается гористая масса, усѣянная большими кратерами, изъ которыхъ вырываются облака дыма. Между стѣнами кратера и гористой массой разливается жидкость желтаго цвѣта; на ея поверхности, по временамъ, образуются черныя пятна, волнуются какъ-будто отъ легкаго кипѣнія и потомъ исчезаютъ мало-по-малу.

О ДВИЖЕНІИ СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ. Господинъ Браве, профессоръ астрономіи въ Лионѣ, сообщилъ Парижской Академіи Наукъ записку о движеніи солнечной системы въ пространствѣ.

Вопросъ о собственномъ движеніи солнца долго былъ спорнымъ предметомъ для астрономовъ и оставался еще нерѣшеннымъ до Аргеландера, который, нѣсколько дѣтъ назадъ, разсѣялъ всѣ сомнѣнія касательно этого предмета и, съ полной очевидностію, доказалъ дѣйствительность солнечнаго движенія. Но метода, по какой Аргеландеръ опредѣляетъ направленіе поступательнаго движенія солнца, подвержена многимъ возраженіямъ. Онъ предполагаетъ при этомъ, что звѣзды находятся *съ покоемъ сколько возможно*, и что всѣ области пространства представляютъ одинаковое удобство для направленія движенія,—начала, которыя можно опровергнуть.

Господинъ Браве, при опредѣленіи солнечнаго движенія, вмѣсто геометрическихъ выкладокъ, употребляемыхъ другими астрономами, прибѣгаетъ къ механическимъ соображеніямъ, принимая въ расчетъ каждую звѣзду пропорціонально ея массѣ. Обращать вниманіе на массы звѣздъ необходимо

особенно потому, что на небѣ есть двойныя группы, въ которыхъ двѣ звѣзды, отдаленныя безмѣрнымъ разстояніемъ одна отъ другой, имѣютъ одинакое движеніе. Это видимъ въ А Змѣноса и 30 звѣздъ Скорпіона, которыя, впрочемъ, находятся другъ отъ друга въ тринадцати градусахъ углового разстоянія. Спрашивается: надо ли принять эту группу, въ выкладкахъ, за одинокую звѣзду или разсматривать ее какъ двѣ отдѣльныя звѣзды? Подобныхъ случаевъ можетъ встрѣтиться очень много. Но всѣ эти затрудненія остаются въ сторонѣ, какъ скоро берется въ расчетъ масса звѣздъ.

«Тогда, говоритъ Браве, самыя простыя соображенія приводятъ къ уравненіямъ солнечнаго движенія. Такъ-какъ это движеніе не можетъ быть опредѣлено рѣшительнымъ образомъ, потому-что мы не въ состояніи поручиться за неподвижность тѣхъ замѣтокъ, съ которыми станемъ сравнивать солнце: то вопросъ приводится къ опредѣленію относительнаго движенія, котораго можно достигнуть или въ отношеніи къ центру тяжести извѣстной группы звѣздъ или относительно къ центру тяжести всѣхъ существующихъ звѣздъ. Но это все равно; въ обоихъ случаяхъ, центръ тяжести системы можно предполагать въ покой, и это условіе тотчасъ даетъ три сложныхъ прямоугольника относительной скорости солнечнаго движенія.»

Смотря на эти формулы съ теоретической точки зрѣнія, находишь ихъ совершенно удовлетворительными. Если приложить ихъ къ земному шару, разсматривая его движеніе по отношенію къ центру тяжести планетной системы, то онѣ тотчасъ дадутъ скорость поступательнаго движенія земли и его направленіе. Но въ отношеніи къ солнечному движенію, приложеніе этихъ формулъ дѣлается довольно труднымъ, потому-что мы не знаемъ массъ звѣздъ и ихъ разстоянія отъ земли. Браве предполагаетъ, что всѣ массы звѣздъ равны между собою и что ихъ разстоянія находятся въ обратномъ отношеніи къ движенію.

Небесная точка, къ которой стремится солнце,—эту точку можно назвать полюсомъ параллактическихъ движеній, полюсомъ параллактическимъ,—опредѣленная господиномъ Браве, посредствомъ его гипотезы о разстояніяхъ звѣздъ и посредствомъ семидесяти-одной звѣзды, годовое движеніе которыхъ

нѣсколько болѣе полу-секунды, отстоитъ на десять градусовъ отъ точки, назначенной Аргеландеромъ для тѣхъ же самыхъ звѣздъ. Если принять среднюю величину изъ этихъ двухъ вычисленій, то можно надѣяться узнать истину, до какой только позволяютъ намъ достигнуть наши дѣйствительныя познанія. Что касается до собственной скорости солнца. Браве находитъ, что она равняется почти шести десятымъ средней скорости звѣздъ.

РѢДКОСТИ ЛОНДОНСКАГО ЗВѢРЦА. Въ Лондонъ недавно прибыли два Нубійца, которые привели съ собою цѣлое семейство жирафъ и нѣсколько антилопъ для зоологическаго сада, Суррей-Гарденъ, гдѣ они и приняты присмотръ за этими рѣдкими животными. Нубійцы принадлежатъ къ тѣмъ поколѣніямъ, которыя едва ли когда оставляли свою родину на берегахъ Бѣлаго-Нила. Хотя они оба изъ племени Баратра, впрочемъ, по своей наружности, очень много отличаются другъ отъ друга. Одинъ, изъ Кордофана, имѣетъ короткіе, курчавые волосы, толстыя губы и черныя, какъ уголь, цвѣтъ кожи; другой—красный мужчина, съ выгнутымъ носомъ, выразительной фізіономіею; онъ уроженецъ Даръ-Донголы. Въ богатыхъ восточныхъ костюмахъ, они, возлѣ своихъ воспитанниковъ, представляютъ романтическую, живописную группу. Арабскія названія, какія они даютъ жирафамъ въ своихъ ласкахъ, отзываются нѣсколько фантастической поэзіей, напримѣръ *ау-думъ*, сильный конь, *сиптъ-эль-финатъ*, прекрасная молодая дѣвушка, *карръ-корръ*, большая гора, *сабиль-эфенди*, благородный господинъ. Пять жирафъ, три самца и двѣ самки, прыгаютъ, съ дикою радостію, кругомъ своихъ земляковъ и рѣвятся другъ съ другомъ. Можно надѣяться, что эти рѣдкія животныя наконецъ породнятся съ нашимъ сѣвернымъ климатомъ. Антилопы принадлежатъ къ прекрасной породѣ *addax* и *leucorux*. Первыя, извѣстныя древнимъ подъ именемъ *strepsiceros*, никогда еще не посѣщали Европы. Послѣднія уступаютъ первымъ въ величинѣ. Чтобы облегчить ихъ бѣгъ по глубокимъ пескамъ родныхъ пустынь, природа надѣлила ихъ широкими копытами. Шерсть ихъ бѣлаго цвѣта, отчего они и названы *leucorux*. Ихъ изображенія часто встрѣчаются на древнихъ

египетскихъ памятникахъ, гдѣ онѣ, представленныя въ профиль, выказываютъ только одинъ рогъ. Вѣроятно, басня о единорогѣ относится къ антилопамъ послѣдняго вида. Родина антилопъ — песчанья пустыня средней Африки.

НАБЛЮДЕНІЯ НАДЪ СѢВЕРНЫМЪ СІЯНІЕМЪ. Наблюденія надъ сѣвернымъ сіяніемъ 6 мая настоящаго года, произведенныя въ Парижѣ, Реймсѣ, Брюсселѣ и другихъ мѣстахъ, указали нѣсколько любопытныхъ фактовъ при этомъ явленіи. Господинъ Дедуи (Desdoutts), въ Парижѣ, замѣтилъ, что свѣтоносная полоса тянулась не по направленію магнетическаго меридіана, но склонялась нѣсколько къ востоку. По наблюденіямъ господина Муаньо (Moigno), эта полоса склонялась къ горизонту подъ угломъ около 70 градусоѡвъ. По его же замѣчанію, сѣверное сіяніе имѣло два центра, по правую и по лѣвую сторону созвѣдіа Кассіопеи, изъ которыхъ, съ четверть часа, разливался такой яркій свѣтъ, что нельзя было видѣть звѣздъ четвертой величины. Въ Брюсселѣ, во время сѣвернаго сіянія, замѣчено самое сильное колебаніе магнитной стрѣлки, какового не случалось въ продолженіе четырехъ лѣтъ, какъ производятъ тамъ постоянныя наблюденія надъ земнымъ магнетизмомъ. Въ то же время, въ 11 часовъ, господинъ Кульвье-Гравье (Coulvier-Gravier), въ Реймсѣ, видѣлъ падающую звѣзду, которая, отъ Большой Медвѣдицы, по направленію къ сѣверо-востоку, пролетѣла мимо Малой Медвѣдицы и группы яркихъ звѣздъ, разсѣянныхъ въ четырехугольникѣ этого созвѣдіа. Свѣтъ падающей звѣзды стемнѣлъ, когда она неслась мимо этой группы, но послѣ того она снова явилась съ прежнимъ блескомъ. Въ 11 часовъ 18 минутъ, другая падающая звѣзда пронеслась отъ юга къ сѣверу; она какъ-будто исчезла на нѣсколько времени, когда на своемъ пути встрѣтилась съ свѣтлою полосою сѣвернаго сіянія. Изъ этихъ двухъ случаевъ наблюдатель заключаетъ, что падающія звѣзды образуются гораздо выше свѣтоносной жидкости или газа, отъ котораго рождается сѣверное сіяніе.

РАЗНИЦА ТЕМПЕРАТУРЫ ВО ВЪТРИЕННОСТИ ЗЕМЛИ. Господинъ Маттеучи, наблюдая температуру въ одномъ ко-

лодцѣ, просверленномъ, въ провинціи Гроссето, въ двухъ миляхъ отъ Монте-Масса, нашель, что на поверхности земли температура воздуха была — 46 градусоѡвъ, 3 десятыхъ, по стоградусному термометру; на глубинѣ ста-двадцати-трехъ метровъ во внутренности колодца — 25 градусоѡвъ, а въ глубинѣ трехъ-сотъ-сорока-двухъ метровъ термометръ, утвержденный въ стѣнѣ колодца, показывалъ — 39 градусоѡвъ 25 сотыхъ.

ЗАМѢЧАНІЕ О ПЛОВУЧИХЪ ЛЬДИНАХЪ. Господинъ Коутой (Couthouy) сообщаетъ, въ American journal of science, много любопытныхъ подробностей насчетъ пловучихъ льдинъ. Эти подробности извлечены частію изъ собственныхъ наблюденій автора, который путешествовалъ къ южному полюсу, для геологическихъ наблюденій полярныхъ странъ. 28 мая 1822 года, видѣли пловучую ледяную гору, на пути изъ Гаванны въ Роттердамъ, подъ 42 градусомъ 10 минутою сѣверной широты и 44 градусомъ 50 минутою западной долготы по гринвичскому меридіану. Эта гора имѣла такую величину, что можно было замѣтить ее за шестнадцать миль. Она постоянно вертѣлась вокругъ своего центра, несмотря, что стояла тихая погода и поверхность моря была спокойна. Въ томъ же году, близъ большой ньюфундлендской мели, была замѣчена подобная льдина, подъ 43 градусомъ 18 минутою сѣверной широты и 48 градусомъ 30 минутою западной долготы. Она была около ста-двадцати-или-тридцати брассоѡвъ. Съ того времени, господинъ Коутой имѣлъ много случаевъ наблюдать пловучія льдины. Изъ всѣхъ его наблюденій выходитъ, что пловучія льдины, главнымъ образомъ, встрѣчаются между 36 и 42 градусами сѣверной широты. Въ ноябрѣ 1825 года, недалеко отъ устья Рио-де-ла-Плата, подъ 35 градусомъ южной широты и 49 западной долготы, замѣчено множество пловучихъ льдинъ, въ числѣ которыхъ были огромныя ледяныя горы. Довольно взглянуть на карту, чтобы видѣть, на какое огромное разстояніе отъ мѣста родины эти массы занесены вѣтрами и теченіями. Въ августѣ 1827 года, подъ 47 градусомъ сѣверной широты и 48 западной долготы, ледяная гора остановилась на взморьѣ, при осмидесяти или девяносто брассахъ глуби-

ны. Шумъ, съ какимъ довался ледъ о дно моря, былъ слышенъ по-крайней-мѣрѣ, миль за двѣнадцать. Эта масса была шестидесяти футовъ въ вышину и четырехъ-сотъ ярдовъ въ длину; кругомъ нея, на пространствѣ болѣе мили, поверхность воды покрылась иломъ и пескомъ. Въ апрѣлѣ 1829 года, льдина, съ четверть мили въ длину и въ сто футовъ въ вышину, показала въ серединѣ Гольфъ-Стрима, подъ 36 градусомъ 10 минутою сѣверной широты и 39 западной долготы. Въ августѣ 1831 года, подъ 36 градусомъ 20 минутою сѣверной широты и 67 градусомъ 45 минутою западной долготы, на южномъ краю Гольфъ-Стрима, носились небольшія льдины, одна близъ другой; вѣроятно, то были обломки большой ледяной массы, разбитой теплыми западнымъ вѣтромъ, который дулъ нѣсколько дней непрерывно. Наконецъ, въ мартѣ 1841 года, на Тихомъ океанѣ, на пути съ острововъ Гавайскихъ въ Бостонъ, видѣли льдину до трехъ-сотъ футовъ вышины и въ двѣ трети мили въ большомъ діаметрѣ. Корабль, который шелъ болѣе семи миль въ часъ, достигъ ее въ два часа и три четверти. Сильный западный вѣтеръ обломалъ ея окраины; съ ея вершины, широкими водопадами, струились потоки со всѣхъ сторонъ. Болѣе мили вода покрыта была обломками льда. Ледяная гора быстро кружилась, какъ-будто на вертикальной оси. Эта масса встрѣтилась подъ 53 минутою западной долготы, въ тысячахъ миляхъ отъ острововъ Святаго Петра и Александра I, откуда она, вѣроятно, занесена западнымъ вѣтромъ, который господствуетъ въ этой части Тихаго океана, и теченіемъ, которое постоянно стремится къ сѣверу вдоль западныхъ береговъ Южной Америки. Она могла доплыть до тропическихъ странъ; тамъ распадется на мелкія глыбы, которыя будутъ прибиты волнами къ берегамъ южно-американскимъ.

Переплывая обширныя пространства, льдины, безъ сомнѣнія, могутъ приносить вмѣстѣ съ собою кочующіе камни изъ одной широты въ другія. Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ, на пловучихъ льдинахъ замѣчали обломки камней, груды земли и ила, которыя онѣ сбрасывали съ себя постепенно, кружась около своей оси, такъ-что вода всегда дѣ-

лалась мутною на значительное разстояніе отъ льдинъ. Такимъ образомъ, льдины, занесенныя вѣтрами съ южнаго полюса къ берегамъ Южной Америки, а потомъ брошенныя западными вѣтрами въ страны тропическія, должны оставить на своемъ пути какіе-нибудь слѣды антарктическихъ земель. Эти вліянія могутъ объяснить, какъ образовались переносныя земли въ разныхъ широтахъ.

Что касается до сѣвернаго предѣла пловучихъ антарктическихъ льдинъ въ восточномъ полушаріи, господинъ Коуттой, по собственнымъ наблюденіямъ, говоритъ, что онѣ еще довольно часто случаются подъ 35 градусомъ широты. Во время его пребыванія съ южномъ Новомъ-Валлисѣ, моряки, приходившіе изъ Англии въ Сидней, рассказывали, что они видѣли пловучія льдины близъ мыса Доброй-Надежды, въ разстояніи, по-крайней-мѣрѣ, тысячи осьми-сотъ миль отъ ближайшихъ южныхъ земель. Безъ сомнѣнія, эти льдины оставили на своемъ пути слѣды переносныхъ веществъ, которыя унесли съ собою съ мѣста своего отправленія.

Въ дальнихъ странствованіяхъ пловучихъ льдинъ, замѣчательное обстоятельство, что ледяныя массы не уничтожаются во время пребыванія въ теплыхъ водахъ. Это зависитъ отъ пониженія температуры, которое происходитъ отъ медленнаго ихъ таянія какъ въ водѣ, такъ и въ воздухѣ. Одинъ путешественникъ рассказываетъ, что на пути изъ Нью-Йорка въ Галифаксъ, болѣе семи миль вокругъ пловучихъ льдинъ, вода имѣла температуру ниже средней температуры моря на двадцать или пятнадцать градусомъ по Фаренгейтову термометру. Не менѣе замѣчательный примѣръ пониженія температуры представляютъ наблюденія Коуттоя надъ льдиною, которую онъ встрѣтилъ на Тихомъ океанѣ, 4 марта 1842 года. Слѣдующая таблица представляетъ, по Фаренгейтову термометру, температуру воздуха и воды въ разныхъ разстояніяхъ отъ пловучей массы.

	Полдень.	2 час.	3 ч.	3½ ч.	4 ч.	4¼ ч.	5 ч.	5¼ ч.
Воздухъ	54°	52°	50°	46°	42°	37°	35°	37°
Вода.....	50°	50°	48°	44°	43°	36°	36°	40°
Разстояніе отъ льдины	33'	19'	12'	48''	¼	1'	3'	6'

БИЛИ ИЛИ ГОРНЫЕ ЖИТЕЛИ РАДЖПУТАНЫ. Били или горные жители Раджпутаны, по словам капитана Гунтера, командовавшего отрядом Билей меварских, почти не имѣютъ никакого сходства съ жителями долинъ Индустанскихъ. Они не дѣлятся на касты, не слѣдуютъ религіи Брами и, по своимъ нравамъ и обыкновеніямъ, вполнѣ отличаются отъ другихъ Индѣйцевъ. Можно думать, что въ этомъ народѣ сохраняется потомство первоначальныхъ обитателей Индіи, до нашествія браминскихъ племенъ. Земли, заселенныя Билами, чрезвычайно плодородны. Ихъ начальники пользуются незначительными доходами, и тѣ достаютъ сиюю; народъ даетъ имъ подать не по долгу, а какъ добровольное приношеніе. По свидѣтельству Индѣйцевъ, Били происходятъ отъ нечестиваго сына Магаден, который убилъ священнаго вола, и за это преступленіе былъ прогнанъ въ горы, гдѣ и сдѣлался отцемъ Билей. Кажется, Били оправдывали сказанія Индѣйцевъ. Еще недавно всѣ поголовно, отъ начальника до земледѣльца, они были ворами и разбойниками и наводили ужасъ на сосѣднія племена. Съ 1818 года, Англичане начали набирать изъ нихъ регулярные полки и водворять между ними порядокъ, трезвость и трудолюбіе.

Били Меварскіе замѣчательны по красивому тѣлосложенію. Женщины вообще имѣютъ правильныя черты и прекрасныя формы; онѣ искренно привязаны къ своимъ мужьямъ, сопровождаютъ ихъ во всѣхъ походахъ и набѣгахъ, и часто остаются возлѣ нихъ на самомъ полѣ сраженія, вооруженныя пращами. Били преданы своимъ начальникамъ и никогда не измѣняютъ имъ въ вѣрности. Начальники Билей часто употребляютъ свои стрѣлы въ родѣ векселей, отъ которыхъ народъ никогда не можетъ отказаться. Разъ одинъ изъ этихъ начальниковъ вздумалъ сдѣлать своему гостю подарокъ; вынувъ стрѣлу изъ лука, онъ подаль ея гостю и сказала: «Возьми ее, отправляйся съ ней въ любую деревню и требуй девять рупій.» Жители деревни вышолняли требованіе всякой разъ, какъ гость ихъ начальника представлялъ имъ стрѣлу.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ВЕЛИЧИНА ЗЕМНЫХЪ И ЛУННЫХЪ ВОЛКАНОВЪ. Поверхность Луны, разсматриваемая въ телес-

копы, представляется изрѣзанною безчисленными выпуклостями и впадинами. Эти неровности не иное что, какъ горы и долины. Большая часть луннаго круга усѣяна горами, въ которыхъ замѣчается удивительное разнообразіе: всѣ онѣ имѣютъ круглую или похожую на чашу форму; самыя высокія стоятъ на плоскихъ основаніяхъ, откуда поднимается крутая, коническая возвышенность. Словомъ, лунныя горы представляютъ истинно-вулканической характеръ; въ нѣкоторыхъ даже замѣтны ясныя слѣды вулканическаго образованія. Ихъ кратеры иногда имѣютъ болѣе ста тысячъ метровъ въ діаметрѣ.

Господинъ Эли-де-Бомонъ, сравнивая различные вулканы на Землѣ и Лунѣ, вычислилъ мѣру діаметровъ для нѣкоторыхъ кольцеобразныхъ гористыхъ массъ, находящихся на обоеихъ шарахъ.

Если, говорить, Эли-де-Бомонъ, каждый кратеръ представлять основаніемъ нѣкотораго рода воронки, уголъ которой былъ бы одинакъ во всѣхъ случаяхъ, то вмѣстительности этихъ воронокъ относились бы между собою какъ кубы діаметровъ. А по отношенію къ силамъ, которыя произвели ихъ, кратеры относятся другъ къ другу, какъ ихъ объемы. И такъ, кубъ 91,200 метровъ—діаметръ лунной возвышенности Тихо, — въ 94,000,000 разъ будетъ болѣе куба 200 метровъ—діаметра кратера Мозенберга. Правда, сила тяжести на поверхности Луны дѣйствуетъ въ шесть разъ слабѣе, чѣмъ на Земномъ Шарѣ, но съ другой стороны, надо думать, что вещества, образующія поверхность Луны, не такъ плотны, какъ утесы, разбросанные по Землѣ. Послѣ этого уменьшится несоразмѣрность между силами, которыя своей дѣятельностію должны были произвестъ кратеръ Мозенберга и кратеръ Тихо.

Представляемъ таблицу діаметровъ, которая можетъ служить основаніемъ для сравненія лунныхъ и земныхъ вулкановъ.

Кратеръ Мозенберга, около	200 метровъ.
Кратеръ Шюй-де-Паріу	310

Кратеръ Этны, въ 1834 году	350
Кратеръ Везувія	700
Кратеръ Этны, въ 1444 году	1500
Внутренняя круглая возвышенность волкана Тааль	1700
Круглая возвышенность Птоломея, на Лунѣ	2190
Внѣшняя окружность волкана Тааль	2778
Окружность Монъ-Доръ	3000
Taquet, на Лунѣ	4370
Окружность Киреуа, на островѣ Овейги	4600
Окружность Каталя	10000
Messier, на Лунѣ	10580
Caldera de Ténériffe	13000
Bio, на Лунѣ	17880
Гэ-Люсакъ, на Лунѣ	22620
Лалаандъ, на Лунѣ	26600
Араго, на Лунѣ	32470
Гершель, на Лунѣ	32840
De Buch, на Лунѣ	50300
Круглая, гора на Цейланѣ	70000
Тихо, на Лунѣ	91200
Средніе діаметры Круглой Горы въ Богеміи около	200,000

ИЗОБРАЖЕНІЕ ПОДВОДНАГО ВОЛКАНА БЛИЗЪ ГВАДЕЛУПЫ. Это изверженіе случилось седьмого мая, въ четыре часа вечера. Почти на серединѣ пролива, отдѣляющаго Гваделупу отъ острова Маріи, образовался огромный столбъ воды. Волны, крутясь, взвивались на воздухъ и поднимались на довольно значительную высоту; поверхность моря подернулась облакомъ дыма или пара, который стлазался вокругъ водянаго столба на большое разстояніе. Это явленіе продолжалось около получаса. Быть-можетъ, дѣйствию подводнаго волкана надо приписать несчастіе, постигшее Гваделупу осьмого февраля. Если такъ, то настоящее его изверженіе можетъ подать жителямъ сосѣднимъ острововъ отрадную надежду, что гваделупская катастрофа долго не потревожитъ ихъ спокойствіе.

РАЗНОРОДНЫЙ СОСТАВЪ АНГЛІЙСКАГО ЯЗЫКА. Какой-то досужій лингвистъ потрудился разобрать составныя части языка, которымъ говорятъ жители туманнаго Альбіона. По его вычисленіямъ, въ составъ англійскаго языка входитъ словъ: латинскихъ 6620, французскихъ 4361, англосаксонскихъ 2060, греческихъ 660, итальянскихъ 229, нѣмецкихъ 117, валлійскихъ 111, испанскихъ 83, датскихъ 81, арабскихъ 18. Естественно, всё эти слова болѣе или менѣе видоизмѣнились по общему характеру англійскаго языка, сдѣлались корнями словопроизводныхъ и сложныхъ словъ. Кромѣ того, нѣкоторыя выраженія произошли отъ языковъ готскаго, еврейскаго, шведскаго, португальскаго, фламандскаго, пуническаго, египетскаго, персидскаго, кимврскаго, тевтонскаго и китайскаго. Если вѣрить словамъ изслѣдователя, не сомнѣваясь въ его знаніи всѣхъ возможныхъ, и мертвыхъ и живыхъ языковъ, то эта смѣсь разнородныхъ словъ и выраженій представляетъ замѣчательное и тѣмъ болѣе удивительное явленіе, что весь этотъ хаосъ слился въ совершенное, народное единство и произвелъ одну изъ богатѣйшихъ и цвѣтущихъ литературъ.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ ПУФФЫ. Франція, безъ всякаго сомнѣнія, одна изъ тѣхъ странъ, гдѣ пуффъ принялся какъ на родной почвѣ и получилъ полное развитіе. Не станемъ объяснять этого слова, когда еще Парижская Академія не приняла его въ свой словарь; скажемъ только, что пуффъ—это призракъ, фата-моргана досужей фантазіи, это фантазмагорическая картина, выставленная для любителей чудеснаго, поразительнаго, это мечта, грезы, пущенныя въ оборотъ подъ видомъ дѣйствительныхъ фактовъ. Вотъ нѣкоторые изъ замѣчательныхъ пуффовъ.

Въ 1817 и 1818 годахъ въ блистательныхъ краскахъ представляли колонію Шанъ-д'Азиль. Новая колонія, какъ-будто выросла изъ земли: роскошная зелень банановыхъ и кокосовыхъ деревъ бросила на нее свои прохладныя тѣни; вонны-земледѣльцы, носившіе на груди почетные, знаки съ отверстыми объятіями встрѣчали своихъ знакомцевъ, которые оставили Европу, чтобы насладиться мирнымъ счастіемъ въ

гостеприимной колоніи; жены колонистовъ, въ патриархальной простотѣ, забавлялись съ своими малютками на зеленѣющихъ лужайкахъ. Эта прелестная идиллія была не иное что, какъ пухъ, и четыре или пять тысячъ бѣдняковъ, обольщенныхъ очаровательными разсказами, встрѣтили въ этихъ смертоносныхъ пустыняхъ, вмѣсто мечтательнаго счастья, голодную смерть и желтую горячку.

Назадъ тому двадцать-пять и тридцать лѣтъ, много говорили и писали о дѣвухѣ съ головою мертвеца. Говорили, что какая-то молодая дѣвица получила отъ природы чудовищную голову давно-истлѣвшаго трупа; между-тѣмъ, владѣя сердцемъ живаго человѣка и, въ добавокъ, имѣя большое приданое, она хотѣла охотливить кого-нибудь своей рукою. Являлось много охотниковъ до приданого, но одинъ взгляда на лице будущей супруги леденилъ самыхъ отважныхъ спекулянтовъ въ супружеской жизни.

Долго подшучивали надъ журналомъ Constitutionel, когда онъ отпечаталъ статью объ мели изъ окаменѣлыхъ устрицъ. Но Constitutionel, покровитель всѣхъ небывалыхъ диковинокъ, много еще печаталъ о наукахъ съ музыкальными способностями и о другихъ животныхъ, надѣленныхъ отъ природы удивительными талантами. Впрочемъ, этотъ журналъ и самъ попалъ въ просакъ. Разъ кто-то прислалъ редактору бюллетень о кавалерійскомъ маневрѣ, для котораго было назначено и мѣсто. Бюллетень тотчасъ былъ отпечатанъ слово-въ-слово. Послѣ оказалось, что на означенномъ мѣстѣ стояла непреступная ледяная гора.

Нечего, кажется, и говорить, что гигантскія морскія змѣи всегда встрѣчаютъ въ журналахъ самый радушный приемъ. Морской змѣи, можно сказать, сдѣлался періодическимъ пухомъ: онъ является постоянно черезъ три или четыре года, и обыкновенно у береговъ Сѣверной Америки, гдѣ погружается подъ какой-нибудь трехъ-мачтовой корабль, который могъ бы онъ проглотить за-разъ со всѣмъ такелажемъ и грузомъ. Сколько могли замѣтить, длина его будетъ футовъ двѣсти; но онъ скрылся въ глубинѣ водъ и не по-

казывался болѣе. Но терпѣніе! придетъ срокъ, и змѣи опять всплыветъ на поверхность моря, опять выгланетъ на бѣлый свѣтъ въ какомъ-нибудь американскомъ журналѣ. Сѣверная Америка дѣятельно трудится на поприщѣ пуховъ. Недавно въ одномъ изъ ея журналовъ сообщали удивительную новость, что Ниагарскій водопадъ, послѣ обвала скалъ, пересталъ существовать.

Вспомните разсказъ объ Англичанинѣ, который слѣдовалъ, какъ тѣнь, за Фанъ-Амбургомъ. Этотъ баронетъ побился объ закладъ, на нѣсколько тысячъ фунтовъ стерлинговъ, что знаменитый укротитель звѣрей, рано или поздно, побываетъ на зубахъ своихъ питомцевъ. Поэтому, онъ не пропускалъ ни одного представленія, чтобы быть свидѣтелемъ счастливаго случая, который доставилъ бы ему большой выигрышъ. Подробно описывали всѣ примѣты этого чудака, указывали даже мѣсто, которое онъ занималъ, каждый вечеръ, на балконѣ портъ-сень-мартенскаго театра. Между-тѣмъ, это былъ журнальный пухъ.

Самый замѣчательный пухъ нашего времени — это открытія, сдѣланныя Гершелемъ на Лунѣ. Тогда Европа съ изумленіемъ услышала о новомъ мірѣ съ фантастическими цвѣтами, неслыханными животными, крылатыми людьми. Эти чудныя явленія были видимы въ колоссальный телескопъ Гершеля, который въ то время производилъ астрономическія наблюденія на мысѣ Добрая Надежды, и не зная, что ему навязали роль новаго Гулливера.

Но мало ли еще пуховъ, придуманныхъ для минутнаго развлеченія публики! Сюда относятся всѣ знаменитые московскіе или китайскіе процессы, разглашаемые въ Gazette des Tribunaux.

ОБЩЕСТВО ПООЩРЕНІЯ ГРИМАСЪ. Въ *Мельдертъ*, въ деревнѣ восточной Фландріи, существуетъ общество, которое заботится объ усовершеніи своихъ земляковъ въ искусствѣ дѣлать гримасы. Вотъ программа одного представленія, даннаго въ недавнее время любителями этого искусства. «На-

значаются призы тѣмъ, кто станетъ дѣлать самыя забавныя гримасы, кривлянья, рожи и прочее, въ залѣ господина Юсифа Фанъ-денъ-Босше, въ *Мельдельтъ*. Въ субботу двадцать-пятого марта 1843 года, въ этой залѣ, будутъ представлять обществомъ необыкновенные опыты; будутъ выдѣлывать такія диковинныя гримасы, какія еще никогда не виданы людьми. Представленіе начнется въ два съ половиною часа по полудни. Всѣ любители этого искусства приглашаются дать опыты, кто на чтѣ гораздъ. Первый призъ состоитъ въ серебряной трубкѣ вмѣстѣ съ крышкой; второй призъ въ одной серебряной трубкѣ; третій призъ въ убранный разными украшениями, а четвертый въ позолоченной трубкѣ. Нѣсколько знатоковъ будутъ занимать должность судей объ этомъ упражненіи въ пріятномъ искусствѣ.

Президентъ I. Робинсъ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ КЪ ЖИЗНИ НѢКОТОРЫХЪ ИНФУЗОРІЙ, ПОСЛѢ МНОГОЛѢТНЯГО ОЦѢПЕНІЯ. Вскорѣ послѣ открытія микроскопическихъ животныхъ, Левенгекъ нашелъ въ пыли, собранной на домовой кровлѣ, одинъ родъ инфузорій, которыя не имѣли никакого признака жизни, но, sprysnutyы водою, оживали. Черезъ нѣсколько времени, Нидгамъ доказалъ, что нѣкоторыя наливочныя животныя, изъ рода трясучекъ, находимыя въ заплѣсневѣломъ хлѣбѣ, возвращались къ жизни послѣ совершеннаго оцѣпненія. Спалланцани открылъ еще одинъ видъ инфузорій *Rotifera tardus*, которыя тоже были надѣлены способностію оживать. Несмотря на авторитетъ послѣдняго натуралиста, ему не всѣ вѣрили; но Эренбергъ наконецъ подтвердилъ этотъ фактъ, совершающійся въ микроскопическомъ мірѣ. Недавно еще господинъ Дуайеръ (Douÿre), новыми наблюденіями и точными опытами, разсѣялъ всѣ сомнѣнія на-счетъ обмирания и оживленія извѣстныхъ инфузорій.

Въ моху, зеленѣющемъ на домовыхъ кровляхъ или въ пыли, устилающей дно кровельныхъ желобовъ, находятъ иссохшихъ инфузорій, *Urcularia rediviva* и *Furcularia tectorum*; онѣ, кажется, мертвы; но стоить только sprysnuty водою — и онѣ снова получаютъ жизнь, не смотря, что онѣ

давно были погребены въ слояхъ пыли. Сухость или испареніе жидкостей, до извѣстной степени, лишаетъ ихъ движенія и всѣхъ признаковъ жизни, и смерть ихъ или обмертвѣніе продолжается нѣсколько мѣсяцевъ, или даже цѣлые годы, пока не падетъ на иссохлый скелетъ живительная капля воды. Эренбергъ объясняетъ это явленіе тѣмъ, что оживающія инфузоріи принадлежатъ къ роду земноводныхъ и могутъ жить какъ въ водѣ или влажномъ пескѣ, такъ и въ сухомъ воздухѣ. Мохъ, которымъ онѣ всегда окружены, предохраняетъ ихъ отъ совершенной иссохлости, такъ-что, во всѣхъ случаяхъ кажушейся смерти, не смотря, что остаются въ слояхъ сухой пыли, онѣ находятъ возлѣ себя довольно влаги, которая поддерживаетъ ихъ жизнь и покровительствуетъ размноженію ихъ семейства. Потому, въ инфузоріяхъ, возвратившихся къ жизни подъ влияніемъ влаги, наблюдатели встрѣчаютъ уже потомковъ, праправнуковъ тѣхъ существъ, которыхъ видѣли въ тѣхъ же самыхъ слояхъ пыли при началѣ своихъ опытовъ. Другіе натуралисты допускаютъ, что сухой мохъ, или песокъ, окружающій инфузорій, непримѣнно лишаетъ ихъ жизни, но не уничтожаетъ жизненнаго начала въ положенныхъ ими яичкахъ. Поэтому, передъ глазами наблюдателя совершается не оживленіе мертвыхъ, но быстрое развитіе новаго поколѣнія; инфузоріи такъ скоро достигаютъ совершеннолѣтняго возраста, что за-разъ становятся похожими на своихъ покойныхъ предковъ. Наконецъ, есть еще одна гипотеза. Иссохлость не убиваетъ инфузорій на-повалъ, но только повергаетъ ихъ въ оцѣпненіе; и между-тѣмъ, какъ онѣ кажутся мертвыми, въ нихъ таится искра жизни и поддерживаетъ связь между прежнею жизнью и періодомъ новаго существованія, въ который онѣ вступаютъ, какъ-скоро влажность возобновитъ жизненныя отправленія ихъ организма.

Господинъ Дуайеръ, рассматривая всѣ эти гипотезы и по-вѣряя ихъ опытами и наблюденіями, соглашается принять послѣднюю. Въ отвѣтъ на гипотезу Эренберга, онъ замѣчаетъ, что въ сухой пыли кровельныхъ желобовъ никогда не находятъ живыхъ инфузорій, а напротивъ, часто встрѣчаютъ ихъ трупы, обезображенные влияніемъ сухости. Въ слояхъ пыли, гдѣ не замѣтно ни одного живаго существа,

тотчасъ появятся инфузоріи, лишь смочите пыль дистиллированной водою. Но инфузоріи не возвращаются къ жизни, если высушить ихъ на стекляннйи пластикѣ, гдѣ нѣтъ ни пыли, ни моху, ни другаго какаго-нибудь органическаго или неорганическаго вещества, которое могло бы предохранить ихъ отъ обыкновеннаго дѣйствія испаренія. Господинъ Дуайеръ, въ своихъ опытахъ, пересчитывалъ инфузорій и слѣдилъ въ каждой отдѣльно въ фазы оцѣпенія. Эти существа постепенно принимали видъ труповъ, и слѣвавшись сухими, безжизненными скелетами, вдругъ, подъ вліяніемъ нѣсколькихъ капель дистиллированной воды, получали и прежнюю свою форму и всѣ жизненные отправленія. Но быть-можетъ, въ организмѣ инфузорій осталась еще влажность, необходимая для поддержанія жизни, особенно если онѣ не такъ долго были подвержены вліянію сухости. Но господинъ Дуайеръ употреблялъ въ своихъ опытахъ самыя сильныя средства: онъ оставлялъ инфузорій подъ колоколомъ пневматической машины, гдѣ, въ безвоздушномъ пространствѣ, онѣ находились по пяти дней, подъ вліяніемъ сѣверной кислоты; или запералъ ихъ въ пустую барометрическую трубку, подвергая дѣйствию негашеной извести. Во всѣхъ случаяхъ результатъ былъ одинъ: инфузоріи оживали, какъ скоро наблюдатель смачивалъ ихъ водою.

Господинъ Дуайеръ наблюдалъ, какое дѣйствіе производить на инфузорій возвышеніе температуры. Известно, что животныя не могутъ продолжать своей жизни, если температура слишкомъ возвышенна. Жаръ выше 50 градусовъ, по стоградуснику, большею частію, убійственно дѣйствуетъ на животныхъ. Тоже замѣчается и въ инфузоріяхъ; онѣ умираютъ въ водѣ, нагрѣтой до 45 градусовъ по стоградусному термометру, и послѣ этого никакимъ способомъ нельзя вернуть ихъ къ жизни. Но если подобный опытъ производится не надъ живыми, а надъ усохшими инфузоріями, то самая высокая температура, которая могла бы разрушить всѣ органы, напитанные влагою, не уничтожаетъ въ этихъ существахъ жизненнаго начала. Господинъ Дуайеръ разъ положилъ нѣсколько усохшихъ инфузорій на скороворуду и постепенно возвысилъ температуру до 120 граду-

са по стоградусному термометру. Этотъ жаръ поддерживали нѣсколько минутъ; при всѣмъ этомъ, инфузоріи ожили, когда ихъ продержали въ влажномъ состояніи двадцать-четыре часа. Въ другихъ опытахъ термометръ показывалъ 140 градусовъ, между-тѣмъ, нѣкоторыя инфузоріи оживали опять.

Послѣ всѣхъ подобныхъ опытовъ, оживающихся инфузорій, о которыхъ мы говорили, можно сравнить съ сѣменами растений, которыя, подъ вліяніемъ воды, свѣта и теплоты, даютъ отпрыски; но лишеныя этого благотворнаго вліянія, не выказываютъ никакого признака жизни, и въ такомъ безжизненномъ состояніи могутъ оставаться довольно долгое время.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЯ, ЗАМѢЧЕННЫЯ ВЪ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ НАСТОЯЩАГО 1843 ГОДА. Нельзя рѣшительно сказать, въ самомъ ли дѣлѣ, во внутреннихъ лабораторіяхъ Земнаго Шара, въ нынѣшнемъ году, происходитъ необыкновенная, тревожная дѣятельность, кака-то суматоха, отъ которой достаются не слишкомъ пріятные толчки мирнымъ обитателямъ земной поверхности, или, быть-можетъ, гваделупская катастрофа обратила болѣе живое вниманіе на судорожныя движенія нашей планеты. Какъ бы то ни было, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, землетрясенія повторялись въ разныхъ мѣстахъ слишкомъ часто въ сравненіи съ прежними годами. Представляемъ ихъ переченьъ.

11 февраля чувствовали сильныя колебанія земли въ странахъ, лежащихъ насупротивъ неаполитанскаго берега, особенно въ Далмаціи; 13 того же мѣсяца, ихъ чувствовали въ Калабріи; 18 — въ Лейпцигѣ; 25 — въ Обанѣ и вдоль западныхъ береговъ Шотландіи; здѣсь колебанія продолжались отъ 40 до 50 секундъ и сопровождались ударами, подобными раскатамъ грома. 4 марта было землетрясеніе въ Ичожилпхеадѣ, близъ Гринока; 9 того же мѣсяца на островѣ Салоникѣ; 10 — во многихъ мѣстахъ Англіи, а особенно въ графствѣ Ланкастеръ, равно какъ на островахъ Джерсей и Гернсей; въ ночь съ 9 на 10, во Франціи, въ Ламаншскомъ департаментѣ чувствовали землетрясеніе и слышали подземные уда-

ры. Тоже повторилось въ Новой Голландіи 14 марта, на островѣ Менъ 17, а 25 въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ. 6 апрѣля было землетрясеніе въ Герцогенбушѣ, Графе, Боммелѣ, Гейсенѣ, Бредѣ, Тильбургѣ, Эйндгофенѣ, Фегелѣ и другихъ мѣстахъ. Въ Фегелѣ удары были такъ сильны, что дома трещали, колокола перезванивали самц-собою и печи въ нѣкоторыхъ домахъ развалились.

ОТДѢЛЕНІЕ VII.

Смѣсь.

КАЛИФОРНІЯ. Калифорніей называются земли, лежащія на сѣверо-западѣ Новой-Испаніи и омываемыя водами Тихаго Океана. Южныя и западныя ея границы составляетъ море; восточныя — заливъ Кортеса, Ріо-Колорадо и Сьерра-Невада, цѣпь горъ, которая тянется параллельно съ Каменныя Горамы; наконецъ, на ея сѣверныхъ предѣлахъ лежатъ земли, орошаемыя водами Колумби и ея побочныхъ рѣкъ. Сама природа раздѣлила эту страну на двѣ различныя части, изъ которыхъ одна называется Нижней или Старою Калифорніей, а другая — Верхней или Новою Калифорніей. Первая образуетъ полуостровъ, который посѣтилъ Кортесъ въ 1535 году. Тамъ высятся мрачныя, дикіе хребты бесплодныхъ горъ и скитаются варварскія племена; земля, рѣдко годная для обработыванія, производитъ только финики, фиги, поморанцы и сахарный тростникъ. Тамъ есть серебряныя рудокопни и жемчужныя ловли; но послѣднія почти совсѣмъ истощились. Берега представляютъ нѣсколько выгодныхъ мѣстъ для стоянки кораблей, въ особенности Пуерто-Эскондидо и заливъ Магдалины.

На границахъ обѣихъ Калифорній лежитъ портъ Санъ-Діего. По берегамъ Новой Калифорніи таетяся, почти на
 № 7. Отд. VII. 1

двѣсти лѣѣ къ сѣверу, непрерывная цѣпь миссій, *presidios*. Въ числѣ главныхъ портовъ считаются Монте-Реа, Бодега и Санъ-Франциско, одинъ изъ лучшихъ портовъ въ свѣтѣ. Всѣ заселенныя мѣста, отстоящія другъ отъ друга на восемь и на девять лѣѣ, лежатъ близъ моря, на узкой полосѣ земли. Здѣсь развертываются передъ вами обширныя долины, засѣяныя табакомъ, коноплей, хлопчатой бумагой, покрытыя виноградниками, оливами, померанцовыми и всеми европейскими плодовыми деревьями. Калифорскія вина не уступаютъ въ добротѣ испанскимъ. Пшеница даетъ сто-двадцать на единицу, а маисъ тысячу-пять-и-шесть-сотъ на единицу; но колонисты еще не умѣютъ и не стараются извлекать всѣхъ выгодъ изъ такой почвы.

Температура Новой Калифорніи нисколько не отличается отъ температуры Валенсіи и Италіи; сѣверо-западные вѣтры умѣряютъ зной лѣта, а южные смягчаютъ суровость зимы. Темные лѣса, съ строевыми и мачтовыми деревьями, покрываютъ берега и внутреннія возвышенности. На ряду съ гигантскими деревьями изъ семейства хвойныхъ, растутъ: королевскій лавръ, сикомора, чинаръ, ясень, дубъ, ива и тополь. Кедръ, пихта, кипарисъ, сосна бѣлая, желтая, особенно красная изумляютъ своимъ исполинскимъ ростомъ; нѣкоторые изъ этихъ деревьевъ имѣютъ до восьмидесяти метровъ въ вышину. Подъ вѣтвистыми склонами гигантовъ укрывается колючій кустарникъ съ плодами, похожими на нашу смородину, и съ луковичными корнями, которые Индѣйцы употребляютъ въ пищу. Но тамъ еще встрѣтите одно, очень опасное растеніе, *едра*; оно такъ ядовито, что, проѣзжая мимо и довольно далеко отъ него, тотчасъ чувствуешь его смертоносное дѣйствіе, которое обнаруживается опухолью во всемъ тѣлѣ.

На равнинахъ, развертывающихся на сто лѣѣ въ длину и отъ пятнадцати до двадцати въ ширину, вырастаетъ трава до десяти футовъ въ вышину. Среди этихъ обширныхъ пастбищъ, свободно разгуливаютъ, большими стадами, лошади, бараны, рогатый скотъ, антилопы, козы, изюбры и олени.

Калифорскій олень бываетъ ростомъ съ большую лошадь; его рога, раздвинутые иногда на шесть футовъ, имѣютъ восемь футовъ въ вышину. Туда не заходитъ американскій левъ; зато тамъ бездна сѣрыхъ медвѣдей, луговыхъ собакъ и дикихъ кошекъ. Въ рѣкахъ водятся выдры и бобры; по берегамъ встрѣчается множество тюленей, словенъ и морскихъ черепахъ; взморье наполнено салакушкой; Рио-дель-Сакраменто кипитъ стадами семги. Эта, единственная судоходная рѣка во всей Калифорніи беретъ свое начало въ озерѣ, Маске близъ Сьерры-Невады, и впадаетъ въ заливъ Санъ-Франциско. Пресмыкающихся тамъ немного, и еще менѣе ядовитыхъ; попадается иногда гремучій змѣй, который, впрочемъ, по робкому характеру, всегда старается скрываться отъ человека вмѣсто того, чтобы нападать на него. Изъ птицъ особенно замѣчательны: колибри, хохлатая куропатка, различныхъ родовъ утки и дикіе гуси, рыболовы, сѣрая и бѣлая цапли, аліоны, пеликаны, копчикъ, черныи коршунъ и большой бѣлоголовый орелъ.

Въ глубинѣ земли таится богатство минеральнаго царства; находятъ руды: золотую, мѣдную, свинцовую, серебряную, каменный уголь, разноцвѣтный мраморъ, желѣзную и красную охру, которою Индѣйцы окрашиваютъ свои лица, и обсицианъ, изъ котораго дикари дѣлаютъ острия орудій и наконечники для стрѣлъ. Горячіе ключи и асфальтовые источники представляютъ ясныя признаки вулканическаго состава земель; но землетрясенія случаются рѣдко, подземные удары бываютъ слабы.

Недалеко отъ береговъ Калифорніи разбросаны группы необитаемыхъ острововъ, покрытыхъ превосходными пастбищами. На этихъ островахъ русскіе и американскіе промышленники ловятъ тюленей и морскихъ выдръ.

Фернандъ Кортесъ первый проложилъ дорогу между угрюмыхъ горъ и улыбающихся долинъ Калифорніи. Послѣ него, по распоряженію вице-королей Новой Испаніи, нѣсколько экспедицій провикали въ эту страну. Въ то же время приходили миссіонеры и основывали свои миссіи вдоль береговъ

Калифорніи. Такіхъ поселеній теперь считается до сорока-трехъ.

Подъ владычествомъ Испанцевъ, миссіи и президіи обуздали варварскіе нравы Индѣйцевъ и посягли между дикими племенами благодѣтельный сѣмена христіанской религіи и гражданственности. Военные посты были растянуты отъ Санъ-Діего до Монте-Реи, въ Новой Калифорніи, потомъ, раздѣляясь у Санъ-Діего на двѣ вѣтви, опоясывали восточные и западные берега Старой Калифорніи; далье, перестѣкая Ріо-Колорадо, шли мимо Сьерры-Мадре, охраняли границы Новой-Мексикки и Техаса и продолжались до оконечности Флориды; такимъ образомъ они перестѣкали Сѣверную Америку по всей ея ширинѣ и соединяли берега Атлантическаго океана съ берегами Тихаго моря. Подъ защитою этихъ постовъ, миссіонеры основывали *pueblos*, деревни, населенныя обращенными Индѣйцами, и учили послѣднихъ земледѣлію, механическимъ искусствамъ. Впрочемъ, многіе проповѣдники христіанства возбудили ярость Индѣйцевъ и погибли въ ужасныхъ мученіяхъ. Миссіи сохраняли всю свою силу до 1767 года.

Всѣ миссіи построены по одинокому плану. Самое обширное зданіе этого рода, посвященное памяти святаго Лудовика, короля Французскаго, возвышается въ нѣсколькихъ лѣ отъ моря, въ роскошной долинѣ, на берегу небольшой рѣчки, которая вьется близъ садовъ и виноградниковъ. Это зданіе построено въ видѣ четырехугольника съ крытою галерею, около пяти-сотъ футовъ, которая выходитъ на фасадъ. Въ одномъ боку помѣщена церковь, куда могутъ войти болѣе трехъ тысячъ человекъ. Квадратный дворъ, обнесенный аркадами, усаженъ деревьями и украшенъ фонтанами. Въ миссіи выйдете кельи монаховъ, мастерскія плотниковъ, кузнецовъ, бочарей, портныхъ, ткачей, льняныя и бумажныя прядильни, гдѣ приготовлялись метеріи для одежды новообращенныхъ Индѣйцевъ. Самыя спокойныя части были отведены для больницы и школы. Въ школахъ преподаютъ первоначальныя основанія наукъ, равно какъ обучаютъ пѣнію и музыкѣ. Индѣйцы показываютъ особенную способность къ послѣднему

искусству; во время торжественной службы, отправляемой съ необыкновенною пышностію, при звонѣ колоколовъ и при пушечной пальбѣ, они играютъ на органѣ и на всѣхъ музыкальныхъ инструментахъ и поютъ такъ стройно, что рѣдко случается слышать подобное пѣніе въ европейскихъ деревняхъ.

Кругомъ миссіи группируются рудокопные заводы, солдатскія казармы, амбары, магазины, хижины неопитовъ и нѣсколько домовъ бѣлыхъ колонистовъ. Прежде-чѣмъ гражданское начальство смѣнило иезуитовъ въ управленіи калифорнскими колоніями, въ каждой миссіи обыкновенно жили два монаха; старшій занимался внутренними дѣлами и духовнымъ образованіемъ Индѣйцевъ, а младшій смотрѣлъ за полевыми работами. Крещеные Индѣйцы были раздѣлены на капральства, находившіяся подъ начальствомъ капиковъ или алькадовъ. Каждое воскресенье, послѣ объѣда, монахъ назначалъ недѣльныя работы, а въ слѣдующую субботу, алькады отдавали отчетъ въ исполненіи. Монахи собственнымъ примѣромъ поощряли Индѣйцевъ ко всемъ трудамъ. Недавно президентъ Доминиканцевъ, Кавалеро, умеръ, среди своихъ неопитовъ, съ плугомъ въ рукахъ.

Нѣкоторыя миссіи, какъ напримѣръ Санъ-Габріель, Санъ-Діего и Санъ-Луисъ, считали подъ своимъ ведѣніемъ до трехъ тысячъ Индѣйцевъ, которые размѣщались въ пятнадцать или двадцати фермахъ. Эти заведенія владѣли огромными стадами домашняго скота. Въ 1835 году, миссіа Санъ-Луисъ имѣла восемьдесятъ-тысячъ овецъ; миссіа Санъ-Габріель имѣла сто-пять-тысячъ быковъ и отправляла въ Лиму корабли, нагруженные саломъ и кожами, болѣе чѣмъ на двести тысячъ піастровъ. Индѣйцы знали, что ихъ благосостояніе возрастало по мѣрѣ ихъ трудовъ, и потому съ полнымъ усердіемъ занимались своими работами. Миссіонеры не отдѣлялись отъ своихъ подчиненныхъ, но раздѣляли съ ними всѣ труды, одѣвались въ льняное платье, вытканное руками Индѣйцевъ, употребляли ту же пищу, что и работники. Зато Индѣйцы, съ своей стороны, оказывали своимъ начальникамъ

возможное почтеніе, съ благоговѣніемъ выслушивали ихъ наставленія и смотрѣли на нихъ почти какъ на высшія существа.

Чужестранцы, особенно Французы, встрѣчали въ миссіяхъ самое искреннее гостепрѣмство. Лаперузъ первый изъ французскихъ путешественниковъ посѣтилъ Калифорнію, въ 1787 году, и былъ принятъ миссіонерами со всею радушіемъ. Нѣкоторые старики изъ Индѣйцевъ еще и теперь помнятъ этого знаменитаго мореплавателя.

При управленіи миссіонеровъ, число Индѣйскихъ работниковъ простиралось до тридцати тысячъ; а при алькадахъ едва ли осталось ихъ пять тысячъ. Теперь въ Калифорніи считается тысяча до двадцати дикарей, четыре тысячи Испанцевъ и тысяча иностранцевъ.

Власть губернатора, живущаго въ Монте-Реи, распространяется на всю провинцію; но управленіе округовъ подразделяется на три подпрефектуры: Пуэбло, Санта-Барбара и Санъ-Хозе. Фермы и миссіи преобразованы теперь въ настоящія деревни. Президіи или прежніе военные посты, болшею частію, разрушены.

Колонисты сохраняютъ характеръ Испанской Америки. Что касается до туземцевъ, то они, по мѣрѣ ослабленія власти миссіонеровъ, стали возвращаться къ своимъ стариннымъ обыкновеніямъ. Нѣкоторые племена занимаются еще земледѣліемъ, но большая часть ихъ добываютъ себѣ пропитаніе на охотѣ и въ грабежахъ.

Скажемъ вообще, Новая-Калифорнія многое обѣщаетъ въ будущемъ. Ея земли могутъ прокормить нѣсколько милліоновъ жителей; для поселенцевъ она представляетъ превосходные порты, строевой лѣсъ и плодородную почву; по своему географическому положенію, она можетъ имѣть удобное сообщеніе съ западными департаментами Мексики, съ южно-американскими государствами, съ англійскими и русскими конторами на сѣверо-западномъ берегу Сѣверной Америки, съ островами Сандвичевыми, Маркизскими и другими группами, разсыянными по Великому Океану, наконецъ съ островами Филиппинскими и Китаемъ. Но, чтобы коло-

низация Калифорніи не была эфемерною, надо поручить это дѣло миссіонерамъ, а не солдатамъ. Одно оружіе, безъ благодѣтельнаго вліянія христіанской религіи, не можетъ основать ничего прочнаго. Въ Америкѣ и въ Индіи нѣсколько бѣдныхъ монаховъ приобрѣли для Франціи и Испаніи гораздо болѣе провинцій, чѣмъ могли покорить военныя силы.

ДВА КАМНЯ, УПАВШІЕ СЪ НЕБА. Второго Іюня (по нов. стил.) сельскіе жители, въ окрестностяхъ Утрехта, были испуганы однимъ метеорологическимъ явленіемъ, которое продолжалось двѣ или три минуты. Въ восемь часовъ вечера послышался трескъ, похожій на залпъ изъ трехъ или четырехъ пушекъ; затѣмъ слѣдовалъ продолжительный гулъ, который одни сравниваютъ съ военною музыкою, а другіе съ звуками воловой арфы. Нѣкоторые слышали свистъ, какой обыкновенно происходитъ отъ тѣлъ, быстро пролетающихъ по воздуху. Въ то же время одинъ крестьянинъ замѣтилъ, въ пяти километрахъ отъ Утрехта, что какое-то тяжелое тѣло упало на дугъ и подняло огромный столбъ пыли. Осмотрѣвъ это мѣсто, онъ замѣтилъ впадину конической формы и вошелъ въ ней, на глубинѣ одного метра, какой-то черный камень, въсомъ въ семь килограммовъ. Этотъ аеролитъ былъ совершенно холодный, не смотря что, со времени паденія его, прошло не болѣе четверти часа. Шестого числа того же мѣсяца, въ трехъ километрахъ отъ этого аеролита, найденъ другой, который упалъ въ одно время съ первымъ, какъ замѣтили окрестные жители. Послѣдній всѣмъ 2,7 килограмма. Оба аеролита имѣютъ форму неправильнаго многогранника, съ округленными ребрами и съ углубленіями на бокахъ. Ихъ поверхность состоитъ изъ какой-то черной, морщинистой коры, а внутренность наполнена зернистымъ, сѣроватымъ веществомъ, перемѣшаннымъ съ блестящими частичками метеорического желѣза. По такимъ признакамъ, эти камни, упавшіе съ неба, принадлежатъ къ числу самыхъ обыкновенныхъ аеролитовъ.

ТИФОНЪ ВЪ АМЕРИКѢ. Въ оляномъ американскомъ журналѣ описываютъ страшный тифонъ, который опустошилъ

сверную часть штата Огіо на пространствѣ 24 миль въ длину. Это случилось четвертаго Февраля настоящаго года, отъ четырехъ до пяти часовъ вечера. «Тамъ, гдѣ пронесся тифонъ — пишутъ въ журналъ, — огромныя деревья вырваны съ корнемъ, разрушены цѣлыя зданія и ихъ обломки разбросаны на далекое разстояніе. Въ то время, черныя облака застлали небо, но ни одно изъ нихъ не спускалось до самой земли. Тифонъ прошелъ въ видѣ столба желтоваго или дымчатаго цвѣта. Нижняя половина столба казалась совершенно темною, такъ-что нельзя было видѣть сквозь нея ни одного предмета, но верхняя была гораздо свѣтлѣе и представляла нѣсколько темныхъ вертикальныхъ пятенъ, въ родѣ тѣней, бросаемыхъ облаками. Колонна быстро подвигалась къ сѣверо-востоку. Потомъ шелъ небольшой дождь и падалъ градъ; среди шумнаго движенія вихря слышались раскаты грома; этотъ шумъ походилъ на паденіе Ниагарскаго водопада. Пронесаясь надъ какою-нибудь рѣкой, вихрь поднималъ значительное количество воды на воздухъ. Средняя скорость его была пятьдесятъ двѣ мили въ часъ. Въ некоторыхъ мѣстахъ замѣтили, что небольшіе деревянные обрубки съ четырехугольными оконечностями вошли въ землю, отъ дѣйствія вѣтра, на шестнадцать дюймовъ, а тѣ, которые были заострены, вонзились до двухъ футовъ въ глубину; значить, въ этихъ мѣстахъ вихрь долженъ былъ проходить по-крайней-мѣрѣ 1000 футовъ въ секунду или 682 мили въ часъ.» Ураганъ стихъ уже за озеромъ Эрбѣ.

РАЗНИЦА МЕЖДУ УРОВНЯМИ КАСПІЙСКАГО И ЧЕРНАГО МОРЕЙ. Господинъ Гоммайредегель (Hommairededel), послѣ новой нивелировки, произведенной имъ въ 1838—1840 годахъ, нашелъ уровень Каспійскаго моря ниже уровня моря Чернаго на 18,304 метра. Такая разница въ поверхностяхъ двухъ морей, по соображеніямъ Гоммайредегеля, происходитъ совсѣмъ не отъ того, чтобы одинъ бассейнъ былъ ниже другаго, какъ это принято общимъ мнѣніемъ, но отъ пониженія водъ Каспійскаго моря, которое следовало, съ одной стороны, за порубкою лѣсовъ на горахъ Уральскихъ,

когда завели тамъ рудокопные заводы, а съ другой, за развитіемъ земледѣлія въ прибрежныхъ странахъ Волги. Обработанныя земли, поглощая дождевую воду, препятствуютъ ей вливаться въ бассейны рѣкъ и ручьевъ, которые впадаютъ въ Волгу и вмѣстѣ съ нею несутъ свои воды въ Каспій. Въ доказательство уменьшенія водъ въ морѣ Каспійскомъ и въ рѣкахъ, впадающихъ въ это море, Гоммайредегель ссылается на то, что въ началѣ восемнадцатаго столѣтія суда, доставлявшія соль въ Сибирь, могли подниматься по Волгѣ съ грузомъ въ три милліона килограммовъ, между-тѣмъ-какъ теперь нельзя нагружать ихъ болѣе одного милліона восьми сотъ тысячъ килограммовъ. Кромѣ того, во время Петра Великаго, въ Казани строились военные суда для каспійскаго флота; а теперь подобныя работы тамъ невозможны; кораблестроительная верфь основана уже въ самой Астрахани.

Замѣтимъ, что въ 1839 году, Фуссъ, Саблеръ и Савичъ, производя нивелировку, нашли, что разница между поверхностями Каспійскаго и Чернаго морей равнялась 25 метрамъ.

ЗАМѢЧАНІЯ НУРЧИОНА О ЧЕРНОЗЕМѢ ВЪ СРЕДНЕЙ ПОЛОСѢ РОССИИ. Слои чернозема въ Россіи лежатъ между 54 и 57 градусами сѣверной широты, на лѣвомъ берегу Волги, до Чебоксаръ, въ Нижегородской и Казанской губерніяхъ, по берегамъ Камы, близъ Уфы, на азіатскомъ склонѣ Уральскихъ горъ и въ степяхъ киргизъ-кайсацкихъ. Черноземъ всегда образуетъ верхнюю настилку и состоитъ изъ черныхъ зеренъ, перемѣшанныхъ съ пескомъ; эти зерна такъ мелки, что поднимаются въ видѣ пыли, когда, по дерну, покрывающему слои чернозема, пасутся лошади. Земли этой формаціи то тянутся по отлогостямъ горъ, то ольвуютъ хохмистую почву, и всегда бываютъ изборожжены оврагами, которые первоначально образуются изъ трещинъ, происходящихъ отъ засухи, а потомъ болѣе и болѣе размываются ручьями, падающими въ нихъ во время таянія снѣговъ. Въ этихъ-то полосахъ русскіе крестьяне находятъ превосходныя пастбища и лучшія мѣста для посѣва хлѣба; они

собирають богатую жатву нѣсколько лѣтъ сряду, и земли, пролежавшія подъ паромъ годъ или два, снова получаютъ свою прежнюю плодородную силу. Такая плодovitость почвы укоренила въ русскихъ земледѣльцахъ предубѣжденіе противъ унавоживанія земли.

По изслѣдованіямъ господина Филиппса, черноземъ даетъ слѣдующія 100 частей:

Кремнистой земли	69, 8
Глинистой земли	13, 5
Известковой земли	1, 6
Желѣзной окиси	7
Растительной матеріи	6, 4
Есть слѣды черноземной, серной и хлорной кислоты,	
	98, 3
	Убыли 1, 7
	100, 0

Господинъ Пѣйанъ (Рауен), нашелъ на сто частей:

Органическое горючее вещество, содержащее, въ себѣ 2, 45 азота	6, 95
Несгораемое вещество	93, 05
	100, 00

И такъ, составъ чернозема, по своимъ минеральнымъ свойствамъ, немного отличается отъ состава обыкновенной пахотной земли. Что касается до начала этого грунта, господинъ Мурчисонъ не соглашается съ другими натуралистами, будто черноземъ образовался изъ разложенія древнихъ лѣсовъ, потому-что, разрывая землю до двадцати футовъ въ глубину, никогда не встрѣчаютъ въ ней никакихъ остатковъ деревь, ни корвей, ни растительныхъ волоконъ. По его мнѣнію, черноземъ скопился отъ осадки разныхъ частицъ на днѣ спокойнаго моря. Правда, въ этихъ слояхъ не находятъ морскихъ раковинъ, но это не опровергаетъ мнѣнія Мурчисона, потому-что, судя по высотѣ слоевъ чернозема, нельзя думать, чтобы они образовались въ прѣсной водѣ; кроме то-

го, они представляютъ значительную разницу съ обыкновеннымъ болотнымъ иломъ. Черный цвѣтъ чернозема англійскій геологъ приписываетъ постепенному разложенію растительныхъ остатковъ, находившихся въ морскомъ илѣ, который собственно и составляетъ теперь плодоносную почву въ Россіи.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШІЯ ЯВЛЕНІЯ ВО ВРЕМЯ СОЛНЕЧНАГО ЗАТМѢНІЯ 28 ІЮНЯ 1842 ГОДА. Полное затмѣніе солнца, бывшее въ прошломъ году, сопровождалось многими удивительными явленіями, о которыхъ мы уже имѣли случай говорить въ 6 и 7 NN Сына Отечества 1842 года. Теперь представляемъ еще нѣкоторыя подробности, быть-можетъ, отчасти извѣстныя нашимъ читателямъ, по собственнымъ ихъ наблюденіямъ. Начнемъ съ описанія этого феномена, слѣданаго господиномъ Байлеемъ, президентомъ лондонскаго астрономическаго общества.

«День былъ прекрасный, говоритъ господинъ Байлей, который производилъ свои наблюденія въ Павіи, гдѣ затмѣніе было кольцеобразное и продолжалось 1 часъ 56 минутъ 39,6 секундъ.

«Со всемъ вниманіемъ я наблюдалъ, какъ края луны приближались къ свѣтлой еще части солнца, которое приняло видъ серпа. Сначала я обратилъ вниманіе на то, были ли на солнцѣ черныя линіи, какія показывались во время затмѣнія 1836 года; во этихъ линіи не было, или по-крайней-мѣрѣ, я не замѣтилъ ихъ. Что касается до свѣтлыхъ точекъ, образующихся на краяхъ луны въ видѣ *чѣтокъ*, онѣ обозначались такъ же хорошо, какъ и въ 1836 году. Я смотрѣлъ еще на эти точки, какъ послышались шумныя рукоплесканія на улицѣ: на небѣ открылось чудное, блестящее зрѣлище, какое только можно вообразить. Кругомъ темнаго круга луны *нечаянно* образовался *вѣнецъ*, или нѣкотораго рода свѣтозарный ореоль, по своей формѣ и относительной величинѣ, похожій на вѣнцы, изображаемые живописцами на иконахъ, вокругъ главъ святыхъ.

«Ширина этого вѣнца равнялась почти половинѣ луннаго діаметра; свѣтъ его возлѣ краевъ луны былъ очень густъ, но по мѣрѣ удаленія отъ шара, постепенно утончался, принимая форму прямолинейныхъ, расходящихся лучей неравной длины. Центромъ вѣнца, кажется, было солнце. Цвѣтъ его представлялся совершенно бѣлымъ, а лучи своей яркостью напоминали годовое освѣщеніе. Можно замѣтить нечто подобное, разумется, въ миніатюрѣ, когда свѣтъ солнца отражается въ обломкѣ разбитаго стекла и когда смотришь на солнце сквозь чашу деревь, заслонивъ среднюю часть солнца. Блескъ вѣнца былъ точно такой, какъ въ этихъ двухъ случаяхъ.»

«Такой поразительный феноменъ невольно приводилъ зрителей въ изумленіе, но въ то же время его видѣ имѣлъ нечто ужасное и, безъ сомнѣнія, могъ перепугать необразованныхъ людей, особенно потому, что появленіе вѣнца было совершенно-неожиданное.»

«Во время своихъ наблюденій надъ лучистымъ вѣнцомъ, я замѣтилъ одно самое изумительное явленіе. Три большія возвышенія показались на окружности луны; но они, очевидно, составляли часть вѣнца. Эти возвышенія походили на горы необыкновенной, чудовищной высоты; цвѣтъ ихъ былъ красивый, съ пурпуровымъ отливомъ. Въ некоторомъ отношеніи, въ нихъ можно было находить сходство съ снѣжными вершинами Альпійскихъ горъ, озаренныхъ лучами восходящаго или заходящаго солнца. Ихъ свѣтъ не искрился, не волновался, какъ въ другихъ частяхъ вѣнца, но оставался одинакимъ, постояннымъ. Вся три возвышенія имѣли одинакій розовый отливъ, резко отдѣлявшійся отъ яркой близости вѣнца, но величина ихъ была различна. Они были видимы до послѣдней минуты полнаго затмѣнія. Но только-что взглянулъ первый лучъ солнца, какъ горы и вѣнецъ исчезли и мгновенно разлился дневный свѣтъ.»

«До затмѣнія солнца, въ окрестныхъ мѣстахъ, порхало множество ласточекъ, но къ половинѣ затмѣнія онѣ все скрылись, и появились снова уже спустя нѣсколько минутъ

послѣ того, какъ пробился первый солнечный лучъ, и тогда стали кружиться въ необыкновенномъ количествѣ. Во время полнаго затмѣнія, я пристально разсматривалъ, въ телескопъ, лунный кругъ, но не замѣтилъ ни одной блестящей точки, которую можно было бы, по ошибкѣ, принять за сквозное отверстіе; равно не замѣтилъ я никакого блеска, появляющагося на темной сторонѣ луны.»

Господинъ Эри (Aigu), астрономъ Гринвичской обсерваторіи, производилъ свои наблюденія съ вершины холма Сурпера, въ пяти миляхъ отъ Турина. Погода была туманная. Впрочемъ, Эри замѣтилъ, что края луны обозначались гораздо чище, чѣмъ края солнца. Это явленіе, по мнѣнію наблюдателя, объясняется разницею въ напряженіи свѣта въ разныхъ частяхъ солнечнаго круга, именно, свѣтъ гораздо сильнѣе въ центрѣ, чѣмъ близъ краевъ солнца. Но Эри не видѣлъ такъ называемыхъ чѣточныхъ зеренъ. Во время полнаго затмѣнія свѣтъ былъ такъ слабъ, что едва можно было разобрать числа на кадрахъ часовъ. Луна, на простые глаза, казалась большимъ, серповатымъ пятномъ на небѣ; это пятно было окружено чуть-блестящимъ, бѣловатымъ кольцомъ, около одной осьмихъ луннаго діаметра или около четырехъ минутъ градуса въ ширину. Луна, повидимому, была такъ близка къ Землѣ, что все разстояніе не превосходило нѣсколькихъ сотъ ярдовъ. Облака приняли самый грозный видъ и вся природа представляла что-то угрюмое, страшное.

Итальянскіе ученые замѣчаютъ, что свѣтлый вѣнецъ вокругъ луны казался имъ не такъ блестящимъ, какъ описываетъ его Байлей. Профессоръ Бели говоритъ, что свѣтъ вѣнца равнялся одной седьмыхъ свѣта полной луны, когда она занимаетъ ту же самую точку на небѣ. По наблюденію господина Карлина, въ Миланѣ, въ половинѣ затмѣнія мерцалъ такой слабый свѣтъ, какъ-будто настали сумерки, и солнце скрылось за горизонтомъ на 8 градусовъ 24 минуты. Можно было видѣть простыми глазами различныя звѣзды первой величины, равно какъ и планету Марсъ. Въ Ломбардіи температура понизилась во время затмѣнія почти на

два съ половиною градуса, по Реомюрову термометру. Итальянскіе наблюдатели замѣтили свѣтлыя возвышенности, или пирамиды, пурпуроваго цвѣта, о которыхъ мы сказали выше.

Араго, наблюдавшій затмѣніе въ Перпиньянѣ, нашелъ, что ширина свѣтлаго луннаго вѣнца равнялась 3 минутамъ 30 секундамъ, какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ затмѣнія; изъ этого равенства широты Араго заключаетъ, что вѣнецъ образовался отъ уклоненія солнечныхъ лучей. Свѣтлыя солнечныя пятна, постепенно закрываемыя дискомъ луны, насколько не теряли своего блеска; окраины солнечной дуги обозначились круговою линіею и постоянно сохраняли свой свѣтъ; рѣшительно, ни одно явленіе не позволяло предполагать существованія лунной атмосферы.

Господинъ Шумахеръ, почти во все время солнечнаго затмѣнія, на краяхъ луннаго круга видѣлъ три возвышенія, или три горы, розоваго цвѣта, отъ одной до двухъ минутъ высоты. Въ этихъ возвышенностяхъ одни астрономы видятъ оптическую игру, или феноменъ, происходящій отъ уклоненія солнечныхъ лучей, тогда-какъ, по мнѣнію другихъ, это горы, поднимающіяся на поверхности солнечнаго шара и своими вершинами прорѣзывающія свѣтоносную атмосферу, которая окружаетъ солнце. Господинъ Шумахеръ, съ своей стороны, сознается, что его наблюденія не позволяютъ сдѣлать никакихъ положительныхъ заключеній объ этомъ явленіи.

Господинъ Вальзъ (Valz), директоръ Марсельской обсерваторіи, замѣтилъ на самомъ дискѣ луны явленія, сходныя съ тѣми, какія наблюдалъ Антоній Ульоа во время полнаго затмѣнія солнца 24 Іюня 1778 года: «За сорокъ секундъ, пишетъ господинъ Вальзъ, до появленія солнца изъ-за луны, близъ краевъ послѣдней, показались двѣ, очень близкія другъ къ другу, ярко-блестящія точки, которыя были гораздо свѣтлѣе звѣздъ первой величины. Ихъ свѣтъ походилъ на свѣтъ солнца; изъ каждой выходило по одному расходящемуся лучу, длиною съ лунный діаметръ. Спустя пятнадцать секундъ, показалась еще одна блестящая точка. Вся оныя замѣчены безъ помощи телескопа присутствующими на обсер-

ваторіи, но не были видимы ни въ Тулонѣ, ни въ Диньи, ни въ Салонѣ, ни въ Монпельѣ. Господа Пино (Pinaud) и Буажиро (Boisgiraud) видѣли, въ Нарбоннѣ, одну свѣтящуюся точку; инспекторъ академіи, въ Нимѣ, замѣтилъ ихъ двѣ, а въ департаментѣ Гардскомъ иные видѣли одну, другіе—три точки. При появленіи блестящихъ точекъ и ихъ лучей, отверзтіе должно было занимать пространство на лунномъ краю не болѣе 22 минутъ градуса. Длина соответствующей хорды должна равняться 156 лѣ. Для объясненія этого случая, я не предполагаю, подобно Ульоа, свознаго отверзтія на лунѣ, но думаю, что то должна быть глубокая, продолговатая долина, прикрытая неправильными возвышенностями. Вейдлеръ видѣлъ одну изъ такихъ долинъ во время затмѣнія 13 Марта 1733 года. Она показывалась на краю луны, межъ двухъ горъ, имѣла два лѣ въ глубину, то есть, одну двухсотыхъ луннаго радіуса. Возраженія противъ существованія такихъ огромныхъ долинъ на лунѣ, съ равнымъ правомъ, можно обратить и противъ гигантскихъ лунныхъ кратеровъ, которыхъ, впрочемъ, никто не отвергаетъ.

«Что касается до луннаго вѣнца, пишетъ господинъ Вальзъ въ одномъ письмѣ къ Шумахеру, я не думаю, чтобы солнечная атмосфера была единственною причиною этого явленія. Заслоняя солнечный кругъ цилиндрами и шарами, я замѣчалъ кругомъ этихъ тѣлъ лучистый вѣнецъ, хотя свѣтъ его былъ гораздо ярче, чѣмъ свѣтъ луннаго вѣнца. Но черезъ отверзтіе, сдѣланное на картѣ въ половину миллиметра, я увидѣлъ, ореолъ сходный съ луннымъ. Итакъ уклоненіе солнечныхъ лучей играетъ важную роль въ образованіи лучистаго вѣнца луны. Но можно ли объяснить такимъ способомъ всѣ особенности, замѣчаемыя при этомъ феноменѣ? Дифракція образуетъ лучистый обводъ, соответственно фигурѣ самаго предмета; но не такъ бываетъ во время солнечнаго затмѣнія; напримѣръ, вѣнецъ часто представляется не въ видѣ круга, а съ различными углами или рогами.»

Наши русскіе астрономы, наблюдавшіе солнечное затмѣніе въ Липецкѣ и Черниговѣ, нашли, что полное затмѣніе у насъ

продолжалось нѣсколько долѣе, чѣмъ въ западной Европѣ, именно, три минуты и пять секундъ. Лучистый вѣнецъ кругомъ луны, по словамъ господина Струве, блисталъ такимъ ослабительнымъ бѣлымъ свѣтомъ, что трудно было смотрѣть на него простыми глазами. Господинъ Шидловскій замѣтилъ, въ концѣ солнечнаго затмѣнія, три возвышенности розоваго цвѣта на краяхъ луннаго круга, около двухъ минутъ высоты. На землю какъ будто спустилась ночь, только при свѣтѣ лампы можно было разбирать указанія хронометра. Подобный сумракъ разливается по петербургскому небу въ полночь, во время лѣтнаго солнцесостоянія. Впрочемъ, по замѣчанію господина Шидловскаго, въ продолженіе этого затмѣнія, нельзя было видѣть простыми глазами второй величины, на примѣръ, звѣздъ Большой Медвѣдицы, тогда какъ въ Петербургѣ, во время лѣтнаго солнцесостоянія, ясно видны звѣзды третьей величины. Небо приняло какой-то пепельно-фіолетовый цвѣтъ. Альдебаранъ и Оріонъ, обыкновенно отличающіеся красноватымъ цвѣтомъ, казались совершенно-бѣлыми, а Козерогъ, который имѣетъ всегда бѣлый цвѣтъ, отливалъ желтизною. Термометръ Реомюра въ тѣни понизился на три градуса: изъ этого господинъ Струве заключаетъ, что температура воздуха охладѣла на четыре или пять градусо́въ.

Многіе наблюдатели замѣтили, что солнечное затмѣніе производило какой-то страхъ, какое-то безпокойство въ самыхъ животныхъ. Что касается до человека, этотъ величественный феноменъ всегда пробуждаетъ въ немъ чувство благоговѣнія, страха и удивленія. «Правда, говорилъ господинъ Пиола въ заключеніи своей записки о затмѣніи солнца: премудрость Божія является не въ одномъ этомъ сближеніи двухъ небесныхъ тѣлъ; но мы такъ созданы, что самыя поразительныя явленія, часто повторяясь передъ нашими глазами, почти нисколько не дѣйствуютъ на нашу душу, тогда какъ все необыкновенное пробуждаетъ чувства, заснувшія въ глубинѣ нашего сердца... Разливъ необыкновенныхъ цвѣтѣвъ, быстрыя смѣны сценъ, а болѣе всего мракъ, раз-

стилающійся по землѣ, словно погребальный покровъ и, наконецъ, изъ котораго рола воскресеніе природы: все это производитъ въ насъ смѣсь глубокихъ, неопредѣленныхъ чувствъ, о которыхъ пріятно намъ сохранять воспоминаніе.»

ВЛІЯНІЕ СОЛНЕЧНАГО ЗАТМѢНІЯ НА НАСЪКОМЫХЪ. Въ прошломъ году, по случаю солнечнаго затмѣнія, мы говорили, какое дѣйствіе произвелъ этотъ феноменъ на животныхъ. Въ то же время, господинъ Вилла (Villa), миланскій автомодоль, сдѣлалъ нѣкоторыя наблюденія надъ насъкомыми. По его замѣчанію, эти маленькія, вѣчно-беззаботныя существа подчинились непреодолимому вліянію паническаго страха. Одни, весело порхавшія накануне, по градамъ, засыяннымъ морковью, которыя избралъ господинъ Вилла заранѣе для своихъ наблюденій, теперь, вопреки своему обыкновенію, смирно сидѣли на цвѣткахъ, робко прижимаясь къ ихъ лепесткамъ; другія, наслаждавшіяся неподвижнымъ спокойствіемъ индѣйскихъ факировъ, сильно задвигали своими усиками и съ безпокойствомъ бѣгали по верхушкамъ травы, высккивая какой-нибудь пріютъ. Это случается съ нѣкоторыми насъкомыми предъ наступленіемъ бури. Многоножки кружились въ воздухъ и усьлись на траву, тогда - какъ настала большая темнота; наконецъ, почти всѣ попрятались подъ цвѣтниками.

Изъ всѣхъ наблюденій, по словамъ господина Виллы, вышло: 1) ночныя насъкомыя не являлись въ продолженіе всего солнечнаго затмѣнія. Трудно рѣшить, зависѣло ли это отъ кратковременности явленія, или отъ инстинкта этихъ существъ. 2) Насъкомыя, которымъ слѣдовало бы пробудиться во время затмѣнія, продолжали свой сонъ до конца феномена. 3) Насъкомыя, проснувшіяся до затмѣнія солнца, казались, такъ были встревожены, какъ-будто наступила гроза.

РУКОПИСИ ТАССО, ИЗДАННЫЯ АЛБЕРТИНИ. Нѣсколько лѣтъ назалъ, много шуму въ журнальномъ мірѣ надѣлали письма и другія рукописи Тассо, изданныя графомъ Мариано Албертини, подъ названіемъ: «Manoscritti inediti di Torquato

to Tasso. Теперь оказалось, что это была подделка самого издателя, который уже отправленъ въ крѣпость Ангела. Римскій трибуналъ, для рассмотрѣнія рукодѣля Албертини, назначилъ комиссію. По изслѣдованіямъ комиссіи выходитъ, что изъ тридцати-семи стихотвореній, — которыя въ 1833 году были объявлены Албертини подъ названіемъ: «Rime del Sign. Torquato Tasso, scritte di sua propria mano, съ штемпелемъ библиотеки Фалконіери и съ отпечаткомъ Гаурини и Карло Строцци, и послѣ того были отпечатаны, — нѣсколько подлинныхъ произведеній Тассо перемѣшаны болѣею частію съ подложными. Хотя подлинныя стихотворенія давно уже извѣстны публикѣ изъ прежнихъ изданій; однако Албертини, чтобы выдержать характеръ рукописи, сдѣлалъ нѣсколько поправокъ, по своему благоусмотрѣнію. Письма Тассо, герцога Альфонса, принцессъ, герцога мантуанскаго, примѣчанія Гарини, Фоппы, Оттавіо Фалконіери, портретъ Элеоноры, штемпель библиотеки Фалконіери, печати на писмахъ—все это подделка издателя. При обыскѣ дома Албертини, найдено множество факсимилей, снимковъ съ почерка семнадцатаго столѣтія, образчики Тассовыхъ рукописей, черновыя письма и стихотворенія, выданныя за рукописи Тассо, листы, вырванные изъ старинныхъ книгъ и манускриптовъ и, вѣроятно, предназначенные для новыхъ подделокъ. Дѣло Албертини покуда еще не кончено.

ОБЪ АКАДЕМИКѢ СТУПИНѢ И ЕГО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ШКОЛѢ, НАХОДЯЩЕЙСЯ ВЪ АРЗАМАСѢ. Академикъ Ступинъ принадлежитъ къ небольшому числу людей, которые, ни чѣмъ не будучи обязаны роду своему и начальному воспитанію, приобрѣтаютъ честь и имя умомъ, дѣятельностію и употребленіемъ талантовъ на пользу общества. Круглое сиротство постигло его, вмѣстѣ съ бѣдностію, въ самомъ младенцествѣ, и хотя природа произвела его отъ русской дворянской фамиліи (*), но онъ не могъ пользо-

(*) Отецъ его матери служилъ въ Костромѣ воеводой, а дѣя ея родной—во флотъ генераломъ, у котораго она, въ Петербургѣ, и воспитывалась.

ваться правами своего рожденія. Жалкое обученіе русской грамотѣ, стоящее, всего-на-все, семь рублей, бѣдность благодѣтельница, воспитавшей его изъ состраданія, — все это общало ему не болѣе, какъ скудную долю ремесленника, или сидѣльца; но въ послѣдствіи времени къ имени Ступина приложено почтенное титула академика и, столь же достойное уваженія, титуло *примѣрнаго гражданина*, какъ удостоила наименовать его Императорская Академія Художествъ въ одномъ изъ своихъ отзывовъ.

Воспитываясь съ первыхъ лѣтъ младенчества у бѣдной мѣщанки, Ступинъ былъ предназначенъ для мѣщанскаго округа; но судьба назначила ему другой путь и, къ счастью, это назначеніе не укрылось отъ глазъ воспитательницы. Съ малолѣтства любилъ онъ читать книги, чертить перомъ и карандашомъ головки и фигуры, похожія на челоуѣчскія; по чему и отдали его учиться живописи, разумеется, что въ учителя ему избранъ былъ художникъ изъ посредственныхъ не первый; потому-что лучшіе требовали дорогой платы, — дорогой по-крайней-мѣрѣ для воспитательницы Ступина; а его отдали въ науку только за 5 рублей въ годъ. Заплативъ въ три года 15 руб. мастеру, Ступинъ самъ сдѣлался наконецъ мастеромъ въ живописи. Отличная работа его привлекла на него предпочтительное вниманіе публики, и онъ, поправивъ трудами свое состояніе, безъ затрудненія завелъ въ небольшомъ своемъ домѣ небольшую живописную школу, и на 22-мъ году своего возраста началъ принимать къ себѣ учениковъ; а между-тѣмъ вступилъ въ обязанности семейныя: женился, прижилъ дѣтей. Но пылкая страсть къ искусству своему не позволяла ему остановиться на помовныхъ пути къ образованію своихъ талантовъ. Онъ одушевился надеждою, и въ 1800 году оставивъ въ Арзамасѣ жену, двоихъ дѣтей и пятерыхъ учениковъ, на 24-мъ году отъ-роду отправился въ Петербургъ, искать дѣйствительныхъ мѣръ къ усовершенствованію себя въ живописи. Императорская Академія Художествъ, какъ святилище просвѣщенія, была единственною цѣлю его намѣренія желанія. Счастіе ему бла-

гопріятствовало: онъ скоро нашелъ истиннаго покровителя въ тогдашнемъ ректорѣ Академіи, Иванѣ Якимовичѣ Якимовѣ. Почтенный г. Якимовъ далъ Ступину квартиру въ своемъ домѣ, ввелъ его въ число своекоштныхъ учениковъ Академіи, и между-тѣмъ опредѣлилъ его къ Ея Императорскому Величеству Елисаветѣ Александровнѣ, для приготовленія живописныхъ красокъ и инструмента, которую должность Ступинъ исправлялъ со всякимъ раченіемъ до самаго отъѣзда, въ теченіе двухъ лѣтъ; за что отъ Монаршихъ щедротъ и получилъ на проѣздъ свой двѣсти рублей серебромъ. Въ Академіи же природныя способности г. Ступина, подъ покровительствомъ г. ректора Якова, управляема и руководствуема въ рисованіи профессоромъ Егоровымъ и одобренныя вниманіемъ покойнаго г. президента Академіи Графа Александра Сергѣевича Строганова, развивались болѣе и болѣе, и скоро привнесли плоды, *какихъ желала Академія*. Еще на первомъ году своей академической жизни, Ступинъ на экзаменѣ, за группу съ натуры, удостоенъ отъ Академіи награжденіемъ серебряной медалью. Дальнѣйшіе успехи его въ живописи и честное поведеніе усугубили для него благорасположеніе начальства: почему въ продолженіе своего занятія подалъ онъ просьбу Императору Александру Павловичу съ доказательствомъ, что онъ не принадлежитъ къ мѣщанскому обществу, а покойной г-нѣ президентѣ Академіи, личнымъ своимъ предствительствомъ у Монарха исходатайствовалъ ему увольненіе изъ мѣщанскаго званія съ предоставленіемъ правъ художниковъ, выходящихъ изъ Академіи Художествъ; и какъ Ступинъ продолжалъ съ ревностію и кончилъ съ честью свои занятія въ Академіи Художествъ, то выпущенъ былъ съ аттестатомъ 1-й степени и со шпагой. Ступинъ отправился въ домъ съ новыми познаніями и съ живѣйшими чувствами признательности къ начальнику Академіи Художествъ. Прежде отъѣзда уже начерталъ онъ въ умѣ для себя планъ, какъ принести отечеству должную жертву благодарности. Онъ зналъ, что для отечества лучшая благодарность есть соотечественная силамъ каждого дѣятельность, на-

правленная къ общей пользѣ, и потому, отправляясь изъ Петербурга, запасся матеріалами для школы: вывезъ въ Арзамасъ довольно количество эстамповъ и книгъ, четыре слѣпка со статуи: Гладіатора, Гудонову Анатомію, Венеру Медицейскую, Фавна и 15 бюстовъ съ древнихъ мастеровъ, и немедленно, по возвращеніи на родину, открылъ у себя въ домѣ, купленномъ гораздо уже пространнѣе перваго, художественную школу; для методическаго ученія самъ привалъ на себя обязанность наставника въ живописи и попечителя о благонравіи воспитанниковъ, а для преподаванія имъ правилъ Русской Словесности, Всеобщей Исторіи и Географіи наняма въ особаго учителя.

Такимъ образомъ, въ краю, отдаленномъ отъ столицъ, въ краю, незнакомомъ до того времени съ изящными искусствами, насадивъ художественный разсадникъ, Ступинъ трудился въ немъ неутомимо, оправдывая довѣріе родителей и господъ, которыхъ дѣти, или молодые слушатели у него учились, и наклоня труды свои къ существенной пользѣ согражданъ и отечества. Изъ числа мѣщанъ, рѣшникъ по дереву, Михаила Коринфскій, имѣя способность къ Архитектурѣ, и за немѣнѣемъ архитектора, производилъ практическія, строенія: Ступинъ уговорилъ его ѣхать съ собой въ Академію для образованія въ Архитектурѣ (*).

Вскорѣ въ разсадникъ его развились цвѣты, появились плоды, и онъ, въ 1809 году, снабженный одобрителными аттестатами отъ гражданскаго начальства, также и отъ частныхъ лицъ, отъ которыхъ принималъ воспитанниковъ, вторично явился въ Академію Художествъ, уже не въ качествѣ воспитанника Академіи, а въ званіи воспитателя юныхъ художниковъ, представилъ рисунки и картины своихъ учениковъ и три портрета съ натуры своей работы, и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ прошеніи донесъ Академіи, что онъ ничего

(* Который въ-послѣдствіи получилъ двѣ серебряныя медали, 1 и 2-го достоинства, за архитектурныя композиціи, и аттестатъ 1-й степени со шпагой; а нынѣ служитъ при Казанскомъ университетѣ архитекторомъ и преподаетъ студентамъ Архитектуру.

такъ не желаетъ, какъ подчинить себя и свою школу въ совершенную зависимость мѣсту своего образованія. Образованное примѣрною ревностію частнаго художника, столь счастливо споспѣшствующаго пользѣ общей, академическое начальство отличило его образцовымъ награжденіемъ: Ступинъ черезъ степень произведенъ въ званіе академика, сынъ его, Рафаилъ, въ то же время принять, безъ жребія, въ число казенныхъ воспитанниковъ Академіи, рѣщикъ Коринѣскій, по ходатайству Ступина, принять своекоштнымъ въ архитектурный классъ (такихъ примѣровъ до того времени не бывало), лучшему изъ учениковъ его выдана серебряная медаль (*), а двое крѣпостныхъ признаны достойными медалей. Покровительство Академіи Художествъ и ея вниманіе къ трудамъ учителя и учениковъ, одушевили арзамасскую школу еще бѣльшимъ соревнованіемъ, и она въ скоромъ времени пришла въ самое лучшее положеніе.

Начальники губерніи, также и воеводиныя особы, посѣщавшія Арзамасъ, любознательствовали видѣть художественную школу, и находя въ ней какъ благоустроенный порядокъ, такъ и успѣхи учениковъ, всякій разъ отзывались объ ней съ особенною похвалою. Г-да губернаторы Нижегородской губерніи, въ разные времена, ходатайствовали у академическаго начальства о награжденіи Ступина. Самъ художникъ 1809 года доносилъ Академіи о состояніи своего заведенія, прилагая къ рапортамъ труды учениковъ своихъ, — рисунки съ оригиналовъ гипса и натуры, картины историческія съ эстамповъ и натуры, и всегда удостоивался отъ Академіи отзывомъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Въ 24-хъ отвѣтахъ Академіи извѣщала ему свое *удовольствіе* и *благодарность*; четыре раза присылала ему и лично вручала, для награжденія, по его рекомендаціи, лучшихъ учениковъ серебряныя медали, и съ 1812-го года, въ тѣхъ же отзывкахъ много разъ извѣщала его, что она вмѣняетъ себя въ обязан-

(*) Ивану Алексѣвичу Лебедеву. Онъ прослужилъ 25 лѣтъ безпорочно рисовальнымъ учителемъ; имѣеть чинъ Титулярнаго Совѣтника, Знакъ Отличія безпорочной службы и получаетъ пенсію.

ность ходатайствовать о награжденіи его орденомъ св. Владимира. Счастливый вниманіемъ Академіи, Ступинъ продолжаетъ свои занятія, питаясь пріятною мыслью, что труды его отечеству небезполезны и начальству пріятны.

Сверхъ того, въ 1810 году нижегородскій губернаторъ Руновскій относился къ господину президенту Академіи, что онъ, обозрѣвая вѣтренную ему губернію, былъ въ Арзамасѣ, осматривалъ заведенную въ этомъ городѣ художественную школу Ступина, и нашелъ въ его заведеніи отличный порядокъ и устройство, въ преподаваніи ученія, и успѣхи его питомцевъ заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Въ школѣ господина Ступина пишутъ картины всякаго рода; но бѣльшая часть работъ производится для храмовъ не только Нижегородской, но и другой отдаленной губерніи. По этой части занятія, господинъ Ступинъ заслужилъ въ 1823-мъ году особенное одобреніе отъ комитета строителей Нижегородской ярмарки, великодушнымъ росписаніемъ построеннаго на ярмаркѣ трехпрестольнаго храма. Комитетъ далъ ему одобрительный аттестатъ, дѣлающей честь не только его лицу, но и сыну и ученикамъ его, какъ со стороны искусства въ живописи, такъ и со стороны тщанія, честности и безкорыетія.

Г. нижегородскій губернаторъ Александръ Семеновичъ Крюковъ, какъ председательствующій членъ комитета, въ томъ же году отнесся въ Академію Художествъ о исходатайствованіи Ступину, въ воздаяніе отличныхъ его трудовъ по части художествъ, приличнаго награжденія, и Академія г. губернатору отвѣтствовала, что она не оставитъ труды господина Ступина представить на благорасположеніе высшаго начальства, такъ-какъ и прежде уже ходатайствовала о приличномъ ему возмездіи.

Въ 1825 году онъ привезъ въ Академію и представилъ лично четыре картины историческія, съ эстамповъ, и портретъ съ натуры, 31 рисунокъ, въ чемъ много способствовалъ ему сынъ его, бывшій воспитанникъ Академіи. Труды господина Ступина и учениковъ его приняты Академіею съ особен-

нимъ вниманіемъ, и опредѣлено единогласно всеми членами о трудахъ его довести до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества. Для школы же положено поларить два слѣпка съ древнихъ статуй, которые Ступинъ желалъ приобрести покупкою; ученикамъ его, отличившимся, выдано: одному (*) 1-го, другому (**) 2-го достоинства медали, а третьему (***) какъ онъ крѣпостной, дано свидѣтельство на полученіе медали, если онъ получитъ свободу.

Послѣ того, Ступинъ представлялъ картины и рисунки въ Общество Поощренія Художниковъ, которое разсматривало труды его школы съ большимъ удовольствіемъ, отнеслось къ нему въ весьма лестныхъ выраженіяхъ, и подарило для школы 39-ть литографическихъ рисунковъ съ Рафаэля и прочихъ славныхъ мастеровъ, рисованныхъ въ Эрмитажѣ, и за одного ученика, изъ крѣпостныхъ людей, по отличному способностямъ, предложило господину его выкупу 2000, а графъ Кутайсовъ подарилъ слѣпковъ съ мраморной своей статуи Аполлона. Г-довъ прославившійся портретами въ военной галереи, оставилъ себѣ головку, писанную съ натуры, и вмѣсто ея подарилъ 12 портретовъ генераловъ, отличившихся въ отечественную войну.

Въ 1826-мъ году г. генералъ губернаторъ, Николай Алексѣевичъ Бахметовъ, при обзорѣнн губерніи, посѣтилъ школу академика Ступина, и остался заведеніемъ весьма доволенъ. Увидѣвъ же писанный съ натуры видъ города Арзамаса масляными красками, предложилъ написать другой, въ лучшемъ видѣ, и удостоилъ представить, при своемъ отношеніи въ лестныхъ отзывкахъ, Государю Императору, и

(*) Изъ получившихъ 1-ю медаль, Козьма Макаровъ, выслуживъ 9 лѣтъ рисовальнымъ учителемъ, получилъ чинъ Губернскаго Секретаря, завелъ свою школу въ г. Саранскъ, и имѣетъ до 10 человекъ учениковъ.

(**) Иванъ Соколовъ служить въ Московскомъ Кадетскомъ Корпусѣ рисовальнымъ учителемъ.

(***) Аванасій Надежинъ завелъ школу въ г. Козловъ и получилъ въ послѣдствіи назначенную награду.

Его Величество, въ поощреніе художествъ, принявъ картину съ благоволеніемъ, изволилъ наградить Ступина брилліантовымъ перстнемъ съ сапфиромъ.

Въ 1834-мъ году Февраля 3, по представленію Академіи Художествъ и по ходатайству министра Императорскаго Двора, пожалованъ Ступину орденъ св. Анны 3-й степени, который и получилъ онъ отъ господина президента Академіи вмѣстѣ съ грамотою, въ которой сказано. «Розсмотрѣвъ поднесенный Намъ докладъ отъ Кавалерской Думы Ордена Св. Анны, о чиновникахъ, отличившихся заслугами, «соотвѣтствующими подвигамъ, изъясненнымъ въ статутѣ «сего ордена, Нами утвержденномъ, всемилоостивѣйшій пожаловали Мы въ 3-й день сего Февраля кавалеромъ ордена Св. Анны 3-й степени, между прочими, и академикомъ живописи исторической и портретной Александра Ступина, учредившаго въ 1802 году въ Арзамасѣ собственнымъ иждивеніемъ «художественную школу, донынѣ съ пользою существующую, «почему и повелѣваемъ Капитулу оставить знаки сего ордена съ статутомъ при установленной грамотѣ». —

Въ 1836 году представлены были рисунки учениковъ арзамасской школы, четыре картины сотрудника его Алексѣева изъ исторіи и портреты, все съ натуры, за которые Академіи Ступину изъявила свою признательность, а художника Алексѣева признала советомъ назначеннымъ академикомъ, и за картину его горбаниста, взятую Ея Императорскимъ Величествомъ, всемилоостивѣйше награжденъ онъ брилліантовымъ перстнемъ.

Въ 1837 году, въ бытность въ г. Нижнемъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника престола, Его Высочество, во время выставки, удостоилъ труды арзамасской школы своего вниманія, а особливо сотрудника Алексѣева, изъ которыхъ изволилъ взять два вида, писанные съ натуры г. Нижняго, за что пожаловалъ 500 руб. ассигнаціями и удостоилъ разспрашивать академика Ступина о школѣ его.

Въ 1840 году представлялъ Ступинъ пять картинъ сотрудника своего назначеннаго академика Алексѣева, и пять портре-

товъ, съ натуры, учениковъ своихъ, и 23 рисунка съ оригиналовъ гипса и натуры, за что Академія, за поощеніе о школѣ его, объявила Ступину и помощнику его, Алексѣеву, свою благодарность, а за программу произвела Алексѣева академикомъ; двоимъ ученикамъ присланы серебряныя медали, съ правомъ пользоваться званіемъ свободныхъ не класныхъ художниковъ, двумъ крѣпостнымъ изъявила особенную похвалу, всѣмъ же прочимъ свое удовольствіе.

Со времени заведенія школы до нынѣшняго времени т. е. съ 1802 года по 1842 годъ, въ теченіе 40 лѣтъ находилось въ школѣ 125 человекъ, выпущено 115, изъ нихъ окончивали образованіе въ Академіи Художествъ 17 человекъ и четверо удостоены отъ Академіи аттестатами со шпагами, одинъ назначеннымъ академикомъ, восемь человекъ получили серебряныя медали, а тремъ крѣпостнымъ назначены онѣ, если получать свободу, и 4 аттестата на безклассныхъ художниковъ (*), а трое и теперь еще находится въ С. Петербургѣ, 25 человекъ, служатъ по Министерству Просвѣщенія, въ Московскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, въ Новгородскомъ Аракчеевскомъ Корпусѣ, въ гимназіяхъ пермской (**), архангельской и въ разныхъ народныхъ училищахъ въ губерніяхъ Нижегородской, Казанской, Пензенской и Оренбургской, въ класныхъ чинахъ. Такимъ образомъ г. Ступинъ достигъ благородной своей цѣли: онъ успѣлъ уже доказать отечеству счастливымъ опытомъ, что исполненъ къ нему живѣйшими чувствами любви и благодарности; но ревность его не угасаетъ: онъ продолжаетъ итти путемъ, который открыла ему любовь къ отечеству, и ободряясь покровительствомъ Импе-

(*) Изъ нихъ, Василій Ржевъ имѣетъ большую способность писать перспективные виды и пейзажи, изъ которыхъ подносилъ Александровскую коллону Государю Императору; писалъ также для Наслѣдника престола, Великой Княжны и проч. знаменитыхъ особъ; ѣздилъ въ Сибирь снимать виды съ Демидовскихъ заводовъ, на Кавказъ, и въ чужіе края, и произвелъ въ свободные художники.

(**) Владиміръ Щегольковъ, въ чинѣ 40-го класса, знаетъ хорошо архитектуру и перспективу.

раторской Академіи Художествъ, неутомимо дѣйствуетъ для общей пользы.

Ученики малолѣтние принимаются на 8 лѣтъ, съ платою за содержаніе пищею (кромѣ платья), за ученіе въ рисованіи и живописи по 150 руб. въ годъ; взрослые на 6 лѣтъ по 200 руб. ассигн. Со времени заведенія школы поступило слишкомъ до двухъ тысячъ эстамповъ, кромѣ рисунковъ и эскизовъ, и до такого же количества разныхъ книгъ, до 75 картинъ, купленныхъ въ самой Академіи и приобретенныхъ по разнымъ случаямъ, въ числѣ ихъ есть до 25 оригинальныхъ картинъ, и много мастерскихъ оригинальныхъ эскизовъ и рисунковъ, особливо подаренныхъ благодѣтелями его покойнымъ профессоромъ Якимовымъ и гг. Егоровымъ, Шебуевымъ и бывшимъ прежде академикомъ Коллежскимъ Советникомъ Ивановымъ и прочими гг. профессорами.

Ступинъ, трудами своими и дѣятельностію, нажилъ себѣ безбѣдное состояніе и школа его часть-отъ-часу приходитъ въ лучшее положеніе. Хотя Ступину теперь около семидесяти лѣтъ, но онъ еще свѣжъ и бодръ и кажется по-крайней-мѣрѣ 15-ю годами моложе, а ходитъ такъ легко и проворно, что иному изнѣженному франтику Тверскаго бульвара, съ козлиной бородкой и съ прическою а la moujik, и не догнать его. Справедливо, что трудолюбивая и дѣятельная жизнь укрѣпляетъ душу и тѣло.

Достоинъ чести и похвалы, всякой гражданинъ, который, по мѣрѣ силъ своихъ, дѣйствуетъ для общей пользы.

МАРКИЗСКІЕ ОСТРОВА. Еще въ половинѣ шестнадцатаго столтія, тысячи острововъ, нестриющихъ на поверхности Великаго Океана, оставались странами безвѣстными для Европейцевъ. Правда, Маггеланъ уже доказалъ возможность переплыть воды Океана отъ американскаго материка до восточныхъ береговъ Азіи; но мадритскій дворъ обратилъ вниманіе на этотъ путь не прежде открытія острововъ Молукскихъ, которое, кажется, подало мысль отправить экспедицію для изслѣдованія Великаго Океана. Десятаго Января 1568 года, экспедиція, подъ начальствомъ Менданы, оставивъ берега

перуанскіе, направила свой путь къ западу, и отплывъ, по соображеніямъ Менданы, на тысячу-четыреста-пятьдесятъ лѣтъ отъ мѣста отравленія, встрѣтила, между седьмымъ и двѣнадцатымъ градусами южной широты, какую-то группу острововъ. Это путешествіе, одно изъ замѣчательнѣйшихъ послѣ открытія Америки, породило множество басней, которыя, болѣе столѣтій, повторялись европейскими историками; новооткрытые острова прослыли подъ именемъ острововъ Соломоновыхъ; къ нимъ привились мечты среднихъ вѣковъ о золотыхъ островахъ и надѣлили ихъ всеми богатствами фантастическаго Эльдорадо. Между-тѣмъ, никто не могъ опредѣлить ихъ географическаго положенія. Въ свою очередь, Мендана, возвратившись въ Испанію, показалъ важное ихъ значеніе для мореплаванія и испросилъ у мадритскаго двора позволеніе завести тамъ колонію. Но искусство опредѣлять долготу и даже широту мѣстъ на земной поверхности было тогда въ младенчествѣ, и испанскій мореплаватель, предпринявъ вторичное путешествіе въ 1595 году, не могъ отыскать своего архипелага.

Тогда-то, между прочимъ, Мендана открылъ юго-восточную группу Маркизскихъ острововъ. Спустя семьдесятъ-девять лѣтъ послѣ Менданы, въ 1774 году, эти острова посѣтилъ Кукъ и присоединилъ къ нимъ еще островъ Гуаъ, который, впрочемъ, онъ видѣлъ только издали. Въ 1791 году, капитанъ Маршанъ открылъ сѣверо-западную группу того же архипелага. Говорятъ, что какой-то Американецъ, Инграгамъ, за мѣсяцъ до французскаго мореплавателя, посѣтилъ эту группу; но какъ онъ не обнародовалъ своего открытія, въ должное время, то этотъ фактъ остается сомнительнымъ. Въ 1792 году, къ Маркизскимъ островамъ приставалъ Гержестъ, осмотрѣлъ ихъ и давалъ имъ новыхъ названій. Въ томъ же году капитанъ Робертъ, изъ Соединенныхъ Штатовъ, ничего не зная о путешествіяхъ Маршана и Инграгама, прибылъ къ сѣверо-западнымъ островамъ и, въ свою очередь, далъ имъ новыя имена; даже весь архипелагъ получилъ отъ него названіе архипелага Вашингтонова.

Экспедиція Вильсона, въ 1797 году, прибывшая въ Океанію съ тридцатью протестантскими миссіонерами, оставила на Маркизскихъ островахъ двухъ проповѣдниковъ Евангелія, которые сохранили въ своихъ запискахъ очень непріятныя воспоминанія объ островитянахъ. Въ 1804 году, русская ученая экспедиція, подъ начальствомъ адмирала Крузенштерна, посѣтила Маркизскіе острова, сообщила ученому міру много полезныхъ гидрографическихъ свѣдѣній объ этомъ архипелагѣ. Въ 1813 году, американскій капитанъ Портеръ остановился въ Нукагивѣ. Дружескія его сношенія съ туземцами, участіе, принятое во враждѣ различныхъ племенъ и, наконецъ, война съ самымъ многочисленнымъ и воинственнымъ племенемъ, Таипи, дали ему случай, короче другихъ путешественниковъ, ознакомиться съ тактикою, оружіемъ, суевѣріями и религіозными обрядами островитянъ. Портеръ разрушилъ и сжегъ нѣсколько хижинъ дикарей, построилъ небольшую крѣпость и считалъ себя побѣдителемъ. Но едва оставилъ онъ Нукагиву, какъ туземцы атаковали слабый гарнизонъ, находившійся подъ начальствомъ поручика Гэмбля. Гэмбль съ нѣсколькими солдатами удалился съ острова, а прочіе погибли отъ рукъ дикарей. Такъ кончилась экспедиція Портера. Въ 1818 году, поручикъ Рокфѣлль, приставши къ Маркизскимъ островамъ, вступилъ съ жителями юго-восточной группы въ торговыя сношенія. Миссіонеръ Стьюартъ, въ 1829 году, напрасно старался обратить этихъ дикарей въ христіанскую вѣру; но онъ имѣлъ самый удобный случай наблюдать ихъ, и въ своихъ разсказахъ о Нукагивинахъ сообщаетъ почти полное понятіе объ ихъ общественномъ, политическомъ и религіозномъ бытѣ. Наконецъ, въ 1823 году, адмиралы дю-Пти-Туаръ и д'Юрвилль посѣтили Маркизскіе острова и собрали всѣ необходимыя свѣдѣнія объ этомъ архипелагѣ, какъ о военномъ и торговомъ пунктѣ. Дю-Пти-Туаръ водрузилъ тамъ французское знамя и основалъ первый поселенія. Его отношеніе, представленное морскому министру, отъ восемнадцатаго Іюня 1842 года, заключаетъ въ себя подробности объ этомъ предметѣ. Дикари добровольно при-

звали надъ собою владычество Франціи. На островахъ Христины, Доминики и Нуагавъ построены крѣпости, казармы и магазины для гарнизона. Король нуагавскій оказалъ полное расположеніе къ Франціи. Ему очень понравилась французская гражданственность и французскія обыкновенія; его одѣли и обули по-европейски, построили домъ и меблировали его тоже по-европейски. Дикари усердно трудились при всѣхъ постройкахъ; подданные, подражая королю, оказывали все радушіе своимъ новымъ владѣтелямъ; племена, разсѣянные во внутреннихъ земляхъ, прислали имъ, въ подарокъ, свиней и кокосовыхъ орѣховъ.

Французскіе миссіонеры ревностно стараются о водвореніи христіанства между дикарями. Нѣкоторые пріобрѣли довольно сильное нравственное вліяніе на народъ, хотя число новообращенныхъ еще не велико. Миссія должна бороться съ безпокойнымъ характеромъ и нѣкоторыми дурными обыкновеніями жителей.

Архипелагъ Маркизскихъ острововъ раздѣляется на двѣ группы: юго-восточную и сѣверо-западную, и находится между 7-мъ градусомъ 30 минутою и 10 градусомъ 31 минутою южной широты, и между 140 градусомъ 59 минутою и 143 градусомъ 6 минутою западной долготы, по парижскому меридіану. Въ цѣломъ архипелагъ считается одиннадцать острововъ и островковъ; всѣ они вулканическаго происхожденія, хотя въ настоящее время не дымятся ни одинъ кратеръ; всѣ они окоймлены крутыми утесами, между-тѣмъ безопасно можно плавать вдоль ихъ береговъ, потому-что коралловыя банки не слишкомъ широко раскидываютъ свои вѣтви. Одна группа отъ другой отдѣляется разстояніемъ двадцати лѣ, но земля приноситъ на той и другой одинакія произведенія, на той и другой живутъ племена, принадлежащія одному семейству.

Если смотрѣть на эти острова съ моря, откуда они видны за двадцать лѣ, то они вообще представляютъ цѣпи высо-

кихъ горъ, отъ тысячи до тысячи-двухъ-сотъ метровъ надъ поверхностію Океана, которая тянется по направленію большей линии острововъ. Отъ ихъ вершинъ до береговыхъ окраинъ попеременно встрѣчаете обнаженные, выдавшіяся скалы, стремнины, легкія покатоги, глубокія ущелья, улыбающіяся долины, или бѣлющія плоскости, оживленные присутствіемъ чловѣка. Растительность смѣняется вмѣстѣ съ перемѣнами почвы. Скучная на высотахъ, она становится живѣе, разнообразнѣе по мѣрѣ склона къ долинамъ и близости къ берегамъ. Утомленный однообразнымъ зрѣлищемъ Океана, взоръ моряка съ удовольствіемъ отдыхаетъ на этихъ живописныхъ пейзажахъ, испещренныхъ пиками, каскадами, букетами деревъ и зеленѣющими коврами; надъ всею этимъ, на самыхъ верхнихъ точкахъ, разбросаны одинакія зданія, расующіяся на голубомъ небосклонѣ: это пріюты, гдѣ укрываются дикари во время междоусобныхъ войнъ.

Поднимаясь отъ юга къ сѣверу, сначала встрѣчаемъ островъ Магдалины, который напоминаетъ намъ первое свиданіе Испанцевъ съ жителями Маркизскихъ острововъ, отличавшимся въ то время красотою формъ. Частыя сношенія съ китоловами измѣнили ихъ первоначальную физиономію; теперь на многихъ отвратительно взглянуть.

Не будемъ останавливаться у острова Мотанъ, безлюднаго, негостепріимнаго. Мы боимся встрѣтиться тамъ съ шайкаками дикарей, которые переходятъ сюда съ другихъ острововъ, чтобы на раздольѣ предаваться разврату и пресыщаться на пирахъ канибаловъ. Среди этихъ омерзительныхъ праздниковъ, иногда караетъ ихъ небесное правосудіе. Улучивъ удобную минуту, непріятель нападаетъ въ-расплохъ на пирующихъ, и мѣсто ихъ удовольствій дѣлается мѣстомъ ихъ казни; часто возлѣ остатковъ ужаснаго обѣда, ихъ окровавленные трупы представляютъ свѣжую пищу для побѣдителей.

Островъ Христины или Тауата, около двадцати миль въ окружности, привлекалъ въ свой гостепріимный заливъ почти

всѣхъ знаменитыхъ мореплавателей новѣйшихъ временъ. Теперь французскій флагъ защищаетъ тамъ одинъ изъ своихъ главныхъ военныхъ пунктовъ. Узкая цѣпь высокихъ горъ идетъ къ центру острова: межъ горъ стелются долины, перерываемыя ручьями, покрытыя деревьями и способныя къ земледѣлю. Народонаселеніе острова простирается отъ семи до осьми сотъ жителей. Король Ютетѣ со всемъ расположеніемъ привялъ Французовъ и двухъ католическихъ миссіонеровъ, которыхъ оставилъ тамъ дю-Пти-Туаръ.

Каналь, въ три мили шириною, отдѣляетъ отъ Тауаты островъ Гива-Гоа или Доминики. Это самый высокій островъ изъ всей группы; облака кочуютъ на вершинахъ его горъ, съ которыхъ низвергаются широкіе водопады по склонамъ почти прямымъ, какъ стѣны. Нѣсколько хижинокъ, построенныхъ на высотахъ, походять на караулни. Здѣсь самая плодоносная почва; сандаловое дерево, лучшее изъ всего архипелага, часто привлекало сюда купеческіе корабли. Это дерево открылъ тамъ американскій капитанъ Ролжерсъ, въ 1810 году, и болѣе двухъ-сотъ-шестидесяти тоннъ вывѣзъ на такія вещи, которыя не стоили и тысячи піастровъ, и сбывъ свой грузъ въ Китаѣ, съ огромными барышами. Но такой случай не повторялся болѣе. Европейскіе дезертиры выучили дикарей дорожить сандаловымъ деревомъ, и съ-тѣхъ-поръ они промѣнивали его не иначе, какъ на ружья, порохъ и свинець.

Пройдемте поскорѣ мимо необитаемаго островка Гуль. Жители сосѣднихъ острововъ иногда посѣщаютъ его, и тамъ собираютъ, для своихъ нарядовъ, цвѣтныя перья тропическихъ птицъ, или, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, предаются неистовымъ оргіямъ. Мы направимъ свой путь къ сѣверо-западной группѣ. Гуа-Пуа, самый южный островъ изъ всей этой группы, представляетъ богатую и разнообразную растительность. Издалека замѣтите его базальтовые утесы съ острыми, убѣгающими въ небо, пиками. Во время Рокѣлья, путешественники не могли нахвалиться миролюби-

вымъ и общительнымъ характеромъ его жителей; но съ-тѣхъ-поръ, они потеряли много хорошихъ качествъ и отличаются скорѣе грабительствомъ и вѣроломствомъ.

Наконецъ, мы достигнемъ главнаго острова сѣверо-западной группы и всего архипелага, Нука-Гивы. Нука-Гива является съ такими же геологическими чертами, какъ и другіе острова. Цѣпи горъ, поднимающихся до тысячи-ста-семидесяти метровъ въ вышину, прорываются узкими, глубокими долинами; на послѣднихъ, ораменныхъ почти отвѣсными стѣнами горныхъ крутизнахъ обитаютъ воинственные племена, которыя ведутъ непрерывныя междоусобныя войны и, вѣроятно, давно истребили бы другъ друга, если бы природа не раздѣляла ихъ несокрушимыми преградами. Портъ сообщилъ намъ нѣкоторыя любопытныя подробности о военныхъ приемахъ этихъ дикарей. Ихъ сраженія не болѣе, какъ простая стычка. Представьте себѣ людей, татуированныхъ по всемъ частямъ тѣла; ихъ головы украшены пѣтушьями перьями, въ ушахъ висятъ круглыя или овальныя подвѣски изъ витовыхъ зубовъ, а кругомъ шеи обвивается нить хорошо отполированныхъ раковинъ; на плечъ коные футовъ въ двѣнадцать, или толстая дубина. Вотъ эти воины разсыпались по склонамъ двухъ противоположныхъ холмовъ; они поднимаютъ днѣй крикъ, нѣкоторые выступаютъ впередъ; непріятель, съ своей стороны, высмѣиваетъ отчаянныхъ храбрецовъ. Это происходитъ подъ градомъ камней, которые бросаютъ ловкіе пращники съ необыкновенною силою, и отъ которыхъ Нукагивыне умѣютъ отклоняться съ удивительнымъ искусствомъ. Вдругъ всѣ сталкиваются безъ всякаго порядка; кто палъ на полѣ сраженія, того или умерщвляютъ безъ пощады, или уводятъ въ плѣнъ и стерегутъ до торжественнаго праздника, когда изъ него приготовить лучшее блюдо для стола. Эта несчастная судьба плѣнниковъ заставляетъ дикарей съ остервененіемъ оборонять свою свободу. Объ партіи считаютъ за честь вырвать изъ рукъ непріятеля мертвыхъ или раненныхъ. Впрочемъ, уби-

тѣхъ бываетъ очень не много. Если на какомъ-нибудь сраженіи погибнетъ пять или шесть человекъ, то его считаютъ самымъ кровопролитнымъ. Партія, потерявшая большое число воиновъ, проситъ мира у побѣдителей или оставляетъ свою долину и ищетъ убѣжища у другихъ племенъ, либо предается въ рабство, а не то, просто переходитъ въ магазины съестныхъ припасовъ. Каждое племя строитъ одну или нѣсколько укрѣпленныхъ деревень, въ родѣ цитаделей, на неприступныхъ горахъ или въ равнинѣ близъ ущельевъ. Укрѣпленія Нукагиванъ не иное что, какъ взгроможденныя груды толстыхъ древесныхъ кряжей, за которыми возвышается нѣкотораго рода плать-форма съ парашетомъ; оттуда осажденные бросаютъ камни въ непріятеля. Чтобы разрушить эти твердыя массы, надо употребить всю силу европейской артиллеріи.

Видъ Нука-Гивы съ моря представляется грознымъ. Южный берегъ утѣвъ отвѣсными утесами, которые прорѣзываются только въ трехъ мѣстахъ главными заливами острова. Народонаселеніе Нука-Гивы простирается до семи или осьми тысячъ человекъ обою пола, тогда-какъ на всемъ архипелагѣ едва ли найдется двадцать-три тысячи душъ. Впрочемъ, подобныя смѣты не имѣютъ надежныхъ основаній; досихъ поръ успѣли осмотрѣть и разузнать только берега нѣкоторыхъ острововъ, а внутреннія ихъ страны остаются еще неизслѣдованными. Кажется, можно привіять за вѣрное одно обстоятельство, что народонаселеніе Маркизскихъ острововъ значительно уменьшилось съ того времени, какъ ликари стали употреблять огнестрѣльное оружіе.... Главное французское поселеніе основано при заливѣ Тайогае, при подошвѣ горы Тугивы, которую островитяне уступили Французамъ въ вѣчное владѣніе. Вся эта гора будетъ укрѣплена. На ней уже возвышается фортъ Коле и защищаетъ возникающую колонію.

По термометрическимъ наблюденіямъ Вальдграва, Маршана, Крузенштерва, Дюмовъ-д'Юрвила и дю-Пти-Туара, температура Маркизскихъ острововъ восходитъ отъ 26 до 29 градъ

дусовъ. Жары бываютъ здѣсь довольно сильныя, но морской вѣтеръ прохладяетъ температуру. Подъ вліяніемъ счастливаго климата, растительность быстро развивается въ долинахъ. Среди тѣнистыхъ рощей разстилаются прекрасныя пашни. Тамъ растетъ хлѣбное дерево, произведеніе полинезійскихъ странъ, съ стройнымъ, гибкимъ стволомъ, гладкою, бѣлою корою, золотистыми плодами и широкими, темнозелеными листьями; тамъ найдете кокосы, вкусныя аянасы, бананы и родъ вашихъ лимоновъ. Дерево баніановъ прикрываетъ туземцевъ своими широкими листьями; печальная казуарина, съ угрюмой зеленью, съ опустившимися вѣтвями, какъ плакучая ива, снабжаетъ ихъ твердымъ лѣсомъ, изъ котораго воины дѣлаютъ свои дубины. Сахарный тростникъ растетъ на всемъ архипелагѣ, на которомъ, вѣроятно, можно развести хлопчатую бумагу и кофе Антильскихъ острововъ. Флора, минералы, птицы здѣсь почти тѣ же, что и на Таити. Жители этихъ двухъ архипелаговъ принадлежатъ къ одному семейству. Во время Кука жители острова Христины понимали языкъ Тантянъ. Языкъ послѣднихъ имѣетъ болѣе вѣжности, чѣмъ языкъ Нукагиванъ, которые любятъ твердые и горестныя звуки. Ихъ фразы коротки, быстры, точны, какъ фразы еврейскія. Впрочемъ, энергическая рѣчь воинственныхъ племенъ Нука-Гивы, въ устахъ извѣженныхъ жителей острова Христины получаетъ болѣе пріятности и гармоніи. Въ этомъ языкѣ, какъ въ греческомъ, есть число двойственное, но нѣтъ сравнительной и превосходной степеней; вспомогательные глаголы не употребляются при сопряженіи другихъ глаголовъ; прилагательныя не измѣняютъ своихъ окончаній. Эти островитяне не знаютъ употребленія союзовъ; взаменъ того, у нихъ бездна междометій, которыми выражается живой характеръ народа. Ихъ поэзія блѣдна, бездушна; музыка уморительно-скудна и монотонна. За то у нихъ въ большій славъ искусство говорить; выразительная пантомима, игра глазъ и живыя движенія сопровождаютъ ихъ слова. Мало смотрѣть, когда дѣти восьми или двѣнадцати лѣтъ по цѣлымъ часамъ произво-

сят рѣчи передъ старыми. Трудно повѣрить, что вы слышите совершенно нагаго дикаря, который такъ же смѣло дѣйствуетъ передъ своими слушателями, какъ старый актеръ передъ партеромъ. У нихъ есть адвокаты мужскаго и женскаго пола, которые, подобно французскимъ адвокатамъ, защищаютъ въ судѣ своихъ кліентовъ.

Въ промышленности Маркизскіе острова уступаютъ другимъ странамъ восточной Полинезіи. Островитяне дѣлаютъ нѣкоторыя необходимыя орудія. Но постройка пироговъ почти совсѣмъ оставлена; туземцы покупаютъ или крадутъ суда у европейскихъ китолововъ. Употребленіе огнестрѣльнаго оружія распространяется болѣе и болѣе. Быть-можетъ, европейское полотно скоро смѣнитъ грубыя ткани изъ древесной коры. Эти ткани приготавлиются очень просто, и обыкновенно занимаются ими старухи. Онѣ снимаютъ кору съ известнаго дерева, мочатъ ее, разбиваютъ на деревянномъ брускѣ деревянной колотушкой, покуда она получитъ нѣкоторую плотность; такъ же поступаютъ съ другимъ кускомъ древесной коры и палочными ударами сплавиваютъ его съ первымъ; это повторяется до-тѣхъ-поръ, когда выйдетъ требуемое платье. Бѣда только, если дождь помочитъ эту ткань: она тотчасъ распадается на куски. Впрочемъ, потеря не важная: женщина въ одинъ день можетъ сдѣлать три кагу или верхнихъ платья. Дома на островахъ Маркизскихъ строятся почти такъ же, какъ и въ другихъ мѣстахъ Океаніи. Для примѣра, опишемъ дворецъ короля тауатскаго. Это просторная изба въ двадцать метровъ длины и въ пять ширины; она построена на берегу, подъ широкою тѣнью большихъ деревъ, на прямоугольной платформѣ; платформа обыкновенно дѣлается изъ камней и возвышается на одинъ метръ надъ почвою. Бамбуковая сплошная стѣна, на восточной сторонѣ поднимается до самой вершины кровли, которая спускается, подъ самымъ острымъ угломъ, на западной сторонѣ, около метра отъ платформы. Другія стѣны тоже сдѣланы изъ бамбука, съ тою только разницею, что оставленные между бамбуко-

выми жердями отвѣргія пропускаютъ воздухъ въ жилие. Входъ во дворецъ устроенъ на западной сторонѣ и такъ низко, что посетители непременно должны сгибаться въ дугу, когда проходятъ въ королевскіе покои, то есть, въ огромную комнату. Оконечности комнаты подняты выше середины на тридцать-пять сантиметровъ. Полъ устланъ сухою травой, на которую брошены рокожи. Дома частныхъ людей строятся по тому же образцу; по стѣнамъ ихъ и на крышахъ развѣшиваютъ топоры, военное оружіе и барабаны. Всѣ эти дома, говорить дю-Пти-Туаръ, показываютъ бѣдность, а по отдылкѣ и чистотѣ уступаютъ зданіямъ острововъ Сандвичевыхъ и Таити.

Въ небольшомъ разстояніи отъ дома, строятся еще зданіе, нѣ котораго рода столоваго зала. Семейство и гости, которыми любятъ окружать себя богатые островитяне, посѣщаютъ эти столовыя три раза въ день. Банановое дерево за-разъ доставляетъ имъ десертъ, скатерть и салфетки; другія деревья снабжаютъ ихъ чудесными плодами. Тамъ найдете молоко изъ кокосовыхъ орѣховъ, дылать, свиней, оленей и рыбу.

Жители Маркизскихъ острововъ вообще довольно красивы, а особенно мужчины. Испанскіе рассказы, кажется, слишкомъ преувеличивали красоту женщинъ. Дю-Пти-Туаръ говоритъ: «Мы замѣтили, во время одной поездки, молодыхъ дѣвушекъ съ хорошенькими личиками и пріятными формами; но всѣ онѣ имѣли болѣзненный видъ и были очень грязны.» Портеръ, долго жившій между островитянами Нука-Гивы, описываетъ стройный станъ, открытую фizioномію, бѣлые зубы и пронзительные взоры мужчинъ; но женщины показались ему не слишкомъ милосивными. Если онъ и находилъ иногда красавицъ, то упрекаетъ ихъ нескладной поступью и толстыми ногами. Цвѣтъ лица ихъ нѣсколько смуглый. Онѣ любятъ пощеголять нарядами и пококетничать и не слишкомъ хвастаются своей вѣрностию. Вѣрность, на взглядъ мужчинъ Маркизскихъ острововъ—совершенные пустяки. Дѣвушка лишь ждетъ своего замужества, чтобы оставить родительскій домъ,

предаться всѣмъ прихотямъ и вести самую свободную жизнь. Бракъ не обязываетъ ее ни къ вѣрности, ни къ постоянству; супружескія узы разрываются, безъ всякихъ церемоній, съ общаго согласія. Начальники племенъ имѣютъ иногда двухъ жень; но это случается рѣдко, между-тѣмъ-какъ нѣтъ ни одной женщины, которая не завела бы связи съ нѣсколькими мужчинами, что дѣлается съ согласія мужа. Иностранецъ обидитъ и мужа и жену, если откажется отъ подобной благосклонности какой-нибудь женщины. Островитянки сохраняютъ свою красоту до преклонныхъ лѣтъ; это зависитъ отъ ихъ беззаботной жизни, а преимущественно отъ того, что онѣ стараются укрываться отъ лучей тропическаго солнца. Во время прогулокъ, широкій пальмовый листъ служитъ имъ вмѣсто парасоля. Ихъ туалеты, кажется, такъ рассчитаны, чтобы ни одна прелесть не скрывалась платьемъ. На плеча небрежно набрасывается кусокъ матеріи, а короткая юбка чуть спускается ниже коленъ. Женщины любятъ купаться; онѣ плаваютъ съ удивительнымъ искусствомъ и на синихъ волнахъ моря забавляются какъ на зеленомъ лугу. Одна только часть туалета не можетъ понравиться иностранцу, — это кокосовое масло, которымъ онѣ намазываютъ тѣло и волосы.

Всѣ жители Маркизскихъ острововъ — людоеды. Человѣческое мясо предпочитается всякой другой пищѣ. Къ счастью Европейцевъ, бѣдые считаются нечистыми, и ихъ мясо, на вкусъ дикарей, не такъ пріятно. Они ставятъ себѣ за честь ѣсть своихъ непріятелей. Эти дикари храбры, но только противъ слабыхъ враговъ; а при равныхъ силахъ той и другой партіи, они никогда не нападаютъ другъ на друга. Они оказываютъ радушіе къ иностранцамъ, которыхъ боятся; но не опускаютъ случая обокрасть или убить, если предполагаютъ, что объ этомъ никто не узнаетъ и никто не вступится за это. Ихъ междоусобныя войны всегда возгораются отъ желанія завладѣть лучшими долинами, богатыми рощами хлебныхъ или кокосовыхъ деревьевъ и болѣе обильными ручьями.

Дикари Маркизскихъ острововъ съ неистовствомъ предаются своимъ удовольствіямъ; человѣкъ по шестидесяти соби-

раются въ домахъ табу, куда допускаются только члены и справляютъ тамъ свои праздники. На эти пиры приглашается развѣ одна женщина. Оргіи совершаются иногда на необитаемыхъ островахъ Савъ-Педро и Гудъ, или Каналъ и Массъ. Женщины, удостоившіяся присутствовать на оргіяхъ, гордятся своимъ преимуществомъ передъ другими и всѣми средствами домогаются такой чести.

На этихъ островахъ господствуетъ политеизмъ. Дикари слышатъ голосъ высшихъ силъ въ раскатахъ грома, въ завываніи бури, въ шелестѣ древесныхъ листьевъ и въ жужжаніи насекомыхъ. Своимъ божествамъ они оказываютъ глубокое почтеніе; ихъ изображенія вырѣзываются на маленькихъ дощечкахъ изъ человеческой кости, которыя вѣшаютъ на шею. Другія, низшія, божества изображаются на опалкахъ и дубинахъ. Эти божества не имѣютъ никакого нравственнаго вліянія на людей; ихъ оскорбляетъ человѣкъ только тогда, какъ не отдаетъ части, принадлежащей жрецамъ или не приноситъ предписанныхъ жертвъ. Очевидно, это сочиненіе жрецовъ. Идеи ихъ о душѣ человеческой довольно странны. Душа обитаетъ собственно въ брюхѣ; но какъ скоро человѣкъ умираетъ, душа переселяется въ подземныя страны или въ высшія области, смотря потому, кто былъ покойникъ въ здѣшнемъ мірѣ, какой-нибудь бѣднякъ или знатный и сильный человѣкъ. Души, блуждающія въ отдаленныхъ, печальныхъ долинахъ, часто возвращаются на землю и безпокоятъ живыхъ. Потому дикари ужасно боятся привидѣній и мертвецовъ.

Общественное богослуженіе ограничивается обрядами, совершаемыми въ Моряхъ (кладбище). Каждый при своей жизни заготавливаетъ себѣ гробъ или колоду съ крышкою, и ставитъ его въ своей хижинѣ, при стеченіи народа. По смерти знатныхъ лицъ, вы встрѣтите женщинъ, которыя плачутъ на-взрыдъ и раздраютъ ваше сердце своими воплями; но это не болѣе, какъ одинъ обрядъ. Покойники не зарываются въ землю: это считается безчестіемъ, и всего чаще достает-

ел на дою двущекъ, умирающихъ безъ потомства. Некоторые путешественники говорятъ, что съ мертвыхъ снимаютъ кожу и хранятъ ее въ такихъ мѣстахъ, куда не проникнетъ взоръ иностранца. Гробъ переносятъ въ какую-нибудь тѣнистую рощу и вьшаютъ его подъ склономъ вѣгвей. Мѣста погребенія считаются священными, *табу*; тамъ ставятъ небольшихъ идоловъ, поютъ, въ известное время, гимны, и совершаютъ годовщины, которыя продолжаются по нѣсколькимъ дней, смотря по состоянію покойника и его родственниковъ. На этихъ поминкахъ, гости съѣдаютъ множество свиней, которыхъ обыкновенно жарятъ цѣликомъ и разставляютъ, въ военномъ порядкѣ, на огромныхъ банановыхъ листьяхъ.

На острова Маркизскихъ не знаютъ никакой формы правленія; племена живутъ независимо другъ отъ друга и повинуются только естественному закону. Въ гражданскомъ быту известно одно отличительное титуло, *Арики*, что значитъ — владѣтель земли. Люди, заслужившіе уваженіе соотечественниковъ своими подвигами, получаютъ титуло Арикуну — главный начальникъ. Въ иной долинь встрѣтите нѣсколько такихъ начальниковъ; но ни одинъ изъ нихъ не получаетъ и не имѣетъ права требовать отъ народа подати или чего другаго. Они, впрочемъ, имѣютъ вліяніе на военныя дѣла. Начальники дѣйствуютъ всегда за одно съ жрецами, которые служатъ лучшими помощниками для достиженія ихъ цѣлей. Безъ ихъ участія, не утверждается ни одно общее *табу*. Табу играетъ важную роль въ политической и религіозной системѣ дикарей и распространяется на людей и на вещи. Табу даетъ людямъ преимущества чести или власти: начальники и дѣти ихъ — табу, по самому рожденію. Что касается до вещей, табу состоитъ въ запрещеніи дѣлать что-нибудь, входить въ известное мѣсто, сражаться на известной долинь или въ томъ, либо въ другомъ заливѣ, употреблять какую-нибудь пищу; табу запрещаетъ женщинамъ есть чужбическое мясо, входить въ дома мужчинъ и тому подобное, — решительно все, что жрецы или начальники вздумаютъ запретить народу, объявляется табу. Табу имѣетъ значеніе не

на однихъ Маркизскихъ островахъ, но у всѣхъ полинезийскихъ народовъ. Общее табу зависитъ отъ жрецовъ и начальниковъ; но каждый частный человекъ можетъ объявить свою собственность или свое владѣніе табу, что дѣлается очень просто: надо только сказать, что здѣсь пребываетъ душа какого-нибудь знатнаго покойника. Нарушитель закона табу привлекаетъ на себя гнѣвъ боговъ и, по суду ихъ, первый долженъ пасть въ день битвы, полъ ударами непріятеля. Жрецы съумѣли распорядиться такъ, что это преступленіе никогда не остается ненаказаннымъ и такимъ образомъ поддерживается вѣра въ ихъ предсказанія. Собирая дань уваженія, которое внушаетъ народу табу, жрецы окружаютъ себя таинственнымъ могуществомъ. Стюартъ раздѣляетъ ихъ на четыре класса. Въ головѣ ихъ стоитъ *атуа* или человекъ обожествленный; онъ поражаетъ толпу необыкновеннымъ присутствіемъ духа; сверхъестественнымъ могуществомъ укрощаетъ ярость стихій и проникаетъ тайныя мысли. Кругомъ его жилища царствуетъ ужасъ; туда проникаютъ лишь обреченные на вѣрную смерть. Ему приносятъ богатые подарки и совѣтуются съ нимъ, какъ съ оракуломъ. Такихъ воплощенныхъ боговъ очень не много; едва ли есть по одному на каждомъ островѣ. Ко второму классу относятся *тагуа*; долгъ его — передавать народу повелѣнія боговъ; жалкій фигляръ, чревоушатель, онъ является въ глазахъ дикарей существомъ свышевдохновеннымъ. Онъ требуетъ людей въ жертву богамъ, провозглашаетъ войну, предсказываетъ гибель враговъ, вообще разыгрываетъ роль, необходимую для политическихъ видовъ начальниковъ и *атуа*. Далѣе слѣдуетъ не такъ важное лицо, *тагуна*; онъ служитъ при моряхъ, поетъ гимны и приноситъ жертвы. Наконецъ, къ послѣднему разряду принадлежитъ *онгу*; чтобы получить это титуло, надо только убить непріятеля. Въ преимущества *онгу* ограничиваются тѣмъ, что ему позволено присутствовать на праздникахъ жрецовъ первыхъ разрядовъ. И такъ въ этомъ обществѣ, жрецъ и воинъ соединяются вмѣстѣ, чтобы владычествовать надъ народомъ, который не знаетъ ни уголов-

